

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ACTA

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаменъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состояла въ обменѣ изданіями въ прошломъ 1909 году, продолжать этотъ обменъ и въ текущемъ 1910 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 13 февраля 1910 г.

№ 317.

Ректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

Краткій отчетъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1909 годъ.	1— 43
--	-------

Приложенія.

П. А. Поляковъ. Основы гистологии съ элементами эмбриологии человѣка и позвоночныхъ	1313—1376
А. Н. Миклашевскій. Исторія политической экономіи.	465— 528
Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten II	225— 288
С. М. Михновъ. Къ ученію о механизмѣ родовъ. Выпускъ I. 4 таблицы.	1— 44

БРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Юрьевскаго Университета

ЗА 1909 ГОДЪ.

На предложенную богословским факультетомъ тему „Amphilochius von Iconium“ поступила одна работа подъ девизомъ „Τίς οὖν ἡμῶν ἡ τῆς πίστεως τελειότης ; ἡ τοῦ κυρίου παράδοσις“. Эта работа обнимаетъ 121 стран. Работа свидѣтельствуесть о большомъ прилежаніи и похвальномъ трудолюбіи автора. Онъ основательно ознакомился съ источниками и сумѣлъ ихъ использовать, при чемъ онъ однако болѣе или менѣе тѣсно примыкаетъ къ прежнимъ обработкамъ темы. Въ послѣдней части, гдѣ автору приходится высказать свое самостоятельное сужденіе, аргументація его оказывается не вполне удовлетворительной, но и тутъ сказывается серьезная попытка рѣшать научные вопросы. Въ виду названныхъ достоинствъ богословскій факультетъ присуждаетъ автору сочиненія подъ девизомъ „Τίς ἡμῶν“ etc.

золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ „Τίς οὖν ἡμῶν и т. д.“ содержалъ фамилію студента Бруно Гассельблата.

На темы „Das christologische Prolem“ и „Проповѣдь на текстъ Ев. Лук. 5, 1—11“ сочиненій не поступило.

На 1910 годъ богословскій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы :

1. „Die Rachepsalmen“.
2. „Taufe und Abendmahl bei Paulus, Symbol oder Mysterium?“
3. Проповѣдь на текстъ : „Ев. Лук. 5, 1—11“ (съ подробно основанною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозицію). (Вторично).

На предложенную юридическим факультетом тему: „ошибка чловѣка и ея значеніе, при вмѣненіи дѣянія этого лица ему въ вину“ представлено четыре сочиненія.

Сочиненіе подъ девизами: „In maleficiis voluntas spectatur, non rerum exitus“, „Der Charakter belastet, das Motiv entlastet“ имѣетъ 195 страницъ убористаго почерка in folio. Первые 82 страницы представлены въ бѣловой рукописи, а остальные 113 страницъ — въ черновой рукописи (с. 73—136).

Это сочиненіе раздѣляется на семь главъ слѣд. содержанія: Глава I-я — „Введеніе. Понятіе и виды ошибки вообще“ (Бѣл. рук. с. 1), II-я — „Ошибка учителя уголовного правонарушенія и ея виды“ (Бѣл. рук. с. 5), III-я — „Ученіе о фактической ошибкѣ“ (Бѣл. рук. с. 14), IV-я — „Ученіе о случаяхъ выполненія дѣйствія не надъ предполагаемымъ объектомъ (уклоненіе дѣйствія и ошибка въ объектѣ)“ (Бѣл. рук. 27), V-я — „Ученіе объ ошибкахъ въ причинной связи. — Dolus generalis“ (Бѣл. рук. 70), VI-я — „Ошибка въ правѣ (error juris)“ (Черн. рук. с. 93) и VII-я — „Ученія о негодномъ покушеніи (покушенія съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ)“ (Черн. рук. 157).

Заданная тема разработана авторомъ обстоятельно и большею частью правильно.

Авторъ добросовѣстно изучилъ въ литературныя пособія, рекомендованныя по данному вопросу юридическимъ факультетомъ, а въ обезпеченіе правильности ихъ пониманія, изложенія и критики основательно ознакомился съ важнѣйшими юридическими вопросами, тѣсно связанными съ заданной темой, — съ вопросами о причинной связи, умыслѣ и покушеніи.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ правильно изложилъ въ главныхъ чертахъ взгляды ученыхъ на ошибку и ея значеніе, при вмѣненіи дѣянія въ вину, хотя разобратъся въ этихъ взглядахъ было довольно трудно. Излагая же чужіе взгляды, онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ тщательно отмѣчалъ, у кого что взято и откуда.

Неправильное изложеніе чужихъ взглядовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ встрѣчается только изрѣдка. Напр., авторъ не совсемъ правильно передаетъ взглядъ Кольрауша на правило римскаго права: *ignorantia juris nocet, ignorantia facti non nocet* (Kohlrausch — *Irrtum und Schuldbegriff im Strafrecht*. Berlin. 1903. S. 86. — Черн. рук. 94). Или, напр., Кольраушъ (S. 90) выставяетъ разсматриваемое имъ явленіе причиной другихъ явле-

ній; авторъ же (Черн. рук. 114—115) передаетъ слова Кольрауша въ томъ смыслѣ, что данное явленіе обуславливаетъ собою другія явленія. Точно также авторъ утверждаетъ (Черн. рук. 112), будто, по моему мнѣнію, ошибка „никогда не устраняетъ умысла, если относится къ постановленію права уголовнаго“. А между тѣмъ я допускаю исключеніе въ этомъ отношеніи (Рус. уг. право. Вып. I. с. 347), остроумно обращаемое противъ меня впоследствии самимъ же авторомъ (Черн. рук. 134—135).

Излагая свои сужденія, авторъ тщательно отдѣляетъ ихъ отъ чужихъ и даетъ полную возможность отграничить его собственныя соображенія и заключенія отъ чужихъ взглядовъ.

Сужденія автора обыкновенно отличаются осторожностью, обдуманностью и большей или меньшей обоснованностью.

Иногда однако встрѣчаются и промахи.

Напр., опредѣляя понятіе объ ошибкѣ (Бѣл. рук. 1), авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на ошибкѣ въ сужденіи и упускаетъ изъ виду ошибку въ ощущеніи.

Пытаясь самостоятельно рѣшить вопросъ о вѣнненіи въ вину, въ случаѣ ошибки въ объектѣ, и разясняя свое рѣшеніе на примѣрѣ, авторъ, вопреки особенности разсматриваемыхъ случаевъ, совершенно неправильно утверждаетъ, будто умыселъ посягателя въ моментъ осуществленія преступленія, на мѣстѣ преступленія, состоятъ не въ томъ, чтобы посягнуть на ранѣе намѣченный объектъ, какъ это было задумано и рѣшено ранѣе, а въ томъ, чтобы посягнуть на объектъ, находящійся въ этотъ моментъ передъ этимъ лицомъ на мѣстѣ преступленія (Бѣл. рук. 64—66). Приписывая посягателю этотъ умыселъ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что у посягателя во время осуществленія преступленія существуетъ ошибка относительно объекта.

То „обстоятельство, что нѣкое лицо находится въ данномъ мѣстѣ, совершенно опредѣляетъ его“, т. е. эту личность въ глазахъ убійцы, говоритъ авторъ, разсматривая свой примѣръ (Бѣл. рук. 65). Это утвержденіе однако было бы правильно только въ томъ случаѣ, если бы посягатель рѣшился убить всякаго человѣка, который появится передъ нимъ на мѣстѣ преступленія. Но это утвержденіе совершенно не вѣрно въ разбираемомъ случаѣ, такъ какъ посягатель рѣшился убить жертву, опредѣленную не мѣстомъ преступленія, а индивидуальными признаками. Ошибочное предположеніе ихъ присутствія у лица, явившагося на мѣстѣ преступленія передъ злоумышленникомъ, и

вызвало злоумышленника на учиненіе посягательства надъ этимъ лицомъ.

Исходя изъ невѣрныхъ соображеній, авторъ даетъ невѣрное рѣшеніе и занимающему его вопросу о вмѣненіи въ вину при ошибкѣ въ объектѣ (Бѣл. рук. 66) и затѣмъ строить на этомъ непрочномъ фундаментѣ свое рѣшеніе по вопросу о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ (Черн. рук. 185—186).

Увлекаясь ученіемъ С. П. Мокринскаго о потенциальномъ моментѣ дѣйствія (Наказаніе, его цѣли и предположенія. Томскъ. Ч. III. с. 404; 406; 408—409), авторъ ставитъ отличительнымъ признакомъ умысленности преступнаго результата не предвидѣнность, а только предвидимость причинной связи для посягателя (Черн. рук. 84—86; 88). Ставъ же на эту точку зрѣнія, мы должны признать умысленнымъ и такой преступный результатъ, на который простирается въ дѣйствительности лишь неосознаваемая неосторожность посягателя. А неминуемое смѣшеніе умысла съ неосознаваемой неосторожностью служить яснымъ доказательствомъ несостоятельности того разграничительнаго признака умысленности, который неизбѣжно приводитъ послѣдовательнаго примѣнителя къ этой роковой ошибкѣ.

Проводя идею фонъ Гиппеля (v. Hippel — *Vorsatz, Fahrlässigkeit, Irrtum, Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allgemeiner Teil. II. Band* Berlin. 1908. S. 592—593), что въ составъ умысла входитъ и сознаніе посягателя о противности замышленнаго дѣянія долгу, установленному закономъ или нравственностью, авторъ говоритъ, что въ составъ умысла входитъ и сознаніе посягателя о предосудительности задуманнаго дѣянія, т. е. о несоотвѣтствіи дѣянія „этической нормѣ вообще (безразлично правовой или нравственной)“ (Черн. рук. 143. См. также 154). Утверждая же это, авторъ производитъ вредное смѣшеніе права съ нравственностью. Культурное государство, руководясь принципомъ всесторонняго, возможно большаго народнаго благосостоянія, должно признавать единственнымъ источникомъ общаго уголовного права только уголовный законъ, а преступнымъ — только то, что законъ призналъ преступнымъ (*nullum crimen sine lege*), не должно отождествлять сферы уголовного права съ сферой нравственности, должно признавать преступными лишь многія изъ дѣяній, противныхъ нравственности, но далеко не все, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно признавать преступными и многія изъ дѣяній, безразличныхъ въ нравственномъ от-

ношеніи. А при такихъ условіяхъ, культурное государство сдѣлаетъ большую ошибку, если признаетъ сознаніе предосудительности задуманнаго дѣянія необходимымъ признакомъ умысла. Это чувствуетъ до нѣкоторой степени и самъ авторъ, такъ какъ онъ допускаетъ вмѣстѣ съ Гиппелемъ (v. Hippel — S. 590—591; 593), въ видѣ исключенія, наличность умысла въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при отсутствіи сознанія у посягателя о предосудительности задуманнаго дѣянія (Черн. рук. 154).

Разбираемое сочиненіе написано большею частью довольно гладкимъ слогомъ, ясно, просто, дѣльно. Тяжелыя фразы попадаются рѣдко и при томъ только въ черновой рукописи (с. 82; 124; 148; 165; 178). Неясныя или несовѣмъ складныя фразы и неправильныя или неудачныя выраженія встрѣчаются, но, при большомъ объемѣ рукописи, ихъ сравнительно немного (Бѣл. рук. 9; 27; 37; 51; 75. — Черн. рук. 118; 121; 131; 132; 141; 181). Грамматическихъ ошибокъ и ошибокъ въ согласованіи словъ также сравнительно немного (Бѣл. рук. 23; 26; 40. — Черн. рук. 104; 107; 127; 145; 167). Описокъ много, особенно въ черновой рукописи.

Достоинства этого сочиненія гораздо выше его недостатковъ. Его содержаніе имѣетъ, несомнѣнно, научный характеръ и обнаруживаетъ не только добросовѣстность и трудолюбіе автора, но и способность къ научной работѣ.

Поэтому юридическій факультетъ призналъ автора сочиненія подъ девизами: „In maleficiis voluntas spectatur, non rerum exitus“, „Der Charakter belastet, das Motiv entlastet“ достойнымъ

золотой медали.

Конвертъ съ девизами „In maleficiis voluntas и т. д.“ содержалъ фамилію студ. IV курса юридич. фак. Эльяша Йоселя Зельмановича Геллера.

Сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ: „Summum jus Summa injuria“ занимаетъ 63 страницы in folio, написано спѣшнымъ, не совѣмъ разборчивымъ почеркомъ, съ своеобразнымъ начертаніемъ нѣкоторыхъ буквъ, при которомъ, напр., буква „а“ пишется то въ родѣ буквы „о“, то въ родѣ буквы „е“. Слогъ — шероховатый. Неправильныхъ выраженій много (с. 2; 3; 4; 6; 11; 12; 14; 16; 21; 23; 27; 30; 31; 32; 35; 36; 45; 47; 53). Есть неясности, неудобныя выраженія и тяжелыя фразы. Грамматическихъ ошибокъ очень мало (с. 10; 21; 24).

Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на введеніе, три части и заключеніе. Во введеніи — два отдѣла: 1-й озаглавленъ словами — „Психологическая природа ошибки и условія ея происхожденія“ (с. 1), а 2-й — „Классификація различныхъ видовъ ошибки вообще и въ области уголовного права въ особенности“ (3). I-я часть не имѣетъ общаго заглавія и раздѣляется на два отдѣла, 1-й изъ которыхъ озаглавленъ словами: „Фактическая ошибка“ (13), а 2-й — „Юридическая ошибка“ (19). II-я часть также не снабжена заглавіемъ, а раздѣлена на четыре отдѣла: 1-й — „Покушенія надъ негоднымъ объектомъ“ (27), 2-й — „Покушенія съ негоднымъ средствомъ“ (33), 3-й — „Мнимыя преступленія“ (45) и 4-й — „*Dolus generalis*“ (46). III-я часть также не имѣетъ заглавія и раздѣляется на два отдѣла: 1-й стоитъ подъ заглавіемъ — „*aberratio ictus*“ (49), а 2-й — „*Error in objecto*“ (57). Заключение (62) излагаетъ взглядъ автора на его работу и не совсемъ ясныя соображенія, приведшія автора къ его девизу.

Авторъ обнаружилъ трудолюбіе. Онъ познакомился какъ съ литературными пособиями, рекомендованными юридическимъ факультетомъ, такъ и съ нѣкоторыми добровольно избранными нѣмецкими писателями, при чемъ сдѣлалъ въ своей работѣ много выписокъ изъ нѣмецкихъ сочиненій, безъ перевода ихъ на русскій языкъ. Содержаніе рекомендованныхъ сочиненій не изучено авторомъ въ надлежащей полнотѣ. Вслѣдствіе этого и заданная тема не получила основательной и правильной разработки.

Принимая во вниманіе трудность темы и трудолюбіе автора сочиненія подъ девизомъ: „*Summum jus Summa injuria*“, юридическій факультетъ удостоилъ автора

почетнаго отзыва.

Конвертъ съ девизомъ „*Summum jus Summa injuria*“ содержалъ фамилію студ. юридич. факультета Макса фонъ Гаффнера.

Сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ: „*Errare humanum est*“ содержитъ 60 страницъ in folio. Слогъ — пероховатый. Неправильныхъ выраженій очень много (с. 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 12; 15; 18; 19; 20; 22; 23; 26; 30; 35; 38; 39; 43; 44; 50; 53; 54; 55; 56; 57; 59; 60). Нескладныхъ выраженій много. Есть неясныя и неудобныя выраженія, неясныя и тяжелыя фразы. Грамматическихъ ошибокъ немного (19; 25; 35; 40; 46; 57).

Это сочинение раздѣлено авторомъ на пять частей подлѣ слѣд. заглавіями: I-я часть — „Понятіе объ ошибокѣ и виды ошибокъ“ (с. 1), II-я — „Error juris“ (9), III-я — „Error facti“ (29), IV-я — „Error in objecto и aberratio ictus“ (33) и V-я — „Негодное покушеніе“ (49).

Авторъ познакомился со всѣми сочиненіями, рекомендованными Юридическимъ факультетомъ по вопросу объ ошибокѣ и ея значеніи, при вмѣненіи дѣянія въ вину, за исключеніемъ сочиненій Г. Е. Колоколова и Р. Гарро, но взгляды изучаемыхъ представителей науки изучилъ и изложилъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недостаточно и не всегда правильно.

Сочиненіе автора представляетъ собой пространнѣй, порядочно составленный конспектъ на заданную тему объ ошибокѣ, съ болѣе или менѣе обстоятельнымъ изложеніемъ двухъ вопросовъ, а именно — вопроса объ ошибокѣ въ правѣ (с. 9) и вопроса объ ошибокѣ въ объектѣ и уклоненіи дѣйствія (33).

Юридическій факультетъ удостоилъ автора сочиненія подлѣ девизомъ: „Errare humanum est“

почетнаго отзыва.

Конвертъ съ девизомъ „Errare humanum est.“ содержалъ фамилію студента 3-го курса юрид. фак. Лейбы Залмановича Гуляка.

Сочиненіе на ту же тему подлѣ девизомъ: „Много тысячеклѣтій существуетъ право“ имѣеть 112 страницъ очень разгонистаго почерка in folio. Слогъ — неровный: на первыхъ 14-ти страницахъ — шероховатый, съ нерѣдкими грамматическими ошибками (с. 3; 4; 9; 10; 11; 13; 14), неправильными и нескладными выраженіями и тяжелыми фразами (3; 5; 6; 7—8; 9; 13), а на дальнѣйшихъ 98-ми страницахъ — болѣе гладкихъ, съ очень рѣдкими, несоответствующими научной работѣ митинговыми изрѣченіями (65; 95), съ довольно рѣдкими грамматическими ошибками (57; 59; 60; 69; 73) и неправильными выраженіями (26; 30; 60; 64; 68), но съ нерѣдкими нескладными выраженіями (27; 30; 34; 39; 40; 57; 66; 69; 73; 90; 91; 93; 106; 109), тяжелыми фразами (41; 48; 49; 61; 62; 74; 75; 77; 93; 100; 102) и неясностями (29; 53; 62; 64; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 75; 83; 85; 91; 92; 95; 103; 106; 108; 109). Описокъ на первыхъ 14-ти страницахъ довольно много, а на дальнѣйшихъ сравнительно мало.

Авторъ не дѣлитъ своего сочиненія ни на какія части или

главы, но тѣмъ не менѣе, по разницѣ рода работъ, исполненныхъ авторомъ, оно можетъ быть раздѣлено на четыре части.

I-я часть представляетъ собой ознакомленіе читателей авторомъ съ ученіями писателей объ ошибокѣ человѣка и ея значеніи, при вмѣненіи дѣянія этого лица ему въ вину (с. 2—29).

Изъ 4-хъ иностранныхъ сочиненій, рекомендованныхъ Юридическимъ факультетомъ въ качествѣ необходимыхъ пособій для сочиненія на эту тему, авторъ не изучилъ и не изложилъ, какъ слѣдуетъ, ни одного. Такъ, о взглядѣ Гарро у автора вовсе не упоминается. Отъ изложенія взглядовъ Алльфельда авторъ уклонился (с. 9). Ученіе фонъ Гипшеля не изложено, а только намѣчено неясно и поверхностно въ нѣкоторыхъ пунктахъ (9—10). А отъ Кольрауша взято для передачи нѣсколько мыслей, далеко не исчерпывающихъ круга его идей, имѣющаго отношеніе къ ученію объ ошибокѣ (27—28).

Изъ рекомендованныхъ русскихъ писателей особенно не почастливилось С. П. Мокринскому. Авторъ не только не изучилъ Мокринскаго, но осыпалъ его упреками и предположилъ у Мокринскаго такое понятіе о „потенціальномъ моментѣ“, которое не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ взглядомъ этого писателя (25—27).

Рекомендованныя сочиненія прочихъ русскихъ писателей изучены и изложены неровно: одни больше, другія меньше. При изложеніи взглядовъ этихъ писателей, авторъ нерѣдко стремится отдѣлаться отъ человѣка, какъ можно скорѣе (см. изложеніе взглядовъ М. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго (5; 7), Г. Е. Колоколова (7—8), А. Ф. Кистяковскаго (22—23), Н. С. Таганцева (23—25)), и дѣлаетъ существенные пропуски въ излагаемыхъ ученіяхъ, а иногда и невѣрно передаетъ мысли писателей (5; 25; 27), въ особенности на дальнѣйшихъ страницахъ во II-й части своего сочиненія (33; 34; 35; 36; 43; 45; 50).

Писатели приведены подъ рядъ, безъ всякой систематизаціи ихъ взглядовъ и безъ соблюденія хронологическаго порядка.

II-я часть сочиненія (с. 29—54) посвящена авторомъ принципиальному отрицанію всѣхъ существующихъ ученій объ ошибокѣ и ея значеніи, при вмѣненіи дѣянія въ вину. Авторъ отвергаетъ всѣ эти ученія (46—48) потому, что они исходятъ изъ такихъ понятій о преступленіи, въ которыхъ преступленіе такъ или иначе неразрывно связано съ виновностью или психикой учинителя. По мнѣнію же автора, такое понятіе о преступленіи не удовлетвори-

тельно, такъ какъ оно, по словамъ автора, беззащитно „против атакъ психологiи“, съ ея различными взглядами на психику чело-вѣка (46—47), и противорѣчить утвержденiю автора, что „явленiе юридическое можетъ имѣть только юридическую причину“ (48).

Эти взгляды автора нельзя признать правильными. Если, опредѣляя понятiе преступленiя, мы разорвемъ связь преступленiя съ психикой учинителя, то логически придемъ къ заключенiю, что для наличности преступленiя не нужно никакой вины со стороны учинителя. А между тѣмъ принципъ: „безъ вины нѣтъ преступленiя“, это — принципъ культурнаго уголовного права, принципъ науки, выработанный долгими усилiями культуры, настоятельно необходимый въ области уголовного права для правильной расцѣнки челевѣческихъ поступковъ, съ точки зрѣнiя насущныхъ разнообразныхъ развитыхъ интересовъ народнаго благосостоянiя.

Атаки психологiи, съ ея научно укрѣпленныхъ позицiй, противъ положенiй уголовного права не только не страшны, но желательны въ интересахъ прогресса въ области этого права. Въ атакахъ же съ научно не укрѣпленныхъ позицiй нѣтъ ничего опаснаго.

Утверждая, будто юридическое явленiе можетъ имѣть только юридическую причину, авторъ проводитъ взглядъ на причинную связь, далеко не соответствующiй фактамъ дѣйствительности. Примѣняя же этотъ взглядъ къ преступленiю, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду современныя ученiя объ индивидуальныхъ, социальныхъ и космическихъ факторахъ преступности.

III-я часть сочиненiя (с. 54—111) представляетъ собой попытку самостоятельнаго проложенiя пути авторомъ къ составленiю самостоятельнаго ученiя объ ошибкахъ, не доведенную, за недостаткомъ времени до конца. Авторъ стремится проложить себѣ этотъ путь частью съ помощью знанiй, а главнымъ образомъ съ помощью различныхъ фантазiй, отличающихся болѣе неожиданностью, чѣмъ правдоподобностью. Таковы, напр., фантастическое представленiе автора объ общественности, какъ о „суммѣ субъективно-объективныхъ процессовъ“ (68) „обмѣна общественнаго вещества“ (65) между челоуѣкомъ и „всей суммой однородныхъ с нимъ существъ“ (68), или фантазiи о тождествѣ права и общества (75), о тождествѣ физическаго лица т. е. челоуѣка съ юридическимъ лицомъ (96—97), или фантазiя о томъ, будто „челоуѣкъ“, составляя „юридическое лицо“, „самъ состоитъ изъ безчисленнаго множества субъектовъ, находящихся между собою въ правоотноше-

ніях“ (97), и что этими субъектами являются „отдѣльныя категоріи клѣток“ въ чловѣкѣ (98—99), или фантазія о вѣчномъ безконечномъ ненарушимомъ господствѣ права въ мірѣ (102), или голословное утвержденіе, что „правонарушеніе“ „должно быть нами конструировано какъ правоотношеніе sui generis“ . . . (103).

Съ помощью логики и научныхъ приѣмовъ изслѣдованія дѣйствительности, нельзя ни въ какомъ случаѣ оправдать этихъ и тому подобныхъ фантазій, а, въ виду этого, и за переполненной ими III-й частью сочиненія нельзя признать никакого научнаго значенія.

IV-я часть сочиненія (с. 111—112) посвящена авторомъ заявленію объ отсроченіи изложенія самостоятельнаго ученія относительно ошибки впредь до „рѣшенія обоихъ проблем“ (111), и спѣшному разрѣшенію вопросовъ объ ошибкахъ въ объектѣ и уклоненіи дѣйствія (111—112). Вопросъ о виновности учителя въ этихъ категоріяхъ случаевъ, представляющей немало трудностей, признается авторомъ за „вопросъ социологическаго знанія“ и не разсматривается. Авторъ довольствуется признаніемъ присутствія виновности въ этихъ случаяхъ и, не разбирая „рода ея“, утверждаетъ, что „этого вполне достаточно, чтобы рѣшить вопросъ социальномеханическаго знанія представляютъ ли эти случаи два преступленія в ихъ идеальной совокупности или же только одно умышенное“. За рѣшеніемъ этого вопроса авторъ рекомендуетъ обратиться къ законодательствамъ, а, при молчаніи законодательства, къ судебной практикѣ и обычаю. Какъ они рѣшатъ, такъ тому и быть.

Цѣня самостоятельность въ умственномъ трудѣ, при всѣхъ недостаткахъ и незаконченности сочиненія подь девизомъ: „Много тысячелѣтій существуетъ право“ Юридическій факультетъ нашель возможнымъ дать автору этого сочиненія

ПОТЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ.

Конвертъ съ девизомъ „Много тысячелѣтій существуетъ право“ содержаль фамилію студ. 4-го курса юрид. фак. Гуго Адольфовича Андерсона.

Представленное, на тему: „О Высочайше утвержденномъ при Святѣйшемъ Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссийскаго собора“, сочиненіе подь девизомъ: „Должно повиноваться больше Богу, нежели чловѣкамъ“. (Дѣян. 5, 29 ст.) заключаетъ въ себѣ XIV

518 стр. in folio. Оно содержитъ, кромѣ предисловія (стр. I—XIV) двѣ вводныя статьи: I „Взаимоотношеніе церкви и государства въ Византіи и Россіи до начала XVIII вѣка (стр. 1—25) и II „Современный строй русской церкви и его недостатки (стр. 25—122) обстоятельное изложеніе „дѣятельности Высочайше утвержденнаго при Св. Синодѣ особаго Присутствія по всеѣмъ его семи отдѣламъ (IV и V гл.) (стр. 123—150; 151—165) при чемъ, предварительно разсматриваетъ „вопросъ о реформѣ въ устройствѣ русской церкви“ и излагаетъ обстоятельства, вызвавшія „созывъ особаго Присутствія для разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Всероссийскаго помѣстнаго Собора“ (гл. III) (стр. 123—150) и заключеніе, подъ заглавіемъ: „Общія собранія и итоги дѣятельности особаго Присутствія“ (гл. VI) (стр. 505—515).

Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ говоритъ (стр. I), что онъ не ограничился простымъ описаніемъ дѣятельности особаго Присутствія съ чисто виѣшней стороны. „Жизненность изслѣдуемыхъ вопросовъ, интересъ къ церковной жизни вообще“ — заставили его выйти изъ указанныхъ рамокъ. Это расширеніе задачи сочиненія должно быть поставлено въ заслугу его автору; оно же, къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, послужило источникомъ недостатковъ послѣдняго.

Представленное сочиненіе, по добросовѣстности исполненія и основательности изученія огромнаго матеріала, относящагося къ работамъ Предсоборнаго Присутствія, является рѣдкимъ исключеніемъ въ ряду студенческихъ сочиненій, подаваемыхъ для соисканія медали. Авторъ обстоятельно изучилъ не только журналы и протоколы Предсоборнаго Присутствія, отзывы епархіальныхъ архіереевъ (состоящіе изъ нѣсколькихъ тысячъ страницъ), но и обширную литературу даннаго вопроса, при чемъ литература эта указана авторомъ въ его предисловіи на стр. VII—XIV. Сочиненіе содержитъ въ себѣ массу цитатъ и ссылокъ, что придаетъ ему серьезный, вполне научный, характеръ; благодаря ясности изложенія сочиненіе читается весьма легко и даетъ полную картину дѣятельности всеѣхъ отдѣловъ и общихъ собраній Предсоборнаго Присутствія.

Тѣмъ досаднѣе для рецензента видѣть крупныя недостатки той части работы, которую авторъ добровольно взялъ на себя, выйдя изъ „указанныхъ рамокъ“. Его критическія замѣчанія представляющія, большею частью, даже не свои мнѣнія, а чужія выпски, являются часто мало-основательными, не относящимися

къ дѣлу, при чемъ авторъ, въ погонѣ за хлесткой фразой, часто допускаетъ въ своемъ сочиненіи выраженія рѣзкія и не умѣтныя (см. стр. 46, 49, 50, 51, 52, 62, 512, 513 и др., особенно стр. 215 и 515). Владѣя обширною литературою, авторъ часто не умѣетъ различать достоинствъ того, или другого сочиненія: авторитетно возражая такимъ ученымъ въ области церковнаго права, какимъ былъ, напримѣръ, покойный профессоръ Н. С. Суворовъ (см. стр. 59), онъ столь же авторитетно приводитъ, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, выписки изъ газетъ, заключающія въ себѣ мало основательныя, но почему либо пріятныя ему сужденія. Однако, не смотря на указанные выше недостатки, которые легко могутъ быть устранены простымъ исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ изъ сочиненія, оно заслуживаетъ полнаго одобренія. Надо было потратить много труда, чтобы въ короткій промежутокъ времени — съ марта по октябрь (стр. VI) написать столь обширную по объему и столь обстоятельную по содержанию работу.

Поэтому юридическій факультетъ присудилъ автору сочиненія девизомъ: „Должно повиноваться больше Богу, нежели челоукамъ Дѣян. 5, 29 ст.“ —

золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ „Должно повиноваться и т. д.“ содержалъ фамилію студ. VII семестра юридич. фак. Θεодора Ивановича Суетова.

На 1910 годъ юридическій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1. По гражданскому праву: Семейное и наследственное обычное право въ Россіи“.
2. По исторіи философіи права: „Ученіе Владиміра Соловьева о правѣ, нравственности и государствѣ въ связи съ его общей философскою системою“.

На предложенную медицинскимъ факультетомъ тему „Вліяніе лецитиновъ на дѣятельность вырѣзаннаго сердца“ представлена работа подъ девизомъ: „Наблюденіе въ опытъ суть главные пути къ познанію истинъ“.

Эта экспериментальная работа имѣетъ предметомъ изслѣдованія вопросъ о вліяніи лецитиновъ на дѣятельность вырѣзаннаго сердца теплокровныхъ животныхъ. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ проф. В. Данилевскимъ и его учениками, показавшими, что

лецитинъ дѣйствуетъ на вырѣзанное сердце животныхъ стимулирующимъ образомъ. Такое вліяніе лецитиновъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что лецитинъ не немногими физиологами, фармакологами и терапевтами разсматривается какъ вещество, способное стимулирующе дѣйствовать вообще по животный организмъ (В. Данилевскій, Умиковъ, Lancegeaux, Сивцовъ и др.).

Касательно вліянія лецитиновъ на дѣятельность вырѣзаннаго сердца надо замѣтить, что 1) это вліяніе недостаточно полно выяснено и 2) нѣкоторыми авторами (напр. Каковскій) оно не признается. Въ виду этого обстоятельства является желательнымъ проверить имѣющіяся въ литературѣ экспериментальныя данныя по данному вопросу.

Въ разсматриваемой работѣ приводится достаточно экспериментальныхъ данныхъ, которыя получены авторомъ работы и которыя, мнѣ кажется, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія стимулирующее вліяніе лецитиновъ на вырѣзанное сердце теплокровныхъ, по крайней мѣрѣ кроликовъ и кошекъ, — проявляющееся при извѣстныхъ состояніяхъ сердца, нормальнаго, или отравленнаго.

Экспериментальной части работы предшествуетъ введеніи (стр. 1—53), гдѣ кратко описываются физиолого-химическія свойства лецитиновъ, распространеніе ихъ въ растительномъ и животномъ царствахъ, значеніе ихъ для животнаго организма и пр.

Въ экспериментальной части авторъ сначала знакомитъ въ исторической послѣдовательности съ общею методикою работъ съ вырѣзаннымъ сердцемъ (стр. 34—53), послѣ чего онъ переходитъ къ описанію полученія имъ лецитиновъ, приготовленія лецитиновыхъ эмульсій для опытовъ приготовленія питательной жидкости (Ringer-Locke), вырѣзыванія сердца, общей постановки его опытовъ и пр. (стр. 54—79). Далѣе слѣдуетъ описаніе 50 отдѣльныхъ опытовъ, изъ которыхъ первые 18 (восемнадцать) произведены на нормальномъ, не отравленномъ сердцѣ. При описаніи каждаго опыта имѣется подробный протоколъ и рядъ выводовъ.

Изъ приводимыхъ авторомъ его опытныхъ данныхъ, относящихся къ названнымъ 18 опытамъ (стр. 79—232), видно, что лецитинъ даже при такихъ незначительныхъ разведеніяхъ, какъ 1 : 1000000—1 : 500000, могутъ обнаруживать стимулирующее вліяніе на вырѣзанное сердце, когда работа этого послѣдняго ослабѣваетъ. Только въ 22% всѣхъ опытовъ автора не наблюдалось этого вліянія. Авторъ подчеркиваетъ зависимость указаннаго дѣйствія лецитиновъ отъ тѣхъ или другихъ особенностей работы ис-

пытываемаго сердца. Онъ правильно анализировалъ вліяніе лецитиновъ на интензивность сердечныхъ сокращеній, частотъ этихъ послѣднихъ, правильность ритма, сосуды сердца и пр.; имъ замѣчено послѣдѣйствіе лецитиновъ. Разсматриваемое дѣйствіе лецитина иллюстрируется кривыми первыхъ восемнадцати таблицъ.

Дальнѣйше испытывалось оживляющее вліяніе лецитиновъ при отравленіи сердца хининомъ (—4 опыта), этиловымъ алкоголемъ (—5 опытовъ), хлораль-гидратомъ (8 опытовъ), хлороформомъ (4 опыта), феноломъ (4 опыта), антипириномъ (1 опытъ), дигиталиномъ (3 опыта) и строфантинномъ (1 опытъ).

Описанію указанныхъ серій опытовъ предшествуетъ краткое изложеніе относящихся къ данной серіи литературныхъ данныхъ касательно вліянія примѣняемаго яда на вырѣзанное сердце. Опыты, въ общемъ, производились такъ, что вырѣзанное сердце постепенно и осторожно отравлялось тѣмъ или другимъ изъ названныхъ веществъ, послѣ чего испытывалось оживляющее вліяніе лецитиновъ, которые прибавлялись къ питательной нормальной жидкости въ постепенно повышающихся количествахъ. Надо замѣтить, что при этихъ опытахъ авторъ старался попутно провѣрить литературныя данныя, относящіяся къ фармакодинамикѣ примѣняемаго вещества, какъ средства дѣйствующаго на вырѣзанное сердце. Изъ такихъ попутныхъ повѣрочныхъ опытовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ опыты съ хлораль-гидратомъ. Оказалось, что названное вещество даже при относительно высокихъ концентраціяхъ (1:5000—1:2000) можетъ не вызывать отравленія вырѣзаннаго сердца, и что вообще, вырѣзанное сердце (кроликовъ и кошекъ) резистентно по отношенію къ этому средству, чего трудно было-бы ожидать а priori. Далѣе, очень характерно сильно возбуждающее вліяніе разсматриваемаго снотворнаго на вырѣзанное сердце, и именно наблюдаемое тогда, когда это вещество берется въ слабыхъ разведеніяхъ (см. напр. оп. № 31). Заслуживаетъ также вниманія очень слабое вліяніе антипирина на вырѣзанное сердце и пр. Въ результатѣ опытовъ автора оказалось, что лецитины дѣйствуютъ на вырѣзанное сердце довольно сильно оживляющимъ образомъ при отравленіи его такими ядами, какъ этиловый алкоголь, хлороформъ, хлораль-гидратъ и пр., — подъ вліяніемъ которыхъ сердце останавливается въ діастолѣ; и не вліяютъ оживляющимъ образомъ на сердце тогда, когда оно отравляется ядами, останавливающими его въ систолѣ (-дигиталинъ, строфантинъ).

Опыты автора иллюстрируются почти 1500 кривыхъ, приведенныхъ имъ въ 59 таблицахъ.

Въ общемъ работа написана довольно хорошимъ научнымъ русскимъ языкомъ; очевидно, авторъ довольно удовлетворительно освоился съ литературою въ вопросъ лецитиновъ и литературою, относящеюся къ влиянію испытанныхъ имъ веществъ на вырѣзанное сердце. Повидимому, авторъ обладаетъ довольно хорошею теоретическою подготовкою по физиологіи сердца. Выводы, сдѣланные авторомъ, вполне состоятельны съ научной стороны, — по крайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ нихъ, — и вполне обоснованы и литературными данными, и данными его собственныхъ опытовъ.

Работа не лишена и недостатковъ. Къ наиболѣе существеннымъ недостаткамъ относится излишняя краткость изложенія, въ особенности нѣкоторыхъ ея отдѣловъ.

Принимая во вниманіе вышеуказанное, медицинскій факультетъ призналъ работу, представленную подъ девизомъ „Наблюденіе и опытъ суть главные пути къ познанію истины“, исполненною весьма удовлетворительно и достойною

золотой медали.

Конвертъ подъ девизомъ „Наблюденіе и опытъ и т. д.“ содержалъ фамилію студ. IV курса медиц. фак. Мордуха-Мовши Вольфовича Кацнельсона.

Работа на тему „Исслѣдованіе памяти по методу Мюллера и Шумана“ подъ девизомъ „Счастливейшимъ можно назвать того, кто даетъ счастье другому“ состоитъ изъ четырехъ частей.

Въ первой части авторъ старается установить значеніе экспрементальной психологіи; ввиду крайней трудности этого вопроса авторъ ограничился лишь крайне краткой и общей защитой экспремента въ психологіи; впрочемъ этотъ вопросъ и не входилъ въ тему, заданную для работы, а потому незначительность этой главы не можетъ быть поставлена въ упрекъ автору.

Во второй части кратко изложено резюме ученія о памяти; ввиду громадной литературы предмета, конечно, просто невозможно всестороннее освѣщеніе этого вопроса; въ заслугу автору слѣдуетъ поставить, что онъ хотя кратко, но безъ пропусковъ, изложилъ факторы памяти и даже не упустилъ влияния интеллектуальныхъ чувствованій. Эта глава въ работѣ автора является не лишней, и такъ какъ по смыслу данной темы, эта глава не была обяза-

тельна, то трудъ, затраченный на ея составленіе, слѣдуетъ поставить въ заслугу автору.

Третья глава объ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ памяти изложена удовлетворительно; авторъ обнаружилъ знакомство съ литературой предмета, изложилъ изученныя имъ работы правильно и достаточно ясно. Во всякомъ случаѣ чтеніе этой главы можетъ быть полезно для лицъ приступающихъ къ изученію этого вопроса.

Четвертая часть работы представляетъ описаніе собственныхъ опытовъ автора и изложеніе выводовъ изъ его опытовъ. Авторъ придумалъ простой и цѣлесообразный аппаратъ, облегчающій производство опытовъ. Всего опытовъ произведено 1989, то-есть вполне достаточное количество. Судя по описанію, опыты производились при должной обстановкѣ, а потому выводы, полученные авторомъ, изъ этихъ опытовъ, внушаютъ довѣріе. Выводы эти стоятъ въ соотвѣтствіи съ уже извѣстнымъ въ наукѣ и потому даже а priori представляются достовѣрными. Наибольше интересны опыты съ лицомъ мало интеллигентнымъ. Какъ описаніе опытовъ, такъ и анализъ ихъ могъ бы быть изложенъ подробнѣе; хотя авторъ свое описаніе дополняетъ кривыми, все же этотъ отдѣлъ можно упрекнуть въ неполнотѣ.

Языкъ работы въ общемъ удовлетворителенъ, но автора слѣдуетъ упрекнуть въ аподектичности нѣкоторыхъ его сужденій. При нѣкоторыхъ сокращеніяхъ и поправкахъ работа эта можетъ быть напечатана въ одномъ изъ специальныхъ журналовъ, какъ были напечатаны работы г.г. Идельсона, Гиршберга и Штерна.

Такъ какъ авторъ этой работы обнаружилъ большое трудолюбіе, доказалъ знаніе литературы предмета, произвелъ большое число опытовъ, давшихъ внушающіе довѣріе результаты, то работа подъ девизомъ „Счастливейшимъ и т. д.“ признана факультетомъ заслуживающею награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Счастливейшимъ и т. д.“ содержалъ фамилію студ. медицин. фак. Александра Николаевича Плотицы.

На тему „Кожная и глазная реакція туберкулина при бугорчаткѣ у животныхъ и людей“ представлена работа подъ девизомъ „Ищите и обряцете“.

Уже во время заданія этой темы литература о реакціяхъ кожи и слиз. обол. на туберкулинъ со стороны здороваго и зара-

женнаго бугорчаткой организма была не мала; въ теченіе же послѣдующихъ мѣсяцевъ она разрослась съ невообразимой быстротой до огромныхъ размѣровъ. Въ виду этого уже одинъ разборъ литературы этого вопроса долженъ былъ потребовать много времени и самъ по себѣ могъ бы составить солидное изслѣдованіе. Однако писать о явленіяхъ заочно, не выдавъ ихъ въ глаза, не доставляетъ никакого удовлетворенія для естествоиспытателя и по существу своему не желательно. Отъ автора такой работы требовалось не только книжное изученіе явленія, но и производство своихъ собственныхъ изслѣдованій хотя бы въ той части затронутой области, которая по литературнымъ даннымъ должна считаться наиболѣе слабо разработанной.

Такъ слѣдовало понимать данное заданіе. Авторъ работы подъ девизомъ „ищите и обряцете“ его такъ и понялъ и представилъ въ ней весь главнѣйшій литературный матеріалъ въ связномъ изложеніи и въ удобномъ для обзрѣнія распредѣленіи. Благодаря этому составила монографія, въ которой читатель можетъ познакомиться какъ съ различными способами примѣненія туберкулина на кожь и слизистой оболочкѣ глаза съ діагностическою цѣлью у людей и животныхъ, такъ и съ неодинаковымъ для каждаго способа значеніемъ ихъ въ діагностику и съ различными аномаліями и осложненіями реакцій.

Авторъ описываетъ послѣдовательно: внутри-кожную реакцію, указанную уже давно Epstein'омъ и Escherich'омъ (Stichreaktion) и въ послѣднее время съ успѣхомъ примѣненную въ ветеринарной практикѣ Monster и Mantoux (Intro-dermo-reaktion); кожную реакцію Firquet и видоизмѣненія ея Lignières'a, Detre и Moro, и, наконецъ, главную реакцію Wolff-Eisner'a и Calmette. За описаніемъ техники и клинической картины слѣдуетъ разборъ вопросовъ, сгруппировавшихся около каждой изъ нихъ: ихъ постоянство, діагностическое значеніе, осложненія и проч.

Собственныя наблюденія автора произведены на небольшомъ сравнительно матеріалѣ — 142 случая на людяхъ и 11 на мелкихъ животныхъ (кроликахъ и морскихъ свиньяхъ). Повѣрка реакціи на крупныхъ животныхъ не производилась на томъ основаніи, что она встрѣтила бы, какъ выяснилось, рѣшительный протестъ со стороны торговцевъ скотомъ, требующихъ убоя животныхъ въ самый день привода ихъ на скотобойный дворъ.

Несмотря однако на скромный по численности собственный опытъ автора, приведенный имъ матеріалъ нельзя считать мало

значущимъ. Онъ далъ автору возможность познакомиться съ техникой и теченіемъ трехъ основныхъ видовъ туберкулиновой пробы и на основаніи личнаго опыта и впечатлѣній съ большою вѣрностью оцѣнить ихъ каждый въ отдѣльности и сравнительно. Главнымъ же образомъ цѣнность этого матеріала опредѣляется не этимъ, а той тщательностью, съ какою онъ собирался и изслѣдованъ. Благодаря этому выводы, дѣлаемые авторомъ на основаніи собственныхъ наблюденій пріобрѣтаютъ не малое значеніе. Не касаясь ихъ по существу, чтобы не увеличивать размѣровъ настоящей рецензіи, я укажу лишь въ общемъ на то, что они касаются прежде всего кардинальныхъ вопросовъ діагностики туберкулеза при помощи кожного и глазнаго примѣненія туберкулина: 1) соотвѣтствія реакціи съ наличностью и отсутствіемъ туберкулезныхъ поражений, при чемъ принять во вниманіе латентный и активный туберкулезъ, что представляется во всѣхъ отношеніяхъ весьма важнымъ; 2) соотношенія главнѣйшихъ пробъ — Pirquet, Lignières'a и глазной — между собою у однихъ и тѣхъ же субъектовъ и ихъ сравнительной оцѣнки съ технической, діагностической и клинической стороны.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать и то, что авторъ обратилъ особое вниманіе на кожную реакцію Lignières'a, до сихъ поръ почти не разработанную, но несомнѣнно имѣющую будущность, благодаря ея простой и безкровной технике и хорошимъ результатамъ. Такихъ наблюденій у автора сдѣлано 131.

Въ общемъ заданная факультетомъ тема разработана авторомъ вполне удовлетворительно, несмотря на ея обширность. Работа представляетъ собою цѣнную монографію, которая окажетъ хорошую службу и клиникѣ и санитарному дѣлу, такъ какъ она концентрируетъ въ удобномъ для обзора изложенію всю массу журнальныхъ статей, недоступныхъ для незанимающагося спеціально этимъ вопросомъ. Она можетъ подвинуть изученіе туберкулеза у насъ въ Россіи и использовать имѣющійся у насъ для этого огромный матеріалъ.

Въ виду этого медицинскій факультетъ нашелъ вполне заслуженнымъ награжденіе автора работы подъ девизомъ „ищите и обряцете“

з о л о т о ю м е д а л ь ю

и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельнымъ предоставить ему возможность отпечатать свой трудъ въ „Ученыхъ Запискахъ“, порекомендо-

вавъ ему исправить нѣкоторые недочеты, явившіеся результатомъ снѣжности, и дополнить литературу числовыми данными, въ которыхъ ощущается недостатокъ.

Конвертъ съ девизомъ „Ищите и обряцете“ содержалъ фамилію студ. медиц. фак. Якова Александровича Эйгеса.

На тему „Гликозиды“, была представлена работа подъ девизомъ „Finis coronat opus“.

Монографія „Гликозиды“ представляетъ исключительной цѣнности вкладъ не только въ нашу, столь обѣдную отдѣльными изданіями по различнымъ специальнымъ химическимъ вопросамъ химическую литературу, но и въ иностранную, столь богатую многочисленными классическими химическими сочиненіями

Исключительная цѣнность этой монографіи заключается въ томъ, что она не только по своему объему, но и по своему содержанию превосходитъ такія, напр., отдѣльныя изданія о глюкозидахъ, какъ Якобсона (1887 г.), Ванъ-Ринна (1900 г.), Коберта (1904 г.) и другихъ, неговоря уже о разбросанныхъ по различнымъ химическимъ руководствамъ отдѣльныхъ главахъ, трактующихъ болѣе или менѣе подробно объ этой своеобразной и важной группѣ природныхъ соединеній.

Авторъ этой монографіи объемомъ въ 650 страницъ далъ въ ней почти все, что извѣстно по настоящее время въ литературѣ по этому вопросу.

Въ введеніи къ монографіи авторъ даетъ опредѣленіе глюкозидовъ и рассматриваетъ ихъ отношеніе къ неорганизованнымъ и организованнымъ ферментамъ, къ неорганическимъ и органическимъ кислотамъ, къ водѣ, къ высокой температурѣ и къ электрическому току; онъ знакомитъ здѣсь читателя съ характерными общими физическими и химическими свойствами глюкозидовъ, а также приводитъ существующіе взгляды на строеніе этихъ соединеній и разбираетъ способы ихъ полученія и наконецъ указываетъ на ту роль, которую играютъ эти вещества въ растительномъ организмѣ. Въ специальной части онъ описываетъ почти всѣ глюкозиды, придерживаясь при этомъ той системы классификаціи ихъ, которая проводится въ сочиненіи Ванъ-Ринна. Въ концѣ монографіи помѣщенъ русскій и латинскій указатели.

Монографія эта, будучи важнымъ вкладомъ въ литературу о глюкозидахъ, имѣетъ тѣ выгодныя преимущества передъ другими сочиненіями на ту же тему (Якобсонъ, Ванъ-Риннъ, Кобертъ и др.),

что въ нее включена вся почти новѣйшая литература о глюкозидахъ, появившаяся послѣ изданія сочиненія Ванъ-Ріина.

Эта цѣнная монографія еще болѣе-бы выиграла, если-бы авторъ ея нѣсколько отступилъ отъ системы изложенія Ванъ-Ріина и измѣнилъ планъ общей и специальной части монографіи.

Кромѣ того необходимо автору монографіи при печатаніи или при изданіи ея обратить вниманіе на нѣкоторые другіе пробѣлы какъ въ части, трактующей о синтетическихъ глюкозидахъ (терпённые глюкозиды), такъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ описанію естественныхъ глюкозидовъ (глицирридинъ и другіе). Не мѣшаетъ ему подчеркнуть и то практическое значеніе, какое имѣютъ различные глюкозиды въ медицинѣ и технику.

Съ устраненіемъ этихъ и другихъ сравнительно мелкихъ недочетовъ монографія эта несомнѣнно получитъ распространеніе какъ у насъ, такъ и особливо за границей. Въ виду исключительной цѣнности монографіи „Глюкозиды“ факультетъ постановилъ наградить автора ея

золотой медалью,

и напечатать ее въ „Ученыхъ Запискахъ“ подѣ редакціей кого-либо изъ членовъ факультета.

Конвертъ подѣ девизомъ „Finis coronat opus“ содержалъ фамилію студента фармаціи Фридриха Александровича Куррота.

На 1910 годъ медицинскій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1. „Die Lehre von den menschlichen Pygmäen ist historisch-kritisch zu bearbeiten und durch Vermehrung des Tatbestandes weiter auszubauen“.

2. „Асептическій кишечный и желудочно-кишечный шовъ (экспериментальныя изслѣдованія)“.

3. „Строеніе слизистой оболочки тонкой кишки вообще или въ частности“.

4. Для соисканія медали Креславскаго: „Написать монографію о смолахъ, руководствуясь послѣднимъ (вторымъ) изданіемъ сочиненія Tschirch'a „Die Harze und die Harzbehälter“.

5. Для соисканія медали князя Суворова: „Собрать данныя о фабрикаціи маселъ въ Россіи съ

указаніемъ примѣняемыхъ при этомъ приѣмовъ производства“.

На 1911 годъ.

1. „Химическое изслѣдованіе составныхъ частей *Cicuta virosa*“.

2. „Составить монографію объ алкалоидахъ, руководствуясь сочиненіемъ „Die Pflanzen-Alkaloide von Jul. u. Wilh. Brühl. Braunschweig 1900“ и новѣйшей литературой объ алкалоидахъ“.

Сочиненіе на предложенную историко-филологическимъ факультетомъ тему „Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго“, подъ девизомъ „Aut prodesse volunt, aut delectare роётае“, представляетъ собою объемистый трудъ на 290 стр. in-f^o. Самъ авторъ во „вступленіи“ (стр. 5—7) дѣлитъ свою работу на двѣ неровныя части: 1) алфавитный списокъ авторовъ и заглавія ихъ комедій, съ обозначеніемъ времени представленія или появленія ихъ въ печати и 2) самое изслѣдованіе собраннаго авторомъ матеріала по исторіи русской комедіи въ указанныхъ темою хронологическихъ рамкахъ. Первая часть (стр. 9—48), которую, быть можетъ, правильнѣе было бы отнести въ приложеніе къ сочиненію, даетъ тщательный библиографическій перечень авторовъ комедій и ихъ сочиненій, съ необходимыми хронологическими датами. Такого перечня до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано, и составленіе его является безспорной заслугой автора — тѣмъ болѣе, что ему пришлось бороться — къ сожалѣнію, не всегда удачно — съ недостаткомъ книжнаго матеріала въ Юрьевѣ; имъ отмѣчены не только сочиненія напечатанныя, но и ненапечатанныя, если на ихъ существованіе въ рукописномъ видѣ имѣются литературныя указанія; жаль только, что авторъ не цитуетъ этихъ послѣднихъ и тѣмъ можетъ поставить въ затрудненіе неопытнаго, но взыскательнаго читателя его работы. Для облегченія пользованія своимъ перечнемъ, авторъ прилагаетъ къ нему алфавитный указатель комедій со ссылкой на имена ихъ авторовъ, если послѣднія извѣстны, или со ссылкой на ихъ анонимность, если пьеса была издана безъ имени автора.

Далѣе идетъ вторая часть работы, распадающаяся на 11 главъ. Въ I гл. (стр. 49—60) изложено „подготовительный періодъ въ исторіи русской комедіи“, обнимающій собою начатки русской драматической литературы XVII в. II глава (стр. 61—64) посвящена

„общимъ замѣчаніямъ о русской комедіи XVIII вѣка въ связи съ руководящими идеями общества“. III гл. (стр. 65—79) разма- триваетъ „періодъ господства иностранныхъ образцовъ или эпоху Сумарокова“; здѣсь изложена дѣятельность Сумарокова и его по- слѣдователей — Дмитревскаго, Хераскова, а въ концѣ сдѣланы указанія на любительскіе спектакли въ столицахъ и провинціи, гдѣ игрались пьесы малонзвѣстныхъ русскихъ авторовъ, подражав- шихъ Сумарокову или его иностраннымъ образцамъ. IV гл. (стр. 90—129) очерчиваетъ „пробужденіе реализма въ русской комедіи“, имѣя въ виду В. Лукина, Екатерину II, Д. И. Хвостова, Нико- лева, Фонвизина и др. II гл. (стр. 130—150) затрогиваетъ „сан- тиментализмъ въ русской комедіи“, куда авторъ включаетъ дѣи- тельность Веревкина, Прокудина-Горскаго, Ефимьева, Нарышкина, наконецъ — Княжнина. Въ IV гл. (стр. 151—161) данъ очеркъ „бытовой комедіи конца XVIII в.“ (Чернявскій, Плавильщиковъ, Капнистъ, Судовщиковъ). VII гл. (стр. 162—177) посвящена „ко- медіи съ преобладаніемъ шутиваго и общечеловѣческаго элемента“ (кн. Е. Р. Дашкова, Клушинъ, Крыловъ). Въ VIII гл. (стр. 179— 181) указаны „мелкія шутивыя комедіи XVIII в.“ IX гл. (стр. 182—209) посвящена проявленіямъ „легкой сатиры на недостатки русской жизни“ (кн. Шаховской и его послѣдователи). X гл. (стр. 210—220) имѣетъ въ виду эпоху возобновившагося „преобладанія шутки и комедіи-водевиля“ (Хмельницкій и др.). Наконецъ, са- мая обширная XI гл. (стр. 221—271) посвящена „торжеству ху- дожественнаго реализма въ произведеніяхъ Грибоѣдова и Гоголя“. Въ особомъ „заключеніи“ къ своему труду (стр. 272—280) авторъ сводитъ воедино сдѣланныя имъ на предшествующихъ страницахъ наблюденія и выводы, при чемъ выставляетъ въ самомъ концѣ 7 положеній, явившихся результатомъ всей продѣланной имъ науч- ной работы. Въ видѣ приложения къ сочиненію авторъ даетъ „списокъ сочиненій“, служившихъ ему „источниками“ (стр. 281— 290), гдѣ отмѣчены 242 автора съ болѣе чѣмъ 300 названій ихъ изданій и сочиненій, куда вошли не одни только въ строгомъ смыслѣ источники, но и пособія, т. е. разнаго рода историческія, историко-литературныя и критическія статьи о русской комедіи изслѣдованнаго авторомъ времени ея развитія.

Такова схема сочиненія. Если принять во вниманіе, что въ нашей литературѣ не имѣется труда, который бы давалъ картину послѣдовательнаго развитія русской комедіи XVIII и первой поло- вины XIX в., то попытка автора разобратъ въ отдѣльныхъ фа-

захъ этого развитія заслуживаетъ полнаго сочувствія, при чемъ въ основѣ своего труда онъ всталъ на правильную точку зрѣнія взаимодѣйствія русской комедіи съ ходомъ самой русской жизни и не упустилъ при этомъ изъ виду зависимости этого литературнаго процесса отъ западныхъ литературныхъ вліяній. Однако, въ интересахъ ясности и отчетливости этого процесса, можно бы нѣсколько уменьшить число выставленныхъ авторомъ дѣлений: напр., VII и VIII главы можно было бы слить въ одну, а X-ая глава могла бы быть естественнымъ прибавленіемъ къ IX-ой. вмѣстѣ съ этимъ, понятіе „бытовой комедіи“ XVIII в. (VI глава) не вполне выяснено авторомъ, и рубрика эта недостаточно гармонируетъ съ остальными, потому что черты „быта“ имѣются и въ комедіяхъ другихъ группъ, напр. тамъ, гдѣ авторъ отмѣчаетъ пробужденіе русскаго реализма или указываетъ на шуточные и сатирическіе элементы въ комедіи; эта неясность, между прочимъ, приводитъ автора и къ тому, что комедіи И. А. Крылова „Урокъ дочкамъ“ и „Модная лавка“ внесъ онъ не въ „бытовую комедію“, а въ отдѣлъ произведеній съ преобладаніемъ „шутливаго и общечеловѣческаго“ содержанія, не говоря уже о спорности самаго сочетанія этихъ двухъ послѣднихъ терминовъ въ интересахъ историко-литературной классификаціи. Можно спорить также и по нѣкоторымъ мнѣніямъ касательно отдѣльныхъ вопросовъ. Говоря о зарожденіи русской „народной драмы“ (стр. 50), авторъ преувеличиваетъ усмотрѣнные имъ ея „проблески“ въ нашемъ народномъ творствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря о препятствіяхъ къ развитію этихъ проблесковъ, упускаетъ такой важный отрицательный факторъ, какъ недостатокъ книжнаго просвѣщенія; даже и произведенія XVIII вѣка, которымъ отдаетъ авторъ свое вниманіе въ I гл. сочиненія, могли бы быть обойдены молчаніемъ, такъ какъ и въ нихъ нѣтъ настоящей комедіи, начинающейся въ дѣйствительности лишь въ новомъ періодѣ русской литературы въ половинѣ XVIII в. Въ дѣятельности В. Лукина авторъ напрасно усматриваетъ (стр. 80—85) опредѣленное стремленіе къ реализму творчества: онъ рекомендовалъ лишь большую близость сюжетовъ комедіи къ русской жизни. Произведеніямъ Гоголя-отца и Квитки также придаетъ нѣсколько преувеличенное значеніе, считая послѣдняго „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ драматурговъ 19 вѣка“ (конечно, въ Россіи) (стр. 246—247), тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ мѣсто въ исторіи русской комедіи весьма скромное; послѣ Гоголя — сына можно бы уже совсѣмъ не говорить въ

процессъ развитія русской комедіи о Меньшиковѣ и т. д. Въ библиографическихъ частяхъ сочиненія можно также отмѣтить кое-какіе промахи. Авторъ, напр., цитуетъ И. А. Крылова по старому, Плетневскому, изданію, а не по новому — В. Каллаша; рядомъ съ Пышинскимъ изданіемъ сочиненій Екатерины II фигурируетъ старое и неполное Смирдинское изданіе; сочиненія Державина также цитуются не по Гротовскому, а по одному изъ устарѣлыхъ изданій; въ „списокъ сочиненій,“ приложенный въ концѣ труда, не внесены „Драматическій Словарь,“ хотя этимъ изданіемъ самъ авторъ пользуется, въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. 104. 114—115 и др.); иные №№ лишни: напр. 79 при 80, 142 при 140; на мѣстѣ № 236 слѣдовало бы поставить болѣе общее сочиненіе того же автора (Шенрока — о Гоголѣ) и пр.

Однако указанные недостатки нисколько не уменьшаютъ общаго весьма благопріятнаго впечатлѣнія отъ всего труда автора. Онъ имѣлъ передъ собою довольно трудную задачу — не только потому, что исторія русской драматической литературы до сихъ поръ еще не написана, но и потому, что вообще мало обращалось вниманія на научныя разработки русскаго театра въ его прошломъ. Въ заслугу автору слѣдуетъ поставить уже одно количество собраннаго и изученнаго имъ матеріала, при чемъ онъ постоянно обращается къ первоисточникамъ, а въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ему приходилось — за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ подъ руками книгъ — довольствоваться пособиями, онъ добросовѣстно обращаетъ на это вниманіе читателя (напр. о Плавильщиковѣ: стр. 152). Въ области научной и критиколитературной разработки взятой на себя темы авторъ обнаруживаетъ солидную начитанность. вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ въ большинствѣ случаевъ не теряетъ въ морѣ чужихъ мнѣній, обнаруживая осторожность въ выводахъ, трезвый взглядъ на вещи и вѣрное чутье въ пониманіи художественной стороны трактующихъ имъ вопросовъ. Къ достоинствамъ сочиненія нужно отнести и то внутреннее построеніе всей работы, въ силу котораго интересъ къ ней усиливается въ читателѣ по мѣрѣ приближенія къ концу — не только потому, что самый предметъ становится интереснѣе и ближе, но и потому, что авторъ полнѣе овладѣваетъ этимъ предметомъ, обнаруживая возрастающую живость и увлеченіе не въ ущербъ научному характеру изложенія. Наконецъ, сочиненіе написано прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

Историко-филологическій факультетъ постановилъ наградить

автора сочиненія подъ девизомъ: „Aut prodesse volunt, aut delectare poëtae“

золотою медалью.

Конвертъ подъ девизомъ „Aut prodesse и т. д.“ содержалъ фамилію студ. истор.-фил. фак. Эрнста Павловича фонъ-Берга.

На тему „Судебная дѣятельность Могилевскаго магистрата въ первые годы послѣ введенія въ Могилевѣ Магдебургскаго права“ представлена работа подъ девизомъ „Nemo nascitur doctus“.

Основаніями при выборѣ настоящей темы для сочиненія на соисканіе почетной награды являлись: 1) ея удобство для испытанія способности къ самостоятельной научной работѣ и 2) ея удобство для того, чтобы съ опыта надъ нею начать обработавшему ее самостоятельное изслѣдованіе въ цѣлой области русской исторіи, ожидающей этого изслѣдованія. Основной источникъ — акты Могилевскаго магистрата, изданные въ XXX и XXXII выпускахъ „Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской.“ При изученіи этихъ актовъ нужно было: 1) усвоить языкъ литовско-русскихъ документовъ, не легко понимаемый безъ нѣкоторой подготовки, 2) войти въ технику составленія подлежащихъ изученію актовыхъ книгъ магистрата, 3) систематизировать обширный актовый матеріалъ, 4) понять явленія, имъ изображаемыя, 5) свести этотъ матеріалъ въ цѣльную картину судебной дѣятельности Могилевскаго магистрата и 6) познакомиться съ происхожденіемъ и характеромъ Нѣмецкаго городского права и съ его перенесеніемъ въ города Литвы, Западной и Южной Россіи. Таково первое изъ указанныхъ выше значеніи настоящей темы. Что касается до второго, то оно опредѣляется состояніемъ вопроса о Нѣмецкомъ правѣ русскихъ городовъ въ исторической литературѣ. Этотъ вопросъ поставленъ уже довольно давно и долженъ считаться назрѣвшимъ. Отъ его разрѣшенія ожидается результатовъ не только изученіе жизни Литовско-Русскихъ городовъ, но и рядъ вопросовъ общаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Изслѣдованіе судебной дѣятельности Могилевскаго магистрата въ первые годы послѣ введенія въ Могилевѣ Магдебургскаго права можетъ вполне служить введеніемъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ этой области для начинающаго научнаго работника — этому благоприятствуетъ и цѣльность изданныхъ источниковъ для изслѣдованія.

Работа подь девизомъ „*nemo nascitur doctus*“ должна быть признана хорошимъ отвѣтомъ на предложенную тему. Составъ сочиненія слѣдующій: 1) краткій очеркъ Нѣмецкаго городского права и его перенесенія въ Литву и на Русь, 2) главные источники автора, 3) Могилевъ и пожалованіе ему Магдебургскаго права, 4) составъ и компетенція Могилевскаго магистрата, 5) изученіе его дѣятельности. Работа хорошо продумана и тщательно выполнена. Всѣ ея части исполнены съ одинаковыми энергіей и интересомъ. При небольшомъ сравнительно объемѣ (141 страница убористаго письма) сочиненіе является результатомъ большого и упорнаго труда, который ясно обнаруживается въ выборкѣ изъ источниковъ всего наиболѣе дѣннаго, а выбрать послѣднее было нелегко и сдѣлать это возможно было лишь послѣ внимательнаго изученія всѣхъ подлежащихъ матеріаловъ цѣликомъ. Авторъ скрылъ отъ поверхностнаго читателя всю черновую работу, давъ въ своемъ изложеніи лишь яркое и существенное. Только обиліе точно сдѣланныхъ цитатъ напоминаетъ о большомъ трудѣ, положенномъ на исполненіе работы. вмѣстѣ съ трудолюбіемъ авторъ обнаруживаетъ и хорошую способность къ группировкѣ матеріала, а также правильное критическое чутье. Обращикомъ послѣдняго можетъ быть признано опредѣленіе техники составленія подлежащихъ изученію автора актовыхъ книгъ, которую ему нужно было возстановить совершенно самостоятельно, притомъ при наличности неправильныхъ соображеній о ней издателя этихъ книгъ (стр. 126—130, ср. стр. 18—22).

Конечно сочиненіе не чуждо и недостатковъ. Къ числу ихъ могутъ быть отнесены: не всегда хорошій языкъ, недостаточно ясное и правильное опредѣленіе положенія духовенства по отношенію къ магистрату (стр. 83, 107, 108), отсутствіе сличенія соотвѣствующихъ артикуловъ общаго закона (т. е. статута 1566 года) съ практикою суда Могилевскаго магистрата и нѣкоторые другіе промахи. Но эти недостатки искупаются вполне достоинствами работы, обнаруживающимися въ авторѣ ея любовь, способность и нѣкоторую подготовку къ ученой работѣ.

Въ виду всего изложеннаго, историко-филологическій факультетъ призналъ достойнымъ сочиненіе подь девизомъ „*nemo nascitur doctus*“ награжденія

золотою медалью.

Конвертъ девизомъ „*Nemo nascitur doctus*“ содержалъ фамилію студента-историка **И в а н а И в а н о в и ч а Б е р з и н я**.

На предложенную факультетомъ тему „Происхождение пфальцграфствъ Германской имперіи“ было представлено одно сочиненіе подъ девизомъ: *τοῦτων ὦν ἀμφοτέρων πάρεστι χρᾶσις* etc., 1—36 стр. + 2—40 стр.

Авторъ этого сочиненія представилъ изложеніе высказанныхъ въ наукѣ мнѣній о происхожденіи пфальцграфствъ и привелъ съ своей стороны нѣкоторыя соображенія, по которымъ онъ не находитъ возможнымъ присоединиться цѣликомъ ни къ одной изъ этихъ теорій. Однако, онъ не озаботился изученіемъ и критикою текстовъ историческихъ писателей X в. и не нашелъ необходимымъ изучить первоначальную теорію существовавшихъ въ Германской имперіи пфальцграфствъ. Такимъ образомъ, онъ лишилъ свою работу характера научнаго и критическаго изслѣдованія, основаннаго на изученіи источниковъ.

Кромѣ того, авторъ обнаружилъ свое полное незнаніе русскаго языка въ такой степени, что довольно часто его изложеніе превращается въ наборъ словъ.

Принимая все это во вниманіе, факультетъ не находитъ возможнымъ присудить автору этого сочиненія какую бы то ни было награду.

Конвертъ съ девизомъ „*Τούτων ὦν ἀμφοτέρων* и т. д.“ былъ сожженъ.

На 1910 годъ историко-филологическій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1. По классической филологіи: „Исторія греческаго *λόγος ἐπιτάφιος*“.
2. По философіи: Декартъ и Берклеи“.
3. По новой исторіи: „Крестьянскія требованія по Наказамъ“.
4. По сравн. языковѣдѣнію: „Индоевропейскіе спиранты *S и *Z въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и славянскихъ языкахъ“.
5. Тема на соисканіе медали имени фонъ-Брадке будетъ объявлена особо.

На 1911 годъ.

„Для соисканія медали Н. А. Лавровскаго: „Новѣйшія теченія въ русской педагогикѣ“.

На предложенную физико-математическим факультетом тему „Размотрѣть новѣйшіе методы предвидѣнія погоды и разобрать подробно практическое примѣненіе одного изъ нихъ по синоптическимъ картамъ и таблицамъ европейскихъ бюллетеней“ — представлены два сочиненія.

Сочиненіе подъ девизомъ „Beatus ille, qui potuit rerum cognoscere causas“ представляетъ собою огромный трудъ, сопровождаемый массою картъ, и обнаруживаетъ въ авторѣ не только рвеніе и интересъ къ научной работѣ, но и извѣстную опытность въ обращеніи съ матеріаломъ синоптической метеорологіи. Программа постановленная задачею выполнена до конца, причемъ индивидуальность автора сказалась во 1-хъ въ выборѣ метода предсказаній для ближайшаго изслѣдованія — метода изаллобаръ, а во 2-хъ въ нѣсколькихъ самостоятельныхъ замѣчаніяхъ, выведенныхъ какъ изъ разсмотрѣнія матеріала прежнихъ лѣтъ, такъ и изъ произведеннаго минувшимъ лѣтомъ опыта составленія предсказаній погоды для Риги. Наибольшій интересъ можно признать за слѣдующими двумя замѣчаніями: 1) нулевая изаллобара представляетъ собою линію, перпендикулярно которой передаются атмосферныя измѣненія; случается, она обнаруживаетъ изгибъ, тогда передача измѣненій происходитъ по двумъ различнымъ направленіямъ, слѣдовательно подъ угломъ, но всегда по перпендикулярамъ и вѣтвямъ изаллобары, 2) барометрическіе волны могутъ интерферировать, сохраняя свою самостоятельность; такъ двѣ волны, встрѣтившіяся, какъ указывалъ Эггольмъ, при ближайшемъ анализѣ оказываются не слившимися другъ съ другомъ, но удержавшими свое первоначальное направленіе движенія и послѣ встрѣчи, причемъ ихъ пути пересѣклись. Эти замѣчанія обнаруживаютъ въ авторѣ способность работать не только прилежно, но и удачно. Недостаткомъ работы можно считать длинноту и неисправность нѣкоторыхъ мѣстъ въ изложеніи; отчасти этотъ недостатокъ долженъ быть приписанъ недостаточному владѣнію русскимъ литературнымъ слогомъ, а съ другой стороны нѣкоторой торопливости письма. Недостатокъ этотъ, несомнѣнно можетъ быть исправленъ авторомъ при печатаніи, котораго заслуживаетъ самостоятельная часть работы. Физико-математическій факультетъ призналъ сочиненіе подъ девизомъ „Beatus ille и т. д.“ достойнымъ награжденіе

золотую медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Beatus ille и т. д.“ содержалъ фамилію студ. физ.-мат. фак. Фридриха Трейя.

Сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ „Savoir c'est prévoir“ сравнительно невелико по объему, но имѣетъ серьезныя положительныя достоинства. Изложеніе можно назвать безукоризненнымъ въ смыслѣ какъ языка, такъ и сжатости и логичности. Задача выполнена до конца. Планъ самостоятельнаго изслѣдованія въ сущности такой же, какъ въ предыдущей работѣ но представленъ болѣе рельефно. Остановивши свое вниманіе на методѣ Гильберта, авторъ сначала усвоилъ себѣ приемы этого метода, разобравши такія ситуации, какія Гильбертъ считаетъ типическими, затѣмъ перешелъ къ болѣе сложнымъ комбинаціямъ и наконецъ произвелъ опытъ послѣдовательныхъ предсказаній погоды для Евр. Россіи изо дня въ день за январь 1909 г. по правиламъ Гильберта. Контроль правильности этихъ предсказаній, произведенный, правда, съ недостаточною подробностью, приводитъ автора къ заключеніямъ довольно опредѣленнымъ: 1-ое и 2-ое правило Гильберта оказываются большею частью оправдывающимися на дѣлѣ, 3-е же правило къ условіямъ нашей континентальной равнины не подходящимъ. Во всякомъ случаѣ авторомъ приобрѣтена опытность въ примѣненіи изслѣдуемаго метода, и нужно было бы пожелать, чтобы онъ ее примѣнилъ для Россіи въ условіяхъ различныхъ временъ года, безъ чего оцѣнка метода не можетъ считаться достаточно полною. Ставя настоящую работу на второмъ мѣстѣ послѣ работы „Beatus . . .“, факультетъ тѣмъ не менѣе находитъ, что она обнаруживаетъ въ авторѣ зрѣлаго работника, приводитъ къ желаннымъ результатамъ и также заслуживаетъ награжденія

золотою медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Savoir c'est prévoir“ содержалъ фамилію студ. физ.-мат. фак. Клавдія Николаевича Миротворцева.

На тему по зоологіи „Объ иннерваціи железъ“ представлено одно сочиненіе подъ девизомъ „Vis vitalis“ 10—910.

Въ частности авторъ занялся изученіемъ „Окончанія нервовъ въ кожныхъ железахъ саламандры“; онъ не указываетъ однако, почему онъ остановился именно на этомъ объектѣ. Мы находимъ только указаніе на то, что кожа саламандры удобнѣе для изслѣдованія, чѣмъ кожа аксолотля.

Первая половина работы посвящена изложенію литературы вопроса объ иннерваціи железъ. Авторъ цитируетъ рядъ работъ, съ большинствомъ изъ которыхъ онъ знакомился однако

не въ оригиналѣ, а по имѣющимся литературнымъ сводкамъ, напр., по книгѣ Oppel: *Lehrbuch der vergleichenden microscopischen Anatomie der Wirbeltiere*“ 1900 и по работамъ д-ра Королькова.

Резюмируя имѣющіяся объ окончаніи нервовъ въ железахъ свѣдѣнія, авторъ приходитъ къ заключенію, что между изслѣдователями существуютъ разногласія по самымъ основнымъ вопросамъ, напр., по вопросу о томъ, оканчиваются ли нервы въ самихъ железистыхъ клѣткахъ или на поверхности ихъ. Последнее мнѣніе имѣетъ за себя болѣе данныхъ.

Далѣе авторъ излагаетъ методы изслѣдованія. Онъ пользовался по преимуществу методомъ Ramon-y-Cajal'и (обработка азотн. кисл. серебромъ съ послѣдующимъ проявленіемъ) въ своей собственной модификаціи, несомнѣнно удачной, какъ о томъ можно судить по препаратамъ и рисункамъ. Въ этомъ надо признать большую заслугу автора, т. к. изучаемый имъ объектъ относится къ числу весьма трудныхъ.

На этихъ препаратахъ удалось выяснитъ, что въ кожу входятъ нервныя стволыки, которые отдають отъ себя вѣтви къ сосудамъ, къ кожному эпителию и къ железамъ. Последнія проходятъ черезъ *membrana propria* железы; нервныя волокна расходятся во всѣ стороны и охватываютъ клѣтки железы. Иногда волокна оканчиваются на клѣткѣ какъ бы вздутіемъ.

Такимъ образомъ авторъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые признають, что нервныя волокна оканчиваются на поверхности железистыхъ клѣтокъ.

На поверхности железъ кожи саламандры расположенъ слой гладкихъ мышцъ, особенно сильно развитыхъ около выводного протока. Эти мышцы иннервируются особой системой нервныхъ волоконъ, которыя образуютъ иногда густую сѣть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удастся найти и окончанія этихъ нервовъ въ гладкихъ мышечныхъ волокнахъ.

Вотъ главнѣйшіе результаты работы. Они иллюстрируются 7-ю таблицами рисунковъ, исполненныхъ довольно старательно, хотя и не очень умѣло.

Результаты эти не особенно значительны. Авторъ къ сожалѣнію обратилъ недостаточное вниманіе на самый важный вопросъ, именно: на отношеніе нервныхъ окончаній къ железистымъ клѣткамъ. Изъ всѣхъ его рисунковъ сюда относятся только два — рис. 7 и 8. А между тѣмъ препараты автора вѣроятно могли бы дать больше матерьялу для рѣшенія этого вопроса.

Недостаточно оттънено также различіе въ количествѣ нервовъ въ железахъ малыхъ и большихъ.

Изложена работа хорошимъ языкомъ, хотя попадаются выраженія, доказывающія, что авторъ не овладѣлъ еще научной терминологіей.

Принимая во вниманіе, что работа содержитъ интересные въ научномъ отношеніи выводы, что авторъ употребилъ много труда на выработку метода, факультетъ присудилъ за сочиненіе

серебряную медаль.

Конвертъ съ девизомъ „Vis vitalis“ содержалъ фамилію студента физ.-мат. фак. Александра Ивановича Сѣверова.

На 1910 годъ физико-математическій факультетъ предлагаетъ слѣдующія темы:

1. По механикѣ: „Плоская задача гидродинамики.“

2. По геологіи: „Измѣнить фауны (напр. моллюсковъ) въ закрытомъ бассейнѣ подъ вліяніемъ измѣненій физико-географическихъ условій“ (вторично).

3. По химіи: „Теплоты плавленія изомерныхъ органическихъ веществъ“ (вторично).

4. По метеорологіи: „О существующихъ способахъ предвидѣнія погоды на долгое время впередъ въ примѣненіи къ условіямъ Европ. Россіи“.

5. По ботаникѣ: Флористическій и ботанико-географическій очеркъ одной изъ провинцій Кавказскаго края“.

6. По зоологіи: „Изучить измѣненія въ строеніи кишечнаго эпителия какого-нибудь животнаго при усиленномъ питаніи“.

7. По математикѣ: „Назначеніе и роль теоремъ Вейерштрасса и Миттагъ-Леффлера въ современной теоріи функций комплекснаго переменнаго“.

Въ личномъ составѣ Университета произошли слѣдующія перемѣны:

Уволены:

Деканъ медицинскаго факультета ординарный профессоръ офтальмологіи и офтальмологической клиники Θεодоръ Евекій отъ

должности декана, согласно прошенію; заслуж. ординарный профессор по кафедрѣ географіи, этнографіи и статистики Рихардъ Мукке, по выслугѣ имѣ 25 лѣтъ по учебной части, согласно прошенію.

Секретарь Совѣта Александръ Боковневъ, по выслугѣ имѣ 25 лѣтъ по административной части, согласно прошенію.

Садовникъ ботаническаго сада Артуръ Михильсъ.

Штатные ассистенты: медицинской клиники Евгеній Беттакъ, госпитальной терапевтической клиники Николай Лепорскій, медицинской клиники Францъ Лейбергъ.

Сверхштатные ассистенты: астрономической обсерваторіи Иванъ Стандровскій, медицинской клиники Эрнстъ Морицъ, поликлиники Антонъ Шульценбергъ, ботаническаго сада Генрихъ фонъ Эттингенъ, хирургической клиники Арнольдъ Ольдекопъ, ботаническаго сада Павелъ Курскій.

Допущенный къ исполненію обязанностей по найму сверхштатнаго ассистента гигиеническаго кабинета Василій Цвиневъ.

Второй сверхштатный ассистентъ безъ содержанія гигиеническаго кабинета Николай Классенъ.

Переведенъ :

Приватъ - доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія и славяно-русской филологіи Иванъ Эндзелинъ приватъ-доцентомъ Харьковскаго Университета по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка.

Умерли :

Почетные члены Университета: Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ; Товарищъ Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ Иванъ Забѣлинъ; Директоръ первой морской біологической станціи въ Неаполѣ профессоръ докторъ Антонъ Дорнъ.

Умерли на службѣ :

Ординарный профессоръ офталмологіи и офталмологической клиники Θεодоръ Евецкій; Лекторъ эстонскаго языка Августъ Германъ; Лекторъ французскаго языка Августъ Саже.

Назначены :

Ординарнымъ профессоромъ: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи Петръ Поляковъ; экстраординарными профессорами: по кафедрѣ экзегетическаго богословія — приватъ-доцентъ Конрадъ Грассъ;

по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права — приватъ-доцентъ Александръ Яценко; по кафедрѣ химіи — приватъ-доцентъ Георгій Ландезень; председателемъ состоящаго при Университетѣ ученаго эстонскаго общества на текущій годъ — приватъ-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія Вольфгангъ Шлютеръ.

Утверждены:

Заслуженными профессорами: ординарный профессоръ по кафедрѣ географіи, этнографіи и статистики Рихардъ Мукке; ординарный профессоръ по кафедрѣ спеціальной патологіи и клиники Карль Дегіо.

Избраны и утверждены:

Деканомъ медицинскаго факультета — экстраординарный профессоръ по кафедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины Давидъ Лавровъ; лекторомъ эстонскаго языка кандидатъ филологіи Иванъ Егеверь; представителемъ отъ Юрьевского Университета въ Постоянной Центральной Сейсмической Коммисіи при Академіи Наукъ астрономъ-наблюдатель Александръ Орловъ; членомъ профессорскаго дисциплинарнаго Суда и. д. экстраорд. профессора Александръ Невзоровъ.

Избраны Совѣтомъ Университета:

Директоромъ университетской бібліотеки — ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи Александръ Васильевъ, на три года; редакторомъ Ученыхъ Записокъ Университета — и. д. ординарнаго профессора нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія Дмитрій Кудрявскій.

Избраны, но еще не утверждены:

Экстраординарными профессорами: по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства Василій Синайскій; лекторомъ французскаго языка Павелъ Таккелля.

Перемѣщенъ:

Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ оперативной хирургіи Михайль Ростовцевъ съ тѣмъ же званіемъ на кафедре госпитальной хирургической клиники.

Допущенъ:

Лекторомъ англійскаго языка Леонардъ Овень.

Оставленъ на службѣ, по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части, срокомъ на пять лѣтъ: завѣдующій общежитіемъ студентовъ Ермолай Гравить.

Совѣтомъ Университета допущены къ должности приватъ-доцента:

Докторъ медицины Иванъ Широкогоровъ — по кафедрѣ общей патологии и патологической анатоміи; докторъ медицины Германъ Адольфи — по нормальной анатоміи; докторъ медицины Эберъ-Авраамъ Ландау — по анатоміи; магистръ международного права Александръ Яценко — по энциклопедіи и исторіи философіи права; магистрантъ Петръ Яковенко — по кафедрѣ всеобщей исторіи; магистрантъ Павелъ Мищенко — по кафедрѣ ботаники.

Командированы съ ученою цѣлью:

За границу: профессора: Кузнецовъ, Яроцкій, Церетели, Квачала, Бѣлявскій, Миклашевскій, Красноженъ, Шалландъ, Царевскій, Васильевъ, Дегіо, Кривцовъ, Пѣтуховъ, Яценко, фонъ Бульмерингъ, Тарасенко, Садовскій, Лавровъ, Сентъ-Илеръ, Ростовцевъ, Шепялевскій, Михайловскій; прозекторъ Шмельцеръ; помощникъ прозектора Адельгеймъ; ученый аптекарь Шиндельмейзеръ; приватъ-доценты: Жуковскій, Ландау, Гриневецкій, Коппель, Мейеръ; ассистенты: Брезовскій, Бурденко, Шенбергъ.

Во внутреннія губерніи: профессора: Пусторослевъ, Красноженъ, Пѣтуховъ, Лаппо, Невзоровъ, Дегіо, Савельевъ, Шепилевскій, Кондаковъ; приватъ-доцентъ Жуковскій; астрономъ-наблюдатель Орловъ; ассистенты: Ильинскій, Курскій.

Кромѣ того были командированы, въ качествѣ делегатовъ отъ Университета для привѣтствія и передачи соотвѣтствующихъ адресовъ: за границу: по случаю празднованія въ Кембриджскомъ Университетѣ столѣтія со дня рожденія Чарльза Дарвина — и. д. ординарнаго профессора Кузнецовъ и экстраординарный профессоръ Яроцкій; на Международный Археологическій Конгрессъ въ Каирѣ — ординарный профессоръ Квачала и экстраординарный профессоръ Церетели; на 350-лѣтній юбилей Женевского Университета — и. д. ординарнаго профессора фонъ Бульмерингъ и экстраординарный профессоръ Шалландъ.

Внутри Имперіи: на торжественное открытіе памятника Николаю Гоголю въ Москвѣ — ординарный профессоръ Пѣтуховъ; на IV областной археологическій съѣздъ изслѣдователей

исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей — и. д. экстраординарнаго профессора Невзоровъ, экстраординарный профессоръ Тарановскій, ординарный профессоръ Красноженъ, экстраординарный профессоръ Лаппо, привать-доценты Синайскій и Остроградскій.

Назначены Правленіемъ Университета:

Сверхштатнымъ ассистентомъ: института сравнительной анатоміи — Николай Свободинъ; вторымъ сверхштатнымъ ассистентомъ хирургической клиники — Оттонъ Хольбекъ; вторымъ сверхштатнымъ ассистентомъ терапевтическаго отдѣленія городской больницы — Александръ Парчевскій; вторымъ сверхштатнымъ ассистентомъ поликлиники — Казиміръ Пенкославскій.

Сверхштатнымъ лаборантомъ фармаціи — Сергій Сапрыкинъ.

Допущены къ исполненію, по найму обязанностей: садовника ботаническаго сада — Янъ Мушинскій; сверхштатнаго ассистента медицинской клиники — Вольдемаръ Циммерманъ; сверхштатнаго ассистента клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней — Аксель Букъ; сверхштатнаго ассистента геологическаго кабинета — Александръ Дубянский; сверхштатнаго ассистента судебно-медицинскаго института — Сергій Коломинскій; сверхштатнаго ассистента медицинской клиники — Эрнстъ Гельманъ; сверхштатнаго помощника прозектора института сравнительной анатоміи — Гарри Кульъ; штатнаго ассистента госпитальной терапевтической клиники — Анатолій Россовъ; штатнаго ассистента медицинской клиники — Іоаннъ Бухольцъ.

Утверждены:

Вторымъ сверхштатнымъ ассистентомъ гигиеническаго кабинета — Николай Классенъ; сверхштатнымъ ассистентомъ офтальмологической клиники — Илья Коломинскій; сверхштатнымъ ассистентомъ хирургическаго отдѣленія городской больницы — Николай Макевнинъ; сверхштатнаго ассистента психіатрической клиники — Аксель Букъ; сверхштатнаго ассистента астрономической обсерваторіи — Вильгельмъ Абольдъ; штатнымъ ассистентомъ психіатрической клиники — Яковъ-Рафаиль Ильонъ; штатнымъ ассистентомъ физиологическаго института — Адольфъ Кесслеръ; помощникомъ директора химической лабораторіи — привать-доцентъ Рейнгардъ Холманъ; штатнымъ лаборантомъ фармаціи — привать-доцентъ Викторъ Скворцовъ.

Перемѣнены: на должность штатнаго ассистента медицинской клиники — Франц Лейбергъ; I сверхштатнаго ассистента хирургической клиники — Николай Бурденко.

Личный составъ Университета въ настоящее время слѣдующій:

- 1 профессоръ православнаго богословія,
- 35 ординарныхъ профессоровъ,
- 21 экстраординарный профессоръ,
- 2 доцента,
- 1 астрономъ-наблюдатель,
- 1 архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры,
- 1 ученый аптекаръ,
- 2 прозектора (одинъ изъ нихъ одновременно прив.-доцентъ),
- 26 приватъ-доцентовъ,
- 3 лектора (одинъ изъ нихъ одновременно приватъ-доцентъ),
- 1 учитель массажа, врачебной гимнастики и механотерапій,

всего 92 служащихъ по учебной части и кромѣ того 97 служащихъ по административной части.

Вакантны въ настоящее время:

Каѳедры: мѣстнаго права, дѣйствующаго въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ; русскаго гражданскаго права и судопроизводства; одна профессура хирургіи; каѳедра офталмологіи и офталмологической клиники; каѳедра древне-классической філологіи и археологіи; каѳедра географіи, этнографіи и статистики; изъ 5 новоучрежденныхъ доцентуръ по юридическому факультету — должности доцентовъ философіи права и финансоваго права (последняя нынѣ замѣщена приватъ-доцентомъ), 2 изъ прежнихъ штатныхъ доцентуръ (4 въ настоящее время замѣщены профессорами), должности лекторовъ итальянскаго и французскаго языковъ, учителя гимнастическихъ упражненій, рисованія и музыки; должность штатнаго ассистента — терапевтическаго отдѣленія госпитальной клиники (исполн. по найму); должности сверхштатныхъ ассистентовъ — физическаго кабинета (исполн. по найму); метеорологической обсерваторіи; фармакологическаго института (исполн. по найму); судебно-медицинскаго института (исполн. по найму); гигиеническаго кабинета (безъ содержанія); гигиеническаго кабинета (исполн. по найму); психіатрической клиники (исполн. по найму); астрономической обсерваторіи (безъ со-

держанія); ботаническаго сада (безъ содержанія); фізіологическаго института (исполн. по найму); кабинета оперативной хирургіи (исполн. по найму); геологическаго кабинета; медицинской клиники (исполн. по найму); сверхштатнаго помощника прозектора института сравнительной анатоміи (исполн. по найму); должность секретаря Совѣта.

Всего вакантны 33 должностей.

Студентовъ числилось къ 1 декабря сего года:

По богословскому факультету	124
По юридическому факультету	757
По медицинскому факультету	1186
По историко-филологическому факультету	173
По физико-математическому факультету	391
	<hr/>
	всего 2631

Кромѣ того слушателей фармаціи 138

Постороннихъ слушателей 118

(въ томъ числѣ 114 женщинъ)

всего учащихся 2887

Въ теченіе года присуждены слѣдующія званія и степени:

Званіе дѣйствительнаго студента:

По богословскому факультету 10 лицамъ.

По историко-фил. факультету 10 „

По физико-матем. факультету 23 „

всего 43 лицамъ.

Степень кандидата:

По богословскому факультету 6 лицамъ.

По историко-филолог. факультету 11 „

По физико-матем. факультету 17 „

всего 34 лицамъ.

Степень магистра:

По юридическому факультету 1 лицу.

По физико-матем. факультету 3 лицамъ.

всего 4 лицамъ.

Въ юридической испытательной комиссіи въ теченіе сего года выдержало испытанія 66 лицъ, изъ нихъ удостоены диплома I степени 6 лицъ, диплома II степени, съ правомъ получить дипломъ I-ой степени по представленіи и одобреніи сочиненія 28 лицъ и диплома II степени 32 лица.

По медицинскому факультету приобрѣли:

Степень доктора медицины	4 лица.
Званіе лекаря	110 лицъ.
Степень провизора	66 „
Званіе аптекарскаго помощника	129 „
Званіе зубнаго врача	9 „
Званіе повивальной бабки	42 лица.

всего 360 лицъ.

Итого присуждены академическія и медицинскія званія и степени 507 лицамъ.

Съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія оставлены при Университетѣ, съ назначеніемъ стипендіи въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ, изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для приготовленія къ профессорскому званію: по каѳедрѣ всеобщей исторіи — окончившій полный курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, съ дипломомъ I степени Германъ Замятинъ; по каѳедрѣ гражданскаго права и судопроизводства — окончившій курсъ юридическихъ наукъ съ дипломомъ I степени Петръ Кравцовъ; по каѳедрѣ метеорологіи и физической географіи — кандидатъ физико-математическихъ наукъ Арвидъ Арндтъ; по каѳедрѣ зоологіи — кандидатъ естественныхъ наукъ Николай Самсоновъ. Кроме того, продленъ срокъ заграничной командировки еще на полгода, съ сохраненіемъ за нимъ получаемой изъ суммъ Министерства стипендіи магистрантъ Дмитрій Червонецкій — по каѳедрѣ уголовного права.

Испытаніе на званіе учителя прогимназіи и гимназіи выдержало 33 лица, а именно по историко-филологическому факультету 18 лицъ и по физико-математическому факультету 15 лицъ.

По окончаніи курса представлены къ опредѣленію на службу изъ казенныхъ стипендіатовъ медицинскаго факультета 8 стипендіатовъ.

Относительно учебно-вспомогательныхъ учрежденій Университета должно упомянуть слѣдующее:

Въ продолженіе времени съ 1 декабря 1908 по 1 декабря 1909 года отчасти клинически, отчасти амбулаторно и поликлинически пользовалось въ университетскихъ клиникахъ всего 21673 больныхъ, а именно:

въ медицинской клиникѣ	1915	больныхъ.
въ поликлиникѣ	6506	„
въ хирургической клиникѣ	2795	„
въ офталмологической клиникѣ	3654	„
въ акушерской и женской клиникѣ	1690	„
въ клиникѣ для нервныхъ и душевныхъ болѣзн.	1320	„
въ терапевтическомъ отдѣленіи госпит. клиники	1383	„
въ хирургическомъ отдѣленіи госпит. клиники .	1975	„
въ амбулаторіи по дѣтскимъ болѣзнямъ -- 363, кромѣ того сдѣлано повторное оспопривива- ніе взрослымъ лицамъ — 72 взрослымъ . .	435	„
		всего 21673 больныхъ.

Въ патологическомъ институтѣ въ продолженіе того же времени было вскрыто 86 труповъ.

Въ судебно-медицинскомъ Институтѣ въ продолженіе того же времени было произведено 126 вскрытій.

Въ университетской библіотекѣ числилось:

Къ 1 декабря 1908 г.	233,265	томовъ и 185,449	диссертаций.
Вновь поступило въ отчет- номъ году	4,015	„ „	7,357 „

Состояніе къ 1 дек. 1909 г. 237,280 томовъ и 192,806 диссертаций.

Относительно учрежденія имени Роберта Геймбургера сямъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что назначенныя на 1908 г. и на 1909 г. полныя преміи за ученыя изданія по 559 руб. 17 коп. и въ текущемъ году не израсходованы и поэтому сохраняются на будущій 1910 г.

Назначенныя на 1908 и 1909 гг. стипендіи для научныхъ поѣздокъ по 1118 руб. 33 коп. тоже не израсходованы и сохраняются на будущій 1910 г.

Пособіе нуждающимся вдовамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, оставшимся по смерти лицъ, принадлежавшимъ къ числу преподавателей сего Университета въ размѣрѣ 163 руб. 3 коп., назначено вдовѣ умершаго на службѣ экстраординарнаго профессора сего Университета Василія Попова, г-жѣ Аннѣ Поповой.

Для совсканія преміи Роберта Геймбургера на 1910 годъ допускаются сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или латинскомъ языкахъ, вышедшія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и принадлежащія по своему содержанию къ наукамъ юриди-
3*

ческаго факультета, авторы которыхъ состояли по крайней мѣрѣ три года имматрикулованными студентами сего Университета или во время удостоенія означенной преміи состоятъ уже три года въ семь Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцентовъ, штатныхъ доцентовъ, прозекторовъ, астронома-наблюдателя или ученаго аптекаря. Конкурсныя сочиненія должны быть представлены въ Совѣтъ Юрьевскаго Университета въ двухъ экземплярахъ не позже 1 мая 1909 года.

Выборщиками членовъ Государственнаго Совѣта въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета отъ 28 сентября сего года избраны: ординарные профессоры: по кафедрѣ уголовного права — Петръ Пусторослевъ, по кафедрѣ политической экономіи и статистики — Александръ Миклашевскій и по кафедрѣ всеобщей исторіи — Александръ Васильевъ.

Министерство Народнаго
Просвѣщенія.

Выписка.

Управляющій Рижскимъ
Учебнымъ Округомъ.

юля 6 дня 1909 г.

№ 6416.

г. Рига.

Въ Правленіе Императорскаго
Юрьевского Университета.

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія препроводивъ при отношеніи отъ 30 іюня сего года за № 15096 въ управленіе округа копію съ утвержденнаго г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія Г. К. Ульяновымъ журнала строительнаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія о строительныхъ нуждахъ Императорскаго Юрьевского Университета, въ дополненіе къ означенному журналу увѣдомилъ Управление округа, что изъ числа предположенныхъ университетомъ работъ представляется возможнымъ теперь же дать дальнѣйшее движеніе вопросу о постройкѣ двухэтажнаго зданія для институтовъ минералогическаго, геологическаго, зоологическаго и зоотомическаго, такъ какъ подробные планы и смѣты означеннаго зданія были составлены Университетомъ еще въ 1905 году и надлежащимъ образомъ провѣрены.

По этимъ смѣтамъ расходъ по постройкѣ определенъ безъ оборудованія въ 260051 руб., объ отпускѣ которыхъ начиная съ 1910 года и предполагается войти въ установленныя сношенія съ Министерствомъ Финансовъ и Государственнымъ Контролемъ. Кромѣ того предположено внести въ смѣту 1910 года и кредитъ, необходимый на переустройство гинекологической клиники.

По первому проекту и смѣтѣ на это исчислено 69600 рублей, а по вновь переработанному второму проекту — на 73,842 руб. 05 коп.

многогранниковъ и располагаются въ нѣсколько слоевъ вокругъ первичнаго яйца. (Рис. 1853—1855.) Когда число слоевъ зернистыхъ клѣтокъ достигнетъ значительнаго количества, то въ толщѣ ихъ появляется сначала щелевидное, а потомъ все болѣе и болѣе расширяющееся простран-

Рис. 1852.

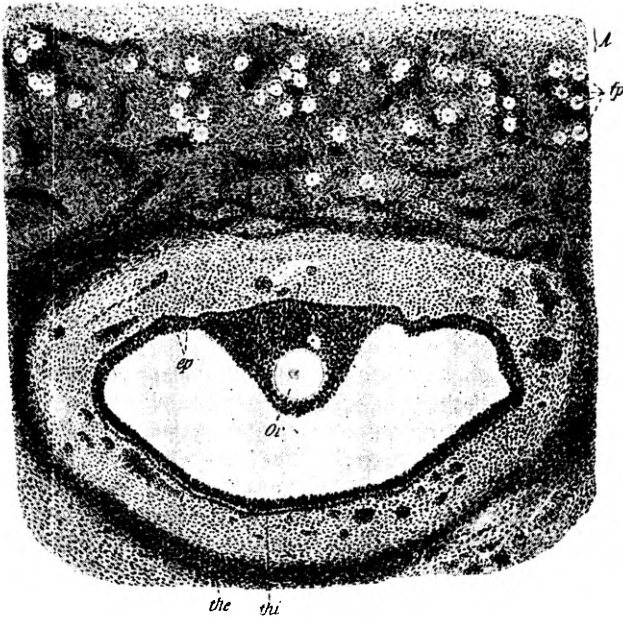

Рис. 1852. Срезъ черезъ корковый слой яичника 15-лѣтней дѣвочки: А — бѣлая оболочка яичника (*tunica albuginea*); fp — первичные фолликулы; thi — внутреннй сосудистый слой волокнистой соединительнотканной оболочки развитою фолликула (*zona vasculosa thecae folliculi*); the — наружный слой волокнистой оболочки фолликула (*zona fibrosa*); ep — эпителиальный слой стѣнки фолликула (*membrana granulosa*); ov — яйцо въ толщѣ эпителиальныхъ клѣтокъ яйценоснаго холмика (*corpus ooforus*). Увеличение 50 (Sobotta).

ство, наполненное жидкостью (*liquor folliculi*). Вскорѣ полость фолликула обхватываетъ яйцо со всѣхъ сторонъ, исключая одного мѣста, гдѣ оно удерживаетъ связь съ оболочками фолликула посредствомъ холмика, состоящаго изъ зернистыхъ клѣтокъ (*corpus ooforus*). (См. рис. 1852.)

Рис. 1853.

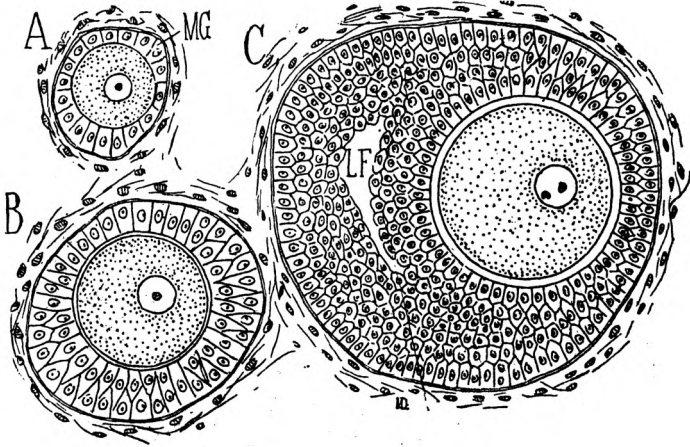

Рис. 1853. Три стадіи развитія фолликула яичника: А — первичный фолликулъ; MG — зернистая оболочка (membrana granulosa) состоитъ только изъ одного слоя клѣтокъ; В — слѣдующая стадія развитія: фолликулъ съ болѣе толстой зернистой оболочкой; С — зернистая оболочка очень толста и между слоями ея клѣтокъ появляется щелевидная полость — LF (Duval).

Рис. 1854.

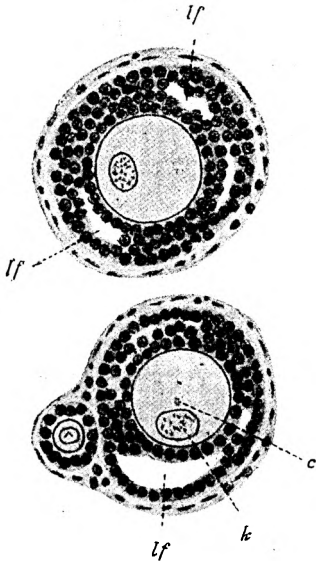

Рис. 1855.

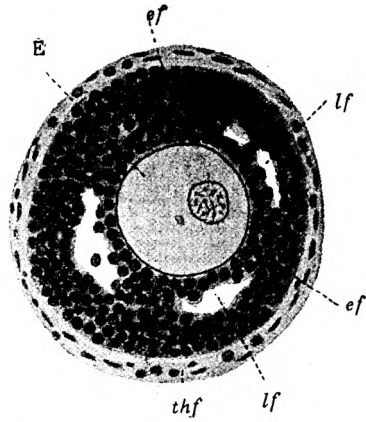

Рис. 1854, 1855. Фолликулы въ различныхъ стадіяхъ развитія изъ яичника мыши: с — центрозома; ei — яйцо; ef — эпителий фолликула — зернистая оболочка его; lf — жидкость фолликула помѣщается въ полости фолликула; k — ядро яйцеклѣтки; thf — волокнистая оболочка фолликула. Увеличеніе 200 (Sobotta).

Во время роста фолликула растет и яйцо. Къ этому времени оно бываетъ покрыто оболочкой изъ высокихъ призматическихъ клѣтокъ, лучеобразно расположенныхъ на его поверхности (*corona radiata*). (Рис. 1856.)

Рис. 1856.

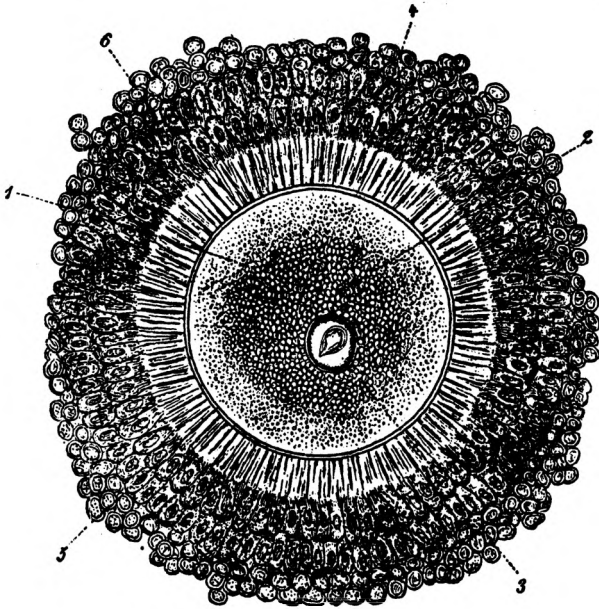

Рис. 1856. Яичниковое яйцо 30-лѣтней женщины: слой организованныхъ веществъ клѣточного тѣла съ малымъ содержаніемъ желточныхъ зеренъ (дейтоплазмы); 2 — такой же слой съ большимъ содержаніемъ желточныхъ зеренъ; 3 — ядро яйцеклѣтки или зародышевый пузырекъ, внутри котораго помѣщается ядрышко яйцеклѣтки или зародышевое пятно; 4 — блестящая оболочка яйца (*zona pellucida*); 5 — околожелтковое щелевидное пространство; 6 — слой радиально вокругъ ядра расположенныхъ клѣтокъ зернистой эпителиальной оболочки фолликула — *corona radiata* (Nagel).

Квнутри отъ этой оболочки имѣется прозрачная оболочка яйца (*zona pellucida*).

Кнаружи отъ развивающагося первичнаго фолликула окружающая его волокнистая соединительная ткань подвергается постепенно измѣненію и образуетъ волокнистую соединительнотканную оболочку (*theca folliculi*), состоящую изъ двухъ слоевъ: внутренняго — сосудистаго слоя

и наружнаго собственно волокнистаго соединительнотканнаго (zona vasculosa et zona fibrosa). (Рис. 1857.)

Между зернистой оболочкой и волокнистой соединительнотканной залегает стеклопрозрачная основная перепонка.

Рис. 1857.

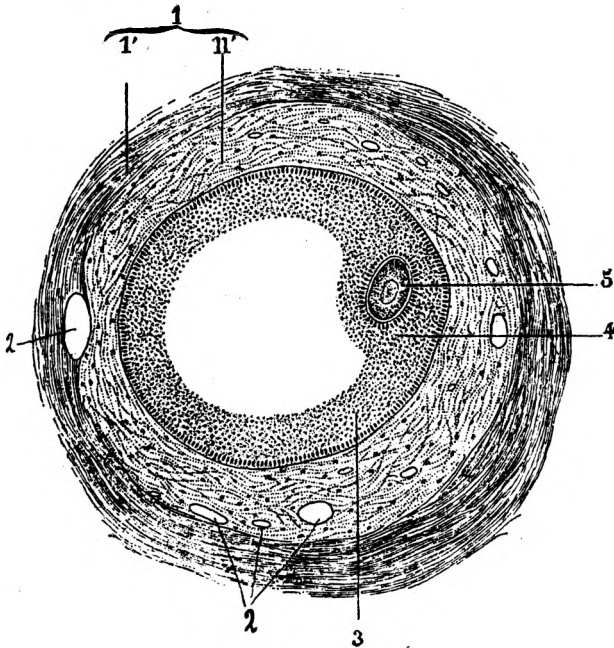

Рис. 1857. Строение развитога фолликула изъ яичника 8-лѣтней дѣвочки на срѣзѣ, проходящемъ чрезъ яйцо: 1 — волокнистая соединительнотканная оболочка фолликула: 1' — наружный ея плотный волокнистый слой (stratum fibrosum); 11' — внутреннй слой болѣе рыхлый, содержащй кровеносные сосуды (stratum vasculosum) — 2; 3 — зернистый слой (stratum granuloseum) изъ эпителиальныхъ клѣтокъ; 4 — яйценосный холмикъ (cumulus ooforus) зернистаго слоя; 5 — яйцо. Увеличеніе 90 (Stöhr).

Во время каждаго періода мѣсячныхъ отдѣленій (menstrua), но безъ всякой связи съ нимъ совершается окончательное созрѣваніе одного или нѣсколькихъ фолликуловъ. Величина фолликула при этомъ значительно возрастаетъ вслѣдствіе усиленнаго прилива крови къ нему и переполненія его жидкостью. Онъ все болѣе и болѣе увеличивается въ объемъ и выда-

ется надъ поверхностью яичника. (Рис. 1858.) Наконецъ въ извѣстный моментъ, когда наружная часть его стѣнки достаточно истончится, фолликулъ разрывается; при этомъ вмѣстѣ съ жидкостью фолликула выбрасывается и яйцо со своими оболочками. Въ этомъ состоитъ процессъ выдѣленія яйца (ovulatio). (Рис. 1859.)

Рис. 1858. Срѣзь изъ яичника кошки: 1 — наружная оболочка и свободный край яичника; 1' — мѣсто прикрѣпленія къ широкой маточной связкѣ и вхожденія изъ нея сосудовъ и нервовъ; 2 — сердцевинный или сосудистый слой (zona vasculosa); 3 — корковый слой; 4 — кровеносные сосуды; 5 — первичные фолликулы; 6, 7, 8, 9 — постепенное развитіе фолликула; 9' — фолликулъ срѣзанъ такъ, что яйца нѣтъ въ немъ; 10 — corpus luteum. Увеличеніе 6 (Schrön).

Рис. 1858.

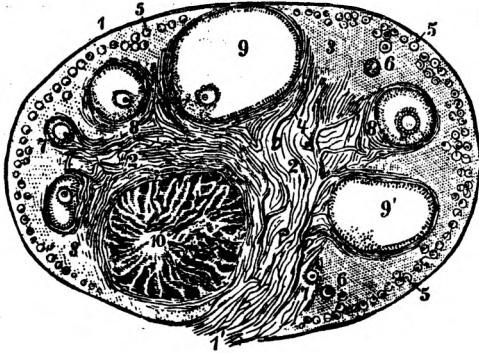

Рис. 1859.

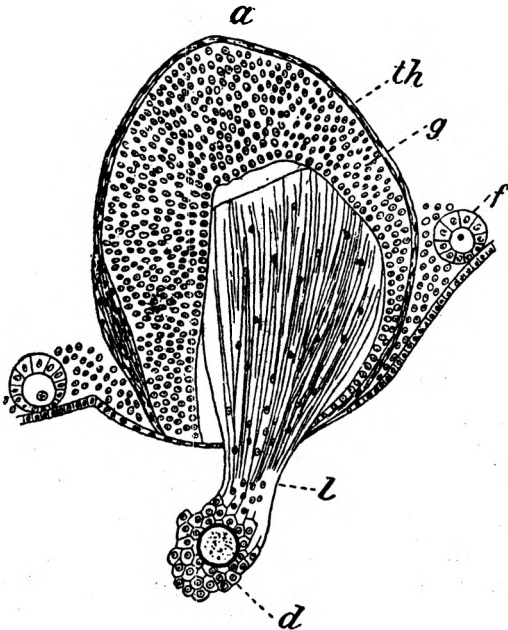

Рис. 1859. Изверженіе взрослога яйца изъ зрѣлаго фолликула яичника мыши: а — зрѣлый фолликулъ; th — волокнистая оболочка фолликула; g — зернистая оболочка фолликула (membrana granulosa); l — изливающаяся изъ полости лопнуващаго фолликула жидкость (liquor folliculi) выносить яйцо, окруженное клѣтками сорваннаго яйценоснаго холмика зернистой оболочки — d (Sobotta).

Вслѣдъ за разрывомъ фолликула стѣнки его сокращаются, а полость переполняется кровью, излившеюся изъ разорванныхъ кровеносныхъ сосудовъ. Клѣтки сосудистаго слоя оболочки начинаютъ быстро размножаться дѣленіемъ и наполняются желтою зернистостью (lutein). Кровеносные капилляры расширяются и разрастаются въ клѣточной массѣ.

Разрастающіеся клѣточные элементы стѣнки фолликула все болѣе и болѣе выпячиваются въ его полость и наконецъ совершенно выполняютъ послѣднюю. Все это мѣсто отъ присутствія въ клѣточной зернистости желтаго пигмента невооруженному глазу представляется желтымъ и потому издавна называется желтымъ тѣломъ (*corpus luteum*). (Рис. 1860.) Далѣе постепенно сосудистая сѣтъ заступѣ-

Рис. 1860.

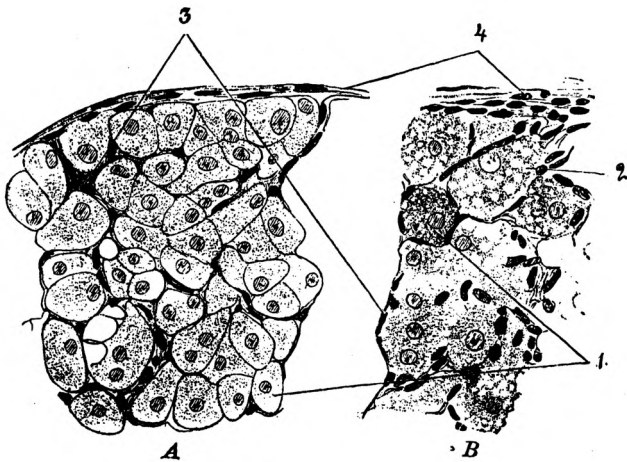

Рис. 1860. А — сѣченіе яичника въ области желтаго тѣла кролика, В — то же кошки: 1 — лутеинныя клѣтки содержатъ разной величины зернышки жира; 2 — зернышки жира въ лутеинныхъ клѣткахъ; 3 — промежуточная волокнистая соединительная ткань; 4 — волокнистая оболочка. Увеличеніе 260 (Stöhr).

ваетъ; изъ клѣтокъ развивается волокнистая соединительная ткань; а отъ бывшаго фолликула остается только бѣлый рубецъ (*corpus albicans*). Если яйцо, выброшенное изъ фолликула, получило дальнѣйшее развитіе въ маткѣ, будучи оплодотворено, то желтое тѣло не

рубцуется въ продолженіе всего періода беременности и кормленія (*corpus luteum verum*). (Рис. 1861, 1862.) Если же яйцо не было оплодотворено, то желтое тѣло (*corpus luteum spurium*) рубцуется въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ.

Рис. 1861.

Рис. 1861. Срѣзь желтаго тѣла (*corpus luteum*) изъ яичника мыши: ер — эпителичныя клѣтки желтаго тѣла; с — кровеносныя капилляры; kbdg — ядра клѣтокъ волокнистой соединительной ткани. Увеличеніе 375 (Sobotta).

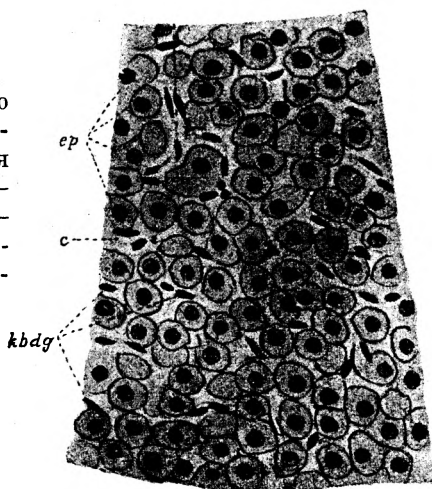

Рис. 1862.

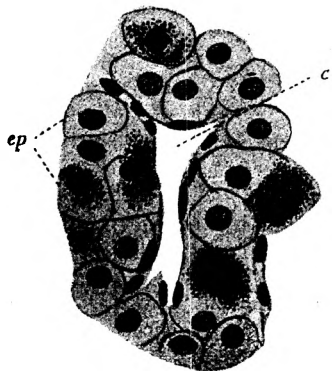

Рис. 1862. Срѣзь яичника чрезъ желтое тѣло (*corpus luteum*): ер — клѣтки желтаго тѣла содержатъ мельчайшую зернистость, окрашенную при обработкѣ препарата осміевою кислотою въ черный цвѣтъ; клѣтки ограничиваютъ кровеносный капилляръ — с. Увеличеніе 600 (Sobotta).

Кровеносныя сосуды весьма обильно снабжаютъ яичникъ кровью. Въ самомъ внутреннемъ слоѣ волокнистой соединительнотканной оболочки фолликула они образуютъ густую капиллярную сѣть, отъ которой отходятъ вены, дающія около воротъ яичника цѣлую венную сѣть. (Рис. 1863.)

Лимфеносные сосуды начинаются во внутреннемъ слое соединительнотканной оболочки фолликула, гдѣ образуютъ густую сѣть и продолжаютъ далѣе, сопровождая вены.

Рис. 1863.

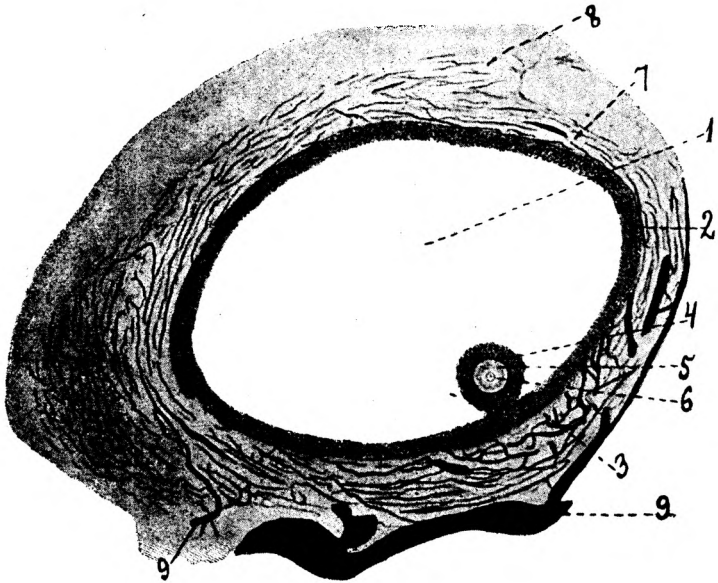

Рис. 1863. Распредѣленіе кровеносныхъ сосудовъ, налитыхъ окрашенной массой, въ стѣнкѣ фолликула изъ яичника свиньи: 1 — полость фолликула; 2 — зернистая оболочка изъ многослойныхъ эпителиныхъ клѣтокъ; 3 — яйценосный холмикъ; 4 — лучистый вѣнчикъ изъ цилиндрическихъ эпителиныхъ клѣтокъ яйценоснаго холмика (*corona radiata*); 5 — тѣло яйцеклѣтки или желтокъ; 6 — ядро яйцеклѣтки съ ядрышкомъ внутри него или зародышевый пузырекъ съ зародышевымъ пятномъ внутри него; 7 — сосудистый слой волокнистой соединительнотканной оболочки фолликула; 8 — плотный волокнистый слой той же оболочки; 9 — кровеносные сосуды. Увеличеніе 50 (Böhm und Davidoff).

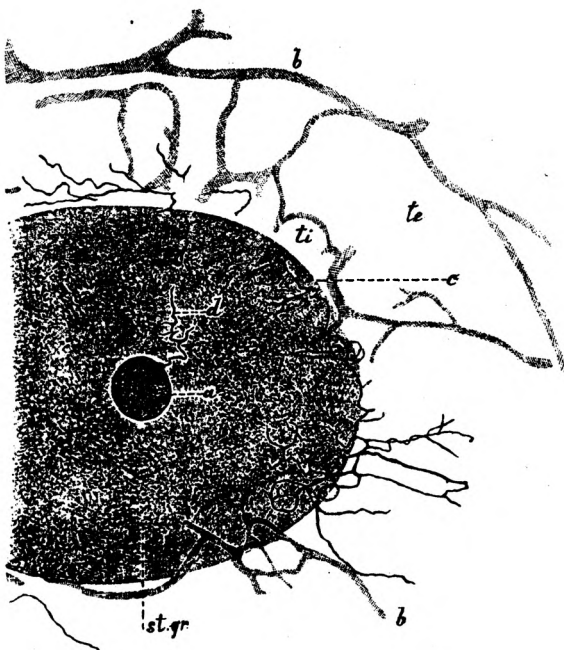
Нервы яичника въ видѣ мякотныхъ и безмякотныхъ нервныхъ волоконъ снабжаютъ концевыми вѣточками стѣнки кровеносныхъ и лимфеносныхъ сосудовъ, гладкія мышечныя волокна-клѣтки, находящіяся въ волокнистой соединительнотканной оболочкѣ фолликуловъ.

Наконецъ безмякотныя нервныя волокна образуютъ густое сплетеніе въ волокнистой соединительно-

тканной оболочкѣ фолликула тотчасъ снаружи отъ основной перепонки. Отъ этого сплетенія отходятъ первичныя узловатя нервныя волокнца, прободають основную перепонку и свободно заканчиваются между клѣтками зернистой оболочки, окружая саму яйцеклѣтку. (Рис. 1864.)

Рис. 1864.

Рис. 1864. Съ-
чение фолликула въ
яичникѣ кошки:
te — наружная обо-
лочка (*tunica ex-*
terna); ti — вну-
тренняя оболочка
(*tunica interna*);
st. gr. — зернистая
оболочка (*stratum*
granulosum); a —
яйцеклѣтка; b —
кровеносные сосу-
ды; c — концевыя
нервныя волокнца
между эпителины-
ми клѣтками зер-
нистой оболочки;
d — нервное воло-
конце, подходящее
къ яйцеклѣткѣ и
оканчивающееся у ея
поверхности пуговчатымъ утолщеніемъ. Уве-
личеніе 250 (Догель).

в. Яйцо и его развитіе.

Яйцо (*ovulum*) млекопитающихъ въ яичникѣ открылъ К. Э. Беръ (1827). Оно имѣетъ шарообразную форму величиною въ 140—200 μ въ поперечникѣ. Яйцо есть изгинная клѣтка, яйцеклѣтка и состоитъ изъ оболочки, клѣточного тѣла, ядра съ ядрышкомъ внутри и желточного тѣла. (Рис. 1865.)

Оболочка яйца является въ видѣ довольно толстой (15—25 μ) прозрачной, даже блестящей (*zona pellucida*),

однородной по строению, упругой и сократительной перепонки. Въ ней замѣчается поперечная или радиальная исчерченность (*zona radiata*). (См. рис. 1856.)

Remak (1854), открывшій эту исчерченность полагалъ причину ея въ томъ, что оболочка пронизана множествомъ, радиально снаружи внутрь идущихъ тонкихъ канальцевъ. **Flemming** смотритъ на эту исчерченность, какъ на слѣдствіе проникновенія оболочки тонкими блестящими волокнами-отростками, идущими отъ клѣтокъ эпителиальной оболочки яйца (*corona radiata*) внутрь яйца (Колосовъ). (Рис. 1866.) Эти клѣтки суть пи-

Рис. 1865.

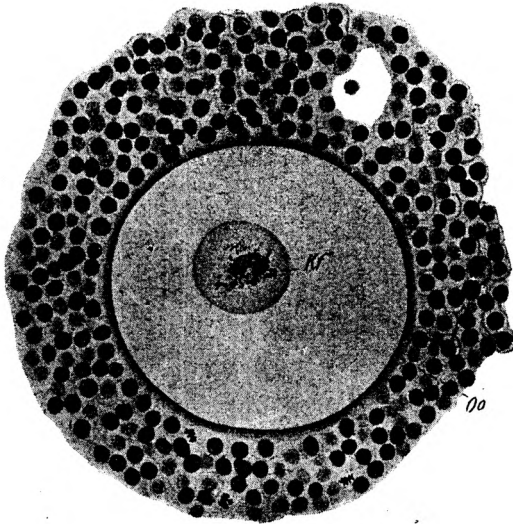
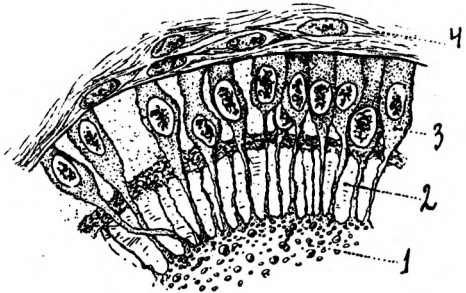

Рис. 1865. Яйцо развитого фолликула изъ яичника 15-лѣтней дѣвочки, окруженное эпителиальными клѣтками яйценоснаго холмика зернистой оболочки: oo — желточная оболочка яйца; Kf — ядрышко въ ядрѣ яйцеклѣтки. Увеличение 300 (Sobotta).

Рис. 1866. Соотношеніе эпителиальныхъ клѣтокъ фолликула съ яйцомъ: 1 — желтокъ яйца; 2 — блестящая оболочка яйца; 3 — эпителиальныя клѣтки фолликула съ отростками желтка, проникающими до нихъ чрезъ блестящую оболочку яйца; 4 — соединительнотканная оболочка фолликула (Retzius).

Рис. 1866.

тательныя клѣтки яйца. (Рис. 1867.) Вся блестящая оболочка есть производное дѣятельности клѣтокъ эпителиальной оболочки яйца. **Pflüger** у кошки, **E. v. Beneden** у коровы нашли отверстіе въ оболочкѣ для прохожденія сѣменного тѣльца внутрь яйца (мусторіе), какъ это имѣется въ оболочкѣ яицъ нисшихъ позвоночныхъ (рыбъ); но это не подтверждено другими изслѣдователями.

Рис. 1867.

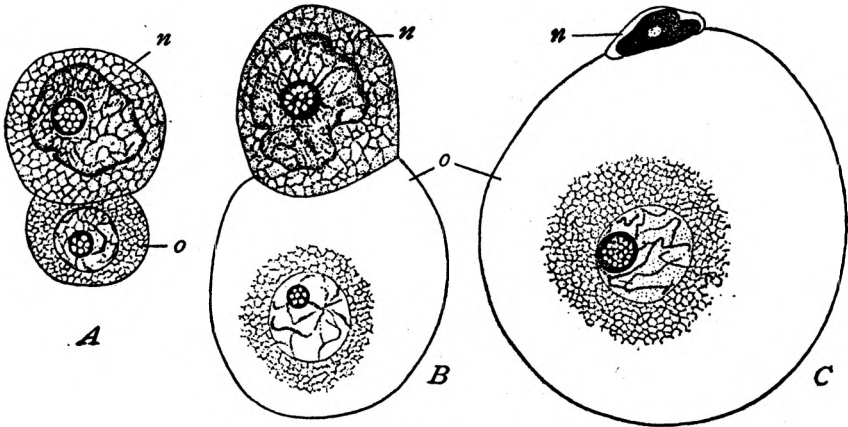

Рис. 1867. Послѣдовательныя стадіи превращенія яйцеклѣтки (o) и клѣтки-кормилицы (n) въ яйцеводѣ у кольчатого червя *Orphurotrocha*. Каждая яйцеклѣтка снабжена своей кормилицей-клѣткой, которая въ начальной стадіи (A) гораздо больше яйцеклѣтки. В — яйцеклѣтка растеть, питаемая клѣткой-кормилицей. С — позднѣйшая стадія: яйцеклѣтка достигла предѣла развитія, а клѣтка-кормилица истощившись погибаетъ (Korschelt).

Клѣточное тѣло яйца имѣетъ сѣтчатоволокнистое строеніе и содержитъ въ себѣ множество такъ называемыхъ желточныхъ зеренъ шарообразной, чечевицеобразной или пластинчатой формы, почему все его въ совокупности называютъ также желткомъ. (Рис. 1868, 1869.)

Желточныя зерна суть форменныя образованія, состоящія изъ бѣлковаго вещества, хорошо окрашивающіяся красящими веществами. Они являются запаснымъ питательнымъ матеріаломъ, необходимымъ для питанія будущаго развивающагося изъ яйца зародыша.

Рис. 1868.

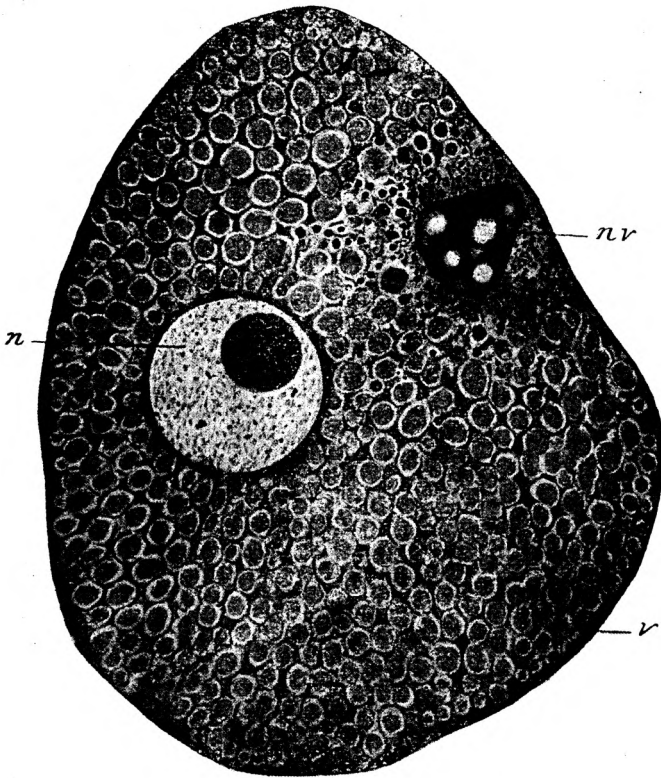

Рис. 1868. Яйцеклѣтка *Phalangium* sp. съ множествомъ включеній въ видѣ желточныхъ зеренъ (v); n — ядро яйцеклѣтки; nv — желточное ядро. Вслѣдствіе большого количества включеній въ видѣ желточныхъ зеренъ организованныя вещества клѣточного тѣла получаютъ ячечное строеніе, называемое ложно-алвеолнымъ. Увеличеніе 250 (Prenant).

Рис. 1869.

Рис. 1869. Желтковые элементы изъ куриного яйца: А — изъ желтаго желтка; В — изъ бѣлаго желтка (Balfour).

Е. van Beneden далъ этимъ запаснымъ питательнымъ веществамъ названіе „дейтоплазма“ (deutoplasma). Эти блестящія желточныя зерна бѣлковаго вещества слѣдуетъ отличать отъ блестящихъ шарообразныхъ зеренъ, состоящихъ изъ жирового вещества. На препаратахъ, обработанныхъ растворомъ, содержащимъ осміеву кислоту, эти жировыя зерна являются окрашенными въ черный цвѣтъ, тогда какъ желточныя зерна только слегка бурѣютъ.

Въ женскомъ яйцѣ желточныя зерна скопляются въ небольшомъ количествѣ въ окружности ядра.

Ядро куриного яйца открылъ **Purkinje** (1825) (рис. 1870), а въ яйцѣ млекопитающихъ его описалъ **Coste** (1834).

Рис. 1870.

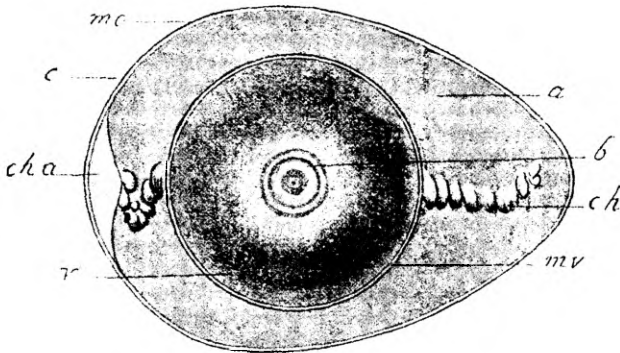

Рис. 1870. Яйцо курицы: с — известковая скорлупа; mc — перепончатая оболочка скорлупы; а — бѣлокъ; v — желтокъ; mv — желтковая оболочка; b — зародышевая пластинка а не зародышевый пузырькъ или ядро яйцеклѣтки; ch — халазы — связки, прикрѣпляющія желтокъ къ концамъ оси яйца; cha — воздушная полость (Prenant).

Оно называется по своему внѣшнему виду зародышевымъ пузырькомъ (vesicula germinativa).

Въ женскомъ яйцѣ ядро почти шарообразной формы величиною въ 25—30 μ въ поперечникѣ. (Рис. 1871.)

Ядро содержитъ въ себѣ ядрышко, называвшееся обыкновенно въ прежнее время зародышевымъ пятномъ (macula germinativa). Первымъ его обнаружилъ **R. Wagner** (1835). Оно шаровидной формы и имѣетъ 7 μ въ поперечникѣ.

Въ клеточномъ тѣлѣ молодыхъ развивающихся яицъ млекопитающихъ **Balbani** (1864) нашелъ особенное форменное образование — желточное тѣло (*corps vitellin*). (Рис. 1872, 1873.) Оно шаровидной формы, величиною въ 6–7 μ въ поперечникѣ и состоитъ то изъ концентрически наложенныхъ волоконъ или пластинокъ вокругъ централь-

Рис. 1871.

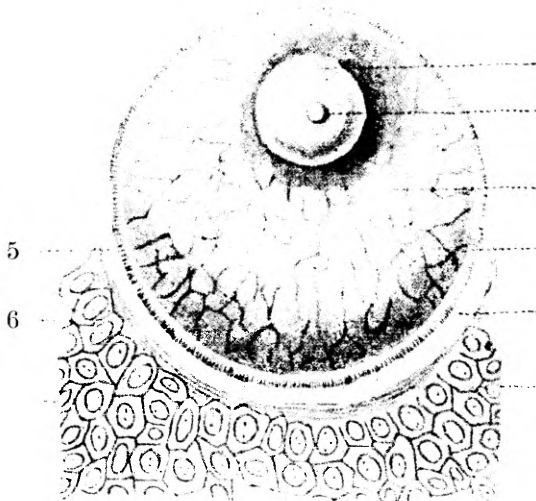

Рис. 1871. Яйцо изъ зрѣлаго фолликула женщины: 1 — зародышевый пузырекъ (ядро); 2 — зародышевое пятно (ядрышко); 3 — желтокъ (клеточное тѣло); 4 — блестящая оболочка (*zona pellucida*); 5 — щелевидное пространство, ограниченное снаружи волокнистымъ слоемъ; кнаружи слою эпителиальныхъ клетокъ фолликула — 6. Увеличение 25 (Kollmann).

Рис. 1872.

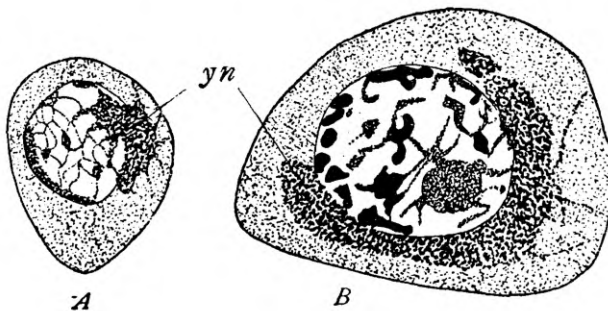

Рис. 1872. Молодые яичниковыя яйца дождевого червя (*Lumbricus*) съ желточными ядрами. А — молодая яйцеклетка содержитъ желточное ядро (*yn*), тѣсно прилегающее къ клеточному ядру. В — яйцеклетка болѣе развитая содержитъ желточное ядро (*yn*), обхватывающее почти со всѣхъ сторонъ клеточное ядро.

наго тѣльца, то изъ радіально расходящихся отъ послѣдняго волоконъ и зеренъ. Оно исчезаетъ ко времени образованія зернистой оболочки фолликула. **Wittich** (1845) еще раньше нашелъ его въ яйцахъ пауковъ, а **Carus** (1850) — въ яйцахъ лягушки. (Рис. 1874.)

Рис. 1873.

Рис. 1873. С — яйцеклѣтка сильно выросла въ объемѣ вслѣдствіе накопленія въ ея тѣлѣ желточныхъ шариковъ, происшедшихъ отъ распадешя желточного ядра (Calkins).

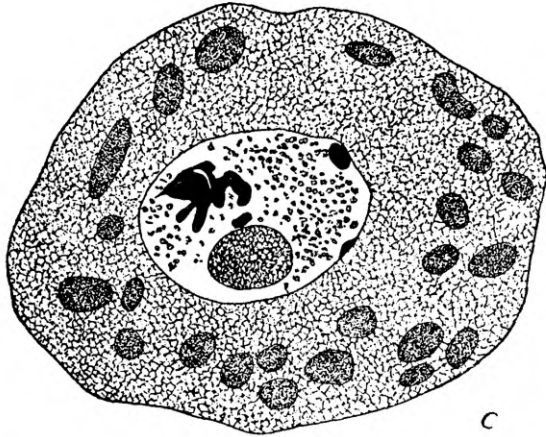

Рис. 1874.

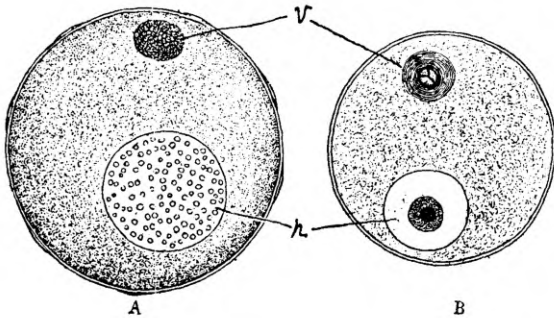

Рис. 1874. А — маленькое яичниковое яйцо лягушки, въ которомъ имѣется: h — ядро яйцеклѣтки со множествомъ ядрышекъ въ немъ и v — желточное ядро (Balbiani), состоящее изъ кучки зеренъ; въ клеточномъ тѣлѣ

яйцеклѣтки пока еще нѣтъ желточныхъ зеренъ. В — яйцо паука: h — ядро; v — желточное ядро (Pouchet et Tourneux).

Развитіе яйца, способнаго къ оплодотворенію, совершается въ яичникѣ на счетъ клѣтокъ зародышеваго эпителия (Waldeyer). Это развитіе совершается весьма медленно, начинаясь съ зародышеваго періода и заканчиваясь зрѣлымъ возрастомъ.

Рис. 1875.

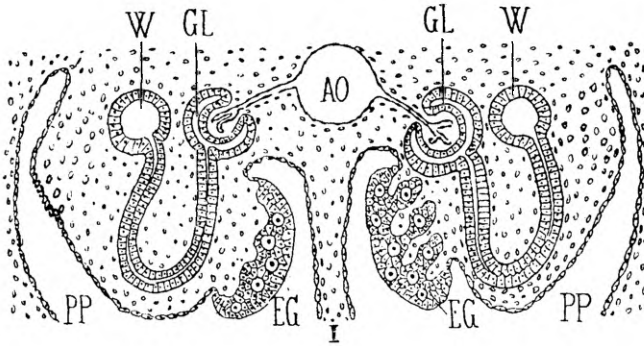

Рис. 1875. Развитие зачатка половой железы на поперечном сечении зародыша в данной области (полусхема): I — брюшкешка; PP — полость тѣла; AO — аорта; GL — почечное тѣльце; W — протокъ Wolff'a; EG — зародышевый эпителий, разрастающийся на половой складкѣ (plica genitalis); справа зачатокъ половой железы значительно увеличился размноженіемъ кѣтокъ зародышеваго эпителия (Duval).

Рис. 1876.

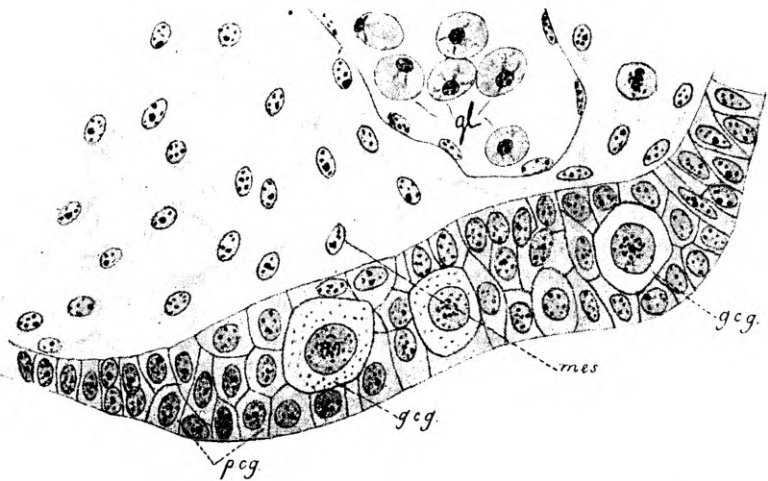

Рис. 1876. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе зачатка половой железы 4-дневнаго зародыша курицы: psg — малыя кѣтки зародышеваго эпителия; gsg — большія кѣтки его же или первичныя яйца; mes — кѣтки мезодермы; gl — красныя кровяныя тѣльца внутри кровеноснаго сосуда. Увеличеніе 1200 (Prenant).

Клѣтки зародышевого эпителія яичника по ихъ способности давать начало яйцамъ яичника можно назвать яйцеродными клѣтками (oogonia; Vogeli, 1891). Эти клѣтки размножаются непрямымъ дѣленіемъ и даютъ большое число яйцеродныхъ клѣтокъ, подобныхъ материнскимъ. (Рис. 1875.)

Потомъ эти клѣтки во время зародышевой жизни увеличиваются въ объемѣ и, отдѣляясь отъ поверхности яичника, погружаются въ подлежащую волокнистую соединительную ткань. (Рис. 1876 - 1878.)

Рис. 1877.

Рис. 1877. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе зачатка половой железы 12-недельнаго зародыша челоузка: а — зародышевый эпителий; б — шнуръ эпителиальныхъ клѣтокъ вращается въ подлежащую мезодерму и тамъ колбообразно расширяется вслѣдствіе размноженія составляющихъ его клѣтокъ, изъ которыхъ с — первичныя яйца; d — кучки эпителиальныхъ клѣтокъ. Увеличеніе 300 (Waldeyer).

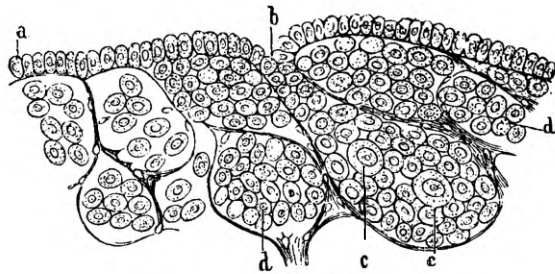

Рис. 1878.

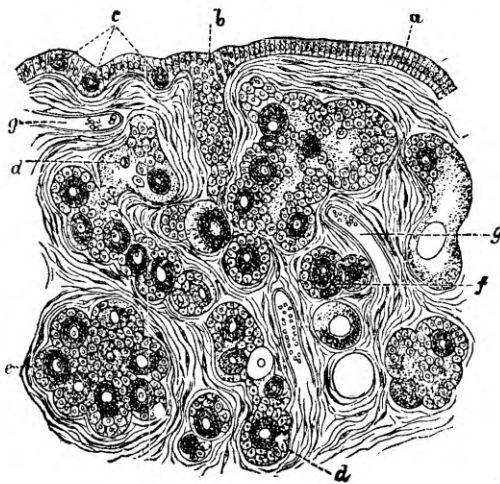

Рис. 1878. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе яичника новорожденной дѣвочки: а — зародышевый эпителий; с — первичныя яйца; b, d — яйцеродные шнуры клѣтокъ; e — куча первичныхъ фолликуловъ; f — одиночныя первичныя фолликулы; g — кровеносный сосудъ (Waldeyer).

Здѣсь каждая изъ нихъ окружается слоемъ другихъ эпителиальныхъ клѣтокъ, въ совокупности съ которыми образуетъ первичный фолликулъ, состоящій изъ яйцеклѣтки (*oocytion primi ordinis*) и окружающей ее первичной зернистой оболочки. Въ такомъ видѣ фолликулы съ яйцами въ нихъ остаются въ теченіе всего періода дѣтства. Только ко времени зрѣлости нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ расти и подвергаться измѣненіямъ совмѣстно съ ихъ фолликулами. (Рис. 1879—1883.)

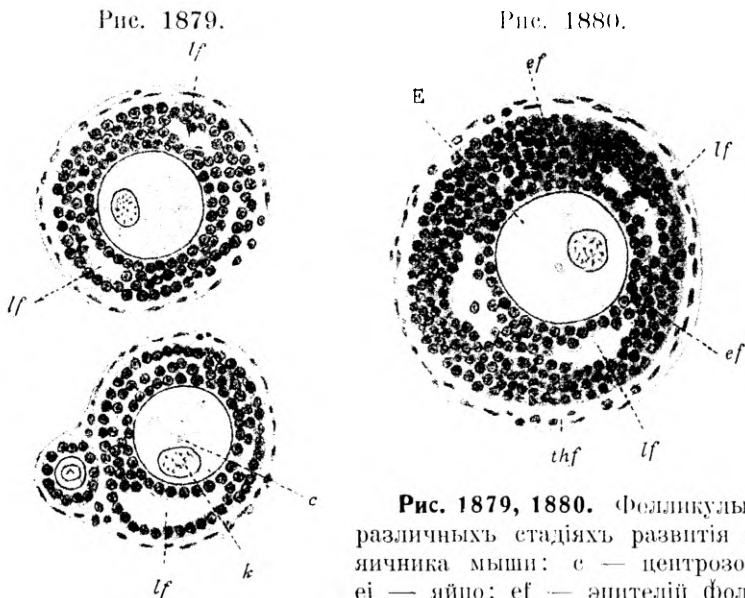

Рис. 1879, 1880. Фолликулы въ различныхъ стадіяхъ развитія изъ яичника мыши: *c* — центрозома; *ei* — яйцо; *ef* — эпителий фолликула — зернистая оболочка его; *lf* — жидкость фолликула помещается въ полости фолликула; *k* — ядро яйцеклѣтки; *thf* — волокнистая оболочка фолликула. Увеличеніе 200 (Sobotta).

Когда яйцеклѣтка достигнетъ величины 150—200 μ въ поперечникѣ, то ядро его дѣлится непрямымъ дѣленіемъ, придвинувшись къ поверхности клѣточного тѣла. (Рис. 1884—1886.) Отъ этого дѣленія получается большая яйцеклѣтка второго порядка (*oocytion secundi ordinis*) и маленькая клѣтка, называемая первой полярной клѣткой. (Рис. 1887.) Послѣ этого ядро яйцеклѣтки, не приходя въ стадію покоя, дѣлится вторично безъ продольнаго расщепленія хроматинныхъ эле-

ментовъ материнской звѣзды, т. е. безъ предварительнаго ихъ удвоенія. (Рис. 1888.) Слѣдствіемъ такого дѣленія, называемаго редуціоннымъ (Weissmann), получается большое зрѣлое яйцо, способное къ оплодотворенію, и маленькая вторая полярная клѣтка. (Рис. 1889.) Есте-

Рис. 1881.

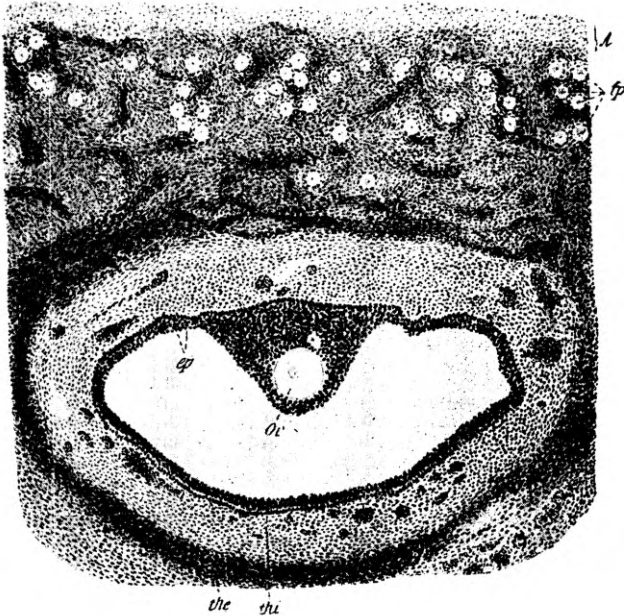

Рис. 1881. Сръзь чрезъ корковый слой яичника 15-лѣтней дѣвочки: А — бѣлая оболочка яичника (*tunica albuginea*); fp — первичныя фолликулы; thi — внутренній сосудистый слой волокнистой соединительнотканной оболочки развито фолликула (*zona vasculosa thecae folliculi*); the — наружный слой волокнистой оболочки фолликула (*zona fibrosa*); ep — эпителиальный слой стѣнки фолликула (*membrana granulosa*); ov — яйцо въ толщѣ эпителиальныхъ клѣтокъ яйценоснаго холмика (*cumulus ooforus*). Увеличеніе 50 (Sobotta).

ственно, что какъ яйцо, такъ и вторая полярная клѣтка содержатъ въ себѣ только половинное количество хроматинныхъ элементовъ, противъ количества ихъ въ яйцеклѣткѣ и вообще во всѣхъ клѣткахъ даннаго организма. (Рис. 1890.) Полагаютъ, что полярныя клѣтки подвергаются перерожденію и уничтоженію (O. Hertwig).

Рис. 1882.

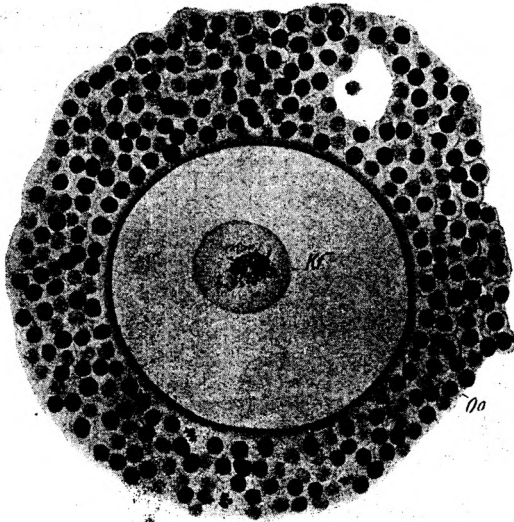
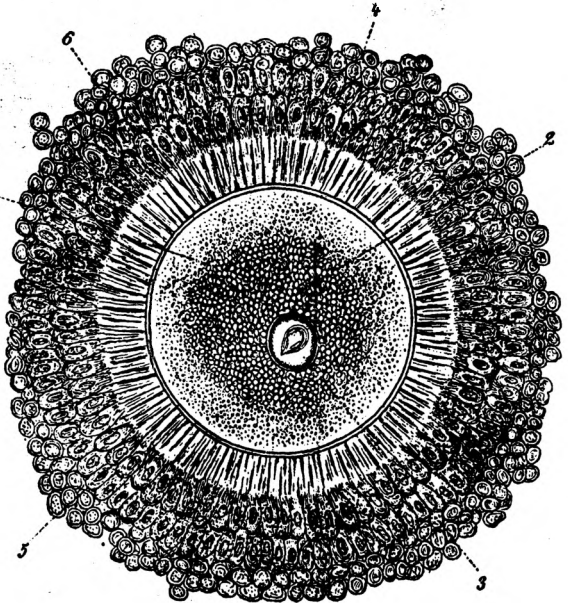

Рис. 1882. Яйцо развитого фолликула из яичника 15-лѣтней дѣвочки, окруженное эпителиальными клѣтками яйценосного холмика зернистой оболочки: oo — желточная оболочка яйца; Kf — ядрышко въ ядрѣ яйцеклѣтки. Увеличение 300 (Sobotta).

Рис. 1883.

Рис. 1883. Яичниковое яйцо 30-лѣтней женщины: слой организованныхъ веществъ клѣточного тѣла съ малымъ содержаніемъ желточныхъ зеренъ (дейтоплазмы); 2 — такой же слой съ большимъ содержаніемъ желточныхъ зеренъ; 3 — ядро яйцеклѣтки или зародышевый пузырекъ, внутри котораго помещается ядрышко

яйцеклѣтки или зародышевое пятно; 4 — блестящая оболочка яйца (zona pellucida); 5 — околожелтковое щелевидное пространство; 6 — слой радиально вокругъ ядра расположенныхъ клѣтокъ зернистой эпителиальной оболочки фолликула — corona radiata (Nagel).

Рис. 1884.

Рис. 1884. Яичниковое взрослое яйцо мыши, окруженное клетками яйценосного холмика зернистой оболочки фолликула и *zp* — блестящей оболочкой (*zona pellucida*); въ яйцѣ имѣется веретено перваго дѣленія для выдѣленія первой полюсной клетки (*Sobotta*).

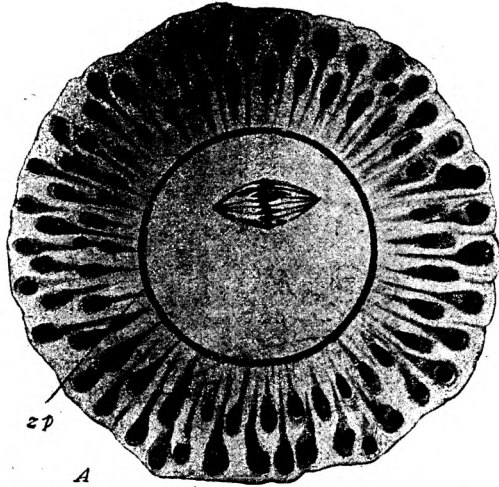

Рис. 1885.

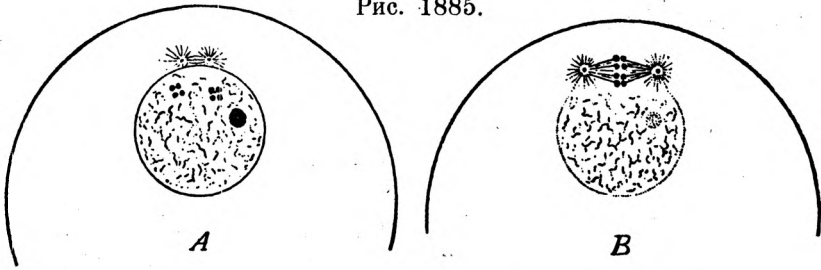

Рис. 1886.

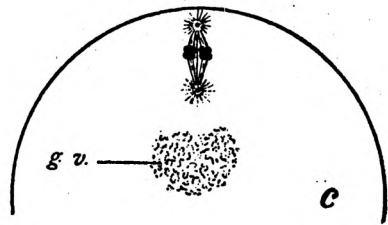

Рис. 1887.

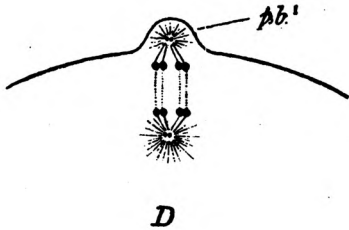
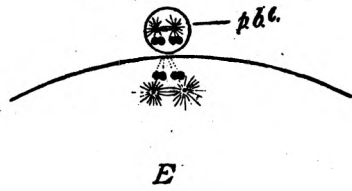

Рис. 1885—1889. Схема созрѣванія яйца у животныхъ, при чемъ для ясности число хроматинныхъ элементовъ тѣльныхъ клѣтокъ, какое бы оно не было, приравнивается къ четыремъ: Рис. 1885, 1886 — подготовка и выдѣленіе путемъ правильнаго

Рис. 1888.

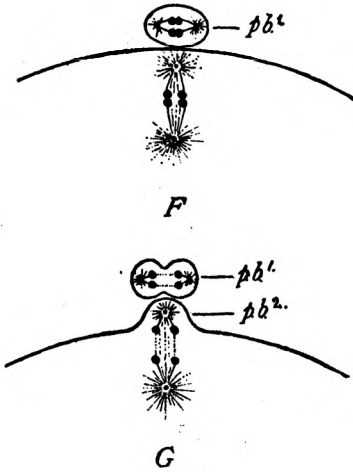
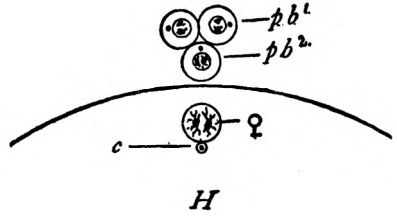

Рис. 1889.

клеткъ и тѣльных клеткахъ; gv — зародышевый пузырекъ; pb^1 — первая полюсная клетка; pb^2 — вторая полюсная клетка; c — центрозома (Wilson).

митотического дѣленія первой полюсной клеткъ; рис. 1887—1889 — подготовка и выдѣленіе путемъ редукціоннаго дѣленія второй полюсной клеткъ и образованіе яйцевого ядра, въ которомъ хроматинныхъ элементовъ оказывается вдвое меньше, чѣмъ было въ яйце-

Рис. 1890.

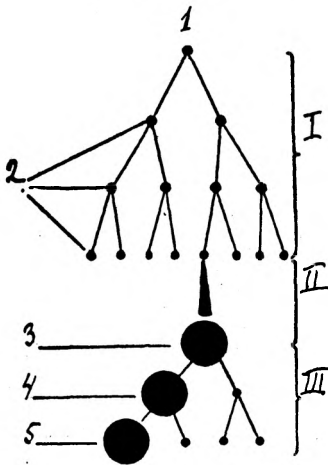

Рис. 1890. Родословное дерево созрѣвшей, готовой къ оплодотворенію яйцеклетки: 1 — періодъ размноженія дѣленіемъ, обыкновенно бывающій гораздо большимъ, чѣмъ здѣсь изображено; II — періодъ роста яйцеклетокъ; III — періодъ созрѣванія; 1 — первичная половая клетка; 2 — яйцеродныя клетки (оогоніи); 3 — яйцеклетка ооцитъ перваго порядка (или взрослое яичниковое яйцо) которое путемъ нормальнаго митотическаго дѣленія даетъ двѣ клетки: 4 — одна изъ нихъ есть яйцеклетка (ооцитъ) втораго порядка, а другая маленькая — первая полюсная клетка; 5 — обѣ эти дочернія клетки дѣ-

лятся уже редукціоннымъ дѣленіемъ при чемъ количество хроматинныхъ элементовъ въ ихъ дочернихъ элементахъ получается вдвое меньше, чѣмъ было въ материнскихъ; отъ дѣленія яйцеклетки втораго порядка получается одно зрѣлое яйцо и вторая полюсная клетка (Boveri).

Этотъ процессъ выдѣленія полярныхъ клѣтокъ и сокращеніе въ яйцевомъ ядрѣ хроматинныхъ элементовъ на половину называется созрѣваніемъ яйца, безъ котораго яйцо не бываетъ способно къ оплодотворенію. Явленія, наблюдаемыя при созрѣваніи яйца, всего лучше и доказательнѣе видны на яйцахъ лошадиной круглой глисты (*ascaris megalocerphala bivalens*), въ которыхъ имѣется всего только четыре хроматинныхъ петли, а въ созрѣвшемъ яйцѣ, т. е. послѣ выдѣленія двухъ полярныхъ клѣтокъ ихъ остается только двѣ. (Рис. 1891—1896.)

Рис. 1891.

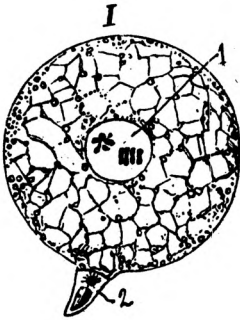

Рис. 1892.

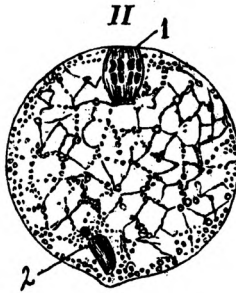

Рис. 1893.

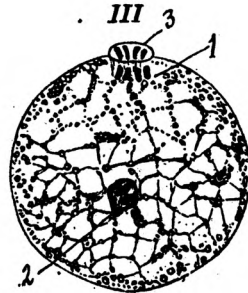

Рис. 1894.

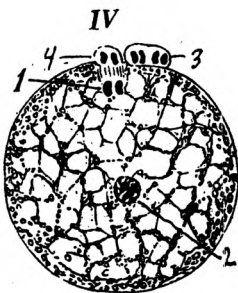

Рис. 1895.

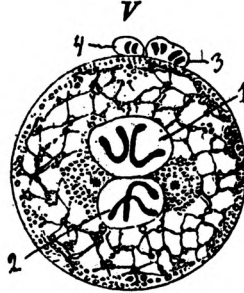

Рис. 1896.

Рис. 1891—1896. Схема созрѣванія и оплодотворенія яйца у *Ascaris megalocerphala bivalens*: 1 — яйцевое ядро; 2 — сѣменное тѣльце и сѣменное ядро; 3 — первая полюсная клѣтка; 4 — вторая полюсная клѣтка (Boveri).

Придатокъ яичника.

Подобно тому, какъ сѣменникъ имѣетъ придатокъ (epididymis), состоящій изъ канальцевъ (ductuli efferentes) и протока (ductus epididymidis), яичникъ также имѣетъ придатокъ, равнымъ образомъ состоящій изъ протока, идущаго параллельно маточной трубѣ, и впадающихъ въ него подъ прямымъ угломъ канальцевъ, направляющихся отъ яичника и помѣщающихся въ широкой маточной связкѣ. (Рис. 1897.)

Рис. 1897.

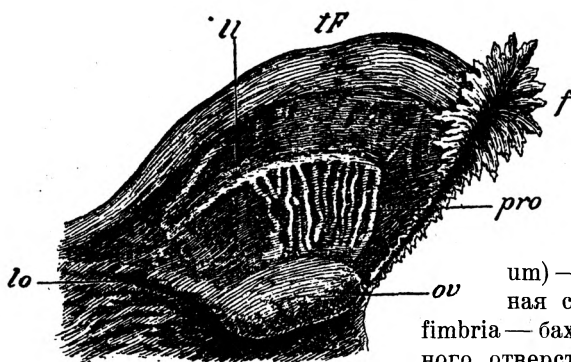
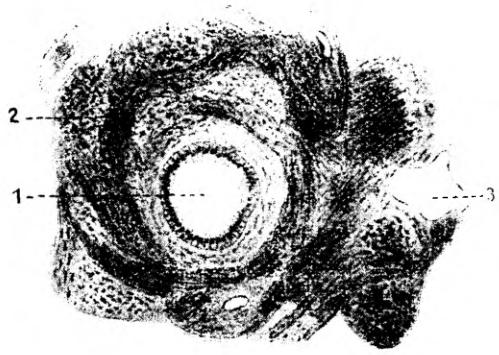

Рис. 1897. Часть яйцеводной трубы — *tF* и широкой маточной связки — *ll*, которая между первой и яичникомъ — *ov* содержитъ придатокъ яичника (раговаріумъ) — *pro*; *lo* — собственная связка яичника; *f* — *fimbria* — бахромка вокругъ брюшного отверстия трубы (Зерновъ).

Придатокъ яичника (раговаріумъ s. рагоофогонъ) есть недѣйствующій остатокъ отъ зародышевой жизни и по происхожденію гомологиченъ придатку сѣменника. Трубочки придатка изнутри выстланы цилиндрическимъ мерцательнымъ эпителиемъ; снаружи отъ него имѣется тонкая основная перепонка и за ней основа слизистой оболочки изъ волокнистой соединительной ткани. Далѣе снаружи имѣется мышечная оболочка, состоящая изъ слоя круговымъ образомъ расположенныхъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ, переходящихъ въ пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ широкой маточной связки. (Рис. 1898.) Снаружи отъ мышечной оболочки имѣется тонкая оболочка изъ волокнистой соединительной ткани.

Рис. 1898.

Рис. 1898. Поперечное сечение трубочки придатка яичника (parovarium) 37-летней женщины на 4-мь мѣсяцѣ беременности: 1 — просвѣтъ трубочки, покрытой цилиндрическимъ эпителиемъ съ мерцательными рѣсничками, которые не видны; 2 — круговой слой мышечныхъ волоконъ, переходящій въ пучки мышечныхъ волоконъ широкой маточной связи; 3 — вена. Увеличение 150 (Торгашев).

г. Маточная труба.

Послѣ того, какъ яйцо бываетъ выброшено изъ фолликула яичника, оно попадаетъ въ яйцеводную маточную трубу (tuba uterina). (Рис. 1899.)

Рис. 1899.

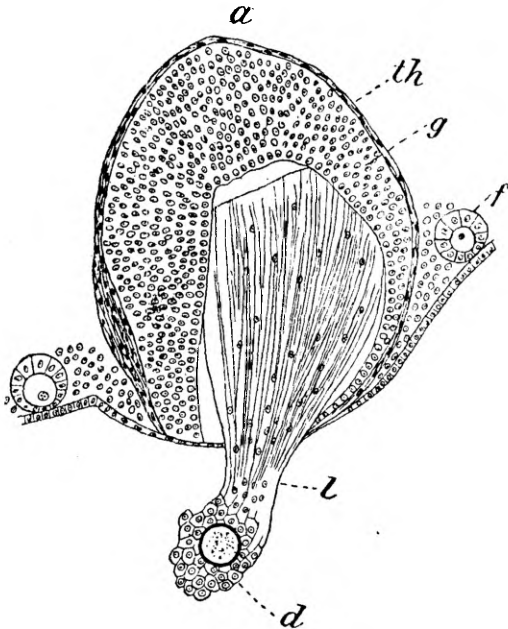

Рис. 1899. Изверженіе взрослого яйца изъ зрѣлаго фолликула яичника мыши: а — зрѣлый фолликулъ; th — волокнистая оболочка фолликула; g — зернистая оболочка фолликула (membrana granulosa); l — изливающаяся изъ полости лопнувшего фолликула жидкость (liquor folliculi) выносить яйцо, окруженное клетками сорваннаго яйценоснаго холмика зернистой оболочки — d (Sobotta).

Маточная, яйцеводная труба состоитъ изъ воронкообразнаго расширенія (ampulla tubae uterinae), тѣла трубы (isthmus tubae uterinae) и маточной части (pars uterina tubae). (См. рис. 1897.)

Тѣло яйцеводной трубы состоитъ изъ трехъ оболочекъ: внутренней — слизистой, средней — мышечной, и наружной — серозной. (Рис. 1900.)

Рис. 1900.

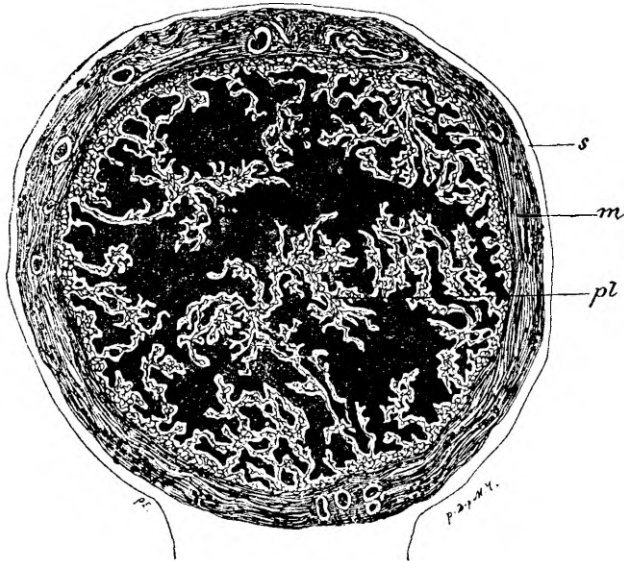

Рис. 1900. Поперечное сѣченіе яйцеводной маточной трубы женщины: *s* — серозная оболочка; *m* — мышечная; *pl* — слизистая оболочка, образующая продольныя высокія вѣтвящіяся складки (Зерновъ).

Слизистая оболочка образуетъ большое количество высокихъ продольныхъ складокъ, несущихъ на себѣ вторичныя продольныя складки, которыя всѣ въ совокупности, вдвигаясь въ просвѣтъ яйцеводной трубы, весь его раздѣляютъ на множество узкихъ, сообщающихся между собой, щелевидныхъ ходовъ. Это особенно рѣзко выражено въ расширенной части трубы и менѣе — въ части, прилегающей къ маткѣ, гдѣ складки сглаживаются понижаясь. Слизистая оболочка толщиною въ 100—200 μ покрыта высо-

кими (15—20 μ) призматическими эпителиальными клетками съ колебательными рѣсничками, двигающимися въ направленіи къ полости матки. (Рис. 1901, 1902.) Онѣ то и передвигаютъ яйцо, попавшее въ трубу, въ полость матки.

Рис. 1901.

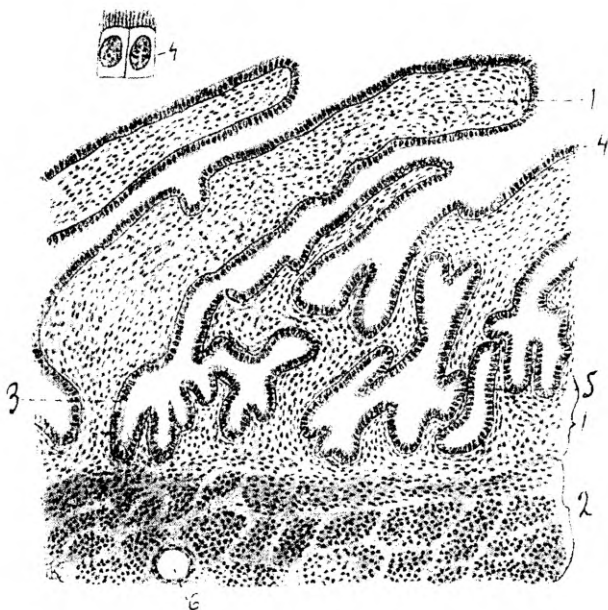

Рис. 1901. Часть поперечнаго сѣченія маточной трубы дѣвочки; 1 — основа слизистой оболочки, образующей складки; 2 — мышечная оболочка; 3 — щелевидныя пространства между складками слизистой оболочки; 4 — эпителий цилиндрической однослойный съ мерцательными рѣсничками; 5 — часть полости трубы между складками слизистой оболочки; 6 — поперечное сѣченіе кровеноснаго сосуда. Увеличеніе 170, а вверху слѣва рисунка изображены двѣ эпителиальныя клітки при большемъ увеличеніи (Böhm und Davidoff).

Эпителиальныя клітки покрываютъ извнутри основную перепонку.

Основа слизистой оболочки состоитъ изъ плотной волокнистой соединительной ткани, элементы которой непосредственно проникаютъ въ мышечную оболочку. Между клей дающими волокнами ея находятся одиночныя, но многочисленныя гладкія мышечныя волокна, осо-

бенно въ части, прилегающей къ маткѣ. Всѣ эти части входятъ въ составъ продольныхъ складокъ слизистой оболочки.

Мышечная оболочка состоитъ изъ двухъ слоевъ: во внутреннемъ слоѣ гладкія мышечныя волокна имѣютъ круговое направленіе, а въ наружномъ — продольное. Между тѣмъ и другимъ слоемъ имѣются волокна переходнаго, косвеннаго направленія. Волокна круговаго слоя продолжаются въ волокна мышцъ матки,

Рис. 1902.

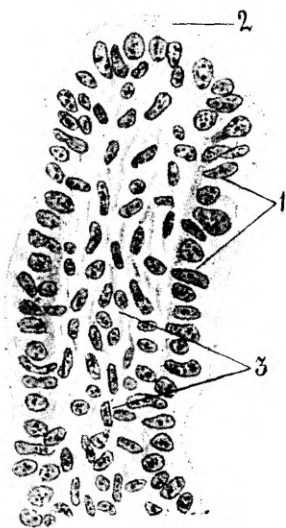

Рис. 1902. Поперечное сѣченіе складочки слизистой оболочки маточной трубы женщины: 1 — ядра кѣтокъ цилиндрическаго эпителия съ мерцательными рѣсничками; 2 — рѣснички; 3 — основа слизистой оболочки изъ волокнистой соединительной ткани. Увеличеніе 480 (Szymonowicz).

а волокна продольнаго слоя — въ волокна круглой маточной связки.

Серозная оболочка только отчасти покрываетъ яйцеводную трубу и имѣетъ обычное строеніе брюшины.

Кровеносные сосуды распространяются въ мышечной оболочкѣ, откуда отходятъ вѣтви въ слизистую оболочку, гдѣ, подъ основной перепонкой, образуютъ густую капиллярную сѣть, изъ которой берутъ начало вены.

Нервныя волокна образуютъ три сплетенія: наружное — брюшинное, среднее — подбрюшинное и внутреннее — межмышечное (Jaques, 1894).

Отъ послѣдняго отходятъ безмякотныя первныя волокна въ толщу слизистой оболочки, гдѣ образуютъ сплетеніе подъ основной перепонкой.

Въ расширенной части яйцеводной трубы имѣется также призмennyй эпителий съ мерцательными рѣсничками, который продолжается и на прилегающую брюшину на пространствѣ 1000 μ въ окружности.

Маточная часть яйцеводной трубы, проникающая чрезъ толщу стѣнки матки, по своему строенію отличается тѣмъ, что въ ней продольныя складки очень низки. Мышечная оболочка ея состоитъ изъ двухъ слоевъ: внутренній слой съ продольнымъ направленіемъ волоконъ, являющихся продолженіемъ мышечныхъ волоконъ слизистой оболочки (*muscularis mucosae*) матки; и наружный слой съ круговымъ направленіемъ волоконъ, продолжающихся въ мышечныя волокна матки.

д. Матка.

Матка, какъ сумка для вынашиванія зародыша, состоитъ изъ трехъ оболочекъ: внутренней (*endometrium*) — слизистой, средней (*myometrium*) — мышечной, наружной (*perimetrium*) — серозной. (Рис. 1903.)

Слизистая оболочка тѣла матки нѣсколько отличается по своему строенію отъ слизистой оболочки шейки матки. Въ періода беременности слизистая оболочка тѣла матки толщиной 1500 μ у дѣвочки и 2000—3000 μ у женщины.

Эпителий ея состоитъ изъ высокихъ (25—30 μ) призмennyхъ клѣтокъ, снабженныхъ рѣсничками и содержащихъ яйцевидное ядро въ наружной части клѣточного тѣла. Двигательныя рѣснички колеблются въ направленіи къ шейкѣ и имѣются только во время періода дѣятельности матки: ихъ совсѣмъ не бываетъ въ дѣтскомъ возрастѣ и въ старости (*Sinety*).

Основная перепонка отдѣляетъ эпителий отъ основы слизистой оболочки.

Основа слизистой оболочки состоитъ изъ элементовъ волокнистой соединительной ткани, среди которыхъ во внутреннемъ слое, прилежащемъ непосредственно къ основной

перепонкѣ, преобладаютъ небольшія (9—12 μ) клѣтки звѣздчатой, пластинчатой, округленной и многогранной формы. Вся толща слизистой оболочки дна и тѣла матки пронизана трубчатыми простыми и вѣтвящимися образованиями, выстланными такими же эпителиальными клѣтками съ рѣсничками, какія покрываютъ поверхность слизистой оболочки.

Рис. 1903.

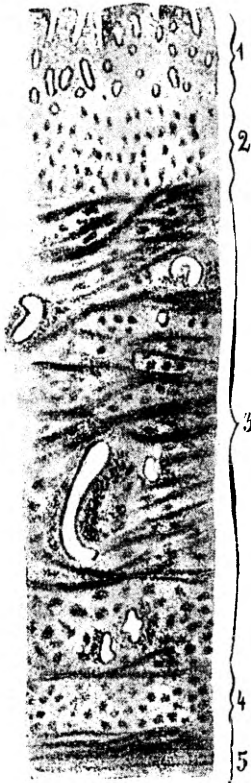

Рис. 1903. Перпендикулярное къ поверхности и продольное сѣченіе стѣнки матки женщины около дна: 1 — слизистая оболочка; 2 — внутренний круговой слой или подслизистый мышечной оболочки; 3 — средний мышечный слой, сѣтчатый или сосудистый; 4 — наружный круговой или подсерозный слой мышечной оболочки; 5 — серозная оболочка. Увеличение 8 (Томпсон).

Поперечникъ трубочекъ равняется 100—150 μ . Эти трубчатые образования называются железами матки (*glandulae uterinae*). (Рис. 1904, 1905.)

Слизистая оболочка шейки матки образуетъ продольныя складки со вторичными отходящими отъ нихъ подъ угломъ складками (*pliscae palmatae*). Эпителий ея состоитъ изъ болѣе высокихъ (40 μ) клѣтокъ съ

болѣе длинными рѣсничками, чѣмъ это было въ слизистой оболочкѣ тѣла матки (Robin).

Рис. 1904.

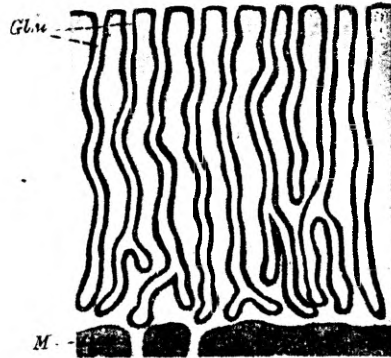

Рис. 1904. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе слизистой оболочки матки (схема): Gl.u — маточныя железы; M — мышечная оболочка матки (Kundrat und Engelmann).

Рис. 1905.

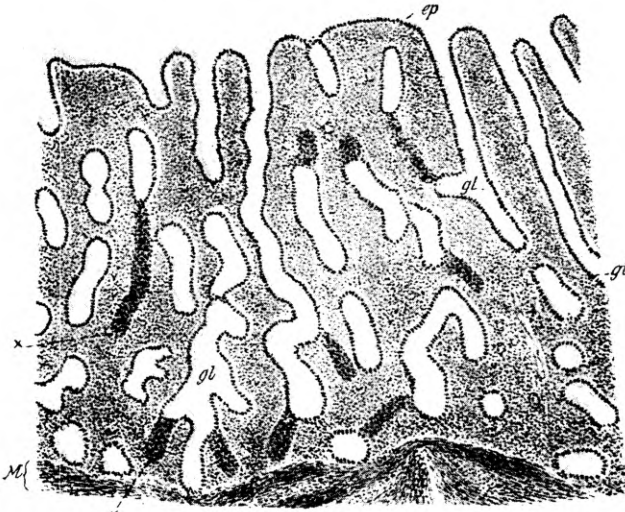

Рис. 1905. Сѣченіе слизистой оболочки матки 20-лѣтней нерожавшей женщины. Слизистая оболочка покрыта однослойнымъ цилиндрическимъ эпителиемъ (ep) съ мерцательными рѣсничками, невидимыми здѣсь; основа ея наполнена множествомъ лейкоцитовъ и образуетъ глубокіе, извиляющіеся, вѣтвящіеся и сообщающіеся мѣстами между собой каналцы или трубочки, называемыя маточными железами — gl; M — мышечная оболочка. Увеличеніе 150 (Sobotta).

Въ области наружнаго отверстія шейки матки этотъ призматическій съ рѣсничками эпителий смѣняется многослойнымъ плоскимъ эпителиемъ, который входитъ въ составъ слизистой оболочки влагалища. (Рис. 1906.)

Рис. 1906.

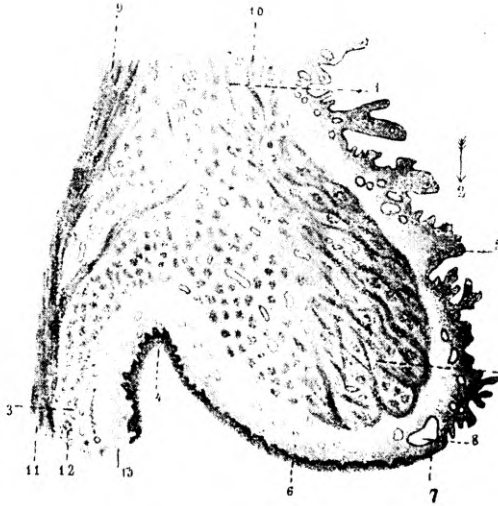

Рис. 1906. Продольное сѣченіе влагалищнаго конца матки 24-лѣтней нерожавшей женщины, показывающее смѣну однослойнаго цилиндрическаго эпителия (— 5) слизистой оболочки матки, многослойнымъ плоскимъ эпителиемъ (— 6) слизистой оболочки влагалища: 1 — шейка матки съ 1' — маточнымъ рыльцемъ; 2 — полость канала маточной шейки; 3 — стѣнка влагалища; 4 — сводъ

влагалища; 5 — цилиндрическій эпителий матки; 6 — многослойный плоскій эпителий влагалища; 7 — мѣсто смѣны эпителия; 8 — *ovulum Naboti* — раздунная отъ накопленія содержимаго слизистой железа маточнаго рыльца; 9 — продольный мышечный слой шейки матки; 10 — сѣтевидный мышечный слой ея же; 11, 12 — наружный и внутренній слой мышечной оболочки влагалища; 13 — основа слизистой оболочки влагалища. Увеличеніе 4 (Fourneau).

Основа слизистой оболочки шейки матки содержитъ менѣе клѣточныхъ элементовъ, чѣмъ это бываетъ въ слизистой оболочкѣ тѣла матки. Въ ней помѣщаются трубчатые и грушевидно у сѣпного конца расширенныя железы (*glandulae cervicales*), основная перепонка которыхъ выстлана изнутри высокими бокаловидными слизистыми клѣтками.

Мышечная оболочка (*tunica muscularis*) состоитъ изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ, расположенныхъ въ большое количество пучковъ съ самымъ разнообразнымъ направленіемъ. Но во внутренней части

они располагаются болѣе правильно въ круговомъ направленіи, образуя здѣсь тонкій внутренній или подслизистый слой (*stratum submucosum*). Въ средней части пучки образуютъ сѣтевидное сплетеніе, пронизанное громаднымъ количествомъ кровеносныхъ сосудовъ (*stratum vasculosum*); это самый толстый мышечный слой. Кнаружи отъ него пучки имѣютъ главнымъ образомъ или круговое, или косвенное направленіе, но имѣется и продольное (*stratum subserosum*).

Всѣ эти слои образованы изъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ, между которыми содержится значительное количество промежуточной рыхлой волокнистой соединительной ткани, въ которой проходятъ кровеносные и лимфеносные сосуды и нервы. Во время беременности величина каждаго мышечнаго волокна возрастаетъ, достигая въ длину 500 μ .

Кровеносные сосуды матки имѣютъ очень извилистый ходъ, проникаютъ въ средній сосудистый мышечный слой и здѣсь образуютъ густую сѣть, отъ которой отходятъ артеріи въ наружный и внутренній мышечные слои а также къ слизистой оболочкѣ, гдѣ даютъ густыя капиллярныя сѣти. Вены начинаются изъ этихъ сѣтей и имѣютъ обратный артеріямъ ходъ.

Лимфеносные сосуды образуютъ три главныхъ сѣти: одну въ слизистой оболочкѣ, другую въ мышечной и третью въ серозной. (Мержеевскій 1879.)

Нервы матки состоятъ изъ мякотныхъ и безмякотныхъ нервныхъ волоконъ. Въ толщѣ основы слизистой оболочки безмякотныя нервныя волокна образуютъ сплетеніе, отъ котораго отходятъ концевыя вѣточки, раздѣляются на первичныя волоконца и, прободая основную перепонку, заканчиваются свободно между эпителиальными клѣтками, выстилающими трубочки и поверхность слизистой оболочки (Гавронскій).

е. Влагалище.

Влагалище состоитъ изъ двухъ оболочекъ: внутренней — слизистой оболочки и наружной — мышечной.

Эпителий слизистой оболочки влагалища многослойный плоский толщиной въ 300—450 μ .

Основная перепонка отдѣляетъ его отъ основы слизистой оболочки, состоящей изъ плотной волокнистой соединительной ткани, богатой эластинными волокнами. Какъ въ кожѣ, основа раздѣляется на сосочковый слой, состоящій изъ ряда конусовидныхъ и цилиндрическихъ сосочковъ, и сѣтчатый, болѣе плотный. (Рис. 1907.) Въ толщѣ основы встрѣчаются скоп-

Рис. 1907.

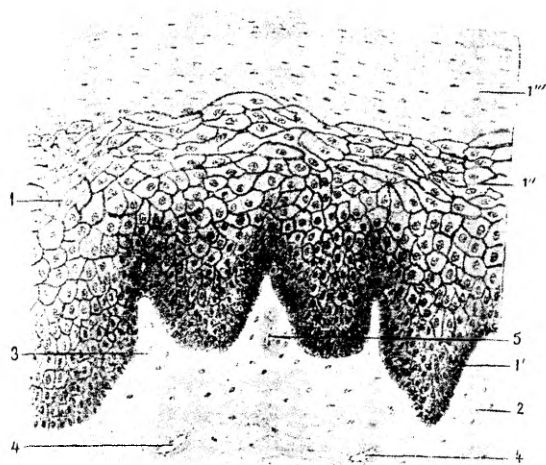

Рис. 1907. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе слизистой оболочки влагалища взрослой женщины: 1', 1'', 1''' — многослойный плоскій эпителий съ его слоями; 2 — основа слизистой оболочки съ сосочковымъ слоемъ — 3; 4, 5 — кровеносные сосуды. Увеличеніе 150 (Tourneux).

ленія лейкоцитовъ, подобныя разлитымъ фолликуламъ.

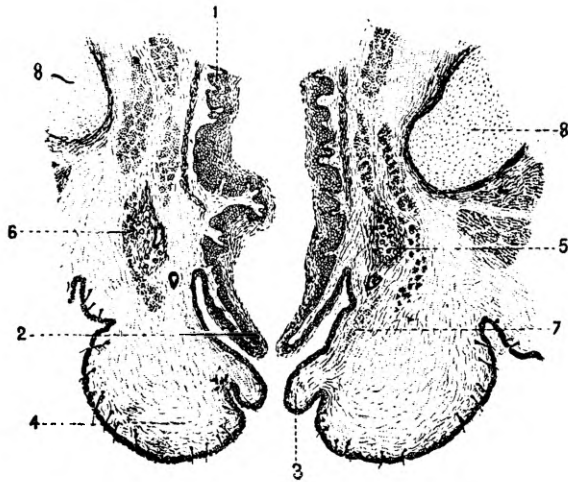
Мышечная оболочка состоитъ изъ двухъ слоевъ: внутренняго съ круговымъ направленіемъ пучковъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-кѣтокъ толщиной въ 350 μ и наружнаго — съ продольнымъ направленіемъ волоконъ толщиной въ 600 μ . Между этими слоями въ срединѣ находятся пучки переходнаго отъ одного къ другому направленія.

ж. Дѣвственная плева.

Въ нижней части влагалища образуетъ круговую полную или неполную складку изъ слизистой оболочки своей задней стѣнки, выступающую въ просвѣтъ входа въ полость влагалища. Эта складка называется дѣвственной плевой (hymen). (Рис. 1908).

Рис. 1908.

Рис. 1908. Продольное справа налѣво сѣченіе стѣнокъ канала наружныхъ половыхъ органовъ и влагалища зародыша чело-вѣка длиною въ 20/31 сантиметр.: 1 — стѣнка влагалища; 2 — дѣвственная плева; 3 — малыя губы; 4 — большія губы; 5 — влагалищно-преддверная железа; 6 — поперечное сѣченіе поперечно-полосатой мышцы, суживающей входъ во влагалище, *constrictor vulvae* (*m. bulbo-cavernosus*); 7 — сжиматель изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ; 8 — нисходящія колѣна лонной кости. Увеличеніе 4,5 (Tourneux).

Эпителий многослойный плоскій на ея внутренней поверхности болѣе толстъ, чѣмъ на наружной.

Слизистая оболочка влагалища не имѣетъ железъ. Основа слизистой оболочки влагалища соединяется съ мышечной оболочкой подслизистымъ слоемъ изъ рыхлой волокнистой соединительной ткани.

Въ толщѣ основы слизистой оболочки дѣвственной плевы встрѣчаются скопленія расширенныхъ венъ, образующихъ сѣть, и пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ. Этимъ объясняется растяжимость до нѣкоторой степени дѣвственной плевы и значительное кровоизліяніе послѣ ея разрыва.

3. Наружныя половыя части: входъ во влагалище, малыя губы, клиторъ и большія губы.

Наружныя части женскаго полового устройства (*partes genitales externae*) состоятъ изъ входа во влагалище (*introitus s. vestibulum vaginae*), малыхъ губъ, клитора и большихъ губъ. (См. рис. 1908.)

Слизистая оболочка влагалища распространяется снаружи на наружныя половыя части до наружной поверхности малыхъ губъ.

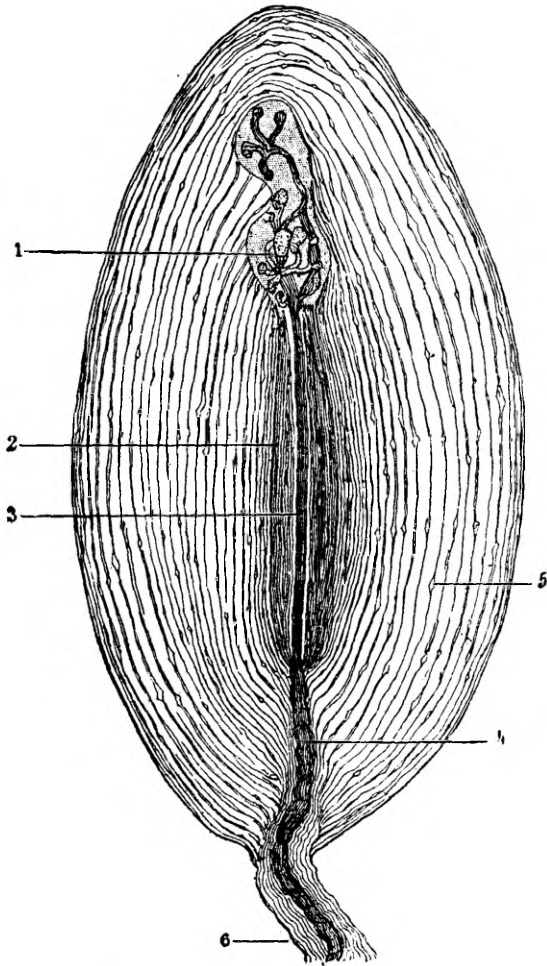
У **входа во влагалище** изливаютъ свое содержимое большія преддверныя железы (*glandulae vestibulares majores*), которыя открылъ **Duverney** (1676) у коровы, а **Bartholin** (1680) у женщины. Онѣ соответствують залуковичнымъ железамъ Cowper'a у мужчины. Это слизистыя сложныя трубчатыя железы, между отдѣлительными мѣшечками которыхъ находится промежуточная рыхлая волокнистая соединительная ткань. Форма мѣшечковъ образована основной перепонкой и выстлана извнутри прозрачными отдѣлительными призмическими клѣтками, расположенными въ одинъ слой. Выводные протоки этихъ железъ выстланы кубическими и призмическими клѣтками (Sinéty, 1880), а ихъ главный выводной протокъ выстланъ многослойнымъ плоскимъ эпителиемъ въ концевой части и однослойнымъ многоядернымъ — въ болѣе глубокихъ частяхъ.

Малыя губы (*labia minora pudendi*) имѣютъ основу изъ волокнистой соединительной ткани съ большимъ содержаниемъ въ ней эластичныхъ волоконъ. Эта основа покрыта на внутренней поверхности слизистой оболочкой, идущей непосредственно изъ влагалища, а на наружной — кожей, переходящей на нее съ большихъ губъ. Основа малыхъ губъ содержитъ большое количество кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ. Мякотныя нервныя волокна заканчиваются концевыми образованиями въ видѣ чувствительныхъ тѣлецъ Раcini, Meissner'a, Краусе и половыхъ чувствительныхъ тѣлецъ. (Рис. 1909—1916.) Безмякотныя нервныя волокна, раздѣлившись на первичныя нервныя волокна,

прободающія основную перепонку, свободно закапчиваются между клѣтками многослойнаго плоскаго эпителия. На наружной поверхности малыхъ губъ открываются многочисленныя сальныя железы, которыя

Рис. 1909.

Рис. 1909. Продольное сѣченіе тѣльца Vater-Pacini: 1 — кисточка волоконцецъ, которой заканчивается главное нервное волокно — 3; 2 — центрально-осевая полость тѣльца; 4 — канатикъ или нервное волокно, отдающее отъ себя во всѣ стороны пластинки, отходящія концентрично и образующія оболочку тѣльца — 5; 6 — оболочка Henle нервнаго волокна (Ravi-rier).

достигаютъ полнаго развитія только во время беременности (Wertheimer 1882.)

Большія губы (*labia majora pudendi*) образованы складкой кожи и подкожной клѣтчаткой, содержащей большое количество жировыхъ клѣтокъ. Кромѣ того,

какъ и подкожная клетчатка мошонки, она содержитъ большое количество гладкихъ мышечныхъ волоконъ, расположенныхъ своей осью перпендикулярно къ свободной

Рис. 1910.

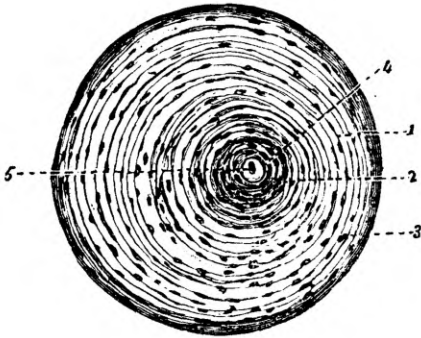
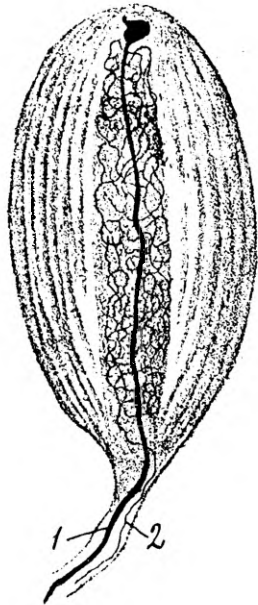

Рис. 1910. Поперечное сѣченіе чувствительнаго тѣльца Vater-Pacini изъ кожи ребенка; 1, 2 — пластинки оболочки тѣльца; 3 — ядра пластинчатыхъ клетокъ волокнистой соединительной ткани, выстилающихъ изнутри поверхности пластинокъ оболочки тѣльца; 4 — внутренняя колба или полость тѣльца; 5 — осевой цилиндръ нервнаго волокна. Увеличение 80 (Догель).

Рис. 1911.

Рис. 1911. Продольное сѣченіе тѣльца Vater-Pacini, обработаннаго по способу Golgi: 1 — главное нервное волокно; 2 — побочное нервное волокно (Тимофеевъ, Пржевальскій).

поверхности. Въ этомъ же слоѣ заложены мягкотныя нервныя волокна, заканчивающіяся концевыми тѣльцами Pacini. (См. рис. 1909—1911.)

Кожа больших губ тонка и содержит также тонкую подкожицу, клетки которой в глубоких слоях содержат темные пигментные зерна, в частях, прилегающих к малым губам. Кожа их со-

Рис. 1912.

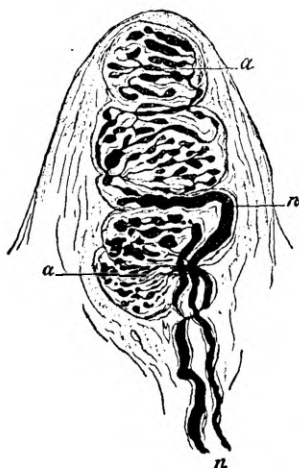

Рис. 1912. Продольное сечение осязательного тельца Meissner'a в кожу ладонной поверхности указательного пальца взрослого человека: п — мякотные нервные волокна, входящая в тельце; а — клубочки осязательных концевых нервных блешек и осязательных клеток (Ranvier).

Рис. 1913.

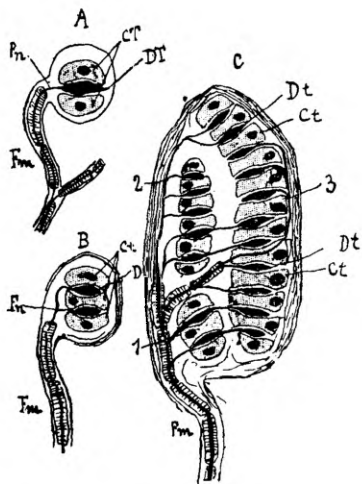

Рис. 1913. Схема строения осязательного тельца Meissner'a: А — простое тельце Grandry; В — сложное тельце Grandry; С — тельце Meissner'a; Fm — мякотное нервное волокно; Pn, Fn — безмякотное волокно; Ct — осязательные клетки; D, Dt — чувствительная нервная блешка (Dival).

держит тонкие волосы, сальные железы и крупные потовые железы.

Клитор (clitoris) соответствует наружному мужскому половому члену без мочеиспускатель-

наго канала и потому состоитъ изъ двухъ только пещеристыхъ тѣлъ, покрытыхъ снизу слизистой оболочкой, распространяющейся на него со входа во влагалище.

Головка клитора (*glans clitoridis*) состоитъ изъ волокнистой соединительной ткани, образующей на своей

Рис. 1914.

Рис. 1914. Цилиндрическая концевая колба Krause изъ соединительной оболочки глаза теленка (Golgi).

Рис. 1915.

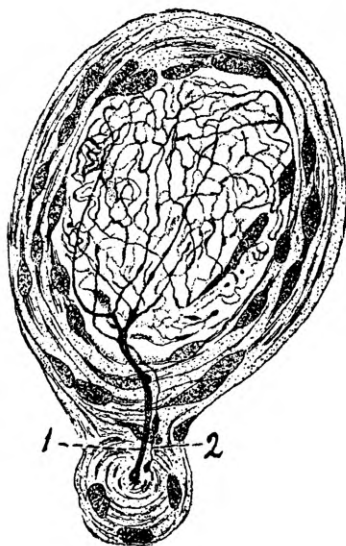

Рис. 1915. Продольное сѣченіе шаровидной колбы Krause: 1 — главное нервное волокно; 2 — побочное нервное волокно (Golgi).

наружной поверхности высокіе (70—80 μ) конусовидные сосочки, покрытые многослойнымъ плоскимъ эпителиемъ. Въ этихъ сосочкахъ, какъ и глубже ихъ въ ткани, многи-

сленныя нервныя волокна заканчиваются концевыми чувствительными тѣльцами Pacini, Meissner'a, Krause, чувствительными половыми тѣльцами и свободно оканчивающимися между эпителиными клетками концевыми первичными нервными волокнами. (См. рис. 1909—1916.) Крайняя плоть клитора (*praeputium clitoridis*) образована складкой

Рис. 1916.

Рис. 1916. Продольное сѣченіе чувствительныхъ половыхъ тѣлецъ изъ наружной волокнистой соединительнотканной оболочки предстательной железы собаки: а — главное мякотное нервное волокно тѣльца; б — побочное безмякотное нервное волокно тѣльца. Увеличеніе 250 (Тимофеевъ).

малыхъ губъ, возвышающей надъ нимъ, и имѣть одинаковое съ послѣдними строеніе. У основанія клитора имѣется одна сложная трубчатая железа величиною въ 2000—3000 μ въ поперечникъ; это — клиторовая железа (*glandula clitoridis*; Wertheimer, 1883). Кромѣ того вокругъ основанія клитора имѣются маленькія простыя трубчатыя слизистыя железы, какъ и вокругъ отверстія мочеиспускательнаго канала.

Г. Развитие полового устройства.

1. Образование половых железъ.

На верхней части внутренней вогнутой поверхности промежуточной почки соответственно мочеполовой складкѣ (*plica urogenitalis*) (рис. 1917) закладывается яйцевидной формы образование, известное подъ названіемъ полового возвышенія (*eminentia genitalis*), такъ какъ

Рис. 1917.

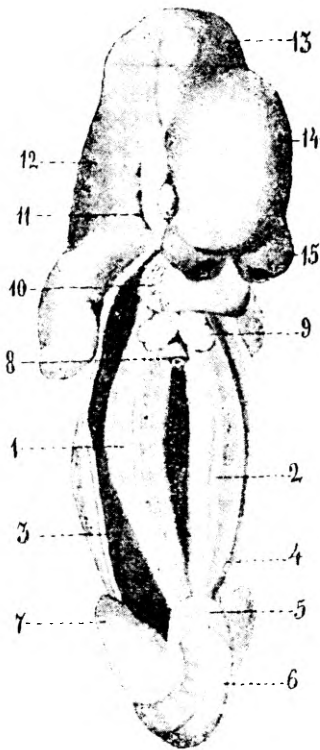

Рис. 1917. 5-недѣльный человѣческій зародышъ со снятыми передней или брюшной стѣвкой и брюшными органами кромѣ промежуточныхъ почекъ — 1; 2 — мочеполовая или зародышевая складка; 3 — полость тѣла; 4 — боковая стѣнка тѣла; 5 — половой бугорокъ; 6 — хвостовой конецъ; 7 — нижняя конечность; 8 — кишка; 9 — легочные пузырьки; 10 — сердце; 11 — первая жаберная бороздка; 12 — задній мозгъ; 13 — средній мозгъ; 14 — передній мозгъ; 15 — лобный выступъ. Увеличеніе 10 (Kollmann).

оно даетъ начало половой железнѣ. (Рис. 1918, 1919.) Масса его состоитъ изъ мезодермныхъ элементовъ, покрытыхъ зародышевымъ эпителиемъ (*epithelium germinativum*). Это возвышеніе разрастаясь все болѣе и болѣе выпячивается въ полость тѣла и остается соединеннымъ съ

промежуточной почкой посредством широкой брюшной связки (*mesorchium s. mesotestis, mesovarium*).

Во время этого формирования зачатка половой железы въ покрывающемъ его зародышевомъ эпителиѣ, состоящемъ

Рис. 1918.

Рис. 1918. Мочеполовое устройство 40-дневнаго человѣческаго зародыша, у котораго передняя брюшная стѣнка срѣзана и отогнута книзу; всѣ другіе органы удалены: 1 — промежуточная почка; 2 — верхній конецъ ея; 3 — подвздошная связка-направитель; 4 — протокъ Wolff'a; 5 — зачатокъ половой железы; 6 — кишка; 7 — первичный мочевой мѣшокъ (*allantois*); 8 — пупочная артерія; 9 — пупочная вена. Увеличение 12 (Kollmann).

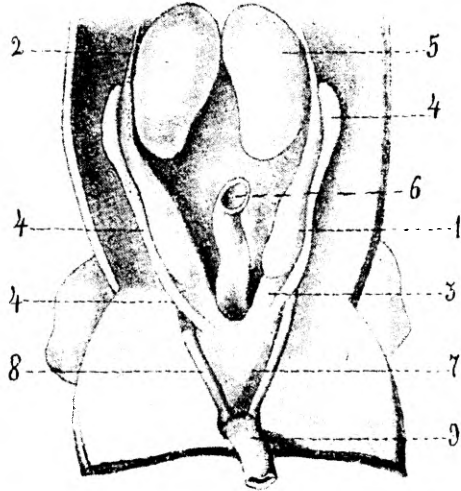

Рис. 1919.

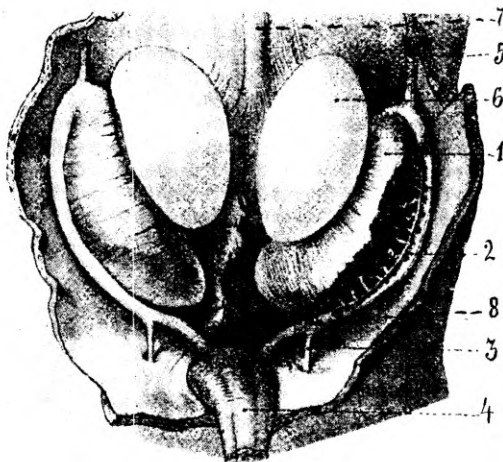

Рис. 1919. Половая железа и промежуточная почка, на правой сторонѣ отчасти вскрытая, чтобы обнаружить вскрытый протокъ Wolff'a и впадающія въ него мочеотдѣлительныя извитыя трубочки у 6-недѣльнаго зародыша человаѣка длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — промежуточная почка; 2 — протокъ Wolff'a; 3 — подвздошная связка — направитель яичка (*gubernaculum testis*); 4 — протокъ мочевого мѣшка; 5 — поддерживающая связка; 6 — половая железа; 7 — аорта; 8 — прямая кишка. Увеличение 15 (Kollmann).

Рис. 1920.

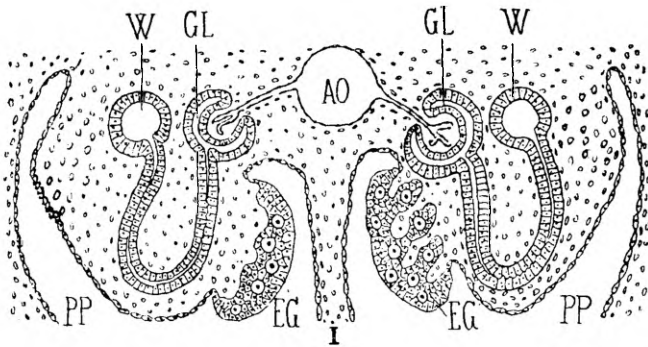

Рис. 1920. Развитие зачатка половой железы на поперечном сечении зародыша в данной области (подусхема): I — брыжейка; PP — полость тела; AO — аорта; GL — почечное тельце; W — проток Wolff'a; EG — зародышевый эпителий, разрастающийся на половой складке (plica genitalis); сивра зачаток половой железы значительно увеличился размножением клеток зародышевого эпителиа (Duval).

Рис. 1921.

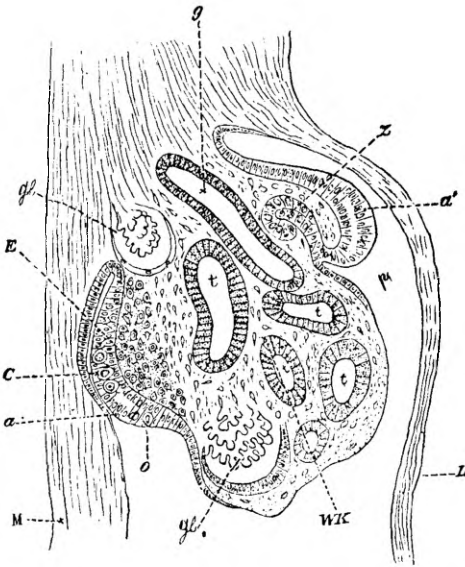

Рис. 1921. Поперечное сечение 4-дневного зародыша дыпленка через промежуточную почку: M — брыжейка; L — ствика брюшной полости; p — полость тела; WK — промежуточная почка; a' — часть зародышевого эпителиа, в которомъ имѣется начальное отверстие протока Müller'a — z; g — сѣчение протока Wolff'a; t — сѣчение извитыхъ мочеотдѣлительныхъ трубочекъ; gl — почечное тельце; a — зародышевый эпителий (epithelium germinativum); C, o — первичныя яйца; E — элементы мезодермы, въ которую вѣдряются клѣтки зародышевого эпителиа. Увеличение 160 (Waldeyer).

изъ высокихъ призматическихъ клетокъ, появляются большія шаровидныя клетки, известныя подъ названіемъ первичныхъ яицъ. (Рис. 1920—1922.) Клетки эпителия быстро размножаются и потомство ихъ въ видѣ цѣлыхъ клеточныхъ шнуровъ опускается съ поверхности внутрь подлежащей мезодермной массы зачатка половой железы. Это — половые шнуры. (Рис. 1923, 1924.)

Рис. 1922.

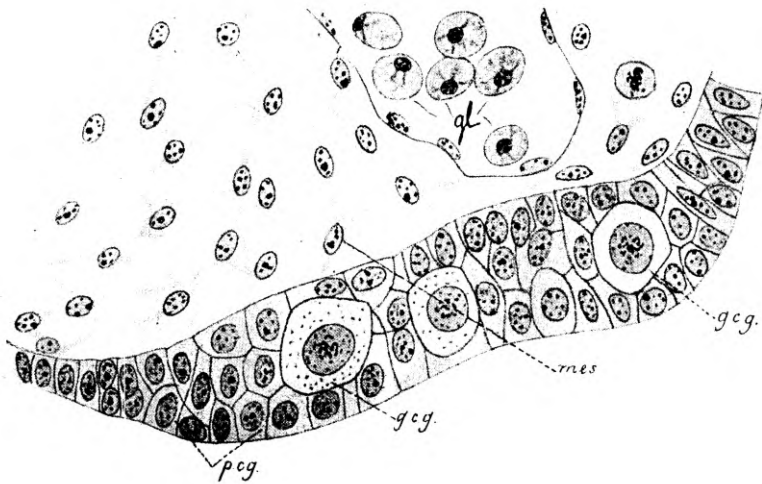

Рис. 1922. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе зачатка половой железы 4-дневнаго зародыша курицы: *p.c.g.* — малыя клетки зародышеваго эпителия; *g.c.g.* — большія клетки его же или первичныя яйца; *mes* — клетки мезодермы; *gl* — красныя кровяныя тѣльца внутри кровеноснаго сосуда. Увеличеніе 1200 (Prenant).

Съ другой стороны въ промежуточной почкѣ эпителиныя клетки стѣнокъ почечныхъ тѣлецъ (Malpighi), ближайшихъ къ зачатку половой железы, размножаясь образуютъ цѣлое потомство, которое слагается въ плотныя клеточныя шнуры, выходящія изъ промежуточной почки, вѣдряющіяся въ толщю брюшинной связки (*mesorchium*, *mesovarium*). Здѣсь шнуры развѣтвляются, соединяются между собой и образуютъ цѣлую сѣть эпителиныхъ клеточныхъ шнуровъ. Отъ этой сѣти отходятъ клеточныя шнуры внутрь зачатка половой железы и тамъ входятъ въ связь съ шнурами клетокъ, происшедшихъ

отъ зародышеваго эпителия, покрывающаго зачатокъ половой железы. (Рис. 1925, 1926.)

Съ этого времени въ зачаткѣ половой железы имѣются два вида эпителиальныхъ клѣтокъ. Однѣ клѣтки прои-

Рис. 1923.

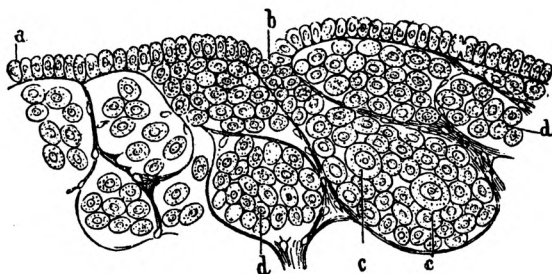
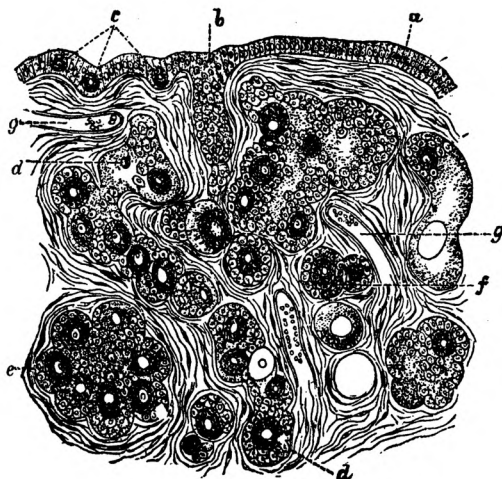

Рис. 1923. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе зачатка половой железы 12-недѣльнаго зародыша человѣка: а — зародышевый эпителий; б — шнуръ эпителиальныхъ клѣ-

токъ, врастаетъ въ подлежащую мезодерму и тамъ колбообразно расширяется вслѣдствіе размноженія составляющихъ его клѣтокъ, изъ которыхъ с — первичныя яйца; d — кучки эпителиальныхъ клѣтокъ. Увеличеніе 300 (Waldeyer).

Рис. 1924.

Рис. 1924. Перпендикулярное къ поверхности сѣченіе яичника новорожденной дѣвочки: а — зародышевый эпителий; с — первичныя яйца; b, d — яйцеродные шнуры клѣтокъ; e — куча первичныхъ фолликуловъ; f — одиночныя первичныя фолликулы; g — кровеносный сосудъ (Waldeyer).

зошли отъ клѣтокъ зародышеваго эпителия и въ будущемъ преобразуются въ яичниковыя яйца, если это будетъ женская половая железа, или въ сѣменородныя клѣтки, сперматогоніи, если это будетъ мужская по-

ловая железа. Другія клітки произошли изъ эпителия оболочки почечныхъ тѣлецъ (Malpighi) промежуточной почки; онѣ болѣе многочисленны, имѣютъ многогранную форму и служатъ поддерживающими клітками, образуя впоследствии зернистый эпителиальный слой вокругъ яйца, если это женская железа,

Рис. 1925.

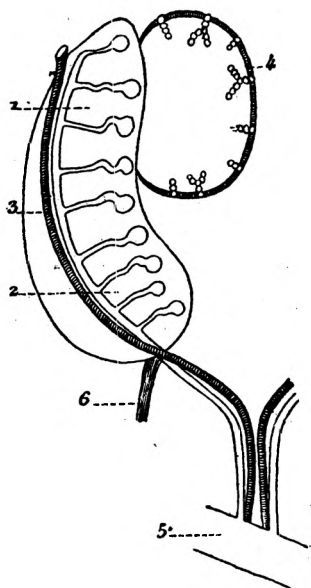

Рис. 1926.

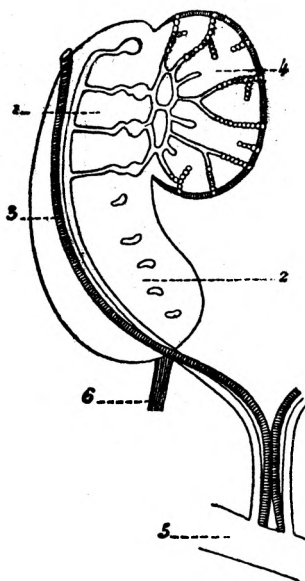

Рис. 1925, 1926. Двѣ начальныя послѣдовательныя стадіи развитія половой железы зародыша челоуѣка въ ея безразличномъ половомъ состояніи (схемы): 1 — половая часть промежуточной почки; 2 — ея мочеотдѣлительная часть; 3 — протокъ Müller'a; 4 — зачатокъ половой железы; 5 — мочеполая пауза; 6 — подвздошная связка-направитель (gubernaculum) (Tourneux).

или поддерживающія клітки Sertoiі въ извитыхъ сѣменообразовательныхъ трубкахъ, если это мужская половая железа. (Рис. 1927.)

Въ развитіи половой железы бываетъ періодъ, когда нѣтъ возможности опредѣлить: какого пола будетъ зародышъ? Это періодъ неопредѣлившейся, безразличной половой железы (stadium indifferentivum). Если на срединѣ второго мѣсяца у челоуѣческаго зародыша половые

шнурѣ, пронизывающіе всю толщѣ зачатка половой железы, теряютъ связь, отдѣляются отъ слоя зародышеваго эпителия покрывающаго снаружи зачатокъ половой железы, и окружаются въ своей совокупности элементами мезодермы, а клѣтки зародышеваго эпителия зна-

Рис. 1927.

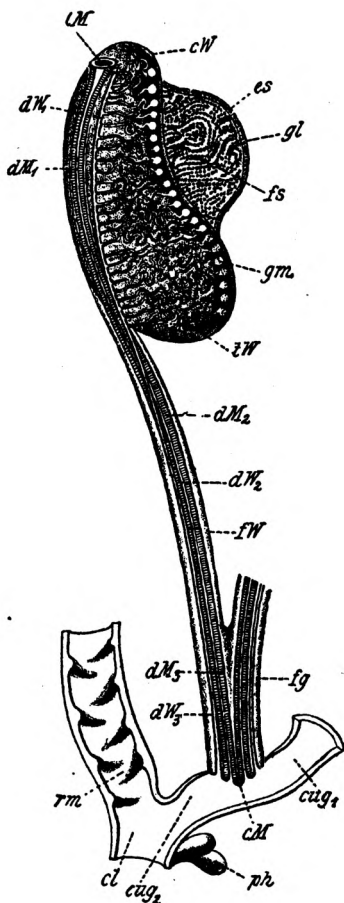

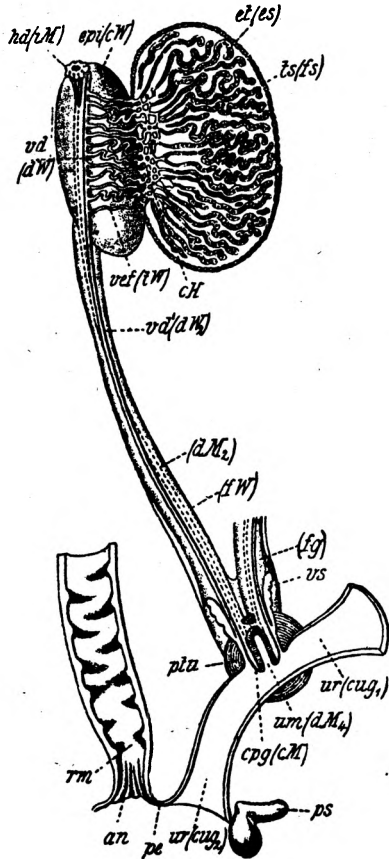
Рис. 1927. Схема соотношенія промежуточной почки и безразличной въ половомъ отношеніи стадіи развитія половой железы — *gl*, промежуточной почки — *cW* и протоковъ: Wolff'a — *dW₁*, *dW₂*, *dW₃* и Müller'a — *dM₁*, *dM₂*, *dM₃*; *iM* — воронкообразное расширение въ полость тѣла протока Müller'a; *es* — зародышевый эпителий; *tW* — извитыя мочетдѣлительныя трубочки промежуточной почки, соединяющіяся однимъ концемъ съ протокомъ Wolff'a, а другимъ съ почечными тѣльцами — *gm*; *fs* — клѣточные шнуры, врастающіе въ зачатокъ половой железы со стороны трубочекъ верхняго отдѣла промежуточной почки; *fW* — мочеполовая складка; *fg* — половая трубка; *sug₁*, *sug₂* — мочеполовая пазуха (*sinus uro-genitalis*); *cM* — бугорокъ Müller'a; *cl* — клоака; *rm* — прямая кишка; *ph* — половой бугорокъ (*Michalkowicz*).

чительно уменьшаются въ своей высотѣ, то такая половая железа превращается въ мужскую половую железу. (Рис. 1928, 1929.) Половые шнуры тогда превращаются въ сѣменообразовательныя трубки, которыя потомъ разрастаются вдлину и извиваются. Сѣть шнуровъ, об-

разовавшаяся въ связкѣ между промежуточной почкой и половой железой, превращается въ сѣть сѣменоотводныхъ трубочекъ средостѣнія мужской половой железы (rete testis s. Halleri). Половые шнуры, преобразовавшись въ сѣменообразовательныя трубочки, содержатъ

Рис. 1928.

Рис. 1928. Схема развитія мужского полового устройства изъ безразличной въ половомъ отношеніи стадіи рис. 1927: *hd* — пузырчатый придатокъ на головкѣ придатка сѣменника — *epi*; *vd* — протокъ придатка сѣменника; *vd'* — относящій сѣмя протокъ; *vef* — выносящіе сѣмя протоки придатка (ductuli efferentes); *сН* — сѣть канальцевъ сѣменника (rete testis); *et* — покровный эпителий сѣменника; *ts* — извитыя сѣмеообразовательныя трубочки (tubuli seminiferi contorti); *vs* — сѣменной пузырькъ; *ptu* — предстательная железа; *срг* — сѣменной бугорокъ; *um* — мужская матка или предстательный пузырькъ (нижній конецъ сросшихся протоковъ Müller'a); *ur* — мочеполовая пазуха или мочеиспускательный каналъ; *ps* — половой членъ (penis); *pe* — промежность; *an* — заднепроходное отверстіе; *gm* — прямая кишка; обозначенныя точками части исчезли; знаки въ скобкахъ сравн. рис. 1927 (Michalkowicz).

половыя клѣтки — мужскія яйца, т. е. сѣмеообразовательныя клѣтки (spermatogoniae), происходящія изъ высокыхъ призматическихъ эпителиальныхъ клѣтокъ зародышеваго эпителия зачатка половой железы, и поддерживающія клѣтки — клѣтки Sertoli, происходящія изъ эпителия мочевыхъ канальцевъ промежуточной почки (M. Braun, 1876;

Balfour, 1878; Rouget, 1879; Waldeyer, 1887; Semon, 1887).
(Рис. 1931, 1932.)

Половая железа превращается въ женскую половую железу — яичникъ въ томъ случаѣ, если половые шнуры остаются продолжительное время въ связи съ зародышевымъ эпителиемъ, ее покрывающимъ, который въ теченіи всей жизни сохраняетъ свой характерный

Рис. 1929.

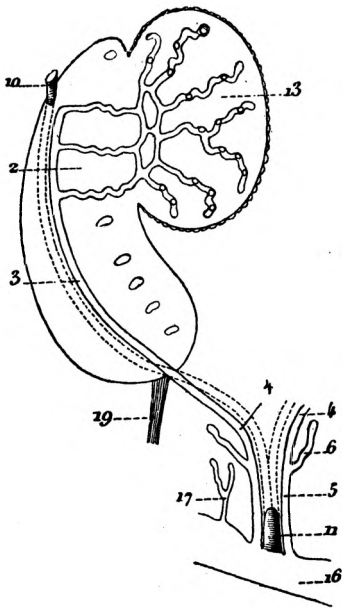

Рис. 1930.

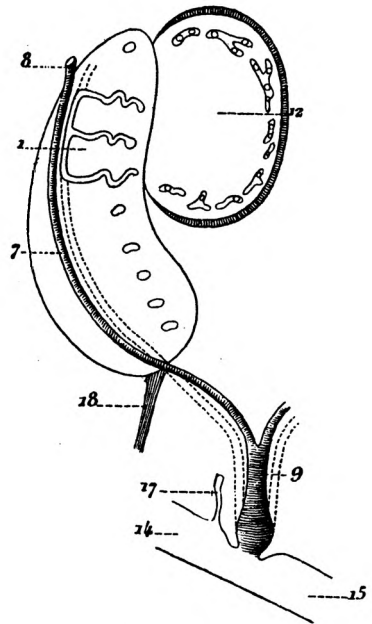

Рис. 1929, 1930. Двѣ дальнѣйшія стадіи развитія половой железы мужской (рис. 1929) и женской (рис. 1930) съ половыми органами (схемы): 1 — придатокъ яичника (parovarium); 2 — придатокъ сѣменника (epididymis); 3 — протокъ придатка сѣменника; 4 — относящій сѣмя протокъ (ductus deferens); 5 — выбрасывающій сѣмя протокъ (ductus ejaculatorius); 6 — сѣменной пузырекъ; 7 — маточная или яйцеводная труба; 8 — воронкообразное расширение трубы; 9 — половая трубка (canalis utero-vaginalis); 10 — пузырьчатый придатокъ (appendix vesiculosa epididymidis); 11 — мужская матка (uterus masculina); 12 — яичникъ; 13 — сѣменникъ; 14 — мочеиспускательный каналъ; 15 — преддверный каналъ; 16 — предстательная часть мочеиспускательнаго канала; 17 — предстательная железа; 18 — круглая маточная связка; 19 — направитель (gubernaculum) (Tourneux).

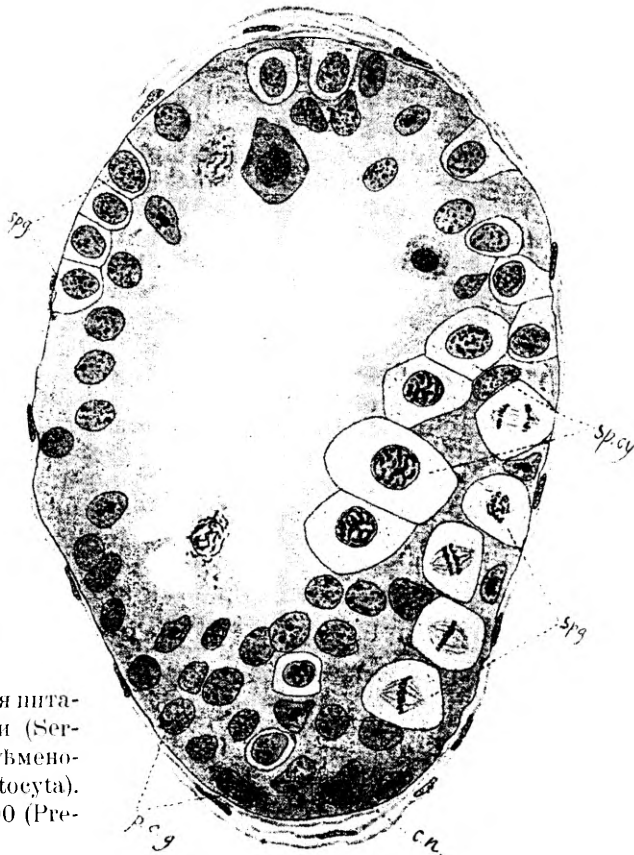
Рис. 1931.

Рис. 1931. Поперечное сечение сѣменообразовательной трубочки зародыша морской свинки: о — рѣзко отграниченные крупныя клѣтки — первичныя яйца; е — ядра неотграниченныхъ клѣтокъ, выстилающихъ стѣнки трубочки — зародышевыхъ клѣтокъ. Увеличение 1000 (Prenant).

Рис. 1932.

Рис. 1932. Поперечное сѣчение сѣменообразовательной трубочки 35-дневной морск. свинки. Стадія преобразования однообразныхъ клѣточныхъ элементовъ эпителия въ спеціальныя: р. с. г — малыя зародышевыя клѣтки; spg — сѣменородныя клѣтки (spermatogonia) въ стадіи размноженія дѣленіемъ; с. п — поддерживающія питательныя клѣтки (Sertoli); sp. cy — сѣменоклѣтки (spermatocyt). Увеличение 1000 (Prenant).

видъ; если половые шнуры потомъ отдѣляются какъ отъ зародышеваго эпителия, такъ и отъ сѣти шнуровъ, расположенныхъ въ брюшинной связкѣ между промежуточной почкой и половой железой. (Рис. 1930, 1933.)

Рис. 1933.

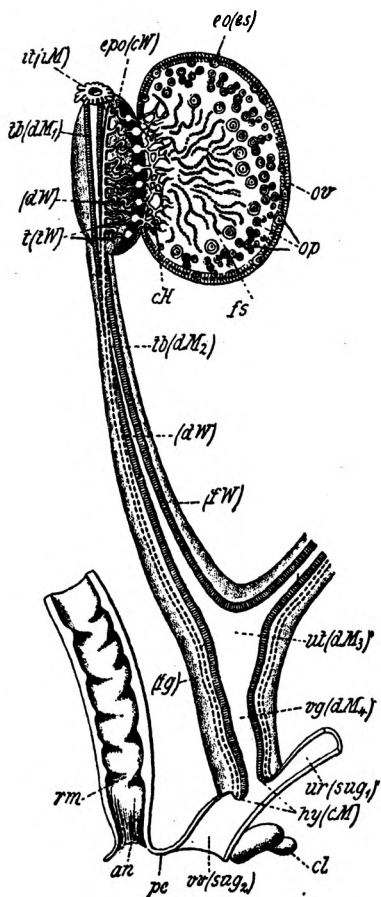

Рис. 1933. Схема развития женскаго полового устройства изъ безразличной въ половомъ отношеніи стадіи, изображенной на рис. 1927: it (см. рис. 1927 и 1928 iM) — воронкообразное расширение брюшнаго конца маточной трубы; tb — яйцеводная или маточная труба; dW — верхняя часть протока Wolff'a и t — часть извитыхъ трубочекъ верхней части промежуточной почки остаются въ видѣ придатка яичника — parovarium — ep; eo — покровный эпителий яичника; ov — первичныя яйца; ov — женская половая железа — яичникъ; fs — клѣточные тяжи, выросшіе изъ промежуточной почки и образующіе на границѣ съ послѣдней сѣтъ — ch, съ которой впоследствии теряютъ связь; ut — матка; vg — влагалище; hu — дѣвственная плева; ur — мочеполовая пауза; vv — преддверіе влагалища; cl — клиторъ; re — промежность; an — заднепроходное отверстіе; gm — прямая кишка; точками обозначенныя части исчезли (Michalkowicz).

Половые шнуры послѣ того располагаются въ поверхностномъ слоеѣ женской половой железы. Здѣсь ихъ обнаружили **Valentin** (1838), **Billroth** (1856) и **Pflüger** (1863), почему они называются шнурами Valentin-Pflüger'a. (См. рис. 1923.)

Потомъ каждый изъ этихъ шнуровъ раздробляется на послѣднемъ мѣсяцѣ утробной жизни на извѣстное число шаровидныхъ клѣточныхъ кучекъ. Въ центрѣ такой кучки всегда имѣется большая шаровидная клѣтка — первичное яйцо. (См. рис. 1924.) Клѣтки, окружающія это яйцо, расположены въ одинъ слой, имѣютъ кубическую форму, происходятъ изъ эпителиальныхъ клѣтокъ промежуточной почки. (Рис. 1934.) Число такихъ кучекъ-

Рис. 1934.

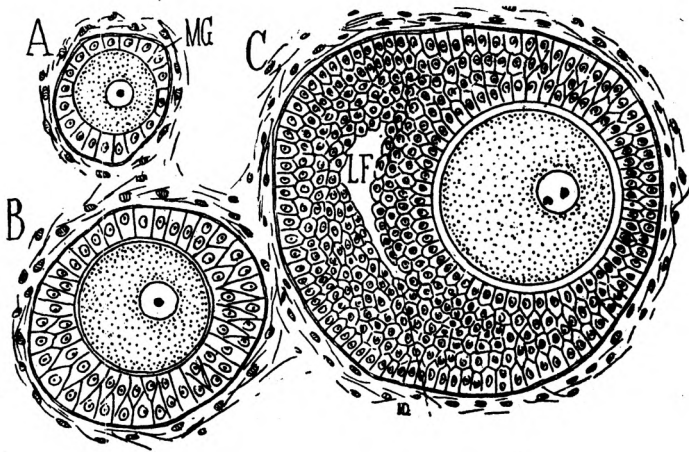

Рис. 1934. Три стадіи развитія фолликула яичника: А — первичный фолликулъ; MG — зернистая оболочка (*membrana granulosa*) состоитъ только изъ одного слоя клѣтокъ; В — слѣдующая стадія развитія: фолликулъ съ болѣе толстой зернистой оболочкой; С — зернистая оболочка очень толста и между слоями ея клѣтокъ появляется щелевидная полость — LF (Duval).

первичныхъ фолликуловъ очень велико и возрастаетъ до третьяго года внѣутробной жизни, когда оно достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ (Sappey). Большое число ихъ не достигаетъ полного развитія, такъ какъ они разлагаясь исчезаютъ въ первые годы послѣ рожденія (Славянскій, Sinéty, Henneguy, 1894).

О развитія яйца было сказано въ своемъ мѣстѣ (Kölliker, 1879; Rouget, 1879; Semon, 1887).

2. Преобразование промежуточной железы.

Уже **Joh. Müller** (1830), **Banks** (1864), **Dursy** (1865) находили, что каналцы верхней части промежуточной почки несколько иначе устроены и расположены, чѣмъ каналцы ея нижней части. **Waldeyer** (1870), точно установивъ это, назвалъ верхнюю часть промежуточной почки половой частью, а нижнюю — мочевою частью. (Рис. 1935 и см. рис. 1925—1927.)

Рис. 1935.

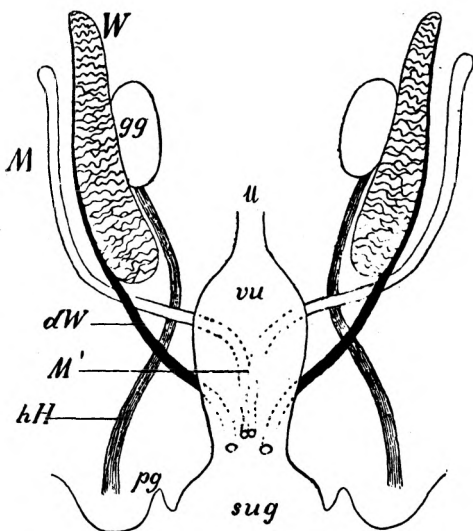

Рис. 1935. Схема развития внутреннихъ и наружныхъ половых органовъ зародыша чело­вѣка. Безразличная въ половомъ отноше­нїи стадїя развитїя; *vu* — моче­вой пузырь; *u* — еще не заросшїй про­токъ мочевого мѣшка (*urachus*); *sug* — *sinus uro-genitalis* представ­ленъ болѣе ши­рокимъ; *pg* — половыя складки кожи; *gg* — зачатокъ по­ловой железы; *W* — промежуточная поч­ка; *dW* — протокъ *Wolff*'а; *M* — протокъ *Müller*'а;

M' — сросшіея протоки *Müller*'а въ одну по­ловую трубку; *hH* — подвздошная связка — направитель (*Зерновъ*).

Канальцы по­ловой части никогда не из­виваются. При образова­нїи мужской по­ловой железы они превращаются въ выно­сящїе конусо­видные протоки (*ductuli efferentes*), кото­рые одними концами соединяются съ сѣтъю канальцевъ про­ме­жуточной связки, а другими концами впа­даютъ въ протокъ *Wolff*'а. Эта часть про­тока *Wolff*'а потомъ превращается въ протокъ придатка сѣ­менника (*ductus epididymidis*), а нижняя часть того же про­тока пред-

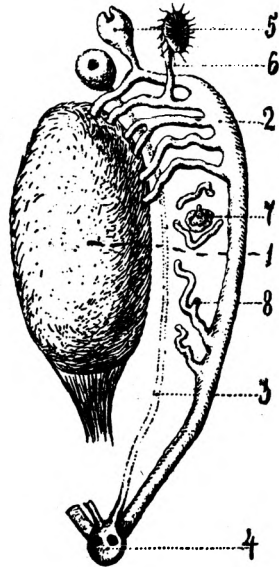
ставляетъ собою относящій протокъ (*ductus deferens*). (Рис. 1936.)

Сѣменные пузырьки появляются въ концѣ третьяго мѣсяца въ видѣ полыхъ выростковъ изъ заднебоковыхъ частей стѣнокъ относящихся протоковъ, концы которыхъ служатъ выбрасывающими протоками (*ductus ejaculatorius*). (Рис. 1937.)

Нѣкоторые изъ канальцевъ промежуточной почки утрачиваютъ связь съ стѣтью канальцевъ, находящейся въ про-

Рис. 1936.

Рис. 1936. Преобразование промежуточной почки въ различные части придатка сѣменника у зародыша человѣка (схема): 1 — сѣменникъ; 2 — протокъ Wolff'a, превратившійся въ протокъ придатка сѣменника (*ductus epididymidis*); 3 — исчезнувшій протокъ Müller'a, отъ котораго остается только верхнй конецъ въ видѣ пузырьчатого придатка и нижнй конецъ въ видѣ сѣменного пузырька или мужской матки, по бокамъ которой открываются отверстія сѣмепроводовъ (*ductus ejaculatorius*) — 4; 5 — стебельчатый придатокъ; 6 — придатокъ съ рѣсничками; оба они образовались изъ воронкообразныхъ расширеній верхнихъ сегментныхъ трубочекъ промежуточной почки; 7 — остатки промежуточной почки (*par-epididymis*); 8 — *ductuli aberrantes* (Kollmann).

межуточной широкой связкѣ (*mesorchium*), но остаются соединенными съ протокомъ Wolff'a, теперь протокомъ придатка, въ его хвостовой части и представляютъ собою не имѣющіе значенія канальцы (*vasa aberrantia*) со слѣпными концами. (См. рис. 1936.)

Въ случаѣ образованія женской половой железы половая часть промежуточной почки обращается въ рядъ извитыхъ канальцевъ, заложенныхъ въ толщѣ широкой связки, около воротъ яичника и извѣстныхъ подъ названіемъ придатка яичника — пароварія (*parovarium*,

His, 1868) или эпоофора (epoophoron, Waldeyer, 1870). (Рис. 1938.) Нижнія части протоковъ Wolff'a исчезаютъ къ концу четвертаго мѣсяца утробной жизни. Остатки ихъ въ видѣ канала Gartner'a могутъ давать въ послѣдствіи кисты и новообразованія вообще въ переднебоковыхъ стѣнкахъ матки и влагалища. (Рис. 1939.)

Мочевая часть промежуточной почки исчезаетъ безслѣдно какъ при образованіи мужской, такъ

Рис. 1937.

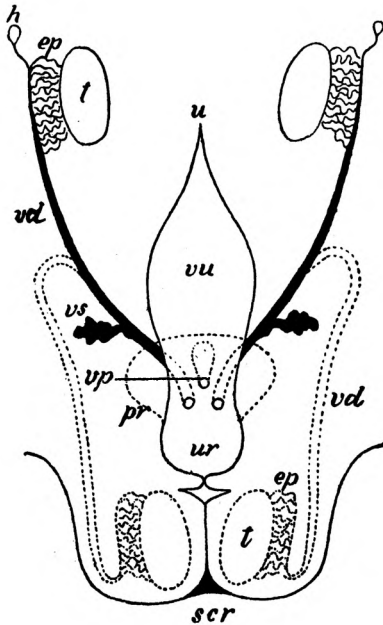

Рис. 1937. Мужскіе половые органы: *vu* — мочевой пузырь; *ur* — мочеиспускательный каналъ въ поперечномъ сѣченіи; *pr* — предстательная железа, обхватывающая нижнюю часть мочевого пузыря и начало мочеиспускательнаго канала; *u* — заросшій протокъ мочевого мѣшка; *scr* — мошонка, въ которой помѣщаются опустившіеся сѣменники — *t*; *ep* — придатокъ сѣменника; *vd* — относящій сѣмя протокъ; *vs* — сѣменной пузырекъ; *h* — пузырьчатый придатокъ; *vp* — предстательный пузырекъ или мужская матка (Зерновъ).

и женской половой железы. Иногда отъ нея остаются ничтожные остатки въ видѣ бородавчатаго придатка у придатка сѣменника (*paradidymis*, Waldeyer, 1870) и въ видѣ маленькихъ пузырьковъ въ толщѣ широкой маточной связки, лежащихъ между трубой и яичникомъ въ сосѣдствѣ съ придаткомъ яичника.

Это — пареофоронъ (*paroophoron*, Waldeyer, 1870). (См. рис. 1936, 1938.)

Рис. 1938.

Рис. 1938. Схема преобразования промежуточной почки и протоковъ Wolff'a и Müller'a у женскаго человѣческаго зародыша (схема): 1 — яичникъ; 2 — протокъ Wolff'a, исчезающій кромѣ ничтожной части нижней части, которая остается въ стѣнкѣ матки въ видѣ тонкаго канальца Gartner'a; 3 — протокъ Müller'a, преобразовавшійся въ яйцеводную или маточную трубу; 4 — матка; 5 — придатокъ яичника (parovarium); 6 — остатокъ промежуточной почки (paroorphoron); 7 — стебельчатые придатки съ рѣсничками и безъ нихъ; 8 — бахромки воронкообразнаго расширенія протока Müller'a, теперь маточной трубы; 9 — пузырьчатый придатокъ (Kollmann).

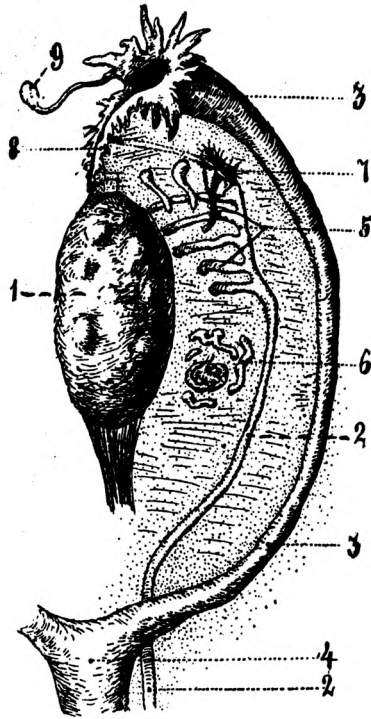
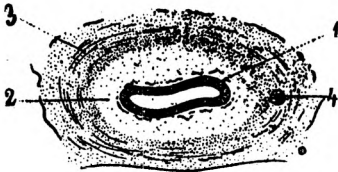

Рис. 1939.

поперечное сѣченіе канала Gartner'a, бывшаго протока Wolff'a. Уменьшеніе 2 (Tourneux).

Рис. 1939. Поперечное сѣченіе матки зародыша человѣка длиною въ 10,5 сантиметровъ: 1 — эпителий полости матки; 2 — основа слизистой оболочки; 3 — круговой слой мышечной оболочки; 4 —

3. Протоки Müller'a и ихъ преобразование: яйцеводные трубы, матка, влагалище.

Продольно идущій по передненаружной поверхности промежуточной почки протокъ Wolff'a сопровождается поверхностью его, кнаружи лежащимъ другимъ болѣе узкимъ протокомъ, который называется протокомъ Müller'a. (Рис. 1940—1942.) Когда мочеполовая складка въ нижней

части (ниже промежуточной почки) подходит къ срединной линіи и потомъ на ней соединяется съ такой же складкой другой стороны въ одну половую складку въ видѣ полового шнура, то протоки Müller'a помѣщаются въ ней кънутри отъ протоковъ Wolff'a. (Рис. 1943.)

Рис. 1940.

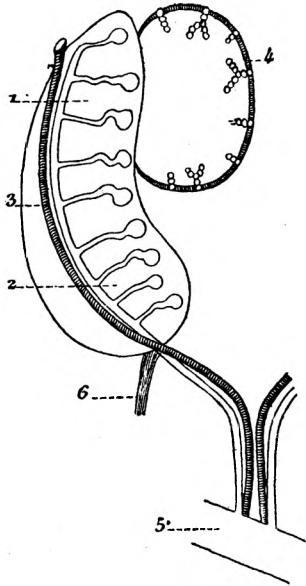

Рис. 1941.

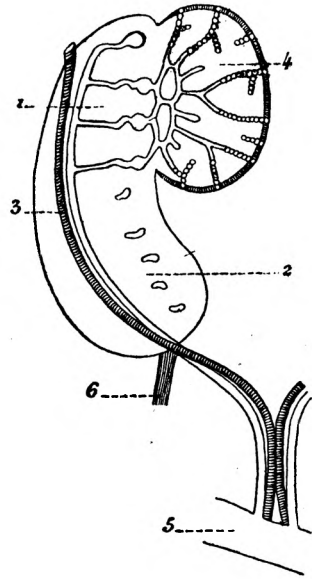

Рис. 1940, 1941. Двѣ начальныя послѣдовательныя стадіи развитія половой железы зародыша чело́вѣка въ ея безразличномъ половомъ состояніи (схемы): 1 — половая часть промежуточной почки; 2 — ея мочеотдѣлительная часть; 3 — протокъ Müller'a; 4 — зачатокъ половой железы; 5 — мочеполовая пазуха; 6 — подвздошная связка-направитель (*gubernaculum*) (Tourneux).

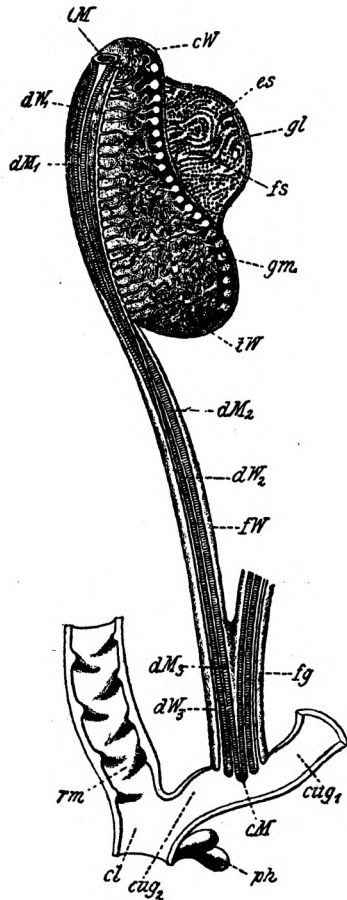
Протокъ Müller'a начинается воронкообразнымъ расширеніемъ, открывающимся въ полость тѣла зародыша (*Coelom*) выше промежуточной почки. (См. рис. 1940—1942.) Изнутри протокъ Müller'a выстланъ многослойнымъ эпителиемъ, состоящимъ изъ многогранныхъ клѣтокъ. Въ нижней части протока эпителиныя клѣтки заполняютъ весь просвѣтъ, придавая ему видъ плотнаго клѣточного шнура.

Происхожденіе протока Müller'a еще не выяснено. Предполагаютъ, что верхній каналецъ предшествоющей или пе-

редней почки (pronephros) дает ему начало. Когда образуется промежуточная почка и воспользуется выводным каналом предшествующей почки, как своим выводным протоком, то верхний каналец, лежащий выше новообразованной промежуточной почки, начинает образовать

Рис. 1942.

Рис. 1942. Схема соотношения безразличной в половом отношении стадии развития половой железы — *gl*, промежуточной почки — *cW* и протоков: Wolff'a — *dW₁*, *dW₂*, *dW₃* и Müller'a — *dM₁*, *dM₂*, *dM₃*; *iM* — воронкообразное расширение в полость тела протока Müller'a; *es* — зародышевый эпителий; *tW* — извитыя мочеточничные трубочки промежуточной почки, соединяющиеся одним концом с протоком Wolff'a, а другим с почечными тельцами — *gm*; *fs* — клеточные шнуры, врастающие в зачаток половой железы со стороны трубочек верхнего отдела промежуточной почки; *fW* — мочеполая складка; *fg* — половая трубка; *sig₁*, *sig₂* — мочеполая пазуха (sinus uro-genitalis); *cM* — бугорок Müller'a; *cl* — клоака; *rm* — прямая кишка; *ph* — половой бугорок (Michalkowicz).

вать новое продолжение вниз для сообщения с мочеполовой пазухой (sinus urogenitalis). Это продолжение формируется рядом с протоком Wolff'a в его стенку сначала в вид нисходящего плотного клеточного шнура, а потом, начиная сверху вниз в нем образуется постепенно самостоятельный центральный канал. (Рис. 1944, 1945.)

У человеческого зародыша длиной в 14 миллиметров проток Müller'a имеется только выше промежуточной почки; у зародыша длиной в 24 миллиметра в концѣ второго

Рис. 1943.

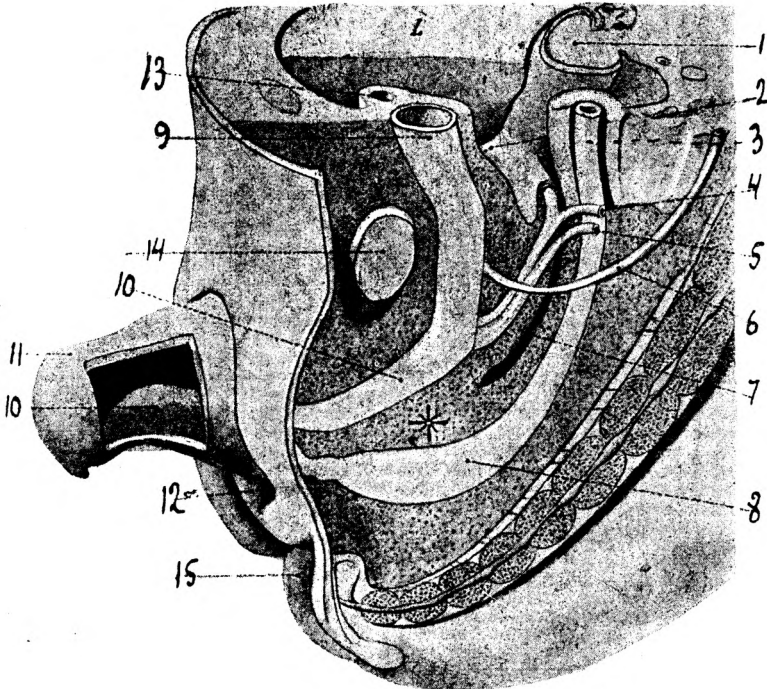

Рис. 1943. Распределение мочеполовых путей в тазу человеческого зародыша длиной в 25 миллиметров ($8\frac{1}{2}$ —9 — недѣльнаго): 1 — яичникъ; 2 — широкая маточная связка; 3 — кишка; 4 — проток Müller'a лѣвый, соединяющійся съ правымъ въ одинъ общій половой каналъ; 5 — проток Wolff'a; 6 — мочеточникъ; 7 — полость тѣла (Coelom); 8 — прямая кишка; 9 — мочевой пузырь; 10 — мочеполовая пазуха; 11 — половой бугорокъ; 12 — заднепроходное отверстие; 13 — пупочная артерія (art. umbilicalis); 14 — лонная кость; 15 — хвостовой бугорокъ; L — печень; * — промежностная перегородка (septum uro-rectale). Увеличение 20 (Keibel).

мѣсяца утробной жизни проток Müller'a достигъ уже до уровня нижняго конца промежуточной почки; а у зародыша длиной в 28 миллиметровъ онъ сообщается даже съ мочеполовой пазухой.

Къ нижней части промежуточной почки прикрѣпляется складка брюшины въ видѣ подвздошной связки (*ligamentum inguinale*). (Рис. 1946, 1947 и см. рис. 1929, 1930,

Рис. 1944.

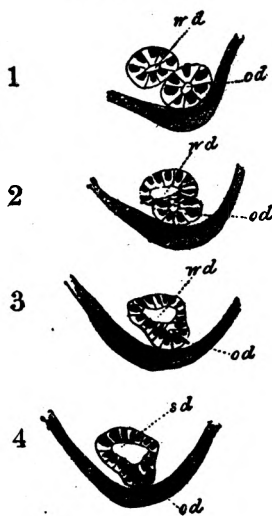

Рис. 1944. 4 послѣдовательныя поперечныя сѣченія спереди назад протока Wolff'a съ образующимся отщепленіемъ отъ него спереди назад протокомъ Müller'a женскаго зародыша *Scyllium capnicula*: 1 — сѣченіе въ передней части, 4 — сѣченіе въ задней части зародыша, 2, 3 — сѣченія въ промежуточныхъ частяхъ; wd, sd — протокъ Wolff'a; od — протокъ Müller'a (Balfour).

Рис. 1945.

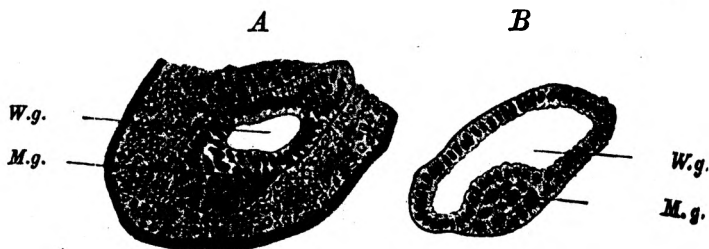

Рис. 1945. Поперечное сѣченіе протока Wolff'a съ зачаткомъ образующагося въ его стѣнкѣ протока Müller'a двухъ человѣческихъ зародышей: А — сѣченіе протока Wolff'a — W.g. женскаго зародыша длиною въ 21 миллиметрѣ; M.g. — зачатокъ протока Müller'a. В — то же соотношеніе у мужскаго зародыша длиною въ 22 миллиметра (Nagel).

1935, 1940, 1941, 1948.) Эта связка своимъ мѣстомъ прикрѣпленія въ области мочеполовой складки дѣлится протокъ Müller'a на двѣ части: верхнюю и нижнюю, различающіяся по своему дальнѣйшему развитію. У человѣче-

скаго зародыша съ обозначившейся женской половой железой подвздошная связка потомъ превращается въ такъ называемую круглую маточную связку (*ligamentum teres uteri*).

Рис. 1946.

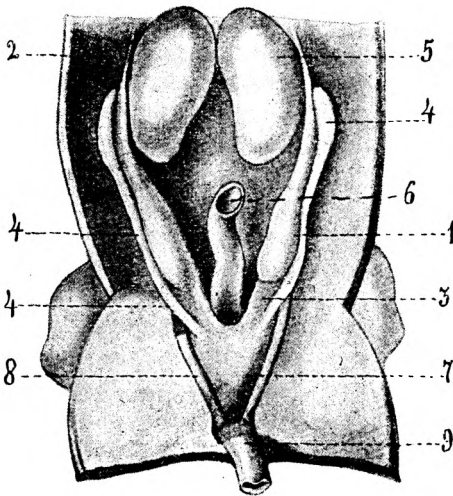
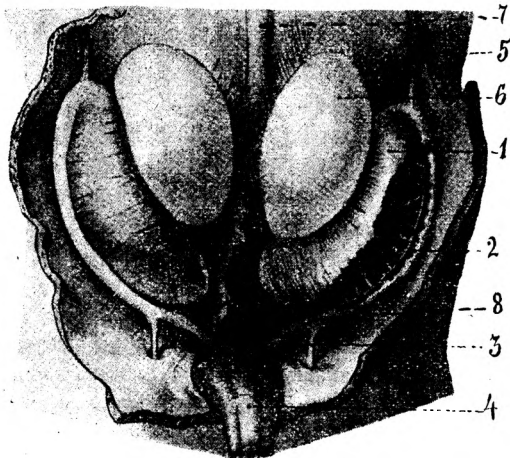

Рис. 1946. Мочеполовое устройство 40-дневнаго человеческого зародыша, у котораго передняя брюшная стѣнка срѣзана и отогнута книзу; всѣ другіе органы удалены: 1 — промежуточная почка; 2 — верхній конецъ ея; 3 — подвздошная связка-направитель; 4 — протокъ Wolff'a; 5 — зачатокъ половой железы; 6 — кишка; 7 — первичный мочевой мѣшокъ (*allantois*); 8 — пупочная артерія; 9 — пупочная вена. Увеличеніе 12 (Kollmann).

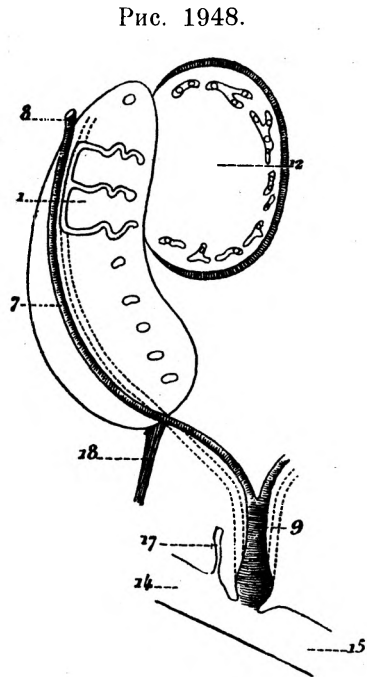
Рис. 1947.

Рис. 1947. Половая железа и промежуточная почка, на правой сторонѣ отчасти вскрытая, чтобы обнаружить вскрытый протокъ Wolff'a и впадающія въ него мочеотдѣлительныя извитыя трубочки у 6-недельнаго зародыша человека длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — промежуточная почка; 2 — протокъ Wolff'a; 3 — подвздошная связка — направитель яичка (*gubernaculum testis*); 4 — протокъ мочевого мѣшка; 5 — поддерживающая связка; 6 — половая железа; 7 — аорта; 8 — прямая кишка. Увеличеніе 15 (Kollmann).

Верхняя часть протока Müller'a, содержащаяся въ мочеполовой складкѣ выше мѣста прикрѣпленія подвздошной связки, превращается въ яйцеводную маточную трубу (*tuba uterina* s. *Falloprii*). (Рис. 1948.) Воронко-

Рис. 1948. Развитие половой железы женщины съ половыми органами (схема): 1 — придатокъ яичника (*parovarium*); 2 — придатокъ сѣменника (*epididymis*); 3 — протокъ придатки сѣменника; 4 — относящій сѣмя протокъ (*ductus deferens*); 5 — выбрасывающій сѣмя протокъ (*ductus ejaculatorius*); 6 — сѣменной пузырь; 7 — маточная или яйцеводная труба; 8 — воронкообразное расширение трубы; 9 — половая трубка (*canalis utero-vaginalis*); 10 — пузырьчатый придатокъ (*appendix vesiculosa epididymidis*); 11 — мужская матка (*uterus masculina*); 12 — яичникъ; 13 — сѣменникъ; 14 — мочеиспускательный каналъ; 15 — преддверный каналъ; 16 — предстательная часть мочеиспускательнаго канала; 17 — предстательная железа; 18 — круглая маточная связка; 19 — направитель (*glabernaculum*) (Tourneux).

образное расширение (*nephrostoma*), которымъ протокъ Müller'a открывался въ полость брюшины, въ сильной степени расширяется и образуетъ брюшинное воронкообразное расширение маточной трубы (*infundibulum tubae uterinae*). (См. рис. 1938.)

Трубы развиваются очень медленно. На пятомъ мѣсяцѣ яичники все еще лежатъ около боковыхъ краевъ матки и отодвигаются кнаружи къ концамъ маточныхъ трубъ только ко времени рожденія. Складки слизистой оболочки трубы начинаютъ образовываться только на четвертомъ мѣсяцѣ, а выстилающія ихъ эпителичныя призматическія кльтки покрываются мерцательными рѣсничками только ко времени рожденія (Поповъ Д., 1893).

Въ началѣ четвертаго мѣсяца утробной жизни нижней части протоковъ Müller'a, заложеныя въ половомъ шнурѣ, сливаются въ одинъ каналъ, идущій по срединной линіи. (Рис. 1949 и см. рис. 1948.) Этотъ непарный

Рис. 1949.

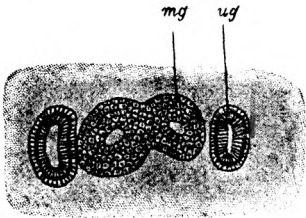
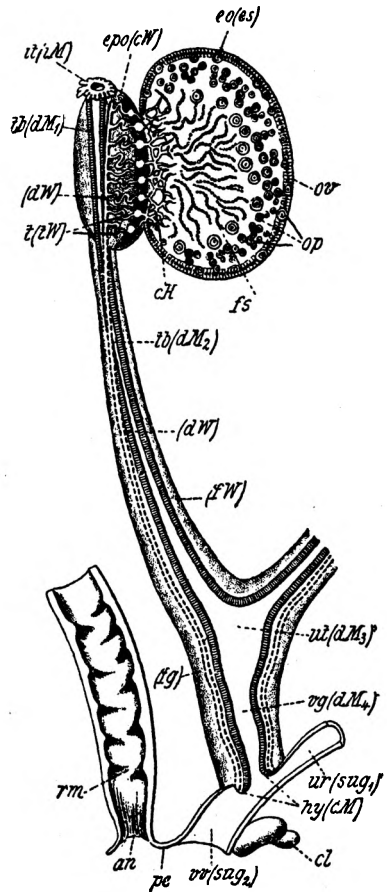

Рис. 1949. Поперечное сѣченіе въ нижней части соединяющихся въ одну половую трубку обоихъ протоковъ Müller'a — mg; ug — протокъ Wolff'a (Tourneux et Legay).

Рис. 1950. Схема развитія женскаго полового устройства изъ безразличной въ половомъ отношеніи стадіи, изображенной на рис. 1927: it (см. рис. 1927 и 1928 iM) — воронкообразное расширение брюшнаго конца маточной трубы; tb — яйцеводная или маточная труба; dW — верхняя часть протока Wolff'a и t — часть извитыхъ трубочекъ верхней части промежуточной почки остаются въ видѣ придатка яичника — parovarium — ero; eo — покровный эпителий яичника; op — первичныя яйца; ov — женская половая железа — яичникъ; fs — клѣточные тяжи, выросшіе изъ промежуточной почки и образующіе на границѣ съ послѣдней сѣть — сН, съ которой впоследствии теряютъ связь; ut — матка; vg — влагалище; hu — двѣственная плева; ur — мочеполовая пазуха; vv — преддверіе влагалища; cl — клиторъ; pe — промежность; an — заднепроходное отверстіе; gm — прямая кишка; точками обозначенныя части исчезли (Michalkowicz).

Рис. 1950.

венныхъ машинъ.“ Родбертусъ придавалъ большое значеніе развитію крупнаго рациональнаго хозяйства.

6. Связь между большой плотностью населенія и высокими цѣнами на хлѣбъ еще не доказываетъ теоріи Рикардо. Эти высокія цѣны объясняются тѣмъ, что производительность при изготовленіи многихъ товаровъ, въ особенности фабричныхъ издѣлій, въ густо — населенныхъ странахъ больше; меньшимъ количествомъ своего труда они приобрѣтаютъ большее количество золота и серебра сравнительно съ другими странами. Это держитъ и хлѣбныя цѣны на повышенномъ уровнѣ. Выгодная торговля фабрикаціей на мировомъ рынкѣ повышаетъ и цѣны на хлѣбные продукты.

Таковы главнѣйшія возраженія противъ теоріи Рикардо.

Какъ соціальный политикъ, Родбертусъ не принималъ участія въ рабочемъ движеніи, которое въ Германіи сначала организовалъ Лассаль. Родбертусъ не вѣрилъ въ мелкія производительныя ассоціаціи, которыя съ помощью государства хотѣлъ организовать Лассаль. Онъ стоялъ вдали и отъ организаціи рабочаго сословія, которую предпринялъ впослѣдствіи Марксъ. Осуществленіе социалистическихъ плановъ, полагалъ онъ, можетъ произойти не ранѣе, какъ черезъ пятьсотъ лѣтъ. Для настоящаго времени онъ предполагалъ ограничиться заботой объ установленіи нормальнаго рабочаго дня и нормальной заработной платы совокупными усиліями сильной государственной власти, владѣющихъ классовъ и рабочихъ. Въ своемъ посланіи къ рабочимъ классамъ онъ писалъ: „Но вы должны одно понять: хотя вы и являетесь главнымъ классомъ, но только однимъ изъ классовъ. Ваша судьба такъ-же, какъ и судьба другихъ классовъ взаимно опредѣляются другъ другомъ. Всѣ классы, а также и ванъ не самостоятельны, но зависятъ другъ отъ друга. Вы не можете поэтому декретировать, а можете только вести переговоры. Въ тѣхъ переговорахъ и соглашеніяхъ, которые теперь повсемѣстно готовятся, какъ въ наукѣ, такъ въ литературѣ и въ жизни, вы можете взять на себя инициативу дѣлать обществу только предложенія. Между собой вы можете согласиться только относительно того, что вы предложите. Только общество или вашъ договоръ съ другими общественными классами прочно установитъ, что должно осуществиться. Но ваши предложенія не приобрѣтутъ отъ того меньше значенія, если вы откажетесь отъ невозможнаго, отъ желанія декретировать. Ваши предложенія будутъ имѣть тѣмъ больше значенія, чѣмъ больше въ нихъ господствуютъ умѣренность и справедливость по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ. . . Но какія же предложенія вы должны сдѣлать обществу для достиженія этой великой цѣли? На что вы должны обратить вниманіе при

обсужденіи вопроса? I. Установите между собою количество рабочихъ дней въ теченіе года. II. Добросовѣстно и тщательно опредѣлите, сколько часовъ досуга изъ 24 часовъ сутокъ вамъ необходимо, чтобы вы могли отдохнуть, повеселиться и озаботиться о своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. III. Когда вы будете опредѣлять, сколько досуга вамъ необходимо и какой доходъ вы должны будете получить, вы должны руководиться двумя соображеніями: во первыхъ, что вы свободные рабочіе и граждане государства, во вторыхъ, что общество въ правѣ потребовать отъ васъ извѣстныхъ услугъ соотвѣтственно его культурѣ. Распредѣлите исчисленный доходъ на число рабочихъ дней и примите полученный коэффициентъ, какъ плату за нормальный рабочий день. Придите къ соглашенію съ предпринимателями, чтобы эта такса заработной платы мѣнялась отъ времени до времени (въ періодъ десяти лѣтъ), въ зависимости отъ возрастанія производительности труда. Производительность общественнаго труда точно такъ-же, какъ и общественный продуктъ, въ періодъ 10 лѣтъ значительно возрастетъ и принадлежащая вамъ доля годичнаго дохода должна возвыситься въ томъ же отношеніи“.

Въ статьѣ „Рабочій День“¹⁾ онъ пишетъ также: „Нѣтъ! на улицѣ, посредствомъ стачекъ, камнями мостовой или керосиномъ, социальный вопросъ не будетъ рѣшенъ. Пока надобно было только упразднить, были достаточны добытые бурной борьбой декреты. Но тогда мы были только въ преддверіи социальнаго вопроса. Теперь онъ предъ нами, онъ переросъ нашу голову и упразднить, чтобы его разрѣшить, уже невозможно. Въ настоящій моментъ рѣшить социальный вопросъ — это значитъ организовать. Къ тому же социальный вопросъ имѣетъ свою своеобразную природу: какъ чувствительное растение (Sinnpflanze) отъ грубыхъ насильственныхъ рукъ онъ съ ужасомъ отступаетъ назадъ. Длительный социальный міръ, единая политическая правительственная власть, прочное довѣрчивое отношеніе рабочего класса къ этой власти, большія предпріятія, предварительныя работы и учрежденія, которыя образуютъ цѣлый рядъ глубокихъ комбинацій и которыя можно пустить въ ходъ только при спокойномъ состояніи, при порядкѣ и энергіи — вотъ предварительныя условія рѣшенія социальнаго вопроса. Они равно исключаютъ, какъ раздробленную государственную власть, такъ и волнуемое рабочее населеніе. . . Если быть консерваторомъ, это значитъ — сохранять изгнившій

1) См. Zur Beleuchtung der socialen Frage B. II. Sendschreiben an den Arbeiter-Congress (1862 г.), стр. 225—242. Повидимому, во времена Родбертуса керосиномъ совершались поджоги.

балласть старых учреждений, то нѣтъ ничего болѣе противоконсервативнаго, какъ социальный вопросъ. Если же быть консерваторомъ, это значить — стараться укрѣпить монархическую государственную власть, мирную работу реформъ, примиреніе классовыхъ противорѣчій подѣ эгидой и согласно нормѣ сверкающей звѣзды *sum cuique* (каждому свое) — то нѣтъ ничего болѣе консервативнаго, какъ социальный вопросъ.

б) Систему послѣдовательнаго и исторически неизбежнаго процесса соединенія людей, какъ мы видимъ, Родбертусъ называетъ „коммунизмомъ“. Хотя слово „соціализмъ“ появилось въ оборотѣ почти одновременно около 1832—34 г. въ Англіи и во Франціи¹⁾, но оно примѣнялось, главнымъ образомъ, къ послѣдователямъ многообразныхъ организаторовъ новой экономической жизни. Марксъ и Энгельсъ въ 1848 г., т. е. будущіе творцы социаль-демократической партіи, въ своемъ извѣстномъ манифестѣ, давая классификацію социалистическихъ и коммунистическихъ теорій утопическаго и буржуазнаго характера, сами себя называютъ „коммунистами“. Что же означаютъ эти два термина: „соціализмъ и коммунизмъ“ и приложимъ ли въ особенности послѣдній терминъ къ тѣмъ нѣмецкимъ социалистамъ, которыхъ мы назвали въ заглавіи — эволюціонистами?

Этотъ вопросъ намъ надлежитъ разрѣшить, но вовсе не для того, чтобы составить какое либо новое опредѣленіе. Множество писателей пыталось дать опредѣленіе существа этихъ ученій и въ большинствѣ случаевъ неудачно. Эти ученія такъ многообразны, въ нихъ столько отгѣнковъ, что вложить ихъ въ прокрустово ложе опредѣленія положительно невозможно. Гораздо правильнѣе отмѣтить лишь тѣ господствующія направленія въ пониманіи существа нашего капиталистическаго хозяйства, въ исторіи его развитія и взглядовъ на его будущее, которыя характерны для того или другого разряда этихъ ученій.

Проф. Дитцель²⁾ утверждаетъ, что въ естественныхъ наукахъ мы совершенно не имѣемъ дѣла съ проблемой дол-

1) См. Podmore. Robert Owen, стр. 401 и 454; также Weil. Ecole Saint-Simonienne, стр. 309.

2) См. Dietzel. Theoretische Socialökonomik, 1895 г., стр. 7.; тѣ-же взгляды этотъ писатель развиваетъ и въ своемъ сочиненіи о Родбертусѣ. На такомъ противоположеніи основана и статья Шееля въ словарь Шенберга. Въ русской литературѣ ту-же точку зрѣнія защищаль покойный ветеранъ русской экономической науки А. И. Чупровъ († 1908 г.) въ его Курсѣ исторіи политической экономіи 1892 г., по которому училась вся молодая Россія и въ которомъ впервые была проведена историческая и социальнo-политическая точка зрѣнія. „Слово „соціализмъ“, пишетъ Чупровъ, употребляется въ противоположность индивидуализму. Соціализмъ или коллективизмъ стремится замѣнить эту организацію (т. е. индиви-

женствованія, не то въ общественныхъ наукахъ. Въ социальной наукѣ стоятъ въ постоянномъ противорѣчii два главныхъ начала долженствованія: индивидуальный принципъ и социальный принципъ. „Индивидуальный принципъ — есть такое этическое начало, которое утверждаетъ, что индивидъ долженъ быть самоцѣлью, социальныя же соединенія (Galzen) — семьи, общины, государства, союзы государствъ — только служебными средствами, которыя возникаютъ по волѣ индивидовъ и для индивидовъ существуютъ и измѣняются. Социальный же принципъ является логическимъ антиподомъ (противоположнымъ) индивидуального принципа и представляетъ собою этическое начало, согласно которому индивидъ служитъ лишь органомъ социального цѣлаго, послѣднее же должно быть самоцѣлью. Эти начала представляютъ собою аксіомы, которыя не могутъ быть доказаны; въ нихъ можно только вѣрить.“

Эта точка зрѣнія Дитцела, у насъ истолкованная А. И. Чупровымъ, не имѣетъ, однако, научнаго значенія, а въ изложеніи проф. Чупрова даже отрицаетъ самое себя.

Чупровъ пишетъ: „Абсолютная система“ (?) социализма въ его чистомъ видѣ (что это значитъ?) можно сказать прямо (?) устранила преставленіе о „неизмѣнности“ (?)“ экономического быта,“ и въ тоже время: „стремится приложить свои планы навсегда въ каждой странѣ и къ каждому народу.“ Недаромъ же проф. Чупровъ противопоставляетъ социализмъ неопредѣленному термину: „Смитовская школа“¹⁾. Ни по отношенію къ индивидуалистической школѣ, ни по отношенію къ социализму вообще нельзя сказать, чтобы эти школы стремились только къ преобразованію общества, исходя изъ

дуалистическую организацію, основанную на частной собственности на матеріальные факторы производства, гдѣ производительное назначеніе этихъ факторовъ зависитъ „отъ воли“ собственника, регулируемой спросомъ и предложеніемъ) такую, въ которой средства производства — земля и капиталъ — составляли-бы „достояніе“ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества, въ которой, поэтому, производство и распределеніе богатства опредѣлялось бы „не произвольнымъ усмотрѣніемъ отдѣльныхъ предпринимателей и случайностями спроса и предложенія,“ а планомѣрными распоряженіями общественной власти“ (стр. 197). Смитовская школа и социализмъ представляли собой „абсолютныя“ системы; обѣ эти школы хотѣли завоевать міръ для своихъ плановъ. Социализмъ въ чистомъ его видѣ (?) стремится приложить свои планы навсегда въ каждой странѣ и къ каждому народу... Можно „прямо сказать,“ что социализмъ своей критикой устранилъ представленіе, „отчасти“ свойственное и ему самому, что въ исторіи можетъ существовать какой либо неизмѣнный порядокъ, что, напримѣръ, нынѣ существующая система производства и распределенія есть нѣчто неизблемое“ (стр. 215—216). Отмѣтки знаками сдѣланы мною.

1) Кстати сказать, о такой „школѣ“ и говорить очень трудно. Какъ мы видѣли, классическая школа по своимъ философскимъ и экономическимъ основамъ составляетъ новую эпоху въ наукѣ.

противоположныхъ этическихъ началъ. Въ наше время, да и при самомъ развитіи классической школы, какъ мы видѣли и во введеніи, да и во всемъ предшествовавшемъ изложеніи, уже начиная съ Мальтуса, индивидуалистическая школа искала законовъ существованія и развитія капиталистической системы. Она вовсе не полагала, что капиталистическая система покоится на произволѣ (?) предпринимателей въ распоряженіи собственностью. Она говорила о естественныхъ законахъ экономическаго быта и думала сдѣлать изъ экономіи такую-же науку, какъ естествовѣдѣніе. Лучшія страницы Маркса доказываютъ неопровержимо, что индивидуализмъ только кажущимся образомъ зависитъ отъ произвола людей. Въ индивидуалистической школѣ и теперь живо то-же стремленіе. Самъ Марксъ пытался начертать законы общественнаго развитія и смѣялся надъ утопистами, старающимися изъ головы, отъ чистаго разума построить новый міръ. Въ моемъ введеніи уже достаточно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ и я не имѣю надобности возвращаться къ нему.

Мнѣ необходимо показать, однако, что и какъ классификаціонный принципъ — точка зрѣнія Дитцеля, Чупрова и другихъ ихъ послѣдователей не можетъ имѣть значенія. Въ самомъ дѣлѣ, приложима-ли эта точка зрѣнія къ Родбертусу? Можно-ли сказать о немъ, что, разсматривая исторію, какъ великій процессъ соединенія людей, онъ, какъ сторонникъ соціального принципа, смотритъ на личность, какъ на орудіе для достиженія цѣлей общества. На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ¹⁾. Развѣ Прудонъ не защищаетъ также самымъ энергичнымъ образомъ права отдѣльной личности? Развѣ индивидуалистическая и общественная точка зрѣнія не переплетаются у него непрерывно? Развѣ утилитаристы, выставивъ свой принципъ наибольшаго счастья наибольшаго количества человѣческихъ существъ, хотѣли упразднить право на счастье индивида? Конечно, нѣтъ. Развѣ Мальтусъ въ своемъ „Опытѣ о законѣ населенія“ не сознавалъ, что индивидъ въ своей дѣятельности подчиняется окружающимъ условіямъ. „Неограниченное пользованіе своимъ сужденіемъ, пишетъ онъ, есть ученіе великое и привлекательное; оно имѣетъ громадное преимущество передъ тѣми системами, гдѣ каждый индивидъ до нѣкоторой степени рабъ публики Коротко говоря, невозможно не созерцать эту прекрасную картину

1) См. Капиталъ, р. пер. стр. 60—61. „Всякое распространіе коммунизма обусловливаетъ, пишетъ онъ, большую свободу и большее равенство, когда же человѣкъ впадаетъ въ индивидуализмъ, онъ возвращается въ несвободное и неравное четвероноего Ж. Ж. Руссо.“

безъ чувства удивленія и удовольствія, съ горячимъ стремленіемъ къ періоду ея осуществленія. Но, увы, этотъ моментъ никогда не можетъ наступить. Въ цѣломъ надежда на существованіе этой системы не болѣе какъ сонъ, фантомъ воображенія“. Вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ можно допустить поглощеніе личности обществомъ и, наоборотъ, поскольку общество должно служить цѣлямъ индивида — одинаково споренъ, какъ для индивидуалистовъ, такъ и для социалистовъ. Въ этомъ вопросѣ, по истинѣ, сколько головъ, столько и разнообразныхъ сужденій, миллионы всякаго рода отгѣнковъ. И рѣшается этотъ вопросъ различно не только какъ проблема морали, но цѣлесообразности и исторической необходимости. Соціалисты, полусоціалисты, коммунисты и анархисты утверждаютъ, что въ ихъ будущемъ обществѣ для личности наступаетъ полное счастье и свобода; индивидуалисты говорятъ то-же о современной экономической системѣ и не вѣрятъ въ будущую райскую жизнь. Развѣ нѣтъ также среди социалистовъ людей пессимистическаго настроенія, которые отрицаютъ вообще возможность всеобщаго рая и социальнаго блаженства и вѣрятъ въ законъ жестокой борьбы за существованіе? Неудовлетворительна точка зрѣнія, въ частности, проф. Чупрова, стремящаяся дополнить точку зрѣнія, проф. Дитцеля и потому, что она отмѣчаетъ лишь одну особенность социализма: стремленіе замѣнить частную собственность общественной. Это стремленіе, конечно, присуще социализму, но оно совершенно не исчерпываетъ его содержанія. Социализмъ — есть нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ борьба за собственность.

Съ легкой руки Маркса и Энгельса стала чрезвычайно общепринятой классификація социалистовъ и коммунистовъ на двѣ категоріи: а) утописты, б) научные социалисты или коммунисты. Само собой разумѣется, что Марксъ и Энгельсъ считали только свою систему социализма научной, а систему Родбертуса подвергали нещадному поруганію. Въ своемъ „Переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ“, опредѣляя разницу между двумя указанными видами социализма, Энгельсъ пишетъ:¹⁾ „утописты были утопистами, ибо они ничѣмъ другимъ не могли быть въ то время, пока капиталистическое общество еще было такъ мало развито. Они должны были конструировать (возсоздавать) элементы новаго общества изъ своей головы, ибо эти элементы въ самомъ старомъ обществѣ еще не сдѣлались для всѣхъ замѣтными. Они должны были ограничиваться при построеніи основъ новаго зданія обращеніемъ „къ разуму“, ибо они

1) См. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, изд. 1901 г., стр. 284—5.

еще не могли апеллировать къ современной имъ „исторіи“. Почему Энгельсъ и Марксъ въ 1848 г. въ Германіи, а Р. Оуенъ въ 1832—42 г. и Прудонъ въ 1848-мъ же году во Франціи, гдѣ капиталистическое хозяйство гораздо ранѣе получило развитіе, не могли апеллировать къ исторіи — этого Энгельсъ не объясняетъ. Напомнимъ также, что С. Симонъ и вся его школа апеллировали къ исторіи гораздо раньше и все же остались утопистами. Наконецъ, вѣдь и апеллированіе къ исторіи можетъ быть произведено крайне не научно и мы еще увидимъ, что обращеніе Маркса и Энгельса къ исторіи требуетъ значительныхъ поправокъ и во всякомъ случаѣ многими горячо оспаривается во имя же науки. Подраздѣленіе всего социализма — до Маркса — на утопію и послѣ него — на научный социализмъ конечно, не выдерживаетъ критики. По существу дѣла и въ сочиненіяхъ такъ называемыхъ утопистовъ, наряду съ фантазіями, есть много цѣнныхъ научныхъ обобщеній, и въ трудахъ Маркса и его послѣдователей, наряду съ глубокимъ научнымъ анализомъ, немало утопизма.

Не безъ серьезныхъ основаній, мною дано изображеніе цѣлаго ряда „экономическихъ системъ“¹⁾. Составные элементы каждой научной системы мною указаны были въ моемъ введеніи и я старался при анализѣ многообразныхъ ученій подчеркнуть то, что стало завоеваніемъ науки. Говорить о научномъ меркантилизмѣ, о научномъ физиократизмѣ, о научной классической школѣ такъ-же неправильно, какъ и говорить о научномъ социализмѣ. Все это своеобразныя экономическія системы и прежде чѣмъ зачислять ихъ въ ту или другую категорію, необходимо, проанализировавъ ихъ основные элементы, показать, какой изъ нихъ построенъ на научныхъ началахъ и какой долженъ быть отнесенъ къ ряду заблужденій, фантазій или, что то-же, утопій. Въ социализмѣ такъ-же, какъ и въ другихъ системахъ, не мало очень разныхъ по достоинству политическихъ, философскихъ и историческихъ элементовъ. Необходимо ясно и опредѣленно выдѣлить тѣ элементы, которые ему особенно присущи, научны или ложны.

Гораздо поучительнѣе, предложенное проф. Дилемъ, основаніе для классификаціи социалистическихъ теорій, хотя, по моему мнѣнію, и оно нуждается въ существенной переработкѣ. Дилъ различаетъ въ социалистическихъ теоріяхъ три теченія: а) „соціальный идеализмъ“, который стремится организовать жизнь на началахъ соціальной, высшей справедливости; б) „соціальный эвдемонизмъ“, который видитъ цѣль всякой жизни и всякаго общества — въ счастіи и наслажденіи и в) „соціальный матеріализмъ“, который пола-

1) см. выше г. 1. стр. 5.

гаетъ, что матеріальныя условія существованія людей закономерно опредѣляютъ весь процессъ развитія человѣческой жизни и ея идеалы¹⁾. Рубрики взяты проф. Дилемъ правильно, но все построение легко можетъ рухнуть, ибо онъ все свое вниманіе обратилъ только на одну сторону изслѣдованія всякой экономической системы: — стремленіе найти „конечную цѣль“ жизни индивида и общества.

Во всякой научной системѣ мы необходимо найдемъ три элемента: 1) методъ, при помощи котораго она стремится найти законы существующаго и исторіи человѣческой жизни; 2) самое содержаніе системы и 3) способы и средства достиженія желаемой цѣли. Переходя къ дѣлу, т. е. къ опредѣленію самихъ понятій социализма и коммунизма, Диль, поэтому, какъ бы забываетъ о своей классификаціи и даетъ опредѣленія, приближающіяся къ таковымъ же Чупрова и Дитцеля и вся его критика этого послѣдняго, до нѣкоторой степени, какъ бы остается безплодной, а характеристика социализма и коммунизма столь же неполной²⁾. Мало того, социальный индивидуализмъ, идеализмъ и материализмъ — это не только особые способы нахождения конечныхъ цѣлей, но еще болѣе особые методы открытія законовъ существующаго, прошедшаго и будущаго; стремленіе же къ счастью — эвдемонизмъ — несомнѣнно только и исключительно — опредѣленіе желательной цѣли. И идеалистъ, и материалистъ равно могутъ быть и эвдемонистами, и пессимистами. Одни могутъ вѣрить, что конечная цѣль — сча-

1) См. K. Diehl. P. J. Proudhon, dritte Abteilung, стр. 188 и слѣд.

2) Вотъ какъ опредѣляетъ Диль содержаніе социалистическихъ и коммунистическихъ учений. „Подъ социализмомъ въ марксистскомъ смыслѣ, пишетъ онъ, надлежитъ понимать то экономическое направленіе, которое стремится поставить общественную собственность на мѣсто частной и желаетъ коллективистическаго способа производства вмѣсто индивидуалистическаго. Въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ социализмомъ слѣдуетъ понимать всѣ тѣ стремленія, которыя со времени Платона и до настоящаго времени обнаруживаютъ враждебное отношеніе къ частной собственности. Какъ важные виды (Abarten) социализма въ широкомъ смыслѣ особенно слѣдуетъ отмѣтить: а) коммунизмъ (Бабефъ и др.), который стремится къ устраненію частной собственности на орудія производства и продукты потребленія; в) аграрный социализмъ (Г. Джоржъ и др.), который требуетъ устраненія лишь частной собственности на землю (земля Божья или государства) или уничтоженіе путемъ налога или государственной аренды права получать земельную ренту; с) кооперативный социализмъ (Луи Вланъ, Лассаль и друг.), который стремится къ собственности коопераций съ помощью государства и d) мутуализмъ (Прудонъ), оставляющей неприкосновенной частную собственность (? владѣніе) съ упраздненіемъ денегъ и процента на капиталъ; при характеристикѣ Прудона Диль ошибается. Прудонъ желаетъ община, основаннаго на свободномъ договорѣ по трудовой, конституированной цѣнности, которая возможна по его мнѣнію, въ обществѣ безъ собственности, но съ трудовой ассоціаціей и владѣніемъ

стїе, другїе думать, что счастье вообще никогда и нигдѣ недостижимо. Диль напелъ и въ социальномъ материализмѣ это противорѣчіе. Онъ указываетъ, что въ конечномъ результатѣ Марксъ и его сторонники говорятъ о какомъ то „царствѣ свободы и справедливости“. Онъ не усмотрѣлъ бы въ этомъ особаго противорѣчія, если бы съумѣлъ отдѣлить самый методъ изслѣдованія, научныя его открытія отъ тѣхъ результатовъ, которые выводятся на основаніи присущей почти каждой системѣ „телеологіи“. Индивидуалисты-бентамиты и большинство социалистовъ-материалистовъ, несомнѣнно, эвдемонисты. Они сдѣлали борьбу за счастье лозунгомъ нашего времени, но и у тѣхъ и у другихъ было желаніе начертать законы жизни и объяснить ея сложную путаницу. Бентамиты считали зло и страданіе необходимымъ и неустранимымъ элементомъ жизни, даже ея творческимъ, двигающимъ началомъ, социалисты-мечтатели имѣли и имѣютъ вѣру въ гармоническій строй будущаго, въ перерожденіе челоуѣка и общества. Бентамиты защищали частную собственность, какъ наименьшее зло и наибольшую свободу, социалисты критиковали частную собственность и видѣли въ общей собственности наибольшее благо. Очень часто, однако, критика не вела многихъ социалистовъ и полу-социалистовъ къ попыткамъ творческой дѣятельности: они отдавали себя и общество на волю самой силы историческаго процесса. Въ эпоху реакціи это было часто и выгодно, и какъ бы благородно.

Условимся же при послѣдующемъ анализѣ, что мы постараемся сначала изслѣдовать: 1) методъ двухъ наиболѣе примѣчательныхъ социалистическихъ системъ, 2) ихъ содержаніе и 3) ихъ телеологию. И только по окончаніи анализа системъ Маркса и Родбертуса попытаемся опредѣлить самое содержаніе социалистическихъ и коммунистическихъ системъ. Отмѣченное, покажѣсть, въ примѣчаніи мнѣніе проф. Дила не помѣшаетъ нашему дальнѣйшему анализу. Итакъ, каково же наше послѣднее заключеніе о системѣ Родбертуса, въ чемъ заключаются его заслуги и ошибки?

в) Изъ изложеннаго видно, что Родбертусъ является по своему методу типичнымъ представителемъ идеалистическаго метода въ исторіи. Исторія представляется ему, какъ великій процессъ соединенія людей; государство въ широкомъ смыслѣ этого слова или общество преслѣдуетъ „особыя божественныя задачи“. Отъ одного періода исторіи, по мѣрѣ раздѣленія труда, исторія все болѣе и болѣе сплавляетъ индивидуальную жизнь съ социальной. „Всемирный духъ“ исторіи не даетъ челоуѣчеству остановиться на этомъ великомъ пути. Родбертусъ является, такимъ образомъ, не только идеалистомъ, но и эволюционистомъ, вѣрующимъ,

что исторія идетъ все прогрессивно развиваясь и всѣ жертвы человѣчества не пропадаютъ напрасно. Его идеализмъ и эволюціонизмъ, однако, кореннымъ образомъ отличаются отъ таковыхъ же у первыхъ родоначальниковъ исторической школы. Эта школа, какъ мы видѣли, утверждала, что всякая историческая эпоха имѣетъ свои задачи и цѣли, что нѣтъ возможности, наблюдая за ходомъ историческаго процесса, открыть какую-либо „конечную цѣль“ историческаго процесса. Родбертусу представляется, что онъ нашелъ эту цѣль въ „соединеніи людей“, которое неизбѣжно, лѣтъ черезъ 500, создастъ государство безъ собственности на орудія производства, государство трудового дохода. Историческая школа возвела „безпринципность“ въ догматъ; Родбертусъ на почвѣ практической политики готовъ на компромиссы, но только на такіе, которые не нарушаютъ хода историческаго процесса. Убѣдившись, что крупное производство необходимо, онъ возражаетъ противъ мелкихъ производительныхъ товариществъ, ибо они только раздробляютъ капиталъ и уменьшаютъ производительность народнаго труда. Родбертусъ защищаетъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства вовсе не потому, что послѣднее лучше можетъ вести дѣло, а потому, что государство, по самому существу вещей, не можетъ отказываться отъ дѣла объединенія, которое присуще самой его природѣ.

Намѣченные Родбертусомъ этапы историческаго развитія со времени С. Симона и первыхъ французскихъ историковъ стали теперь болѣе или менѣе общепринятыми. Едва ли теперь кто отрицаетъ, кромѣ того, что историческій процессъ дѣйствительно представляетъ собою что то сплачивающее, объединяющее, въ которомъ каждый социальный атомъ все болѣе и болѣе зависитъ отъ всей совокупности другихъ атомовъ. Но самая трудная задача историческаго анализа состоитъ не въ простомъ констатированіи этого факта, а въ объясненіи тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ это явленіе, а также и тѣхъ послѣдствій, которыя происходятъ благодаря этому въ структурѣ общества. По Родбертусу въ исторіи дѣйствуютъ двѣ причины: индивидуализмъ, какъ разлагающее начало, и справедливость и соединеніе, какъ организующія начала.

Самой слабой стороной ученія Родбертуса является именно эта постоянная вражда къ индивидуализму, какъ разлагающему началу. А. Вагнеръ, вообще проникнувшійся всего болѣе идеями Родбертуса на государство и на народное хозяйство, какъ органическое цѣлое, пришелъ къ мысли, что всякое народное хозяйство функционируетъ и движется подъ вліяніемъ политическихъ, социальнo-экономическихъ и нравственныхъ причинъ. По его мнѣнію, въ каждомъ на-

родномъ хозяйствѣ находится въ дѣйствиі три организаціонныхъ начала или силы и соотвѣтственно съ ними три сферы или системы дѣятельности: 1) личный интересъ или индивидуализмъ — эгоизмъ, который служитъ главнымъ мотивомъ дѣятельности всѣхъ частныхъ хозяйствъ; 2) принципъ милосердія или благожеланія (каритативный принципъ), который служитъ основаніемъ для благотворенія, для помощи падающимъ или павшимъ въ борьбѣ за существованіе и 3) „принципъ общественный“, который выражается въ подчиненіи частнаго интереса общему, въ союзной дѣятельности людей и ихъ политическихъ соединеній для общаго блага. Вагнеръ находитъ, что во всякомъ народномъ хозяйствѣ должно быть *равнолѣжное* сочетаніе этихъ началъ.

Эта классификація основныхъ силъ не имѣетъ большого значенія, какъ извѣстное историческое обобщеніе. Одно изъ этихъ началъ каритативный принципъ имѣетъ въ организаціи хозяйства лишь второстепенное значеніе. Классификація Вагнера не разрѣшаетъ, кромѣ того, сама по себѣ вопроса о томъ, не представляетъ ли исторія скорѣе постоянное колебаніе то въ одну, то въ другую сторону съ перевѣсомъ какой либо изъ двухъ этихъ силъ: личнаго и общественного интереса; она является лишь пожеланіемъ о необходимости „равнолѣжнаго“ сочетанія этихъ силъ, возможность осуществленія котораго не доказана. Но она важна, какъ мѣткое констатированіе факта, что ни одна изъ дѣйствующихъ въ историческомъ процессѣ силъ не можетъ быть признана „исключительно“ разлагающимъ началомъ.

Въ этомъ смыслѣ А. Вагнеръ съ полнымъ основаніемъ называетъ индивидуализмъ организаціоннымъ принципомъ хозяйства. Приглядываясь къ историческому процессу, мы неизбежно принуждены признать, что индивидуализмъ имѣлъ и всегда будетъ имѣть свою историческую миссію. Индивидуализмъ, личный интересъ — есть сознательное или инстинктивное начало борьбы и самоопредѣленія. Эта сила двигаетъ всего сильнѣе человѣкомъ и ничто такъ плотно и крѣпко не связываетъ людей, какъ борьба за ихъ общіе, но чисто индивидуалистическіе интересы. Вся предшествовавшая исторія была великимъ процессомъ творчества человѣчества и индивидуализмъ столь же созидалъ, какъ и разлагалъ. Такое же значеніе онъ сохраняетъ и въ современномъ намъ хозяйствѣ. Основная социальная ячейка нашего времени — семья, служащая основой при организаціи хозяйства, и въ особенности въ земледѣліи, проникнута индивидуалистическими началами. Успѣхъ земледѣльческаго хозяйства тѣсно связанъ съ индивидуализмомъ руководителя семьи. Наша община медленно гибнетъ подъ влияніемъ семейнаго индивидуализма и такъ открываются новыя пути для сель-

ско-хозяйственной коопераціи. Разрушая старыя формы быта, индивидуализмъ неизбежно вызываетъ къ жизни новыя. Развѣ не личный, индивидуалистическій интересъ создалъ также тѣ торговые договоры, о которыхъ мы говорили; тѣ громадныя соединенія капиталовъ — тресты, картели (см. послѣднюю главу и приложение), которыя создаются на нашихъ глазахъ для регулированія цѣнъ, размѣровъ производства и опредѣленія процесса потребления, вызваны къ жизни самимъ индивидуализмомъ, давленіемъ личнаго интереса капитала. Развѣ рабочіе союзы созданы не давленіемъ личнаго интереса? Я не склоненъ отрицать значенія въ исторіи благородныхъ социальныхъ чувствъ, но, быть можетъ, весьма правы тѣ, которые полагаютъ, что самая социалистическая организація общества станетъ возможной только тогда, когда каждый человѣкъ сознательно и своекорыстно убѣдится, что въ его личныхъ выгодахъ лучше быть лишь простымъ, но свободнымъ органомъ коллективнаго цѣлаго.

Пересмотрѣвъ приведенный выше анализъ разлагающаго дѣйствія индивидуализма, можно безъ особаго труда подмѣтить, что тотъ же индивидуализмъ не только разрушаетъ, но и созидаетъ; Родбертусъ какъ бы игнорируетъ собственный анализъ (см. въ особенности п. 1, 2 и 4). Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Родбертуса — Йентшъ справедливо пишетъ: „предубѣжденіе Родбертуса противъ „свободной торговли“, какъ къ силѣ только разрушающей, положительно представляется смѣхотворнымъ, когда приходится отъ него услышать, что индивидуализмъ начинаетъ свое разрушающее дѣло со времени Сервія Туллія, т. е. еще въ мифологическое время, за которымъ послѣдовало тысячелѣтіе величія. Конечно, человѣкъ, такъ-же какъ государство, начинаетъ умирать уже съ момента своего рожденія, ибо все земное смертно и содержитъ въ себѣ зародышъ смерти съ самаго момента своего возникновенія. Но это совершенно не вѣрно, будто индивидуализмъ и свобода представляютъ собою — силы разрушенія, соединеніе и сочетаніе — силы созиданія. Вѣрнѣе, обѣ эти силы только прямо противоположныя (полярныя) обнаруженія жизненной энергіи и обѣ одинаково необходимы. Такъ, и органическая жизнь состоитъ во вдыханіи и въ выдыханіи, въ окисдаціи и дезоксидациі (окислороженіе и потеря кислорода), химическаго соединенія и разложенія, а смерть наступаетъ, если остановится или та или другая изъ этихъ функцій“¹⁾. Конецъ и середина 19-го вѣка были временемъ, когда усиленно пропагандировались демократическая идея творчества самихъ народныхъ массъ, мистическое подчиненіе народному духу

1) См. I. с., стр. 255; смотри ниже анализъ матеріализма К. Маркса.

или просто волѣ большинства или организованнаго меньшинства. Въ началѣ 20-го вѣка снова замѣтно стремленіе къ признанію правъ и творчества личности во имя ея индивидуальнаго самоопредѣленія. Нитшеанство нѣсколько освѣжило атмосферу, каковы бы ошибки его ни были. . . . Права общества и права личности, творчество массъ и вождей — всѣ эти элементы общественной жизни стали подвергаться болѣе глубокому анализу.

Эта неправильность во взглядѣ на индивидуализмъ сильно подрываетъ идеализмъ Родбертуса. Онъ, какъ и всѣ идеалисты, въ значительной мѣрѣ остается безъ почвы или, вѣрнѣе, сводитъ необходимость эволюціоннаго и прогрессивнаго процесса къ простому вѣрованію въ торжество справедливости, въ „божественныя цѣли“ историческаго процесса, въ которомъ каждый изъ насъ долженъ принимать участіе въ силу глубокаго моральнаго чувства долга. Это указаніе (но не доказательство) на моральныя задачи и человѣка, и государства кореннымъ образомъ отличаетъ Родбертуса отъ всѣхъ матеріалистовъ; оно составляетъ самую слабую, хотя и глубоко благородную сторону его историко-философской теоріи. Для доказательства социальнаго идеализма надо искать другихъ болѣе прочныхъ аргументовъ . . .

Изъ сказаннаго мною, однако, не слѣдуетъ, что индивидуализмъ не имѣетъ вредныхъ сторонъ; Родбертусъ съ чрезвычайнымъ талантомъ отмѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр., подчиненіе земли капиталу, кризисы, пауперизмъ, спекуляція, эксплуатація, цезаризмъ . .

г) Громадная научная заслуга Родбертуса заключается въ томъ, что онъ съ особой энергіей подчеркнул ту связь, которая существуетъ между жизнью единичнаго хозяйства и жизнью всего народно-хозяйственнаго цѣлаго. Впослѣдствіи А. Шефле разработалъ въ подробностяхъ и довелъ до крайности аналогію народнаго хозяйства съ физическимъ организмомъ, попытался дать цѣлый рядъ біологическихъ аналогій, отъ которыхъ и самъ въ значительной мѣрѣ отказался въ послѣднихъ изданіяхъ своего труда¹⁾. Родбертусъ сознаетъ, что очень далеко эта аналогія проведена быть не можетъ и почти не пользуется ею. Однако, умѣніе разсматривать явленія хозяйства, какъ цѣлое, дало ему возможность произвести блестящій анализъ теоріи доходовъ и ярко отмѣтить вліяніе распредѣленія на процессъ образованія цѣнъ и на кризисы въ промышленности.

1) См. A. Schäfle. Bau und Leben des socialen Körpers, 2 тома, Tübingen, 2 изд. 1896 г. Очень кратко и мѣтко подвергъ критику эту органическую теорію въ экономіи Менгеръ въ своемъ трудѣ: „Исслѣдова-

Выше мною было отмѣчено, что теорія кризисовъ Родбертуса, заимствованная у Мальтуса и Оуенитовъ, не представляетъ особой заслуги этого писателя. Мы увидимъ ниже, что теорія крушенія капиталистическаго хозяйства путемъ кризисовъ не выдержала испытанія исторіи и теоретически односторонняя и у К. Маркса. Заслуга Родбертуса въ томъ, что самими противорѣчіями этой теоріи онъ двинулъ науку на болѣе вѣрный путь, каковой былъ данъ его ученіемъ о заработной платѣ и о дифференціальной производительности труда.

Классическая школа, какъ мы видѣли, считала заработную плату издержками производства. Родбертусъ, исходя изъ представленія о народномъ хозяйствѣ, какъ о цѣломъ, справедливо сталъ считать ее, такъ-же какъ прибыль и ренту, только долей участія въ національномъ продуктѣ, лишь благодаря наличнымъ общественнымъ условіямъ не возрастающей пропорціонально росту богатства. Это ученіе поколебало пресловутую теорію заработка фонда, согласно которой заработная плата представляетъ собой ничто иное, какъ оборотный капиталъ страны, раздѣленный на число рабочихъ; другими словами, размѣръ заработной платы зависитъ исключительно отъ двухъ факторовъ: оборотнаго капитала, который капиталисты употребляютъ на покупку труда и который является дѣлимимымъ, и числа рабочихъ, какъ дѣлителя. Эта теорія съ особой энергіей пропагандировалась

нія о методѣ социальныхъ наукъ“, р. пер., 1894 г., стр. 132—133. Основныя его возраженія таковы: а) Лишь нѣкоторая часть общественныхъ явленій обнаруживаетъ аналогію съ естественными организмами. Цѣлый рядъ социальныхъ явленій представляетъ результатъ человѣческаго расчета, направляющаго совокупность разнообразныхъ средствъ къ одной цѣли; б) обычное утвержденіе представителей органической школы (въ частности Родбертуса), будто части извѣстнаго цѣлага и самое цѣлое могутъ быть въ одно и тоже время и причиной, и слѣдствіемъ (взаимно вызывать другъ друга) не отличается ясностью. [Во введеніи я показалъ, какъ осторожно слѣдуетъ понимать то обстоятельство, что индивидъ является и субъектомъ, и объектомъ социальныхъ явленій. Это обстоятельство подлежитъ изслѣдованію и одна ссылка на органическое соотношеніе частей и цѣлага еще не даетъ ничего]; в) аналогія никогда не можетъ служить единственнымъ и полнымъ орудіемъ изслѣдованія; для цѣлей изложенія можно пользоваться аналогіями; иногда они очень остроумны, но чаще всего неудачны. „Указанные ложные пути изслѣдованія, очевидно, здѣсь тѣ-же, пишетъ Менгеръ, что и у физиолога и анатома, которые вздумали бы законы и методы народно-хозяйственнаго ученія безъ всякой критики переносить въ свою науку, т. е. функціи человѣческаго тѣла объяснять господствующими теоріями народно-хозяйственнаго ученія; напр., кровообращеніе — одной изъ теорій денежнаго обращенія или товарнаго обмѣна, пищевареніе — одной изъ теорій потребленія вещей, нервную систему — ученіемъ о телеграфномъ сообщеніи, функціи отдѣльныхъ органовъ человѣческаго тѣла — функціей различныхъ классовъ народа и т. д.“

Д. Э. Кернсомъ, который пользуясь ею, доказывалъ, что всѣ попытки путемъ профессиональныхъ союзовъ поднять заработную плату неосновательны и въ лучшемъ случаѣ достигаютъ повышенія заработной платы въ однѣхъ отрасляхъ промышленности за счетъ другихъ, такъ какъ основной фондъ — оборотный капиталъ — величина неизмѣнная и имѣющая свои особыя, непреборимые законы нарастанія.

Статистически законъ паденія доли заработной платы въ общей массѣ возрастающаго продукта остался и до нынѣ непровѣреннымъ (а это только и интересно, ибо одна теоретическая идея даетъ очень мало) и не вполне освѣщеннымъ, но важно то, что Родбертусъ указалъ на возможность возрастанія этой доли и необходимость этого явленія не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ ¹⁾.

Нельзя не отмѣтить, что Родбертусъ намѣтилъ основы для критики теоріи фонда въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, которое осталось совершенно неизвѣстнымъ ни Кернсу, ни Д. С. Миллю. Быть можетъ, если бы эти писатели были знакомы съ взглядами Родбертуса, наука надолго была бы освобождена и отъ теоріи фонда, и отъ теоріи такъ называемыхъ „издержекъ производства“, въ составъ которыхъ одинаково включены, какъ это дѣлалъ Д. С. Милль, прибыли и заработная плата или трудъ плюсъ воздержаніе, какъ это дѣлалъ Кернсъ ²⁾.

1) См. выше изслѣдованіе Джиффена, стр. 207. Даже въ социалистической литературѣ г. Бернштейнъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи и теоріи социализма“ (р. пер. 1902 г. стр. 99) пишетъ: „масса производимыхъ въ обществѣ ежегодно потребительныхъ благъ постоянно возрастаетъ и не существуетъ никакого естественнаго экономическаго закона, который бы предписывалъ, какая доля этого продукта должна достаться „производительнымъ и служебнымъ“ слоямъ общества и какая достается собственникамъ. Распредѣленіе общественнаго богатства во всѣ времена было вопросомъ силы и организаціи.“ Я не раздѣляю, однако, такой ужъ слишкомъ простой точки зрѣнія. Она до нѣкоторой степени впадаетъ въ полное отрицаніе законовъ политической экономіи и приводитъ къ поверхностному диллентантизму, каковымъ нерѣдко отличается г. Бернштейнъ.

2) Д. С. Милль попытался видоизмѣнить ученіе Рикардо объ издержкахъ производства; онѣ, по его мнѣнію, состоятъ изъ прибылей и заработныхъ платъ. Кернсъ, слѣдуя экономисту Сениору (1790—1864 г.), подраздѣляетъ издержки производства на три основныхъ и „конечныхъ“ элемента: трудъ, воздержаніе и рискъ. По его мнѣнію, въ современную намъ промышленную стадію развитія, кромѣ затраты (т. е. издержекъ) опредѣленнаго количества труда, необходимы еще нѣкоторыя предварительныя условія для возможности совершенія производительнаго процесса: 1) нуженъ капиталъ, т. е. та особая форма издержекъ-пожертвованій (sacrifice), которая выражается въ затратѣ капитала и которую лучше всего, по мнѣнію Кернса, обозначить терминомъ „воздержаніе“ (abstinence), т. е. то особое чувство, которое побуждаетъ капиталиста не потреблять капиталъ для удовлетворенія своихъ непосредственныхъ по-

Этот терминъ „издержекъ производства“ внесъ не мало путаницы въ науку. Разсмотримъ же его значеніе въ двухъ затронутыхъ нами вопросахъ: а) въ теоріи фонда и б) въ выясненіи идеи дифференціальной производительности труда.

Какъ классическая школа, такъ и многіе представи-

тельствъ, а, напротивъ, затрачивать на производство, рискуя даже потерять капиталъ. Кернсъ отступаетъ, такимъ образомъ, и отъ общаго ученія классической школы, которая считала издержками — затраты труда и капитала (Рикардо) и отъ ученія Д. С. Милля (зараб. плата и прибыль). Это видоизмѣненіе потребовалось для того, чтобы выяснитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ и почему прибыль входитъ „необходимымъ“ элементомъ въ цѣнность продуктовъ — вопросъ, какъ мы видѣли, неразъясненный теоріей Рикардо. Аргументація Кернса такова: безъ капитала производство невозможно, слѣдовательно, въ цѣну продукта должно входить особое вознагражденіе за *пользованіе* имъ. При отсутствіи вознагражденія никто не сталъ бы ни собирать, ни затрачивать капиталъ. Размѣръ вознагражденія опредѣляется средней степенью пожертвованія, заключающагося въ воздержаніи. Такъ какъ для производства продуктовъ нужны не только трудъ, но и воздержаніе, то оно является не только необходимымъ элементомъ, но и конечнымъ (т. е. не допускающимъ дальнѣйшаго разложенія на иныя причины) элементомъ издержекъ. Кернсъ критикуетъ Д. С. Милля и указываетъ, согласно Рикардо, что заработная плата, хотя и выплачивается до начала производства, но не можетъ считаться издержками, ибо норма ея колеблется независимо отъ цѣнности предметовъ (ср. законъ Рикардо, стр. 249—252); послѣдующіе теоретики полагали, что Д. С. Милль ошибался и относительно прибыли, которая не можетъ считаться издержками производства, ибо вовсе не влагается въ него, а, наоборотъ „получается въ концѣ производительнаго процесса“ послѣ продажи продукта; Кернсъ и придумалъ свое воздержаніе именно потому, что оно какъ бы необходимо до „начала“ производства. Предложенная поправка о прибыли не можетъ быть признана удачною.

Прежде всего, далеко не всякій капиталъ проистекаетъ изъ воздержанія. Разъ накопившіеся капиталы богатѣйшихъ людей возрастаютъ какъ бы сами собой, безъ всякаго ихъ участія въ производствѣ и безъ какихъ бы то ни было ограниченій въ ихъ потребленіи. Капиталъ какого-либо Ротшильда безгранично выше размѣровъ его собственныхъ потребностей. Несомнѣнно, что для образованія капиталовъ необходимо сбереженіе, но оно вообще становится возможнымъ только тогда, когда производительность труда всего народа выше, чѣмъ необходимыя издержки на его содержаніе.

Во-вторыхъ, опредѣлить среднее значеніе этого воздержанія, какъ фактора психологическаго и безконечно разнообразнаго для разныхъ капиталистовъ, совершенно невозможно.

Въ-третьихъ воздержаніе вовсе не можетъ быть признано „конечнымъ элементомъ“, ибо, по существу дѣла существованіе предложеній о такомъ психологическомъ факторѣ доказываетъ лишь то, что капиталъ не безграниченъ въ своемъ размѣрѣ, что онъ величина ограниченная и при существующихъ условіяхъ владѣнія служитъ основаніемъ для возможности распоряжаться имъ для разныхъ цѣлей, т. е. для потребленія, для производства, для обнаруженія своего экономическаго и социальнаго господства. Лучшую критику многообразныхъ теорій прибыли см. у Böhm-Bawerk. *Geschichte und Kritik der Kapital-Zins-Theorien*, т. I, пер. изд. 1884 г.

тели другихъ школъ включали заработную плату „въ издержки“ по двумъ основаніямъ: а) она выплачивается при началѣ всякаго производства и капиталистъ въ видѣ оборотнаго своего капитала (или его доли) долженъ заласти ее заранѣе и б) она необходимо составляетъ ту долю капитала, на которую капиталистъ разсчитываетъ свою прибыль по такимъ-же основаніямъ, какъ и на основной капиталъ. Родбертусъ ¹⁾ возражаетъ, что зараб. плата — такой же доходъ, какъ и прибыль, которая, какъ мы видѣли, получается въ „концѣ“ производительнаго процесса. Какова же его аргументація?

По его мнѣнію, отнесеніе заработной платы къ издержкамъ производства покоится на трехъ заблужденіяхъ, не считая того, которое я отмѣтилъ въ примѣчаніи, какъ опровергнутое Рикардо.

Во-первыхъ, орудія и матеріалы существуютъ только для того, чтобы увеличивать производство и это ихъ назначеніе будетъ существовать во всѣ историческія эпохи; заработная же плата выдается для того, чтобы рабочій могъ „жить“, а вовсе не для того, чтобы сохранять себя, какъ производительное орудіе. Только въ современную историческую эпоху капиталистъ смотритъ на работника, какъ на орудіе. Въ будущую эпоху это видоизмѣнится. Заработную плату такъ-же нелѣпо включать въ издержки, какъ и прибыль или ренту, за счетъ которыхъ содержатся, „живутъ“ владѣющіе классы. По самому существу дѣла, кромѣ того, въ производствѣ затрачивается не заработная плата, а трудъ, т. е. умственная и нервная энергія человѣка; точно также затрачивается не прибыль, а капиталъ, не рента, а физическія свойства почвы. Экономическая основа ренты въ томъ, что не заработная плата, а трудъ производитъ больше, чѣмъ сама заработная плата, чѣмъ сколько нужно на жизнь работника.

Во-вторыхъ, даже въ современную эпоху раздѣленія труда вовсе не существуетъ предварительнаго запаса средствъ существованія, изъ котораго выплачивается заработная плата для совершающагося процесса производства. Самая важная особенность раздѣленія труда заключается въ томъ, что во всѣхъ производствахъ работа идетъ „въ одно и то-же время“. Въ тотъ періодъ, когда на низшей стадіи производства постоянно добывается „матеріаль“ изъ земли, на послѣдующей стадіи матеріаль постепенно обращается въ „полуфабрикатъ“, а на самой высшей стадіи производства постоянно заканчивается производство товаровъ. Если въ какомъ либо предпріятіи производятся какіе либо предметы фабри-

1) См. Zur Erkenntnis и т. д., стр. 14 и слѣд.

каціи и рабочіе трудятся одну недѣлю или мѣсяць, то на ряду съ ними въ ту же недѣлю или въ тотъ же мѣсяць заканчивается производство средствъ существованія; именно изъ этихъ одновременно производимыхъ средствъ существованія рабочій и получаетъ свою плату.

Въ-третьихъ, въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, конечно, при началѣ производства уже имѣется на лицо извѣстный запасъ средствъ существованія, тотъ, которымъ рабочій живетъ во время самой работы. „Но этотъ запасъ не тотъ, изъ котораго выдается заработная плата: онъ ведетъ свое начало изъ предшествовавшаго производительнаго періода.“

Кромѣ того, рабочему „никогда“ не выдается заработная плата до исполненія работы, а только по доставленіи имъ продукта, хотя бы продуктъ и не былъ вполнѣ готовъ для потребленія. По мнѣнію Родбертуса, здѣсь возможны два случая. Во первыхъ, производство можетъ идти такъ быстро, что предприниматель вознаграждаетъ рабочаго изъ самой выручки по проданнымъ товарамъ; здѣсь, очевидно, плата выдается изъ продукта, а не изъ капитала. Во вторыхъ, сроки расплаты приходятъ раньше, чѣмъ проданъ продуктъ. Въ этомъ случаѣ капиталистъ, конечно, долженъ имѣть особый денежный фондъ, но этотъ денежный фондъ не есть запасъ средствъ существованія, который бы также существовалъ при началѣ производства, какъ орудія и матеріалы. Это просто денежный фондъ, фондъ требованія, который отдается рабочему за обнаруженный имъ трудъ, хотя и не за вполнѣ законченный и не превращенный въ серебро продуктъ работы, который рабочій реализуетъ подъ видомъ продукта того же времени, за какое получилъ плату. То обстоятельство, что капиталистъ долженъ имѣть денежный фондъ, проистекаетъ вслѣдствіи той причины, что періоды производства отдѣльныхъ отраслей промышленности сталкиваются между собой неравномѣрно. Рабочій лишь потому получаетъ право участія въ продуктѣ подъ видомъ денежнаго требованія, что уже доставилъ продуктъ и продавецъ средствъ существованія соглашается за деньги отдать свой продуктъ только потому, что въ деньгахъ, получаемыхъ имъ, онъ имѣетъ гарантію своего вознагражденія продуктомъ, доставленнымъ рабочимъ. „Короче говоря, хлѣбъ, которымъ живетъ рабочій, хотя и хуже, чѣмъ хлѣбъ ранѣе, но также свѣжъ“.

Нѣкоторые изъ аргументовъ Родбертуса вполнѣ ясны, другіе же нуждаются въ толкованіи и далеко не полны.

Безусловно вѣрно и ясно, что съ народно-хозяйственной точки зрѣнія затрачивается трудъ, а не заработная плата. Съ такой же соціальной точки зрѣнія заработная

плата не должна разсматриваться, какъ издержки на содержание челоуѣка, какъ своего рода производственной машины. Только въ современномъ народномъ хозяйствѣ заработная плата представляется капиталисту, какъ часть его затратъ на сохраненіе живой силы работника.

Не менѣе вѣрно и то замѣчаніе Родбертуса, что очень часто работникъ вознаграждается по окончаніи производства, напр., въ земледѣліи при системѣ половничества изъ доли продукта, авансируя даже на производство свой капиталъ.

Правильно и вполнѣ подтверждается многочисленными фактами, что продажа продукта нынѣ совершается такъ быстро, что капиталистъ можетъ выдавать рабочимъ плату изъ выручки собственнаго предпріятія, что и подмѣтилъ англійскій экономистъ Уокеръ (см. его *Wages Question* стр. 134 и слѣд.).

Чрезвычайно мѣтко также замѣчаніе Родбертуса, что даже пролетаріатъ живетъ отчасти на счетъ остатковъ отъ заработной платы за предшествующій періодъ, что отождествлять заработный фондъ съ одними средствами существованія даннаго момента нельзя, ибо рабочій къ началу производства обыкновенно бываетъ одѣтъ, обутъ, имѣетъ жилище, а иногда и кое-что про черный день.

Сводя во едино все эти признанные нами аргументы, можно сказать, что оборотный капиталъ страны не находится вполнѣ въ рукахъ капиталистовъ, что условія производства, а, слѣдовательно, и вознагражденія труда опредѣляются отчасти накопленіями самого рабочаго класса, которыя могутъ оказывать вліяніе на будущую производительность труда непосредственно и посредствомъ — черезъ возможность авансировать капиталисту долю труда безъ одновременнаго ея вознагражденія. Но ограниченіе проблемы — не есть ея полное опроверженіе. Разрушаютъ ли теорію фонда другіе аргументы Родбертуса, которые не вполнѣ ясны, которые сначала надлежитъ истолковать¹⁾. Что означаетъ его аргументъ о томъ, что все производства идутъ одновременно и что необходимый денежный фондъ капиталиста есть только право требованія на продуктъ же рабочаго? Не есть ли указаніе на наличность этого денежнаго фонда — отчасти признаніе ученій Кернса?

Идея Родбертуса, что все производства идутъ одновременно, означаетъ не только то, что вся современная про-

1) По вопросу о фондѣ заработной платы сравни: Герценштейнъ. Теорія фонда, статья въ Русской мысли, (1890 г.). Желѣзновъ. Главныя теченія въ разработкѣ ученія о заработной платѣ (1904 г.). Цвиденекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы, р. пер. Авалова. Taussig. *Wages und Capital*. (N. J. 1900 г.).

мышленность построена на началахъ раздѣленія труда, но и то, что ни одного явленія производства мы не можемъ понять теперь внѣ условій обмѣна, кредита и всей суммы національной производительности, которая, какъ чистый доходъ, воплощается: въ рентахъ, прибыляхъ и въ заработныхъ платахъ, какъ въ яко-бы издержкахъ.

Всякому извѣстно, что современное производство можетъ расширяться не только на наличный капиталъ, но и въ кредитъ, получаемый, какъ въ предѣлахъ страны, такъ и внѣ ея. Оборотный капиталъ страны, поэтому, такъ-же какъ и основной, не могутъ считаться величиной „неизмѣнной“: она можетъ возрастать въ зависимости отъ предѣловъ расширенія кредита. Теоретикъ фонда можетъ на это отвѣтить, что кредитъ есть только передача наличнаго капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія руки, другими словами, что эта передача не влѣяетъ на общую массу оборотнаго капитала, но онъ будетъ не правъ уже и потому, что кредитъ привлекаетъ въ производство капиталы, которые совсѣмъ не принадлежатъ производителямъ, а классу лицъ зачастую живущихъ лишь на счетъ процентовъ отъ своего капитала. Расширеніе же производства путемъ кредита увеличиваетъ національную производительность, а, слѣдовательно, при успѣшной реализаціи продукта и тотъ фондъ, изъ котораго могутъ выплачиваться заработныя платы и накапливаться ренты и прибыли.

Слова Родбертуса: „рабочій лишь потому получаетъ право участія подѣ видомъ денежнаго требованія и продавецъ средствъ существованія соглашается за деньги отдать свой продуктъ только потому, что въ деньгахъ, получаемыхъ имъ, онъ имѣетъ гарантію своего вознагражденія продуктомъ, доставленнымъ рабочимъ“ — не ясны или, вѣрнѣе, мало имѣютъ отношенія къ теоріи фонда. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ капиталистъ, дѣйствительно, авансируетъ рабочему его плату. Конечно, его денежный фондъ не воплощается въ средствахъ существованія; если эти средства существованія берутся изъ прежняго запаса или изъ текущаго производства, дѣло отнюдь не мѣняется. Оборотный денежный фондъ капиталиста составляетъ результатъ всей совокупности предшествовавшихъ процессовъ производства и, слѣдовательно, какъ определенная величина оказываетъ вліяніе на спросъ на трудъ. Въ своей полемикѣ Родбертусъ, слѣдовательно, увлекся; рабочій не получаетъ своего вознагражденія только изъ продукта, но и изъ оборотнаго капитала, который обмѣнивается на ранѣе произведенныя средства существованія (старые запасы) и на только что изготовленные продукты.

Ошибка теоретиковъ фонда заработной платы не въ

томъ, что они разумно признали невозможность производства безъ авансированія доли оборотнаго капитала рабочимъ. Они совершенно упустили изъ виду, что увеличение оборотнаго капитала, т. е. выплачиваемой заработной платы возможно: а) за счетъ ренты и прибылей при мало прогрессирующемъ хозяйствѣ и в) за счетъ общаго увеличенія производительности какъ оборотнаго, такъ и постояннаго капитала безъ уменьшенія прежней доли этихъ двухъ доходовъ, т. е. что и оборотный, и постоянный капиталъ страны не представляютъ собой величинъ неизмѣнныхъ и возрастаніе этихъ капиталовъ, раздѣленіе ихъ на тѣ или иные разряды зависитъ отнюдь не отъ одной воли капиталистовъ, а отъ всей совокупности условий жизни даннаго народнаго хозяйства.

Такъ напр. переходъ отъ простой ручной работы къ машинной зависитъ отъ очень сложныхъ условий. Часто увеличеніе постояннаго капитала за счетъ оборотнаго можетъ временно сокращать размѣры оборотнаго капитала, но то же обстоятельство въ конечномъ результатѣ увеличиваетъ производительность труда, т. е. создаетъ большія ренты и прибыли. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какая доля ихъ можетъ быть обращена на вознагражденіе рабочаго класса, а не въ потребленіе владѣльцевъ орудій производства и при какихъ усиліяхъ со стороны рабочаго класса. Самый процессъ капитализаціи производства, такимъ образомъ, отнюдь не долженъ пугать рабочее сословіе, какъ сокращеніе размѣровъ оборотнаго капитала. Заработный фондъ опредѣляется не только оборотнымъ капиталомъ, но оборотнымъ и постояннымъ совместно или, вѣрнѣе, общемо суммой національной производительности¹⁾.

Такимъ образомъ, вмѣсто элементарной теоріи фонда Родбертусъ поставилъ экономіи сложную задачу — прослѣдить, какимъ образомъ въ нашемъ хозяйствѣ происходитъ весь сложный процессъ распредѣленія, а также сочетанія и размѣщенія капиталовъ по ихъ основнымъ видамъ, ибо отъ этого зависятъ и размѣры національной производительности¹⁾.

д) Какъ мы видѣли выше, Рикардіанская доктрина гово-

1) Говорю „общей суммой національной производительности“, а не „общей суммой созданной цѣнности“. При изложеніи теоріи Маркса мы увидимъ, что норма прибавочной цѣнности опредѣляется этимъ писателемъ, какъ отношеніе прибавочной цѣнности къ оборотному капиталу. Теорія фонда заработной платы оказала свое вліяніе и на Маркса. Вопросъ о вліяніи постояннаго капитала на возрастаніе производительности и цѣнности связывается, такимъ образомъ, и съ ученіемъ о фондѣ заработной платы. Мнѣ кажется, что расширеніе затратъ постояннаго капитала не сопровождается такимъ быстрымъ паденіемъ цѣнности до уровня затраченнаго труда, какъ полагалъ Марксъ.

рила о постоянномъ возрастаніи ренты¹⁾ и о грозящемъ наступленіи все болѣе ухудшающихся условій производства. Родбертусъ первый разумно усомнился въ правильности положенія, будто законъ уменьшающейся производительности почвы сказывается съ такой жестокой силой и что предѣлы земледѣльческихъ усовершенствованій такъ ничтожны. Даже при сохраненіи Рикардіанской теоріи ренты, можно было бы сказать, что возможно повышение заработнаго фонда за счетъ этой возрастающей ренты, ибо представители фабрикаціи, защищая свои интересы, могли бы одновременно защищать и интересы рабочихъ, опираясь на „ограниченность“ или организацію своего капитала, не допуская паденія прибыли при неизбѣжномъ повышеніи заработной платы; если предметы фабрикаціи необходимы землевладѣльцамъ, то они должны жертвовать частью своего избыточнаго дохода. Заслуга Родбертуса также въ доказательствѣ того, что при громадномъ многообразіи земель по плодородію весьма сомнительно, чтобы только худшія земли опредѣляли цѣну земледѣльческаго продукта.

Кромѣ того, теоретики классической школы исходили изъ представленія, будто прибыль тяготеетъ постоянно къ минимуму, однообразна во всѣхъ производствахъ и исключительно опредѣляется земледѣльческой прибылью. Развитие экономической жизни показало, что капиталъ можетъ бороться очень успѣшно за свою прибыль и что минимумъ ея не таковъ, чтобы и за его счетъ не могло въ извѣстныхъ предѣлахъ произойти расширеніе заработной платы и въ разныхъ отрасляхъ различно, въ зависимости отъ разнообразія и самихъ прибылей. То обстоятельство, что норма прибыли исключительно опредѣляется въ земледѣльческомъ производствѣ, а не общою производительностью всего національнаго труда, капитала и всей земли, также оказалось не доказаннымъ.

е) Великая заслуга Родбертуса, кромѣ того, заключается въ томъ, что онъ призналъ недоказанной теорію предѣльной трудовой цѣнности земледѣльческаго продукта²⁾ и отрица-

1) См. Ходскій. Земля и земледѣлецъ, СПб. 1891 г., Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи (пер. изд. 1903. второе — 1907 г.). А. Скворцовъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство, 1890 г. Въ этой книгѣ хорошо изложены теоріи Тюнена и Родбертуса и дана ихъ критика. Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика (Юрьевъ 1904 г.) А. S. Johnson. Rent in modern economic theory: an essay in distribution, N. J. 1902 г.

2) Понятіе о послѣдне-приложенномъ трудѣ и капиталѣ осталось у Рикардо совершенно невыясненнымъ. У Рикардо вся теорія ренты построена на трехъ предположеніяхъ. Во-первыхъ, видоизмѣненіе производительности земледѣльческаго труда сейчасъ же выражается установленіемъ новаго предѣла обработки, т. е. въ обработку поступаетъ новая

тельно отнесся къ трудовой цѣнности средняго общественно-необходимаго труда, которую со всѣми ея противорѣчіями мы еще изложимъ ниже.

Въ безконечномъ рядѣ мѣстъ онъ полемизируетъ противъ Маркса, что трудовая цѣнность не есть реальный фактъ нашей промышленной жизни, а только идея распредѣленія, которую можно установить лишь путемъ „законовъ“. Я уже пояснилъ ее выше при помощи особаго примѣра и указалъ тѣ аргументы, посредствомъ которыхъ онъ доказывалъ, что трудъ „единственный“ элементъ — издержекъ-стоимости (Kosten)¹⁾.

земля, которая даетъ иную заработную плату и прибыль, иначе новый размѣръ продукта для раздѣла между этими видами доходовъ и, соотвѣтственно, видоизмѣняетъ распредѣленіе въ предѣлахъ всего народнаго хозяйства. Во-вторыхъ, одинаковая новая затрата труда и капитала даетъ однообразный приростъ на всѣхъ участкахъ, какого бы плодородія они не были. Въ третьихъ, всѣ движенія капитала къ землѣ и отъ земли, т. е. на обработку ея и для извлеченія изъ обработки, зависятъ отъ размѣра прибыли. Родбертусъ, повидимому слѣдуя за Р. Мальтусомъ (см. дополненія), справедливо усомнился во всѣхъ этихъ трехъ положеніяхъ. Видоизмѣненіе условій распредѣленія совершается очень медленно, на разныхъ земляхъ затраты дають далеко не однообразный приростъ; затраты на земледѣліе связаны не только съ прибылью, но и съ рентой.

Вопросъ о томъ, есть ли въ земледѣліи затраты на сырье, подробно разсмотрѣвъ у проф. Скворцова. Онъ полагаетъ, что Родбертусъ правъ: въ земледѣліи не существуетъ матеріала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ обрабатывающей промышленности. Во всѣхъ отрасляхъ этой послѣдней, по его мнѣнію, всегда имѣется основной матеріалъ, потребление котораго возрастаетъ *прямо пропорціонально* увеличенію количества произведеннаго продукта (шерсть, желѣзо, сталь и т. п.). Никакого такого матеріала не существуетъ въ земледѣліи. Посѣвныя сѣмена, хотя и составляютъ напр. матеріалъ земледѣльческаго производства, но нельзя считать ихъ соотвѣтствующими основному матеріалу фабриканта, потому что урожай вовсе не пропорціоналенъ количеству высѣянныхъ сѣмянъ; извѣстная густота посѣва, правда, необходима, но во 1-хъ, этой густоты нельзя переходить, во 2-хъ, улучшения въ технику позволяютъ при разсѣвѣ меньшаго количества сѣмянъ получать большіе урожаи, въ 3-хъ, количество сѣмянъ зависитъ отъ климата, почвы и назначенія продукта. Тоже можно сказать и объ удобреніи. Кромѣ того, полагаетъ проф. Скворцовъ особенностью матеріала въ земледѣліи заключается въ томъ, что матеріалъ большей частью не покупной, а произведенный въ хозяйствѣ, не имѣющій стоимости производства; значительная часть матеріаловъ (за исключеніемъ посѣвныхъ сѣмянъ и зернового корма) — „объемистый кормъ для скота (сѣно, солома и проч.) и навозъ совсѣмъ не могутъ быть проданы, ибо на нихъ на рынкахъ нѣтъ покупателей, по крайней мѣрѣ на то количество ихъ, въ какомъ они употребляются въ хозяйствѣ и потому эти матеріалы и носятъ въ сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ названіе „нерыночныхъ продуктовъ“ (?). Проф. Lexis — см. Zur Kritik der Rodbertus'schen Theorien-Jahrbüch. f. Nat. Oek. N. Folge. V. IX держится диаметрально противоположнаго взгляда. См. Скворцовъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство, Варшава, 1890 г. стр. 177 и слѣд.

1) Чтобы было ясно послѣдующее изложеніе, напомнимъ, какое своеобразное значеніе терминъ — „издержекъ производства“ или, какъ выражаются иначе, „стоимости производства“, приобрѣдъ въ работахъ

Какъ я уже выше отмѣтилъ, самъ Родбертусъ признаетъ, что всѣ три фактора производства: трудъ, земля и капиталъ чрезвычайно разнообразны по своей производительности и рыночная борьба производителей опредѣляетъ какую-то среднюю цѣну, не совпадающую съ трудовой цѣнностью. Пригодны ли аргументы Родбертуса для доказа-

тѣхъ теоретиковъ, которые склонны искать архимедовой точки для цѣнности, т. е. для представителей классической экономіи и нѣкоторыхъ теоретиковъ предѣльной полезности. Въ капитальномъ изслѣдованіи американскаго бюро труда, 6-й год. отч. 1891 г., былъ съ необыкновенной ясностью поставленъ на чисто эмпирическую почву вопросъ объ издержкахъ производства. Коммиссія этого бюро, изучавшая этотъ вопросъ въ Америкѣ и Европѣ по цѣлой массѣ промысловъ, поставила своей задачей изучить „тѣ издержки, которыя универсальны, положительны и абсолютно необходимы, т. е. общи всѣмъ производителямъ и которыя необходимо соединить (bring in order), чтобы получить готовый продуктъ“. При изученіи этихъ „теоретическихъ элементовъ“ издержекъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, она натолкнулась на тѣ многообразныя значенія, которыя имѣетъ этотъ терминъ и попыталась опредѣлить его главнѣйшія значенія. Я приведу ниже съ нѣкоторыми пополненіями тѣ четыре основныя значенія, которыя она усмотрѣла въ литературѣ.

Терминъ издержекъ (cost of production) производства можетъ означать: 1. Сумму затратъ нервной и мускульной энергіи труда, затраченной для полученія даннаго продукта (объективный трудовой масштабъ) или сумму неприятныхъ и вызывающихъ усталость напряженій человѣческаго труда (fatigue or irksomeness of labour — субъективный трудовой масштабъ). 2. Разрушеніе объективныхъ или матеріальныхъ благъ или нѣкоторыхъ единицъ ихъ, которыя необходимо затратить для созданія другихъ матеріальныхъ благъ: потребленіе опредѣленной суммы единицъ нервной и мускульной энергіи человѣческаго труда, употребленіе опредѣленной суммы единицъ земли и капитала для полученія опредѣленнаго количества единицъ готоваго продукта. 3. Пожертвованіе (sacrifice) той или другой полезности, возможности или цѣнности. Такъ, кузнецъ можетъ зарабатывать, какъ земледѣльческій рабочій, 1 дол. и 50 цен., тогда какъ всякій другой рабочій въ округѣ не можетъ получать больше 1 д. 25 цен. Имѣя возможность на собственной кузницѣ получать 1 д. 65 цент., кузнецъ остается при своемъ дѣлѣ. Онъ будетъ оцѣнивать издержки производства своего труда по цѣнности лучшаго изъ возможныхъ употребленій своего труда, т. е. въ 1 д. 65 цен. Въ этомъ смыслѣ, поясняетъ проф. Гиддингсъ, которому принадлежитъ это толкованіе въ трудахъ коммиссіи, мы всегда употребляемъ выраженіе издержки въ разсужденіяхъ о международной торговлѣ. Такъ, нація, имѣющая возможность производить желѣзо по 11 дол. за тонну, можетъ ввозить ее по 13 дол. за тонну просто потому, что трудъ и капиталъ, который производитъ тонну желѣза за 11 дол., можетъ быть болѣе производительнымъ при производствѣ хлѣба или хлопка, чтобы купить тонну съ половиной или двѣ тонны по 13 долларовъ“. 4. Издержки могутъ означать также сумму всѣхъ цѣнъ, платимыхъ за трудъ, матеріалы и жертвованія, необходимыя для обезпеченія производства.

„Въ послѣднемъ смыслѣ издержки не всегда причина цѣнности или цѣны, т. е. цѣна продукта не всегда необходимо опредѣляется издержками производства въ цѣнахъ труда и матеріаловъ. Наоборотъ, цѣна „конечнаго продукта“ можетъ опредѣлять, сколько заплатитъ производитель за матеріалы и трудъ.

тельства трудовой цѣнности — это мы увидимъ при изложеніи доктрины Маркса. Посмотримъ же, можно ли признать трудъ единственнымъ элементомъ издержекъ.

Слабость второго и важнѣйшаго изъ аргументовъ Родбертуса совершенно очевидна. Чтобы теоретически понять, что единица земли является элементомъ издержекъ-затратъ, отнюдь нѣтъ надобности „персонифицировать“ землю. Человѣкъ, какъ субъектъ хозяйства, имѣя предъ собою участки земли одинаковаго или разнаго качества, оцѣниваетъ ихъ значеніе, какъ элементъ затратъ, съ точки зрѣнія своихъ потребностей и интересовъ. Онъ отлично понимаетъ, что для полученія того или другого урожая ему нужно опредѣленное количество единицъ земли и что, если онъ посѣялъ овесъ и сдѣлалъ это неудачно, онъ не получитъ ожидавшагося урожая овса. Его поле пропало для овса, но оно пропало одновременно и для всякаго другого посѣва на опредѣленный промежутокъ времени. Изъ опыта онъ знаетъ и то, что онъ обязанъ возвращать землѣ опредѣленное количество производительной энергіи въ видѣ пароваго поля или удобрения и т. п.

Одинъ изъ остроумныхъ писателей Эфферцъ справедливо пишетъ: „стоимость производства состоитъ изъ двухъ элементовъ: стоимости труда и земли. Первая — равна овеществившейся въ продуктъ рабочей силѣ, вторая — равна заключенной въ продуктъ величинѣ земли. Противъ существованія издержекъ въ землѣ можно было бы возразить, что земля не потребляется и послѣ производства существуетъ такъ-же, какъ и до него. Постепенное вымирание производителей зависитъ не отъ производства, а отъ жизни вообще. И производитель умираетъ. Когда возражаютъ, что чрезмѣрная производительная работа вредитъ производителямъ, то можно отвѣтить, что она столь же вредна и землѣ. Стоимость производству, напр., центнера хлѣба равна, слѣдовательно, заключенному въ немъ труду плюсъ заключенной въ немъ землѣ. Не имѣютъ стоимости только продукты, въ которыхъ нѣтъ ни труда, ни земли“¹⁾.

1) См. его Arbeit und Boden, Berlin, 1897 г., стр. 109. Тотъ же Эфферцъ вооружается противъ всякихъ „персонификацій“ животныхъ, машинъ, капиталовъ и т. д. Дѣло идетъ вовсе не о персонификаціи, а о констатированіи реальнаго факта — производительнаго эффекта для усилій человѣка.

Какъ необходимо замѣнить элементарное ученіе о производительности труда идеей дифференціальной производительности труда въ зависимости отъ содѣйствія земли и капитала, лучше всего можно видѣть изъ того примѣра, которымъ Родбертусъ хочетъ защитить элементарную теорію производительности труда. Вотъ его примѣръ. Человѣкъ при помощи лѣстницы досталъ фрукты. Безъ нея онъ не могъ бы этого сдѣлать.

Въ этой образной формѣ Эфферцъ высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что земля и вообще производительныя силы, поскольку онѣ „ограничены въ своемъ количествѣ, качествѣ и во времени“, поскольку онѣ требуютъ къ себѣ разумнаго и бережливаго отношенія, не могутъ не считаться субъектомъ хозяйства, элементомъ затратъ во всѣ времена и при всякихъ социальныхъ системахъ.

Человѣчество отлично понимаетъ, что для получения продукта недостаточно одного труда, какъ фактора производства. Для производства необходимы и земля, и капиталъ, который опять таки представляетъ собою ничто иное, какъ овеществившееся въ извѣстной формѣ и для извѣстныхъ цѣлей соединеніе земли и труда въ продуктѣ. Сколько трудъ, сколько капиталъ, сколько естественныя силы прибавили къ количеству продукта, какъ хранителя извѣстныхъ силъ и свойствъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей чловѣка, этого мы исчислить не можемъ, ибо всякій продуктъ есть недѣлимый результатъ земли, труда и капитала.

Никакого противорѣчія между естественно-исторической и народно-хозяйственной точкой зрѣнія быть не можетъ и не должно. Если для получения продукта необходимо соединеніе трехъ наличныхъ факторовъ производства, то съ обѣихъ точекъ зрѣнія мы должны имѣть и три стоимости для одного хозяйствующаго субъекта ¹⁾.

„Безъ сомнѣнія, пишетъ Родбертусъ, трудъ благодаря этому сталъ производительнѣе, ибо фрукты безъ лѣстницы совсѣмъ нельзя было бы достать или, быть можетъ, только съ большей потерей времени и усилий. Но поэтому и возросшій доходъ въ фруктахъ есть продуктъ болѣе производительной работы. Только въ этой болѣе производительной работѣ, а не въ результатѣ ея начала, ея первой половинѣ — принесеніе лѣстницы — лежитъ основа увеличенія дохода. Это увеличеніе есть продуктъ труда, который принесъ лѣстницу и труда, который ею распоряжался“. Не проще ли считать увеличеніе дохода совмѣстнымъ результатомъ дѣйствія этихъ двухъ производительныхъ силъ; вѣдь, такая точка зрѣнія не даетъ права разсуждать, что мертвому капиталу должна принадлежать часть дохода. Только изъ опасенія такого буржуазно-полезнаго толкованія Родбертусъ и твердитъ свое. См. Rodbertus, Das Kapital, изд. 1884 г. стр. 231 и слѣд.

1) Капиталъ представляетъ собою сочетаніе матеріи, созданное чловѣкомъ для лучшаго достиженія своихъ цѣлей. Чѣмъ цѣлесообразнѣе произведено это сочетаніе, по количеству или качеству матеріи, тѣмъ производительнѣе и капиталъ. По моему мнѣнію Кларкъ правъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ: „Умѣлый (skilled) работникъ, пишетъ онъ, конечно создаетъ всегда больше богатства, чѣмъ простой; личныя различія между людьми всегда имѣютъ значеніе при опредѣленіи ихъ социальной силы, какъ производителей. Хорошая машина всегда будетъ производить больше, чѣмъ плохая. Такое хорошее орудіе, однако, представляетъ собою болѣе единицъ капитала и все, что мы можемъ требовать отъ соперничества это то, чтобы оно поддерживало тенденцію вкладывать равныя единицы капитала тамъ, гдѣ ихъ выручка одинакова.

Для всякаго ясно, что, даже при существованіи общественной собственности, для полученія продукта нужно будетъ опредѣленное количество единицъ земли и капитала. Три основныя вида затратъ нужно будетъ производить и все на тѣхъ же или, быть можетъ, болѣе разумныхъ, сознательныхъ началахъ.

Когда Родбертусъ говоритъ объ издержкахъ, о возможности „персонифицировать“ только трудъ человѣка, онъ вовсе не имѣетъ въ виду человѣка, какъ единицу затраты силъ, которые надо возстановить, какъ мы возстанавливаемъ производительныя силы земли или отработавшій капиталъ. Онъ хочетъ только сказать, что весь хозяйственный процессъ совершается для жизни человѣчества и что, поэтому, всѣ результаты производства должны идти ему на пользу, должны быть распределены въ соответствии съ его нуждами. Трудъ человѣка является издержками-стоимостью потому, что все должно быть отдано ему, какъ существу, для котораго совершается все въ общественномъ организмѣ. Для Родбертуса національный трудъ является единственнымъ „органомъ“ національной производительности; онъ не желаетъ фізіократіи, какъ онъ выражается, а антропократіи, которая распределяетъ эту національную производительность согласно труду.

Трудъ, какъ единая стоимость¹⁾, къ которой долженъ приурочиваться раздѣлъ добытаго общественного продукта, является идеей дѣйствительно правильной и богатой послѣдствіями; трудъ, какъ единая стоимость въ смыслѣ затратъ, противорѣчитъ всему духу сочиненій Родбертуса, чего онъ, къ сожалѣнію, самъ часто не замѣчалъ²⁾. Из-

Это само по себѣ вызываетъ послѣдствіе, что лучшія орудія, какъ заключающія въ себѣ большее количество единицъ капитала, должны получать и большіе доходы . . . Коротко говоря, законы матеріи дѣлаютъ капиталъ производительнымъ“. См. *Distribution of Wealth*, стр. 63, 135 и passim.

1) Слово „стоимость“ на русскомъ языкѣ приобрѣло значеніе цѣнности; я употребляю его здѣсь именно въ этомъ смыслѣ, какъ основная цѣнность, какъ выраженіе самоцѣльности человѣка для эксплуатаціи всей внѣшней природы и ея продуктовъ.

2) Всѣ соображенія объ ограниченности количества труда, какъ нервной и мускульной энергіи, о трудѣ, какъ о суммѣ неприятныхъ и вызывающихъ усталость напряженій, о трудѣ, какъ захватѣ доли свободы человѣка — могутъ служить прекрасной основой для защиты интересовъ труда въ области распределенія, но, какъ еще увидимъ, не для доказательства трудовой цѣнности, какъ реального факта экономической жизни. Къ сожалѣнію этого не понять г. С. Франкъ, книга котораго „Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе“, Спб. 1900 г., однако, представляетъ собою „лучшее“, что было написано въ русской литературѣ о цѣнности. Всякій интересующійся экономіей долженъ прочесть эту книгу, отличающуюся необыкновенной свѣжестью и энергіей мысли; сравни ниже анализъ теоріи цѣнности Маркса.

держки — затраты всегда дѣлаются въ землѣ, капиталѣ и трудѣ и богата не та нація, гдѣ много рабочихъ рукъ, а та, гдѣ этимъ рабочимъ рукамъ хорошо помогаетъ капиталъ и земля, т. е., другими словами, гдѣ производительность труда доведена до наивысшихъ предѣловъ.

Какъ увидимъ сейчасъ, Марксу выпало на долю доказать, что развитіе производительности труда должно служить предпосылкой и для болѣе справедливаго распределенія.

§ 2. а) Жизнь сковала Карла Маркса¹⁾ (1818—1883) и Фридриха Энгельса (1820—1895) крѣпкими узами матеріалистическаго міросозерцанія, совмѣстной дѣятельности и глубокой дружбы. Оба друга умерли на чужбинѣ, въ Англіи и похоронены рядомъ въ Лондонѣ на Гайгетскомъ кладбищѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на весь могучій Лондонъ, эту шумную, мрачную фабрику для всего свѣта. Энгельсъ на двѣнадцать лѣтъ пережилъ своего друга и сдѣлался его литературнымъ душеприкащикомъ и истолкователемъ его идей при весьма измѣнившихся условіяхъ и экономической жизни, и научной работы. Два послѣднихъ тома Капитала появились уже послѣ смерти Маркса въ начерно-скомпанованномъ видѣ уже рукою Энгельса. За послѣднее время издано также много новыхъ матеріаловъ относительно жизни Маркса и нѣкоторые изъ новыхъ его руко-

1) Для ознакомленія съ системой этихъ двухъ социалистовъ необходимо имѣть въ виду, главнымъ образомъ, слѣдующія ихъ сочиненія: 1) Коммунистическій манифестъ 1848 г. и 2) die Heilige Familie . . . т. е. Святое семейство, полемическій этюдъ противъ Бруно Бауера и ихъ товарищей — эти произведенія написаны совмѣстно. Изъ сочиненій Энгельса: 1) Herrn Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, 1878 г., т. е. переворотъ въ наукѣ, произведенный г. Дюрингомъ (р. пер. 1906 г.), 2) Ludwig Feuerbach und der Ausgang der deutschen klassischen Philosophie (1888), тоже въ русскомъ переводѣ 1906 г., 3) Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. Im Anschluss an Lewis Morgan Forschungen 1884 г., т. е. происхождение собственности, семьи и государства, въ связи съ изслѣдованіями Морганна (р. пер.). Изъ сочиненій К. Маркса: 1) Капиталъ т. I. 1867 г., т. II. 1885 и т. III. 1894 г.; первый томъ въ русскомъ переводѣ Н-она и П. Струве; II и III томъ въ переводѣ Н-она; тоже новый переводъ Базарова. 2) Нищета философіи, отвѣтъ на философію нищеты Прудона (р. пер. Ульриха 1906 г.) — 1848 г. 3) Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи 1859 г. (р. пер. Румянцева 1896 г.), 4) Theorien über den Mehrwert, издано Каутскимъ въ 1904 г. въ трехъ выпускахъ, т. е. теории прибавочной цѣнности до А. Смита (1 вып.) и Давидъ Рикардо (2 вып.) и 5. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, издано Мерингомъ; собраніе разныхъ статей Маркса и Энгельса, также череписка съ Лассалемъ. Полная библиографія см. въ новомъ изданіи словаря Конрада. Соціально-политическіе памфлеты Маркса почти всѣ переведены на русскій языкъ и достаточно извѣстны, чтобы ихъ необходимо было отмѣчать здѣсь.

писей . . . Со смертью крупных писателей наступает обыкновенно время, когда их система подвергается детальному изучению и строгой критикѣ. И западная, и русская литература относительно марксизма громадна, но еще, къ сожалѣнію, нѣтъ настоящей біографіи ни одного изъ этихъ двухъ писателей, въ которой были бы подведены полные итоги ихъ научнаго творчества, дѣятельности, открытій и ошибок¹⁾.

Оба эти писателя какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга, но весьма неправильно было бы считать ихъ ученія тождественными. Марксъ гораздо осторожнѣе Энгельса; онъ обладаетъ громадною ученою эрудиціей, ради пріобрѣтенія которой онъ долгіе годы просидѣлъ за книгами въ Британскомъ Музеѣ. И по своей университетской подготовкѣ Марксъ гораздо болѣе способенъ къ тяжелой, упорной и осторожной научной работѣ. Энгельсъ, окончившій только торговую школу и много лѣтъ проработавшій, какъ практическій коммерсантъ, болѣе склоненъ къ популяризаціи; публицистическая жилка не останавливаетъ его отъ доведенія взглядовъ учителя до наиболѣе нелѣпныхъ выводовъ, которые

1) Изъ громадной массы сочиненій о системѣ Маркса я отмѣчу только нижеслѣдующія иностранныя и русскія сочиненія самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. 1) Adler. Grundlagen der Marx'schen Kritik der besth. Volkswirtschaft (1887); 2) Н. Зиберъ. Рикардо и Марксъ (1885 г.) и статьи въ его Собраніи сочиненій (2 т.); 3) Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію (1895); 4) Plechanoff. Beiträge für die Geschichte des Materialismus (1896); 5) В. Чичеринъ. Нѣмецкіе социалсты: Лассаль и Марксъ (Сборникъ Государ. знаній т. V и VI); 6) П. Струве. Критическія замѣтки (1895 г.) и его же статьи въ журналахъ Вопросы философіи и психологіи, Жизнь и Архивъ Брауна; На разныя темы (1902); 7) Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма (1905 г.); 8) Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика (1904 г.); 9) Слонимскій. Экономическая теорія К. Маркса (1896 г.); 10) Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. 11) Карѣевъ. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ (1895); 12) Barth. Die sogenannte materialistische Geschichts-Philosophie (1896); 13) Prof. H. Diehl. Ueber Verhältniss von Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx (1898 г.) 14) Masaryk. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus (1899, тоже въ рус. пер. Николаева); 15) E. Seligmann. The Economic Interpretation of History 1903 (тоже въ рус. пер. въ изд. общ. пользы); 16) A. Loria. Marx e la sua doctrina (1902); 17) A. Labriola. La Teoria del valore di C. Marx (1899); 18) Штамлеръ. Хозяйство и право, 2 тома (рус. перев. 1906 г.); 19) Бернштейнъ. Соціальныя проблемы (рус. переводъ 1901 г.) и его же 20) Очерки изъ исторіи и теоріи социализма (рус. перев. 1902 г.); 21) К. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну, р. пер. 1905. 22) С. Франкъ. Теорія дѣяности Маркса (см. выше). 23) Gentile. Una critica del materialismo storico, (1897); 24) Woltmann. Der historische Materialismus, (1900); 25) Weisengrün. Der Marxismus und das Wesen der sozialen Frage, (1900); 26) Бемъ-Баверкъ. Теорія дѣяности К. Маркса (р. и. Георгиевскаго). 27) W. Sombart. Zur Kritik des ökonom. Systems von K. Marx, Archiv für Soc. Gesetzg. 1894, VII B., 28) Ф. Энгельсъ. Законъ дѣяности и уровень прибыли. Новое Слово, сент. 1897 г.

всегда такъ нравятся широкой публикѣ и легче всего ею воспринимаются. Сочетаніе идей этихъ двухъ писателей, однако, получило распространеніе и сдѣлалось исповѣданіемъ вѣры массы людей, какъ одна цѣльная и неразрывная система. При научномъ анализѣ необходимо, однако, выдѣлать, если можно такъ сказать, „плевелы“ Энгельса отъ „зеренъ“ Маркса, не укоряя послѣдняго въ томъ, въ чемъ онъ не повиненъ или, по крайней мѣрѣ, не вполне повиненъ.

Чтобы пойти этой дорогой различенія идей обоихъ писателей, намъ придется взять кое-что изъ Энгельса, и кое-что изъ Маркса, а самое изложеніе разбить на слѣдующія части. Прежде всего, рассмотримъ критику Энгельса относительно идеалистическаго міросозерцанія и его ученіе о діалектическомъ методѣ; во-вторыхъ, заглянемъ въ основы матеріалистическаго міросозерцанія самого Маркса и, въ-третьихъ, изучимъ ученіе о цѣнности Маркса и основы его критики существующаго капиталистическаго строя.

1. Въ своихъ сочиненіяхъ о Людвигѣ Фейербахѣ и о переворотѣ въ наукѣ, произведенномъ Дюрингомъ, Энгельсъ очень просто и съ необычайной увѣренностью, я сказалъ бы даже, съ невѣроятнымъ апломбомъ повергаетъ въ прахъ идеалистическое міросозерцаніе и, въ то-же время, возвеличиваетъ матеріалистически преобразованную діалектику Гегеля. „Реальное единство міра, говоритъ Энгельсъ, заключается въ его матеріальности и это обстоятельство доказано не парой фразъ, а продолжительнымъ и тяжелымъ процессомъ развитія науки и философіи . . . Уже давно идетъ споръ о томъ, что составляетъ *первоначальное*: духъ или матерія. Тѣ, которые утверждаютъ первоначальность духа предъ матеріей, составили лагерь идеалистовъ, тѣ, которые смотрятъ на природу, какъ первоначальное, принадлежали къ различнымъ лагерямъ матеріалистовъ“.

Но что-же такое идеализмъ, если проанализировать это міросозерцаніе ближе ?

Во-первыхъ, по мнѣнію Энгельса, идеализмъ означаетъ нѣчто иное, чѣмъ преслѣдованіе идеальныхъ цѣлей. Эти послѣднія неизбежно имѣютъ отношеніе, по крайней мѣрѣ, къ „кантовскому идеализму“ и его „категорическому императиву“,¹⁾ но и самъ И. Кантъ назвалъ свою философію „трансцендентальнымъ идеализмомъ“, вовсе не потому, что въ немъ идетъ дѣло о нравственныхъ

1) Какъ извѣстно Кантовскій нравственный категорическій императивъ формулированъ такимъ образомъ: „дѣйствуй такъ, чтобы ты пользовался человѣчествомъ, какъ въ твоёмъ собственномъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого человѣка, во всякое время, какъ цѣлью, но никогда, какъ средствомъ.“

идеалахъ . . . Суевѣріе, будто философскій идеализмъ сводится къ вѣрѣ въ „нравственныя“ т. е. въ „общественныя“ идеалы¹⁾, возникло внѣ философіи, у нѣмецкихъ филистеровъ, которые научаются необходимымъ для нихъ философскимъ обрывкамъ въ поэмахъ Шиллера. Никто не подвергъ столь жестокой критикѣ безсильный кантовскій императивъ — безсильный, ибо онъ требуетъ невозможнаго, а потому и не приводитъ ни къ чему дѣйствительному, никто такъ не осмѣялъ полученную чрезъ посредство Шиллера филистерскую, мечтательную наклонность къ неосуществимымъ идеаламъ, какъ полнѣйшій идеалистъ Гегель.

Во-вторыхъ, нельзя, конечно, избѣжать того, чтобы все дающее движеніе людямъ, не проходило чрезъ ихъ головы; это необходимо даже при принятіи пищи и питья, которое совершается вслѣдствіе полученныхъ при посредствѣ головы ощущеній голода и жажды и оканчивается также полученнымъ при посредствѣ головы, — ощущеніемъ насыщенія. Воздѣйствія внѣшняго міра на человѣка *отпечатлѣваются* въ его головѣ, отражаются въ ней, какъ чувства, мысли, стремленія, движенія воли, коротко, „какъ идеальныя стремленія“ и въ такомъ видѣ становятся „идеальными силами.“ Если обстоятельство, что человѣкъ вообще слѣдуетъ, „идеальнымъ стремленіямъ“ и признаетъ на себѣ вліяніе „идеальныхъ силъ“ — дѣлаетъ его идеалистомъ, тогда каждый до нѣкоторой степени нормальный человѣкъ является природнымъ идеалистомъ и тогда вообще, какъ же могутъ существовать матеріалисты?

Въ-третьихъ, убѣжденіе, что человѣчество, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, въ общемъ движется въ прогрессивномъ направленіи, „равно никакого отношенія не имѣетъ къ вопросу объ идеализмѣ и матеріализмѣ.“

Такимъ образомъ Энгельсъ полагаетъ, что вопросъ о прогрессивномъ движеніи человѣчества не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу объ идеализмѣ и матеріализмѣ и что идеализмъ, какъ исканіе „категорическаго императива“ (т. е. конечной цѣли жизни, опредѣляющей начала нашего моральнаго поведенія), безсилень. Онъ съ восторгомъ повторяетъ слова К. Маркса, что „причины всѣхъ существенныхъ перемѣнъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ пониманіи истины и справедливости, но въ измѣненіяхъ производствѣ и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи соответствующей эпохи.“ Энгельсъ ставитъ вопросъ очень опредѣленно. Онъ хочетъ объяснить прогрессивное

1) См. L. Feuerbach, изд. 1895 г., стр. 23 и слѣд.

движеніе общества, какъ особую проблему прогрессивнаго развитія міра вообще!!

Прежде чѣмъ, однако, пойти дальше въ развитіи матеріалистическаго міросозерцанія, необходимо заглянуть въ ученіе Энгельса о діалектикѣ и діалектическомъ процессѣ развитія. Марксъ тоже пользуется діалектикой; еще при его жизни Энгельсъ выпустилъ свою книгу противъ Дюринга, но осталось совершенно неизвѣстнымъ, вполне ли онъ одобрялъ діалектическую схоластику своего ученика, изъ которой онъ такъ же, какъ и Гегель, думалъ „выколдовать весь міръ,“ сдѣлавъ ее одинаково приложимой и къ общественной философіи, и къ естествознанію¹⁾.

Эта книга о Дюрингѣ важна не только потому, что даетъ характеристику діалектическаго метода въ томъ своеобразномъ видѣ, въ которомъ Энгельсъ считалъ его лучшимъ орудіемъ для изслѣдованія историческаго процесса; въ ней съ наибольшей полнотой изложены и общія основы матеріалистическаго міросозерцанія, къ которому мы еще вернемся ниже и которое основано всецѣло на ученіяхъ самого Маркса. Этой книгой къ выгодѣ и къ невыгодѣ марксизма Энгельсъ наиболѣе содѣйствовалъ его распространенію.

Надлежитъ помнить, что главная заслуга Гегеліанской философіи²⁾ заключается въ развитіи идеи, что вся жизнь міра, вся исторія человѣчества есть ничто иное, какъ про-

1) Возможно предположеніе, что Марксъ къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ своего друга отнесся доброжелательно, ибо сочувствовалъ той чѣлѣ, ради которой была написана книга. Вліяніе слѣбного, несчастнаго изгнанника изъ Берлинскаго Университета г. Дюринга было уничтожено, многіе полезныя его замѣчанія несправедливо осмѣяны. Любопытно отмѣтить, однако, что книга Энгельса только впоследствии (въ особенности у насъ) сдѣлалась настольной книгой марксистовъ. Въ книгѣ г. Бернштейна (см. его Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ, р. пер. 1908 г., стр. 384) можно найти тому подтвержденіе. На третьемъ конгрессѣ объединенной рабочей партіи большинство получила резолюція, гласившая, что „статьи Энгельса противъ Дюринга лишены всякаго интереса, даже возбудили неудовольствіе и не должны впредь встрѣчаться въ центральномъ органѣ“; это предложеніе было, впрочемъ, взято обратно въ пользу примирительнаго предложенія Бебеля, которое требовало лишь другой формы для критики. Самъ Бернштейнъ признаетъ, что „сочиненіе Энгельса было чрезвычайно рѣзко и несправедливо въ деталяхъ.“ Защитникъ идей Дюринга проф. Кіевскаго Университета Козловъ потерялъ популярность благодаря статьямъ Н. И. Зибера, поклонявшагося Энгельсу и его ученіямъ, какъ послѣднему слову мудрости. Плеяда нашихъ неомарксистовъ приобрѣла незаслуженную популярность (и что еще хуже—научный вѣсъ), рабски слѣдуя той же книгѣ.

2) Кратко и просто ученія Гегеля изложены у Bonar. Philosophy and Political Economy. L. 1893, стр. 300 и слѣд.; также Тределенбургъ. Логическія изслѣдованія. Гаймъ. Гегель и его время, пер. Солянинова, 1861 г.

цессъ, видоизмѣненіе, послѣдовательное осуществленіе идеальнаго содержанія. Для Гегеля все, что существуетъ есть процессъ или иначе — развитіе чрезъ соединеніе противоположностей. Это послѣднее (т. е. соединеніе) не означаетъ сложенія двухъ противоположныхъ, но преобразование ихъ въ нѣчто иное — третье, въ которомъ оба они поглощены, какъ двѣ необходимыя стороны одного цѣлаго, и при томъ такимъ образомъ, что, будучи взяты каждое въ отдѣльности, они одинаково ложны, вмѣстѣ взятыя они одинаково истинны. Справедливость этого положенія; по мнѣнію Гегеля, подтверждается, если мы обратимъ вниманіе на два противоположныхъ понятія, безъ которыхъ міръ былъ бы для насъ нелѣпостью — мысль и природа. Мысль, взятая абстрактно или внѣ природы, даетъ намъ логику абстрактныхъ понятій; а внѣшность, взятая сама по себѣ, даетъ намъ философію природы. Истина, однако, заключается въ томъ, что, стремясь разсматривать каждое изъ нихъ въ самомъ себѣ, мы принуждены перейти отъ одной (мысли) къ другому (внѣшности) и такъ мы создаемъ философію духа, въ которой мысль становится собственнымъ предметомъ; мысль и внѣшность конкретно комбинируются. Истина же заключается въ конкретномъ воззрѣніи; все остальное абстрактно и только на половину истинно. Прогрессъ истины начинается всегда съ полу-истины; онъ начинается съ понятія, которое относительно абстрактно и, прежде всего, переходитъ къ своему равно-противоположному и, въ концѣ концовъ, къ своему относительно конкретному, которое соединяетъ обѣ противоположныя абстракціи. Соединяющее третье затѣмъ снова превращается въ абстрактное, переходитъ въ свое противоположное и, наконецъ, соединяется въ новое третье конкретное и т. д.; такъ получается тезисъ, его антитезисъ и, наконецъ, синтезъ . . . Такъ какъ, напр., говоритъ Гегель, истинная философія не беретъ своего содержанія извнѣ, а оно само въ ней создается діалектическимъ процессомъ (т. е. отъ тезиса къ антитезису и къ синтезу), то, очевидно, ея началомъ должно быть нѣчто совершенно безсодержательное; таково понятіе чистаго бытія. Но это понятіе, т. е. чистое бытіе, лишенное всякихъ признаковъ и опредѣленій, нисколько не отличается отъ чистаго ничто; такъ какъ это чистое бытіе не есть бытіе чего нибудь, ибо, если бы оно было этимъ послѣднимъ, оно не было чистымъ бытіемъ, то чистое бытіе есть бытіе ничего. Отсюда видно, что самое первое и самое разумное понятіе не можетъ быть удержано въ своей особенностяхи и косности; оно неудержимо переходитъ въ свое противоположное. Бытіе становится ничѣмъ, но, съ другой стороны, и ничто, насколько оно мыслится, не есть уже

ничто: какъ предметъ мышленія оно становится бытіемъ (мыслимымъ); такимъ образомъ, истина остается ни за тѣмъ и ни за другимъ изъ двухъ противоположныхъ, а за тѣмъ, что обще имъ обоемъ, а именно, за понятіемъ перехода, процесса, „становленія“ или быванія (Werden). Истина не въ неподвижномъ бытіи или ничто, а въ „процессѣ“ чего нибудь; что нибудь переходитъ въ ничто т. е. исчезаетъ или ничто переходитъ въ бытіе т. е. возникаетъ. Значить и понятіе процесса, чтобы быть истиннымъ должно перейти чрезъ самоотрицаніе . . .

Какъ я уже отмѣтилъ, изъ такой діалектики, по выраженію Барта, Гегель думалъ чудеснымъ образомъ выколдовать весь міръ. Ею же воспользовался и Энгельсъ¹⁾. „Пока мы разсматриваемъ, говоритъ Энгельсъ, вещи (т. е. явленія) въ состояніи покоя и какъ бы мертвыя, каждую самое по себѣ, наряду или возлѣ другой, то мы, разумѣется, не наталкиваемся на противорѣчія между ними. Мы находимъ въ нихъ качества, которыя частью общи имъ и частью различны, даже иногда эти качества „противорѣчатъ“ одно другому, но въ послѣднемъ случаѣ они распредѣляются на „различные“ предметы (?) и, такимъ образомъ, не содержатъ въ себѣ противорѣчія . . . Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если мы разсматриваемъ вещи въ ихъ движеніи, въ ихъ перемѣнахъ, въ ихъ взаимодѣйствіи между собою. Тутъ мы сразу попадаемъ въ противорѣчія. Даже простое механическое перемѣщеніе можетъ выполняться такимъ образомъ, что тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ времени должно находиться на одномъ мѣстѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ мѣстѣ, на одномъ и томъ же мѣстѣ и не на одномъ мѣстѣ. Движеніе именно и составляетъ постоянное „становленіе“ и разрѣшеніе этого противорѣчія.

Если одно уже простое перемѣщеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, то еще болѣе заключаютъ его въ себѣ высшія формы движенія, въ особенности органическая жизнь и ея развитіе. Жизнь именно въ томъ и состоитъ, что извѣстное существо въ каждое мгновеніе равно самому себѣ и въ тоже время не равно. И такъ, жизнь есть также противорѣчіе, существующее въ самихъ вещахъ, которое само себѣ ставится и само собою разрѣшается; и какъ скоро противорѣчіе кончается, то кончается самая жизнь и наступаетъ смерть. Такимъ же образомъ и въ области мышленія мы не можемъ уйти отъ противорѣчій и такъ, напр., „противорѣчіе между внутреннею безграничною человѣческою спо-

1) См. *Umwälzung der W.*, 4 изд., 1901 г., первый отдѣлъ, гл. XII и XIII-я.

способностью познания и действительным воплощением познания в одних только ограниченных пределах внѣшности и внѣшним образом познающих людей, разрѣшается въ безконечном прогрессѣ, т. е. въ послѣдовательности поколѣній, практически, по крайней мѣрѣ, безграничной“(??).

Спрашивается теперь, что же такое это ужасное „отрицаніе отрицанія?“ „Въ высшей степени простая, повсюду и повседневно употребляемая процедура, которую можетъ понять каждое дитя, какъ только снимается съ нея таинственный покровъ, въ который закутывала его старая идеалистическая философія. Возьмемъ въ примѣръ зерно овса. Билліоны подобныхъ зеренъ овса мелются, варятся, потомъ сѣдаются. Но если подобное зерно находитъ нормальныя для себя условія, попадаетъ въ благопріятную почву, то съ нимъ происходитъ, подъ вліяніемъ теплоты и влаги, своеобразное измѣненіе: оно пускаетъ ростокъ, зерно исчезаетъ, какъ таковое, — оно отрицается, и на его мѣсто вступаетъ возникшее изъ него растеніе, — отрицаніе зерна. Но каково нормальное теченіе жизни этого растенія? Оно растетъ, цвѣтетъ, приноситъ плоды и производитъ, въ концѣ концовъ, снова зерна овса, а какъ скоро эти послѣднія созрѣваютъ, то стебель умираетъ, т. е. въ свою очередь отрицается. Въ качествѣ результата этого „отрицанія.отрицанія,“ мы получаемъ снова первоначальное овсяное зерно, но не одно только, а въ числѣ въ 10, 20, 30 разъ больше. Виды хлѣбовъ измѣняются въ высшей степени медленно и, такимъ образомъ, „овесъ сегодняшняго дня остается почти такимъ же,“ какъ и овесъ, принадлежащій эпохѣ за сто лѣтъ до настоящаго времени. Но если мы возьмемъ какое нибудь цвѣточное растеніе, напр., далію, тюльпанъ или орхидею, если мы станемъ обходиться съ сѣменами ихъ и съ возникающимъ изъ сѣмянъ растеніемъ съ соответственнымъ искусствомъ садовника, то мы, въ качествѣ результата этого отрицанія отрицанія, получимъ уже не только сѣмена, но сѣмена, „улучшенныя качественно“, которыя производятъ болѣе красивые цвѣты, а всякое повтореніе этого процесса, всякое новое отрицаніе станетъ увеличивать это усовершенствованіе. Тотъ же процессъ, который совершается при развитіи зерна овса, повторяется относительно большей части насѣкомыхъ, напр., относительно бабочекъ. Онѣ возникаютъ изъ яйца чрезъ отрицаніе яйца, совершаютъ свои преобразованія до наступленія половой зрѣлости, оплодотворяются, и снова отрицаются, умирая, какъ только выполненъ процессъ оплодотворенія и какъ только самка положила свои многочисленныя яйца. Что у другихъ растеній и животныхъ процессъ этотъ совершается не такъ просто, что они прежде своего вымирания произво-

дятъ сѣмена, яйца или дѣтенышей не одинъ разъ, а нѣсколько, это до насъ теперь не касается; наше дѣло въ настоящемъ случаѣ только показать, что отрицаніе отрицанія дѣйствительно происходитъ въ обоихъ царствахъ органической природы.“

„Далѣе, вся геологія представляетъ собою рядъ отрицаній отрицанія, цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ разрушеній старыхъ и образованій новыхъ каменныхъ формаций. Первоначально земная кора, возникшая вслѣдствіе охлажденія жидкой массы, размельчается, благодаря океаническому, метеорологическому и атмосферическо-химическому вліянію, и эти размельченныя массы располагаются слоями на днѣ моря. Мѣстныя поднятія морскаго дна надъ уровнемъ моря снова подвергаютъ части этого перваго наслоенія дѣйствию дождя, перемѣнамъ теплоты, временъ года, кислорода и атмосферной углекислоты; тому же самому дѣйствию подвергаются расплавленныя и впослѣдствіи охладившіяся массы, поднявшіяся изъ внутренности земли и пробившія верхнія наслоенія. Въ теченіи милліоновъ столѣтій образуются, такимъ образомъ, вновь и вновь дальнѣйшіе слои, снова по большей части разрушаются и опять таки употребляются какъ матеріалъ для образованія новыхъ слоевъ. Но результатъ всего этого (?) оказывается вполне положительный; образованіе почвы, смѣшанной изъ различнѣйшихъ химическихъ элементовъ въ состояніи механическаго размельчанія, которое является условіемъ существованія массивнѣйшей и разнороднѣйшей растительности.“

„Тоже самое происходитъ въ исторіи собственности и въ исторіи философскихъ воззрѣній, гдѣ начало отрицается продолженіемъ и снова достигаетъ высшаго синтеза въ примиреніи противорѣчія. Производство всѣхъ предшествовавшихъ стадій общественнаго развитія было общинное (*gemeinsam*); таково же было и потребление. Раздѣленіе труда отрицаетъ этотъ замкнутый и изолированный строй. Оно погребаетъ общность производства и присвоенія (*Aneignung*); оно вызываетъ присвоеніе отдѣльными людьми, дѣлаетъ его общимъ правиломъ; это приводитъ къ обмѣну между отдѣльными людьми и послѣдовательно вырастаетъ товарное производство, которое, благодаря своимъ противорѣчьямъ, снова отрицается и создается новое возрожденіе стараго рода (*gens*), но въ высшей формѣ — свободы, равенства и братства.“

„Наконецъ, самое даже ученіе Руссо о равенствѣ не могло обойтись безъ помощи повивальныхъ услугъ гегелевскаго отрицанія отрицанія и къ тому же за цѣлое двадцатилѣтіе до рожденія Гегеля. И не обнаруживая никакого стыда, теорія эта въ своемъ первоначальномъ изложеніи гордо не-

сеть на лбу своемъ печать своего діалектическаго происхожденія. Въ состояніи природы и дикости люди были равны; а такъ какъ Руссо разсматриваетъ самый языкъ въ качествѣ извращенія естественнаго состоянія, то онъ совершенно правъ, когда примѣняетъ равенство животныхъ также и къ этимъ животно-людямъ. Но эти равные животно-люди имѣли предъ другими животными одно важное преимущество — улучшаемость, способность къ дальнѣйшему развитію, и это-то качество сдѣлалось причиною неравенства. И такъ, Руссо видитъ въ возникновеніи неравенства прогрессъ. Но этотъ прогрессъ носилъ антагонистическій характеръ; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и регрессомъ. Всѣ дальнѣйшіе шаги (отъ первобытнаго состоянія) были также шагами, повидимому, къ *усовершенствованію отдельнаго чловѣка*; въ дѣйствительности же къ *утадку рода*. Обработка металловъ и земледѣліе, — таковы два искусства, открытіе которыхъ произвело эту крупную революцію (превращеніе первобытнаго лѣса въ культивированную почву, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе нищеты и зависимости путемъ частной собственности). Въ глазахъ поэта золото и серебро, а въ глазахъ философа желѣзо и хлѣбъ цивилизовали *людей* и привели въ разрушеніе *родъ чловѣческій*. Каждый новый шагъ цивилизаціи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый прогрессъ неравенства. Всѣ учрежденія, которыя создаютъ себѣ общество, возникшее съ цивилизаціей, переходятъ въ противоположность своей первоначальной цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію и составляетъ основу всего государственнаго права, что народы создали себѣ князей для защиты своей свободы, а не для уничтоженія ея. И несмотря на то, князья эти необходимо становятся угнетателями народовъ и возвышаютъ это угнетеніе до того пункта, на которомъ неравенство, доведенное до послѣдней крайности, снова преобразуется въ нѣчто противоположное себѣ, т. е. становится причиною равенства. Передъ деспотомъ всѣ равны, т. е. одинаково равны нулю. „Тутъ наступаетъ крайняя степень неравенства, *конечный пунктъ, заключающій собою кругъ и соприкасающійся съ пунктомъ, изъ котораго мы вышли*; здѣсь всѣ частныя лица становятся равны, потому что они одинаково ничтожны, и подданные не имѣютъ другого закона, кромѣ воли своего господина“. Но господинъ есть деспотъ лишь до тѣхъ поръ, пока располагаетъ силой, и потому не можетъ „жаловаться на насиліе, когда его прогоняютъ“ . . . „Сила воспринимаетъ его, сила устраняетъ его, все идетъ своимъ правильнымъ, естественнымъ ходомъ.“ „И такимъ-то образомъ неравенство снова переходитъ въ равенство, но не въ старое естественное равенство первобытныхъ безъязычныхъ людей, а въ высшее равенство естественнаго договора.“

И такъ, что же такое отрицаніе отрицанія? „Крайне всеобщій и именно поэтому имѣющій крайне широкій кругъ дѣйствія и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія“, законъ, который, какъ думаетъ Энгельсъ, имѣетъ значеніе въ царствѣ растений и животныхъ, въ геологіи и въ математикѣ, въ исторіи и въ философіи.

Вся жизнь, по мнѣнію Энгельса, есть удивительный процессъ, при посредствѣ котораго чрезъ отрицаніе отрицанія всякое „количество“ обращается въ новое „качество“. Такъ, говоритъ онъ, вода при 0° и при нормальномъ давленіи воздуха обращается въ твердое состояніе — ледъ; при + 100° притомъ же давленіи въ газообразное. CH_2O_2 представляетъ собою муравьиную кислоту съ точкой кипѣнія + 100° и замерзанія — 1°, $\text{C}_2\text{H}_2\text{O}_2$ уксусную кислоту съ точкой кипѣнія + 118° и замерзанія — 17°, $\text{C}_5\text{H}_{10}\text{O}_2$ валеріановую кислоту съ точкой кипѣнія + 178°, замерзанія — 17°.

Точно то-же явленіе имѣемъ мы и въ общественной жизни. Соединеніе многихъ, кооперація ихъ создаетъ новую силу, которая сильно отличается отъ суммы единичныхъ силъ. Въ заключеніе, говоритъ Энгельсъ, призовемъ въ свидѣтели правильности этого превращенія „количества“ въ „качество“ — Наполеона I-го. Онъ описываетъ сраженіе плохо ѣздающей, но дисциплинированной французской кавалеріи съ мамелюками, которые для своего времени были лучшими, но недисциплинированными наѣздниками и затѣмъ продолжаетъ: „два мамелюка безусловно превосходили трехъ французовъ; 100 мамелюковъ равнялись 100 французамъ; 300 французовъ уже обыкновенно побѣждали 300 мамелюковъ; 1000 же французовъ всякій разъ разбивали на голову, 1500 мамелюковъ“.

Исходя изъ всѣхъ изложенныхъ соображеній, полагая, что у матеріалиста „рѣчь всегда идетъ только о бытіи, о внѣшнемъ мірѣ, а его формы мысль никогда не можетъ создать и вывести изъ себя самой, но только изъ внѣшняго міра“, Энгельсъ приходитъ къ убѣжденію, что „діалектика“ это не только методъ изслѣдованія; нѣтъ, она сама по себѣ есть ничто иное, какъ „наука о всеобщемъ движеніи и развитіи природы, человѣческаго общества и мышленія“, а отрицаніе отрицанія такой же въ высшей степени общій, и именно поэтому имѣющій обширное приложеніе и громадное значеніе, законъ развитія природы, исторіи и мышленія¹⁾.

Спрашивается теперь, въ какомъ же отношеніи вся эта діалектика стоитъ къ такъ называемому матеріалистическому пониманію исторіи? Связана ли она съ нимъ неизбѣжной,

1) I. с. стр. 144.

неразрывной цѣпью или же, напротивъ, она можетъ только вредить этому міросозерцанію? Наконецъ, есть ли въ ней элементы истинной, положительной науки, или она просто игра ума, колдовство и самообманъ?

Когда-то Ф. А. Ланге, извѣстный историкъ матеріализма, писалъ о Марксѣ, котораго онъ называлъ безусловно ученѣйшимъ и проницательнѣйшимъ политико-экономомъ нашего времени: „его трудъ (т. е. Капиталъ) еще разъ доказываетъ, что сильная сторона гегелевскаго умозрѣнія лежитъ въ его историко — философскомъ методѣ, своеобразный принципъ котораго можно назвать „антропологическимъ открытіемъ“¹⁾.

Что же такое діалектика: методъ или наука, насколько научны примѣры Энгельса? Достаточно и Энгельсовскихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что діалектика не можетъ быть наукой, а только методомъ, да и то не вполне надежнымъ. Откуда, напр., Энгельсъ взялъ, что движеніе есть противорѣчіе. Заглянувъ, хотя бы въ учебникъ физики Петрушевскаго, не трудно убѣдиться, что движеніе есть процессъ, но не противорѣчіе. „Движеніе точки (или атома), пишетъ Петрушевскій, есть послѣдовательный и непрерывный ея переходъ чрезъ точки (атомы эфира) пространства, совершающійся съ теченіемъ времени. Такое движеніе называется „абсолютнымъ“ въ отличіе отъ „относительнаго“ по отношенію къ какому либо тѣлу, которое мы принимаемъ за находящееся въ абсолютномъ покоѣ“. Утвержденіе Энгельса, что двигающееся тѣло должно находится на одномъ мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ мѣстѣ, что „движеніе есть становленіе и разрѣшеніе этого противорѣчія“ показываетъ только, какъ склонны даже серьезные люди забавляться метафизической игрой словъ. Естественнику также представится очень странной схема развитія зерна отъ отрицанія къ отрицанію. Оплодотвореніе, ростъ, развитіе и размноженіе зерна — это такой же непрерывный и законмѣрный процессъ, какъ и всякое движеніе. Въ немъ ничего не отрицается, а совершается постепенный и послѣдовательный переходъ матеріи изъ одного состоянія въ другое. Опредѣленная сумма причинъ порождаетъ опредѣленные слѣдствія и какъ бы отличны ни были слѣдствія отъ причинъ, но нашъ разумъ стремится открыть ихъ связанность и не можетъ удовлетворяться констатированнымъ внѣшнимъ противоположеніемъ. Также и при рожденіи новаго человѣка: ничего не отрицается, а по

1) См. его Рабочій вопросъ, р. пер. 1892 г., 176. Вліяніе діалектическаго метода сильнѣе всего выражено въ произведеніи Маркса: „Ничета философія“ (1848 г.).

законамъ органическихъ существъ мать и отецъ создаютъ новое существо, которое растеть, живетъ и затѣмъ снова размножается по неизмѣннымъ законамъ природы. Всѣ взятыя Энгельсомъ примѣры изъ области естествознанія представляютъ собою не болѣе, какъ поверхностныя, наскоро набранныя аналогіи, ничего не доказывающія въ его пользу. Вся жизнь природы не знаетъ какого-то отрицанія. Природа существуетъ вѣчно и вѣчно же видоизмѣняется подѣ дѣйствіемъ естественныхъ силъ. „Законы частичныхъ движеній, какъ говоритъ Петрушевскій, могутъ происходить только отъ движенія и никакой болѣе далекой и основной причины явленій (causa causalis) нашъ умъ представить не можетъ; отсюда наука должна допустить, что движущаяся матерія существовала всегда,“ но и не болѣе . . . Почему (и для какой цѣли) напр. зерно или зародышъ переживаютъ опредѣленныя стадіи развитія, наука знать не можетъ. Она изучаетъ только естественный процессъ, его законамѣрныя стадіи и условія.

Ф. Ланге, признавая, какъ мы видѣли, такое важное значеніе за методомъ противоположностей, однако, отнюдь не смотритъ на діалектику, какъ на какую-то науку. Въ примѣненіи къ общественной наукѣ онъ ясно видитъ, что человѣчество, какъ и все въ природѣ, переходитъ отъ одной стадіи развитія къ другой чрезъ долгій и часто запутанный рядъ промежуточныхъ стадій, въ которыхъ старое и новое смѣшиваются въ самыхъ разнообразныхъ и пестрыхъ сочетаніяхъ, не дающихъ намъ никакого права утверждать, что старое сначала доходитъ до своего полного отрицанія и затѣмъ сразу замѣняется новымъ . . . Старое живетъ въ новомъ, какъ его составной элементъ, многіе и долгіе годы . . . Капиталистическій строй, среди котораго мы живемъ, возникъ вовсе не какъ отрицаніе предшествовавшей исторіи, а какъ послѣдовательное и медленное развитіе старыхъ формъ жизни, въ которыхъ элементы его заключались уже издавна. Какъ справедливо отмѣтилъ Родбертусъ, мѣнялись только господствующія формы капитала (рабъ, земля, деньги и машина), а въ зависимости отъ этого и системы хозяйства. Въ нашемъ историческомъ обзорѣ мы видѣли, какъ спорно даже исходное положеніе Энгельса о первоначальномъ аграрномъ коммунизмѣ; сравненіе же этого коммунизма съ организованнымъ обществомъ будущаго — только игра словъ, но не наука¹⁾.

1) Въ этомъ отношеніи Бернштейнъ вполне правъ, когда онъ пишетъ: „поэтому выраженіе: — міръ долженъ быть понятъ не какъ комплексъ законченныхъ вещей, но какъ комплексъ процессовъ, — не совсѣмъ правильно. Если мы хотимъ понять міръ, то мы должны пред-

Этого вопроса, впрочем, намъ придется коснуться ниже — при изложеніи самаго материалистическаго міросозерцанія Маркса.

Само понятіе Энгельса о переходѣ „количества въ качество“ скорѣе метафизично, чѣмъ просто и ясно излагаетъ тотъ весьма извѣстный фактъ, что разныя количественныя сочетанія составныхъ частей какой нибудь вещи (т. е., по выраженію того же Ф. Ланге, — связанной группы явленій, которую, отвлекаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ ея связей и

ставить его, какъ комплексъ законченныхъ „въ данный моментъ“ вещей или процессовъ. Рядомъ съ процессами, которые приходятъ къ своему концу менѣе, чѣмъ въ одну секунду, существуютъ процессы, которые для своего совершенія нуждаются въ тысячелѣтіяхъ и которые „въ практическихъ цѣляхъ“ могутъ считаться вѣчными. Когда я опускаюсь въ потокъ, то около меня ни на одну секунду не остается тотъ же самый агрегатъ изъ частицъ воды, но тѣмъ не менѣе я нахожусь въ одномъ и томъ же потокѣ, который течетъ по одному и тому же руслу можетъ быть цѣлыя уже тысячелѣтія и, что возможно, еще будетъ течь тысячелѣтія по тому же руслу, до тѣхъ поръ пока вода не изсякнетъ или не уйдетъ въ песокъ. Вода потока и самъ потокъ съ точки зрѣнія вѣчности „преходящи“, т. е. представляютъ „процессъ“ и какъ таковой они „однородны“. Но вода, какъ опредѣленное соединеніе элементовъ, и потокъ, какъ опредѣленная форма собравшейся воды, представляютъ „законченныя вещи“, какъ и ихъ умственные отраженія, т. е. понятія воды и потока. Какъ законченныя вещи — вода и потокъ „отличаются“ другъ отъ друга, оба въ своемъ родѣ „неизмѣнны“, т. е. химическое соединеніе H_2O въ рамкахъ извѣстной температуры и давленія „всегда“ остается водой и вода при извѣстныхъ условіяхъ поверхности „всегда“ остается потокомъ.“ Очерки, стр. 324—325; сравни выше стр. 25—29.

Все выше изложенное было уже написано, когда мы ознакомились съ интересной книгой г. Я. Бермана: „Диалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія“, Москва, 1908 г. Совершенно согласенъ съ развиваемой г. Берманомъ мыслью, что „развитіе путемъ противорѣчій не выражаетъ собою никакого „закона развитія“. Въ лучшемъ случаѣ — это лишь неточное (образное) обозначеніе того, что мы называемъ процессомъ измѣненія вообще“ (стр. 144). „Подъ формулу отрицанія, справедливо пишетъ Берманъ, подойдутъ всѣ взаимныя связи вещей и элементовъ во времени, ибо одна общая черта всѣхъ этихъ отношеній — распаденіе старыхъ и образованіе новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же элементовъ. Такъ если въ первомъ примѣрѣ превращенія зерна въ растенія и послѣдняго въ зерно — мы предположили бы, что зерно попало не въ почву, а въ руки крестьянина, который перемололъ бы его въ муку, а затѣмъ изъ муки сдѣлалъ бы хлѣбъ, то и къ этому процессу мы могли бы съ равнымъ правомъ примѣнить схему „отрицанія отрицанія“, ибо зерно исчезло, на мѣсто его изъ тѣхъ же элементовъ (даже въ гораздо большей степени, чѣмъ въ случаѣ полученія растенія изъ зерна) получилось новая комбинація, затѣмъ и эта комбинація исчезла, уступивъ третьей комбинаціи изъ тѣхъ же и новыхъ элементовъ“ (стр. 183). Въ гносеологии и психологіи г. Берманъ является сторонникомъ Авенаріуса и Маха. Любопытныя попытки марксистовъ пересмотрѣть свои ученія съ точки зрѣнія теоріи познанія въ сочиненіяхъ К. Диггена. Эскурсія социалиста въ теорію познанія (р. пер. 1905) и А. Богдановъ Эмпириомонизмъ (3 выпуска).

внутреннихъ ея видоизмѣненій, мы принимаемъ за нѣчто единое, какъ совокупность опредѣленныхъ свойствъ) измѣняютъ ея качества. Въ той громкой формулировкѣ, въ которой Энгельсъ приподноситъ свою формулу, можетъ казаться, что какое то безкачественное количество вдругъ сразу переходитъ въ качество, какъ въ какую-то новую категорію. Количество есть всегда качественное количество и Энгельсъ своими химическими примѣрами доказываетъ это и самъ. Ничего новаго не творится при этомъ переходѣ количества въ качество: мы имѣемъ дѣло только съ сочетаніемъ матеріи и силъ, т. е. по существу свойствъ вещей, ибо 1. подъ „силами“ мы называемъ тѣ свойства вещей, которыя познаются нами чрезъ опредѣленные дѣйствія ихъ на другія вещи и 2. подъ матеріей — опять таки тѣ свойства вещи, которыя далѣе мы не можемъ или не желаемъ разложить на силы и которыя мы представляемъ, какъ основу и носительницу силы. Сочетаніе атомовъ опредѣленныхъ качествъ даетъ намъ разныя качественные количества, но этотъ процессъ возможенъ только потому, что атомы уже имѣютъ качества.

Какъ методъ сужденія отъ одного явленія къ его противоположному, діалектической методъ имѣетъ значеніе. Наше познаніе укрѣпляется и проясняется противоположными понятіями. Діалектика въ этомъ случаѣ является просто однимъ изъ пріемовъ логическаго разсужденія, а затѣмъ и „телеологическаго“ изслѣдованія. Найдя логически противоположное, мы же можемъ представить его себѣ какъ желательную цѣль, утверждая, что, логически познавъ и практически переживъ одинъ порядокъ жизни, люди логически создадутъ и переживутъ противоположный строй жизни. Индивидуалисты 18-го вѣка чрезъ такое противоположеніе стараго новому сдѣлали своей желательной цѣлью „естественное право“; на такихъ же началахъ Марксъ создалъ свое „соціальное“ право и свое соціальную мораль.

Немудрено, поэтому, что всѣ попытки доказать, будто система марксизма построена только на причинномъ анализѣ, оказывались тщетными. Всѣ разговоры нашихъ неомарксистовъ о томъ, что въ марксизмѣ нѣтъ „ни грана этики“, что онъ знаетъ только процессъ законмѣрнаго развитія, были просто или недоразумѣніемъ, или тенденціознымъ истолкованіемъ сочиненій Маркса, и въ особенности Энгельса. Изъ діалектическаго метода который былъ построенъ идеалистомъ Гегелемъ, въ историческую схему Маркса неизбѣжно должна была прокрасться украдкой телеологія.

Безъ всякаго сомнѣнія, гегелевская философія много сдѣлала для пониманія міра и человѣческой жизни, какъ

закономѣрнаго „процесса“ развитія, но отождествленіе діалектическаго „метода“ съ „наукой“ всегда вело только къ научному шарлатанству для умовъ, любящихъ не изученіе исторіи и наблюденіе реальной жизни, а только голыя банальныя схемы. Нужно было для насъ, чтобы въ рядахъ самой социалистической партіи появился человекъ, который сказалъ то, что давно было извѣстно мыслящей Европѣ; только тогда и въ Россіи появилось, наконецъ, нѣкоторое отрезвленіе. Еще О. Контъ справедливо писалъ, что всякій наблюдатель долженъ имѣть „идею“, т. е. руководящую точку зрѣнія, гипотезу, безъ которой онъ можетъ растеряться въ необозримомъ многообразіи міра. Но гипотеза не наука, а только орудіе для открытія истины. Діалектика не болѣе, какъ такое орудіе, такая же логическая гипотеза. „Въ научномъ отношеніи гегелевская діалектика, пишетъ Бернштейнъ, имѣетъ великія опасности... При извѣстныхъ условіяхъ ея положенія могутъ сослужить хорошую службу, наглядно представивъ отношеніе и развитіе реальныхъ предметовъ. Они могутъ также принести большую пользу при формулировкѣ научныхъ задачъ и могутъ дать толчекъ важнымъ открытіямъ. Но, когда на основаніи этихъ положеній, дедуктивнымъ путемъ предначертывается впередъ тотъ или другой процессъ развитія, тогда уже начинается опасность произвольныхъ построеній. Опасность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сложнѣе предметъ, о развитіи котораго идетъ рѣчь. Если мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе простымъ объектомъ, то мы еще предохранены отъ опасности, главнымъ образомъ, благодаря опыту и способности къ логическому сужденію; они не позволяютъ намъ при посредствѣ такихъ аналогій, какъ отрицаніе отрицанія, дойти до совершенно невѣроятныхъ заключеній относительно возможныхъ видоизмѣненій объекта. Но чѣмъ сложнѣе объектъ, чѣмъ многочисленнѣе его элементы, чѣмъ разнообразнѣе они по природѣ, чѣмъ болѣе разнородны соотношенія ихъ силъ, тѣмъ менѣе положенія гегелевской діалектики скажутъ намъ о развитіи такого объекта. Строя на основаніи ея заключеніе, мы тѣмъ скорѣе потеряемъ всякое мѣрило оцѣнки“¹⁾.

Отсюда ясно видно, что сила матеріалистическаго пониманія исторіи отнюдь не заключается въ діалектикѣ. Каковы же, однако, основы этого міросозерцанія?

1) См. Соціальныя проблемы, глава II-я, Марксизмъ и Гегелевская діалектика, стр. 39—40. Не слѣдуетъ, однако, думать, что г. Бернштейнъ своими изслѣдованіями произвелъ какой то переворотъ въ наукѣ. Такъ называемая „марксистами“ буржуазная наука давно разобралась въ діалектикѣ. Заслуга г. Бернштейна только въ томъ, что онъ популяризировалъ новые научные взгляды въ догматически замкнутыхъ рядахъ своихъ же сторонниковъ.

б) Чрезвычайно трудно вполне точно, коротко и ясно изложить систему материалистического понимания истории Карла Маркса. Самъ великій творецъ этой системы не далъ систематическаго изложенія этой стороны своей философіи. Свое самое обработанное сочиненіе „Капиталь“ онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, анализу существующаго капиталистическаго строя, не прибѣгая къ принципиальному воспроизведенію въ немъ своей историко-экономической философіи. Съ наибольшей полнотой онъ изложилъ свою теорію экономическаго материализма въ „Нищета философіи“ и во введеніи къ сочиненію „Критика политической экономіи.“ Неизбѣжно поэтому приходится для болѣе или менѣе полнаго изложенія его взглядовъ пользоваться и вышеуказаннымъ сочиненіемъ Энгельса о Дюрингѣ. Вкратцѣ основы этой философіи могутъ быть изложены такимъ образомъ.

„Въ отправленіи своей общественной жизни ¹⁾ (въ текстѣ такъ: *in der gesellschaftlichen Production ihres Lebens* т. е. правильнѣе — для общественнаго производства своей жизни) люди вступають въ опредѣленные неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной стадіи развитія материальныхъ производительныхъ силъ“... Производство и обмѣнъ составляютъ основу всего общественнаго порядка. Распредѣленіе продуктовъ и социальное дробленіе общества на классы и сословія зависитъ отъ того, что и какъ производится и какъ произведенное обмѣнивается ²⁾. „Распредѣленіе, однако, не является чисто пассивнымъ результатомъ производства и обмѣна; оно также оказываетъ сильное вліяніе на то, и на другое. Всякая новая стадія производства и формы обмѣна вначалѣ находятъ затрудненіе не только въ ихъ старыхъ формахъ и въ соотвѣтствующихъ имъ политическихъ учрежденіяхъ, но и въ старыхъ формахъ распредѣленія. Новая стадія производства только долгою борьбою достигаетъ соотвѣтствующаго ей распредѣленія“.

При изученія всѣхъ социальныхъ явленій, поэтому, „въ конечномъ счетѣ“ необходимо обращать вниманіе на социальное хозяйство соотвѣтствующей эпохи. Экономика (т. е. экономическія явленія производства, обмѣна и соотвѣтствующаго распредѣленія) при причинномъ, закономерномъ изученіи явленій въ конечномъ результатѣ является опредѣляющимъ началомъ (*vera causa*) всѣхъ другихъ явленій общественной жизни. Экономика составляетъ материальную основу и первопричину общественнаго бытія людей.

Не слѣдуетъ думать, что материалистическое пониманіе

1) См. р. пер. стр. X.

2) Критика, р. пер. стр. X. *Umwälzung*. 1. с. стр. 150, 151.

исторіи представляет собой отрицаніе возможности существованія „идеальныхъ цѣлей“ и вообще идей въ общественной жизни. Энгельсъ опредѣленно отмѣчаетъ, что исторія развитія общества существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ. Въ природѣ ничего не происходитъ, какъ желательная, сознательная цѣль. Напротивъ, въ исторіи дѣйствующими лицами являются только одаренные сознаніемъ люди, работающіе по страсти или по предубѣжденію, стремящіеся къ извѣстнымъ цѣлямъ; ничего не происходитъ безъ сознательнаго намѣренія, безъ желанной цѣли. Но это различіе, какъ бы велико оно ни было, при историческомъ изслѣдованіи и именно отдѣльныхъ эпохъ и условій, ничего не въ состояніи измѣнить въ томъ, что ходъ исторіи опредѣляется „внутренними общими законами“, ибо въ исторіи въ общемъ, на поверхности только „кажущимся“ образомъ господствуетъ случай. Только изрѣдка происходитъ желаемое; въ большинствѣ случаевъ перекрещиваются и противостоятъ другъ другу многія желаемыя цѣли или же съ самаго начала эти цѣли невыполнимы, или предпринимаются съ недостаточными средствами. Такимъ образомъ, столкновенія безчисленныхъ единичныхъ воль на историческомъ поприщѣ приводятъ къ состоянію, которое вполне аналогично господствующему въ природѣ, гдѣ, такимъ образомъ, на поверхности случай играетъ роль, тамъ постоянно онъ подчиненъ внутреннему скрытому закону... Эти сознательныя цѣли при глубокомъ анализѣ въ конечномъ результатѣ не являются „последними“ причинами (causae finales) общественныхъ видоизмѣненій, но сами являются результатомъ экономики данной эпохи.

„Сумма производственныхъ отношеній, пишетъ Марксъ, составляетъ экономическую структуру общества, на которой возвышается политическая и правовая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія; но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія.“ Сущность этихъ положеній проще можетъ быть выражена такимъ образомъ: нѣтъ какихъ либо особыхъ законовъ для экономики (матеріальнаго субстрата жизни) и для идей. Общественная наука должна найти для нихъ „единыя“ законы и при матеріалистическомъ пониманіи историческаго процесса наука находитъ, что идеи составляютъ результатъ экономики такъ же, какъ таковымъ же результатомъ является и право, и религія, и всѣ другія учрежденія. Идеи являются рефлексами экономическихъ явленій.

О какой либо критической въ жизни народа эпохѣ нельзя судить по ея сознанію; напротивъ, нужно, полагаетъ

Марксъ, это сознаніе опредѣлять изъ „противорѣчій“ матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между производительными силами и производственными отношеніями. На извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ онѣ впадаютъ въ противорѣчіе съ „производственными отношеніями“ или съ „имущественными“ отношеніями, среди которыхъ онѣ дѣйствовали; изъ средствъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризиса и затѣмъ появляются новыя условія жизни Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всея производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора и новыя высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества: поэтому, человѣчество ставитъ себѣ всегда только тѣ задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда уже существуютъ матеріальныя условія для ея разрѣшенія или, когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія.“

Но что же понимаетъ Марксъ подъ „производственными отношеніями?“ Что такое условія распредѣленія? Болѣе ясно Марксъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ уже въ III т. Капитала.

„Каждому специфическому, историческому способу производства, по его мнѣнію, соответствуютъ извѣстныя производственныя отношенія — отношенія, въ которыя люди входятъ въ ихъ общественномъ жизненномъ процессѣ, въ созданіи ихъ общественной жизни. Эти производственныя отношенія имѣютъ специфическій, историческій и преходящій характеръ. Отношенія распредѣленія по существу тождественны съ этими производственными отношеніями, являются обратною стороною послѣднихъ и раздѣляютъ съ ними ихъ преходящій характеръ“. „Во всякомъ случаѣ, пишетъ Марксъ, можно сказать, что капиталъ и земельная собственность, которую тотъ же капиталъ включаетъ въ себя, какъ свою противоположность, уже предполагаетъ распредѣленіе: экспроприацію работника отъ необходимыхъ условій труда, концентрацію этихъ условій въ рукахъ меньшинства индивидовъ, невозможность обладать земельною собственностью для другихъ индивидовъ Но это распредѣленіе кореннымъ образомъ отличается отъ того, что понимаютъ подъ условіями распредѣленія, когда послѣднимъ, противопоставляя ихъ производственнымъ отношеніямъ, придаютъ историческій характеръ.“ „Подъ послѣдними понимаютъ различныя права на долю продукта, которая посту-

паетъ для „индивидуальнаго потребленія“. Первыя являются, наоборотъ, основой особыхъ общественныхъ функцій, выпадающихъ въ предѣлахъ самого производственнаго отношенія на обязанность опредѣленныхъ дѣятелей въ противоположность непосредственнымъ производителямъ. Они придаютъ производственнымъ условіямъ и ихъ представителямъ специфически общественное свойство. Они опредѣляютъ весь характеръ и все движеніе производства“¹⁾.

Подъ производственными отношеніями Марксъ, какъ видимъ, понималъ нѣчто въ высшей степени сложное. Это, *во-первыхъ*, мѣновыя отношенія производительныхъ предприятий, вызванныя общественнымъ раздѣленіемъ труда и для каждаго даннаго времени слагающіяся въ извѣстную „пропорціональность“ (достигаемую чрезъ постоянную диспропорціональность, чрезъ колебаніе въ спросѣ и предложеніи товаровъ) разныхъ производственныхъ предприятий, изъ которыхъ каждое бросаетъ на рынокъ товары, но, въ конечномъ результатѣ, онѣ размѣниваются и размѣщаются, какъ кому слѣдуетъ, въ потребленіи или въ производствѣ; *во-вторыхъ*, это тотъ порядокъ соподчиненія, который создается въ производительномъ предпріятіи между владѣльцемъ орудій производства и рабочими, между разными видами послѣднихъ (инженеръ, мастеръ, рабочій), тѣ фактическія и правовыя отношенія, которыя возникаютъ между ними въ самомъ техническомъ выполненіи работы, отношенія технического соподчиненія и наемнаго труда.

Тѣ же производственныя отношенія по существу, по его мнѣнію, идентичны съ условіями распредѣленія, причемъ и среди нихъ онъ различаетъ два вида. Одни условія распредѣленія являются „результатомъ, послѣдствіемъ“ производственныхъ отношеній. Это *процессъ образованія и распредѣленія доходовъ*, который совершается чрезъ продажу произведеннаго продукта согласно его трудовой цѣнности. Это распредѣленіе предполагаетъ существованіе извѣстной цѣнности, которая, какъ результатъ производства, затѣмъ дѣлится на доходы (ренту, прибыль и зар. плату).

Подъ условіями распредѣленія Марксъ, кромѣ того, понимаетъ *имущественныя отношенія*, т. е. права на орудія производства и весь связанный съ ними соціально-юридическій строй, который опредѣляетъ отношеніе между трудомъ и капиталомъ, положеніе каждаго отдѣльнаго инди-

1) Т. III. Kapital, 2 Band, глава 51-ая. Въ цитатѣ отмѣченной выше, имѣется нѣкоторая неточность. Слѣдовало бы сказать — „употребленія“, а не индивидуальнаго потребленія, ибо съ доходомъ, какъ много разъ говоритъ Марксъ, капиталистъ можетъ распорядиться, какъ хочетъ: потратить лично или въ производительномъ процессѣ, т. е. капитализировать.

вида въ классовой организаціи, въ индивидуальномъ предпріятіи. Эти имущественныя отношенія, вызывающія противорѣчія классовъ, направляютъ и весь ходъ общественнаго производства чрезъ опредѣленіе качества и количества потребительныхъ нуждъ. Въ предѣлахъ тѣхъ же производственныхъ отношеній за счетъ общественно добытаго продукта совершается *выполненіе разнообразныхъ общественныхъ функций*, которыя необходимы только для охраны порядка или даже имѣютъ не маловажное значеніе въ дѣлѣ увеличенія общей производительности труда (научные изслѣдователи и проч.); на ряду съ ними существуютъ и *праздныя потребители* общественнаго дохода, извлекающіе чрезъ обмѣнъ свою долю товарнаго запаса.

Что Марксъ понимаетъ подъ „матеріальными производственными силами? Вполнѣ точно Марксъ нигдѣ не опредѣлилъ этого понятія. Уже въ „Нищетѣ философіи“ онъ писалъ: „измѣняя способы производства, человѣчество преобразовываетъ всѣ свои соціальныя отношенія. Ручная мельница создаетъ общество съ феодальнымъ лордомъ: паровая мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ. Тѣ же самые люди, которые устанавливаютъ соціальныя отношенія въ соответствии съ ихъ матеріальнымъ производствомъ, точно также создаютъ идеи, начала, категоріи, соответствующія ихъ общественнымъ отношеніямъ.“ „Потому-то всѣ эти идеи и категоріи имѣютъ историческій и преходящій характеръ.“ . . .

Въ первомъ томѣ Капитала¹⁾ онъ пишетъ: „критическая исторія „технологіи“ вообще показала бы, какъ мало любое изъ изобрѣтеній 18-го вѣка принадлежитъ одному лицу. До сихъ поръ не существуетъ ни одного такого сочиненія. Дарвинъ направилъ интересъ изслѣдователей на естественную технологію, т. е. на развитіе животныхъ и растительныхъ органовъ растений и животныхъ. Не заслуживаетъ ли такого же вниманія исторія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ основъ каждой данной общественной организаціи? И развѣ такую исторію не легче было бы написать, такъ какъ, по выраженію Вико²⁾, человѣческая исторія тѣмъ отличается отъ естественной исторіи, что одна сдѣлана нами, другая же нами не сдѣлана? Технологія разоблачаетъ активное от-

1) Капиталъ, т. I, р. пер. Струве, глава XIII, стр. 229, примѣч.

2) Джіамбатиста Вико (1668—1744) — итальянскій писатель, извѣстный своей исторической теоріей, согласно которой всѣ народы переживаютъ однѣ и тѣ же стадіи развитія, а вся исторія человѣчества представляетъ вѣчный круговоротъ однихъ и тѣхъ явленій, которыя возникаютъ, исчезаютъ и вновь возвращаются. См. Н. И. Карѣевъ. Основныя вопросы философіи исторіи т. I.

ношеніе челоуѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя жизненныя отношенія и вытекающія изъ нихъ духовныя представленія. Даже великая исторія религіи, не принимающая во вниманіе этого матеріальнаго базиса, лишена критическаго основанія . . .“

Многіе истолкователи Маркса часто утверждали на основаніи этихъ и подобныхъ имъ цитатъ, что подъ матеріальными производительными силами Марксъ всегда понимаетъ „технику“ данной эпохи, т. е. тѣ орудія производства, которыя въ ней употребляются. У Маркса, однако, имѣется масса выраженій въ родѣ такихъ: капиталъ не есть вещь, деньги — не вещь, это — общественныя отношенія. Другими словами, подъ матеріальными производительными силами онъ понимаетъ, повидимому, не только технику-орудія, но и „систему хозяйства“, т. е. сочетаніе матеріальныхъ факторовъ производства не только обусловленное техническими соображеніями и началами, но и общественными отношеніями¹⁾. Эта неясность въ опредѣленіи понятія „техники“ проходитъ чрезъ всё изслѣдованіе Маркса: матеріальныя производительныя силы, какъ вещественныя выраженія орудій производства: „земля, капиталъ и трудъ“ у него не различаются отъ „способовъ производства,“ т. е. отъ системъ хозяйства, какъ общественныхъ сочетаній этихъ матеріальныхъ факторовъ. То-же можно сказать и объ Энгельсѣ . . .²⁾.

1) Въ *Misère de la philosophie*, изд. 1847 г., стр. 153, онъ замѣчаетъ: „опредѣлять буржуазную собственность — это значитъ изложить всё общественныя отношенія буржуазнаго производства.“ Энгельсъ въ письмѣ въ „*Der socialistische Akademiker* (1895) поясняетъ мысля Маркса такимъ образомъ: „подъ экономическими отношеніями, на которыя мы смотримъ какъ на опредѣляющій базисъ общества, мы понимаемъ родъ и способъ (*Art und Weise*), при помощи которыхъ люди опредѣленнаго общества производятъ необходимыя имъ средства существованія и, поскольку существуетъ раздѣленіе труда, обмѣниваютъ эти продукты между собою. Такимъ образомъ сюда включается вся техника производства и транспорта. Съ нашей точки зрѣнія техника опредѣляетъ родъ и способъ обмѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе продукта, а тѣмъ самымъ, по разложеніи родового быта, подраздѣленіе на классы, отношенія господства и рабства, государство, политику, право . . . Если общество имѣетъ техническую потребность, то это помогаетъ обществу болѣе, чѣмъ десять Университетовъ“ . . .

2) Чрезвычайно характерно для системы Маркса, что онъ не придаетъ значенія подраздѣленію Родбертуса: капиталъ, какъ логическая категория и капиталъ, какъ историческая категория. Свое понятіе капитала онъ связываетъ не только съ системой производства, но и съ размѣрами производства, а также и съ системой „цѣлей“ послѣдняго. Марксъ пишетъ: Капиталъ не есть вещь, а опредѣленное общественное отношеніе производства, которое выражается въ вещи и придаетъ этой вещи специфически общественный характеръ. Капиталъ не есть сумма ма-

Основные выводы из этой теории общезвестны. Правовой порядок и вся связанная с ним идеология является только средством для поддержания существующих условий производства: онъ является высшей и послѣдней цѣлью этого производства. Но онъ не вѣченъ. Матеріальныя производительныя силы достигли въ настоящій моментъ колоссальной степени развитія. Производство, организованное для полученія прибыли и ренты, начинаетъ существовать какъ бы лишь для производства, для полученія прибыли, вѣрнѣе экономическаго избытка. Цѣль капиталистическаго производства какъ бы обращается въ процессъ самовозрастанія капитала, а не въ созданіе наибольшаго количества предметовъ потребления. Капиталь, какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства „Накопляйте, накаплийте. Вотъ Моисей и пророки. . . Поэтому берегайте, берегайте, т. е. превращайте возможно большую долю прибавочной цѣнности или продукта въ капиталъ. Накопленіе для накопленія, производство для производства — въ этой формулѣ классическая школа выразила историческое призваніе буржуазнаго періода“. Бѣшеная конкуренція, являющаяся необходимымъ *с. т. д. т. в. е. н. г.* (а не причиной, какъ думали утописты) все болѣе увеличивающейся концентраціи капиталовъ, приводитъ къ истребленію всѣхъ мелкихъ производительныхъ капиталовъ. Однимъ словомъ, все болѣе нарастаетъ „крупная форма производства“, а съ тѣмъ вмѣстѣ потокъ производства все усиливается и становится все труднѣе из-

теріальныхъ благъ и произведенныхъ средствъ производства. Капиталь это средства производства, превратившіяся въ капиталъ, которыя сами по себѣ также мало представляютъ собою капиталъ, какъ золото, серебро и деньги. Въ капиталъ олицетворяются средства производства, монополизированныя опредѣленною частью общества, продукты и условия дѣятельности живой рабочей силы, обособившіяся именно по отношенію къ этой рабочей силѣ и которые олицетворяются благодаря этому противоположенію“. . . „Не всякая сумма денегъ или какихъ нибудь цѣнностей есть капиталъ, она становится капиталомъ только тогда, когда ея владѣлецъ можетъ жить лучше, чѣмъ простой рабочей, когда она служитъ не просто для поддержанія жизни, а для созданія богатства: количество должно обратиться въ особое качество: олицетворенный капиталъ, цѣль котораго присвоеніе чужого труда, контроль за нимъ и продажа продуктовъ этого труда.“ см. т. III, стр. 673. Въ комму. маниф. Марксъ пишетъ: „быть капиталистомъ — это значитъ имѣть не только личное, но и социальное положеніе въ производствѣ. Капиталь есть коллективный продуктъ и только соединенными усилиями многихъ лицъ, вѣрнѣе, соединеннымъ дѣйствіемъ всѣхъ членовъ общества, онъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Капиталь, поэтому, не личная, а социальная сила“. Несомнѣнно, что точка зрѣнія Родбертуса остается, но существу, правильной. Какъ бы ни видоизмѣнялись формы и цѣли капитала, логически мы можемъ конструировать его понятіе, какъ техническое орудіе производства.

влекать прибыль, т. е. поддерживать самовозрастание капитала. Ухудшение условий существования капиталистического общества, порожденное его внутренними противоречиями, выражается „въ кризисахъ“, которые, съ одной стороны, губятъ производительныя предприятия, т. е. буржуазію, съ другой стороны, создаютъ пауперизмъ, доводятъ существование многочисленнаго класса общества до такого состоянія, что буржуазіи приходится кормить того, кто долженъ кормить ее.

Теорія кризисовъ составляетъ наиболѣе примѣчательную особенность ученія Маркса, причемъ въ рядахъ истолкователей его ученій всегда были двѣ своеобразныхъ фракціи ¹⁾: а) одни утверждали, что причина кризисовъ въ неорганизованности производства и въ невозможности установить при этомъ строеѣ хозяйства надлежащую „пропорціональность“ отраслей производства. Наши неомарксисты, пользуясь сочиненіями Маркса, доказывали возможность развитія капитализма въ Россіи, утверждая, что ростъ капиталистическаго производства и внутренняго рынка идетъ не столько на счетъ предметовъ потребления, сколько на счетъ предметовъ или средствъ производства; и только когда это производство достигнетъ до высшихъ предѣловъ капитализаціи, въ Россіи наступитъ то же положеніе, что и на западѣ, т. е. періодически возвращающаяся диспропорціональность производства и кризисы; б) народники въ затрудненія капиталистическаго хозяйства сводили къ невозможности реализаціи прибавочной цѣнности и видѣли въ обнищаніи народа (т. е. по существу въ ученіяхъ Родбертуса и Мальтуса) основу для крушенія капиталистическаго хозяйства.

По существу дѣла, какъ я старался доказать, обѣ категоріи спорящихъ по своему были правы, ибо теорія кризисовъ Маркса была очень неопредѣленна; теорія производства ради производства и теорія недопотребленія, благодаря отсутствію у массы населенія покупательной способности, постоянно встрѣчаются у него рядомъ, а внѣшнимъ выраженіемъ ненормальности капитализма является паденіе цѣнности продукта, — какъ а) „обесцѣненіе“ подѣ влияніемъ излишняго количества и б) какъ результатъ увеличенія производительности труда подѣ влияніемъ увеличенія размѣровъ постояннаго капитала (см. ниже законъ паденія прибыли и сравни выше ученіе Рикардо о деньгахъ, стр. 282).

1) См. для Россіи мое сочиненіе „Обмѣнъ и экономическая политика“, стр. 148—167, гдѣ изложенъ споръ нашихъ народниковъ и марксистовъ.

Неорганизованность производства, концентрація производства, съ одной стороны, и обнищаніе ¹⁾, т. е., „постоянный рост необеспеченности рабочаго класса, вѣчный призракъ безработицы, благодаря колебаніямъ рынка“ — вотъ два главныя боевыя орудія Маркса при критикѣ современнаго хозяйства.

Самымъ важнымъ выводомъ изъ этой теоріи было, однако, еще одно положеніе, распространенное на всю исторію человѣчества. Вся исторія человѣчества, какъ отраженіе экономическихъ условій, „естъ ничто иное, какъ исторія классовой борьбы.“ Современная исторія является исторіей борьбы трехъ представителей производительныхъ силъ: земли — землевладѣльцевъ, капитала — капиталистовъ, въ общемъ буржуазіи и труда, т. е. пролетаріата. Борьба этихъ силъ неизбежно, силою самаго историческаго процесса, не переносящаго долго губительныхъ противорѣчій, приведетъ къ коллективистическому демократизму, который Энгельсъ назвалъ переходомъ изъ царства необходимости въ царство свободы. „Объективныя, чуждыя силы, пишетъ онъ, силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, поступаютъ подъ контроль человѣка. Только съ этого момента люди будутъ дѣлать свою исторію съ полнымъ сознаніемъ, только съ этого момента производимыя ими, установленныя общественныя причины со все возрастающей силой будутъ приводить къ желаннымъ послѣдствіямъ. Это прыжокъ (Sprung) человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“ ²⁾.

Само собою разумѣется, что при такихъ исходныхъ положеніяхъ Марксъ и Энгельсъ не могли раздѣлять взглядовъ Родбертуса на государство; для нихъ современное государство являлось орудіемъ классового господства; оба эти писателя не жалѣютъ словъ для его дискредитированія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что они антигосударственники. Этотъ выводъ былъ бы вдвойнѣ неправиленъ, во-первыхъ, потому, что они видѣли возможность видоизмѣненія социальнаго строя при посредствѣ политиче-

1) Эта теорія обнищанія опять таки одними сторонниками Маркса сводилась къ послѣдовательному ухудшенію заработной платы и условій труда; другіе, напротивъ, справедливо доказывали, что Марксъ допускалъ возможность улучшенія условій труда, но особенно обращалъ вниманіе только на отмѣченныя въ текстѣ факторы, а также на то, что эта „необеспеченность“ можетъ выражаться въ „относительномъ ухудшеніи“ положенія рабочаго класса т. е. заработная плата можетъ возрасти, но не пропорціонально общему увеличенію богатства. Такое толкованіе, приближающееся къ точкѣ зрѣнія Родбертуса, сколько мнѣ помнится, гдѣ то давалъ г. Плехановъ.

2) Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft, изд. 1891 г., стр. 43.

ской реорганизации общества, путем борьбы на почве всеобщаго избирательнаго права и, во-вторыхъ, потому что самый социальный строй долженъ быть, по ихъ мнѣнію, создать могучую государственную организацію для упорядоченія производства, распредѣленія и всей жизни общества. Было бы наивно искать у этихъ писателей опредѣленной картины этой организаціи. „Царство свободы“ рисовалось имъ, какъ разрѣшающее всѣ современныя противорѣчія: централизація, не нарушающая мѣстной автономіи, единство человѣчества, согласованіе правъ личности и общества и проч., и проч., однимъ словомъ социальное блаженство.

Изложеннаго вполне достаточно, чтобы понимать эту теорію. Теперь намъ предстоитъ очень трудная задача — оцѣнить и глубокое значеніе, и большія неясности и ошибки этого міросозерцанія. Для этого, прежде всего, необходимо ограничить свою задачу предѣлами, не выходящими изъ цѣлей курса исторіи экономіи.

в) Для всякой историко-философской теоріи неумолимый процессъ исторической жизни служитъ лучшей провѣркой. Глубокое убѣжденіе Маркса и Энгельса, будто процессъ исторіи идетъ діалектическимъ образомъ и что „кризисы и обнищаніе“ должны привести въ ближайшемъ же будущемъ къ „міровому краху безпримѣрной силы“ — не оправдались. Много споровъ и нынѣ возбуждаетъ эта теорія, но для всѣхъ уже несомнѣнно, что объяснить происхожденіе кризисовъ не такъ просто, какъ это казалось, что теорія, будто кризисы происходятъ отъ стремленія капиталистическаго хозяйства производить только ради производства, такъ-же одностороння, какъ и теорія, которая объясняетъ ихъ исключительно условіями неправильнаго распредѣленія. Кромѣ того, индивидуализмъ оказался гораздо болѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ представлялось. Кризисы стали происходить рѣже; въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства капитализмъ и его личный интересъ оказался не только разлагающей, но и творческой силой. Онь, какъ въ средѣ капиталистовъ, такъ и рабочихъ сталъ создавать соединенія, поставившія своей задачей организацію нашего хозяйства (сравни приложеніе).

На всѣхъ вновь обнаружившихся фактахъ экономической жизни, на всѣхъ спорахъ по ихъ истолкованію въ курсѣ исторіи экономіи я останавливаться не могу; это увлекло бы меня слишкомъ въ сторону, а между тѣмъ предъ нами еще и такъ слишкомъ большая задача для изслѣдованія. Достаточно будетъ, если мы ознакомимся съ анализомъ самаго существа матеріалистическаго пониманія исторіи и съ теоріей цѣнности Маркса (см. § с.), которая долгое время разсматривалась не только какъ одно изъ

высшихъ завоеваній науки, но и какъ наиболѣе блестящее доказательство экономическаго матеріализма по своей методологической конструкціи.

Не даромъ же К. Каутскій въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ Ф. Бернштейна, видя колебанія въ рядахъ своихъ сторонниковъ, замѣчая, какъ историко-статистическій анализъ послѣдовательно разрушаетъ многія догматическія конструкціи, утверждаетъ, „что рѣшающій моментъ въ марксизмѣ — „методъ“, а не „результаты“¹⁾. Это замѣчаніе весьма справедливо. При безпристрастномъ научномъ анализѣ надлежитъ брать всякую теорію въ ея наиболѣе „благоприятномъ“ истолкованіи. Если даже творцы теоріи, почему либо увлеклись, довели приложеніе теоріи до крайности, то для науки это не должно служить основаніемъ отвергнуть теорію цѣликомъ, не видѣть въ ней ничего, кромѣ этихъ заблужденій. Наука тѣмъ и отличается отъ публицистики, что не борется противъ истины, гдѣ-бы она ни заключалась и въ какой формѣ она бы ни была, для какихъ-бы постороннихъ цѣлей она ни употреблялась²⁾.

Въ публицистической литературѣ послѣдняго времени неоднократно отмѣчалось, что и самъ Энгельсъ въ рядѣ писемъ показалъ, что общественныя учрежденія изъ продуктовъ экономическаго развитія вырастаютъ въ самостоятельныя силы, которыя начинаютъ „обратно“, т. е. въ свою очередь, вліять на экономическое развитіе, ускоряютъ его, задерживаютъ или обращаютъ на иной путь. „Политическое, философское, правовое, религіозное, художественное развитіе, писалъ Энгельсъ въ 1894 г., покоится на экономическомъ. Но всѣ эти условія реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Дѣло не въ томъ, что экономическая основа является единственной дѣятельной причиной, а всѣ другія силы только ихъ пассивный результатъ, но это взаимодѣйствіе „въ конечномъ результатѣ“ оказывается „всегда результатомъ обнаруживающейся экономической необходимости“.

Только съ такимъ заранѣе ограниченнымъ толкованіемъ мы и должны имѣть дѣло. Итакъ, методологически, т. е. съ точки зрѣнія а) теорія познанія, б) правильнаго способа классификаціи и анализа явленій и с) порядка опредѣленія причинныхъ связей всего хода историческаго процесса,

1) См. Отвѣтъ Бернштейну, р. пер. Гойхбарга, Одесса, 1905 г. стр. 26.

2) Въ рукахъ неумѣлыхъ или тенденціозныхъ людей всякій методъ можетъ быть доведенъ до абсурда. Что сдѣлали напр. изъ сравнительно-историческаго метода гг. въ родѣ Летурно и друг. Множество гг. марксистовъ писало такъ, что Марксъ врядъ ли назвалъ бы ихъ „учениками“.

насколько эта теория имѣетъ значеніе и въ чемъ же ея ахиллесова пята?

Нельзя не признать, что самымъ серьезнымъ и глубокимъ сочиненіемъ о марксизмѣ было впервые сочиненіе не присяжнаго экономиста, а профессора римскаго права Рудольфа Штамлера. Можно не соглашаться съ его окончательными выводами, но проф. Штамлеръ, хорошо воспитанный ясностью конструкцій римскаго права, выдвинулъ два положенія, которыя и другимъ ученымъ указали правильную дорогу¹⁾. Уже вслѣдъ за нимъ К. Каутскій долженъ былъ признать, „что на голомъ признаніи значенія различныхъ факторовъ историческаго процесса нельзя построить научнаго метода“. Штамлеръ справедливо замѣчаетъ, что анализъ этой теории долженъ быть не только эмпирическимъ, (т. е. не только провѣряться фактами наличнаго опыта жизни), но и теоретическимъ, съ точки зрѣнія методовъ познанія.

По мнѣнію Штамлера, съ такой точки зрѣнія, теория экономическаго матеріализма, во первыхъ, не вполне „выработана“ (unfertig), ибо тѣ „основныя понятія“, которыми она оперируетъ, и прежде всего, — понятіе о социальной жизни и объ экономическихъ явленіяхъ, совершенно остались неразработанными и неясными и, во вторыхъ, она „непродумана“, ибо она не даетъ яснаго представленія о томъ, въ какомъ смыслѣ она утверждаетъ „необходимость“ (т. е. безусловную причинную зависимость) въ измѣненіяхъ социальной жизни.

Начнемъ же нашъ анализъ не съ подробнаго разсмотрѣнія перваго положенія, какъ это дѣлаетъ Штамлеръ, а со втораго. Къ первому мы еще вернемся впослѣдствіи, чтобы былъ вполне ясенъ и тотъ анализъ теории цѣнности, которымъ мы закончимъ изложеніе системы Маркса.

А. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что при опредѣленіи необходимости въ явленіяхъ надобно знать: какія явленія мы признаемъ простѣйшими, *первичными* и какія можемъ и должны признать производными или *вторичными*. Изъ положенія — „не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а, наоборотъ, бытіе опредѣляетъ сознаніе“ — вытекаетъ какъ бы положеніе, что первоначально возникаютъ „матеріальныя основы социальной жизни“ и только затѣмъ возникаетъ сознаніе. Отсюда вытекаетъ стремленіе смотрѣть на всѣ социальные явленія, какъ на образованія чисто естествен-

1) См. его сочиненіе *Wirtschaft und Recht* (1896 г. р. пер. 1907 г.). Очень кратко, но зато просто и ясно онъ изложилъ сущность своего труда въ новомъ изданіи Словаря Конрада и другихъ (1900 г., стр. 725—737).

наго характера и широкое, глубокое представлѣніе, что общественная жизнь подчинена такимъ же естественнымъ законамъ, какъ и все въ мірѣ.

Еще Кетлэ, повидимому, совершенно незнакомый съ материалистическимъ пониманіемъ исторіи, въ свое время писалъ: „всѣ наблюденія стремятся одинаково подтвердить истинность того положенія, которое я высказалъ много времени тому назадъ: „то, что касается рода человѣческаго, разсматриваемаго въ массѣ, относится къ фактамъ порядка физической природы; чѣмъ болѣе велико число индивидовъ, тѣмъ болѣе индивидуальная воля сглаживается и даетъ преобладаніе серіи общихъ фактовъ, зависящихъ отъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ существуетъ и сохраняется общество. Вотъ эти то причины надо постигнуть и какъ только это будетъ сдѣлано, будутъ опредѣлены и послѣдствія для общества, какъ опредѣляютъ причины, дѣйствующія въ наукахъ физическихъ (естественныхъ¹⁾“. Всѣ стремленія Кетлэ сводились къ устраненію изъ анализа воли человѣка и къ обнаруженію естественныхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ причинъ.

Марксизмъ идетъ той же дорогой, но еще болѣе захватывающей; онъ хочетъ элиминировать (исключить) не только волю, но и сознаніе. Правда, Энгельсъ, какъ мы видѣли, пишетъ, что вліяніе внѣшняго міра отпечатлѣваются въ головѣ, какъ чувства, мысли, стремленія, движенія воли, что если это дѣлаетъ изъ человѣка идеалиста, то какъ могутъ существовать материалисты; но, увѣ, въ такой постановкѣ вопроса не можетъ заключаться положительнаго отвѣта; голова не только особый пріемный аппаратъ; всѣ знаютъ, что голова — особый аппаратъ, дѣйствующій въ области сознанія, психики и т. д. такъ, что одними материальными воздѣйствіями и дѣйствіями мы ничего объяснить не можемъ, не натолкнувшись, во первыхъ, — на непознаваемое, а, во вторыхъ, на тотъ фактъ что эта психика — является основой нашей дѣятельности и познанія.

Проф. Селигманъ²⁾ полагаетъ что мы должны признать самый фактъ „этого сознанія“. По его мнѣнію теорія экономического матеріализма не разрушается тѣмъ указаніемъ, что экономическая жизнь не можетъ быть признана, какъ нѣчто предшествующее сознанію и социальной жизни. Споръ о томъ,

1) См. A. Quetelet. *Physique sociale*, t. II, 2-ое изд. 1869 г., стр. 316. Ссылка Каутскаго на смѣшеніе философскаго понятія „детерминизма“ (безусловной необходимости) съ понятіемъ „механизма“ у Бернштейна не разъясняетъ вопроса, ибо подъ „механическимъ пониманіемъ природы“ часто понимали ничто иное, какъ объясненіе ее естественными, физическими законами. Детерминизмъ Маркса тоже естественно-историческій.

2) См. его *Economic Interpretation of History*, стр. 147.

что представляет предшествующее, кажется ему равнозначущимъ со стариннымъ вопросомъ: что произошло ранѣе — курица или яйцо? „Когда біологи, пишетъ онъ, говорятъ намъ, что организмъ стоитъ въ зависимости отъ окружающей среды, то они вовсе не должны дѣлать гипотетическое предположеніе относительно первичности среды организму. Безъ среды не можетъ быть, конечно, видоизмѣненій, но безъ организма тоже не можетъ быть измѣненій. Весь вопросъ о генетической преемственности (т. е. о первопричинѣ) не важенъ“. Возраженіе это даже съ естественно-исторической стороны скользитъ по поверхности, ибо для естествознанія организмъ не является чѣмъ то первичнымъ; но въ неизвѣстную область естествознанія намъ экономистамъ и пускаться опасно. Если мы допустимъ существованіе „сознанія“ и всѣхъ его выраженій, какъ элементъ всегда присутствующій и имѣющій свои законы, то мы неизбежно должны, прежде всего, признать замѣчаніе Штамлера, что самое понятіе экономики, экономическихъ явленій не совпадаетъ съ понятіемъ о матеріальныхъ факторахъ жизни, но съ представленіемъ о тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, по поводу этихъ матеріальныхъ факторовъ, которыя (т. е. экономическія отношенія мы себѣ представляемъ и безъ которыхъ ни жить, ни мыслить не можемъ. Другими словами, что экономическія явленія — это не только чисто естественныя явленія, но и наши представленія о нихъ, чувства, стремленія, желанія и т. д., что выдѣлить дѣйствіе однѣхъ постоянныхъ, естественныхъ причинъ невозможно, ибо сознаніе, воля, стремленія людей въ историческомъ процессѣ присутствуютъ также неизмѣнно, также постоянно; элиминировать ихъ такъ-же невозможно, какъ нельзя отказаться отъ признанія необходимости законовъ тяготѣнія. Штамлеръ, поэтому не безъ основаній затрудняется отдѣлить „право“, какъ особую надстройку надъ экономіей. Соціальная жизнь представляется ему уже сложнымъ образованіемъ, „какъ совмѣстная дѣятельность, регулированная извнѣ правомъ“ (ein äusserlich geregeltes Zusammenwirken). „Говорятъ, пишетъ онъ, что паровая машина преобразовала нашу соціальную жизнь. Не сама машина сдѣлала это, но способъ ея употребленія въ собственности капиталистовъ и при посредствѣ договора найма рабочихъ. Съ соціальной точки зрѣнія интересна не возможная техника, а ея реальное вступленіе въ сферу внѣшнимъ образомъ регулируемого совмѣстнаго дѣйствія людей. Только тогда создаются однохарактерныя явленія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ отношеніяхъ людей“.

Мнѣ кажется, однако, что при разсмотрѣннн соціальной жизни мы отнюдь не должны представлять ее, какъ нѣчто регулируемое только правомъ, но какъ это дѣлалъ

Родбертусъ, какъ неизбѣжное во всѣ періоды жизни общеніе воли, духа и матеріальныхъ интересовъ, безъ которыхъ никто и никогда себя представить не можетъ, ибо каждый входитъ уже въ ранѣ существовавшую социальную среду, какъ субъектъ, для котораго многое готово; другими словами, субъектъ незамѣтно превращается и въ объектъ воздѣйствій всей окружающей среды¹⁾ во всемъ ея многообразіи. Но отсюда не слѣдуетъ того, что субъектъ его сознаніе, всѣ естественныя особенности его духа, мышленія и чувствъ не имѣютъ никакого значенія. *Сознаніе невозможно безъ матеріи, но и матерія непостижима безъ сознанія.* Слова Энгельса — „если общество имѣетъ техническую потребность, то это болѣе помогаетъ обществу, чѣмъ десять Университетовъ“ — не болѣе, какъ красивая фраза. Безъ сомнѣнія, потребности громадной массы людей привлекаютъ и вниманіе массы лицъ, вызываютъ движеніе въ Университетахъ, но удовлетворить эту потребность могутъ только Университеты, т. е. наука, знаніе, воплощающіяся въ отдѣльныхъ людяхъ. Зачастую эта наука, эта безкорыстная работа людей, и сама своими изобрѣтеніями создаетъ новыя потребности; электричество изобрѣтено не потому, что надо освѣщать буржуазные дома, но они освѣтились потому, что изобрѣтено эектричество — красивое, свѣтлое и относительно дешевое освѣщеніе. Но какой же выводъ можно сдѣлать изъ этого положенія? Правильно-ли полагаетъ Штамлеръ, будто наше пониманіе историческаго процесса должно быть не-

1) Надо признать, однако, что до сихъ поръ точной классификація всей совокупности социальныхъ и естественныхъ причинъ не создано. Габайо въ своемъ курсѣ статистики даетъ такую классификацію. **Естественныя причины:** *теллурическія:* — географическое положеніе страны, поверхность и геологическое строеніе почвы, конфигурація и протяженіе страны, водоснабженіе; *атмосферическія:* температура, влажность, состояніе неба и проч.; *теллурическо-космическія:* длина дня и ночи, землетрясенія, наводненія и т. п.; *теллурическо-агрономическія:* обиліе или недостатокъ жатвы и т. п.; *игиеническія:* санитарное состояніе населенія, животныхъ и растений; *географо-соціалныя:* территориальное распределеніе населенія, родъ населенныхъ мѣстъ — города, деревни, мѣстечки, обособленныя жилища и т. п. **Соціалныя причины:** *экономическія* — родъ промышленности, крупное и мелкое производство, крупная и мелкая собственность на землю, характеръ обмѣна, пути сообщенія, кредитныя учрежденія, отношенія между трудомъ и капиталомъ, количество и качество потребленія, кризисы; *интеллектуальныя:* степень культуры, наука, искусство, литература; *нравственныя:* религія и религіозное настроеніе, благотворительныя учрежденія, общественная нравственность; *политическія:* форма правленія, полиція, финансы, юстиція, войско, мѣстное самоуправленіе. *Габайо — опытный статистикъ, а между тѣмъ, какъ бессистемнъ перечень его экономическихъ причинъ; схема же производственныхъ отношеній Маркса (см. начало слѣдующаго параграфа) сразу даетъ намъ возможность расклассифицировать причины по главнѣйшимъ отдѣламъ экономіи: производство, обмѣнъ, распределеніе, погребленіе.*

обходимо телеологическимъ, разъ мы признали такое двойственное соединеніе въ историческомъ процессѣ: сознанія (людей) и матеріи (техники)? Не думаю.

Б. Штамлеръ ¹⁾ спрашиваетъ, о какой необходимости можетъ идти рѣчь въ историческомъ процессѣ и отвѣчаетъ: „здѣсь допустимы три возможности: 1. Марксъ всегда опредѣленно говоритъ о „логической“ необходимости. Такъ, социальныя конфликты (борьба классовъ) представляются ему, какъ необходимо обнаруживающееся въ извѣстномъ общественномъ организмѣ „отрицаніе“, которое въ свою очередь необходимо производитъ свое собственное отрицаніе и, такимъ образомъ, діалектическій характеръ исторіи развитія обнаруживается, какъ отрицаніе отрицанія; 2. новѣйшіе представители матеріалистическаго пониманія исторіи, для которыхъ эта діалектическая терминологія и вообще всѣ употребляемыя Гегелемъ формулы не даютъ чего либо понятнаго, обратили всю тонкость этой мысли въ болѣе неуклюжее (plump) представленіе причинной необходимости естественныхъ явленій; 3. такая точка зрѣнія упускаетъ необходимость при всякомъ социальномъ изслѣдованіи обращать вниманіе на внѣшнимъ образомъ регулированное совмѣстное дѣйствіе людей. Достаточно тогда сказать — „взаимодѣйствіе“, ибо оно не мыслимо безъ соответствующаго пониманія и сохраненія нормъ, которыя въ общей совокупности (gemeinsam) стоятъ надъ дѣйствующимъ субъектомъ. И такъ какъ особенность этого совмѣстнаго дѣйствія можетъ подлежать обсужденію съ двухъ сторонъ — технически или социалью, такъ какъ здѣсь теперь идетъ дѣло о социальной особенности „взаимодѣйствія“, то отсюда слѣдуетъ, что необходимость социальныхъ видоизмѣненій является необходимостью внѣшнихъ правилъ, т. е. актовъ воли, необходимостью цѣли; эта необходимость не логики, не причинъ, но телеологіи“ (final).

Всякую мысль можно изложить и просто, и неясно. Штамлеръ въ данномъ случаѣ, однако, не только излагаетъ свою теорію темно, неясно, но эта классификація и невѣрна, въ особенности при изложеніи второй возможности. Мы видѣли уже и во введеніи, что зачастую телеологія скрывается именно въ такъ называемомъ логическомъ противоположеніи. Поэтому Штамлеръ такъ и одобряетъ діалектику Маркса; но, однако, и онъ не рѣшается признать историческую необходимость — необходимостью логической. Мы уже отмѣтили ²⁾, что методъ противоположностей часто служить для насъ очень удобнымъ методомъ изслѣдованія во

1) I. с. Словарь Конрада, стр. 734.

2) См. выше стр. 75 и 503 и слѣд.

всѣхъ случаяхъ исчезновенія гармоніи между человѣкомъ и средой, неизбѣжно оказывающей свое дѣйствіе, но рѣшающаго значенія этотъ методъ противоположенія имѣть не можетъ. При анализѣ теоріи Прудона о собственности, мы видѣли, какъ безплодны одни діалектическія противоположенія, а въ предшествовавшемъ параграфѣ мы показали, какъ ненадежно это „отрицаніе отрицанія“ при приложеніи къ естествознанію и къ человѣческой исторіи. Въ нашемъ введеніи мы изложили также, какъ опасно внесеніе телеологическихъ началъ въ изслѣдованіе общественныхъ вопросовъ. Утвержденіе, что причинный анализъ общественныхъ явленій, составляющій основу эволюціоннаго позитивизма, представляетъ что то плоское, неинтересное, воспринимаемое только по верхностными или сухими умами — теперь въ большомъ ходу; но, по моему мнѣнію, только онъ даетъ намъ сколько нибудь вѣрную дорогу и только въ этомъ видѣ, какъ прямой результатъ самаго позитивизма, марксизмъ имѣетъ глубокое значеніе. Быть можетъ марксизму и не удалось вполне создать „монистическое пониманіе“ мірового процесса, но историческая наука вообще не начертала намъ законовъ историческаго развитія, относительно которыхъ не было бы большихъ сомнѣній. Внесенное марксизмомъ понятіе производственныхъ отношеній, какъ увидимъ еще ниже, оказалось чрезвычайно сложнымъ; оно обнимаетъ всю систему цѣлей, ради которыхъ совершается производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе продуктовъ; отдѣлить чисто экономическія цѣли отъ всей совокупности другихъ социальныхъ цѣлей, быть можетъ, оказалось не вполне возможнымъ¹⁾, но главное значеніе чисто экономическихъ факторовъ человѣческой жизни Марксу удалось доказать множественностью фактовъ и послѣдующіе, даже самые осторожные историки, шли уже по проторенной имъ дорогѣ.

Одними экономическими вліяніями всю интеллектуально-нравственную атмосферу человѣческаго общества Марксу и его ученикамъ объяснить не удалось. Устранить идеализмъ, какъ философскую систему, оказалось совершенно невозможнымъ, но и дерзновенная попытка всякаго идеализма пойти путемъ чистаго разума, вѣчной истины, добра, красоты, справедливости и знанія, какъ она ни благородна, была поставлена въ надлежащіе предѣлы. Въ своей „Системѣ приобрѣтенныхъ правъ“ (1861 г.) Лассаль писалъ: „что Вы можете себѣ и своему времени доказать разумомъ, логикой и наукой, то и желаетъ Ваше время“, въ томъ воплощается народное сознаніе“... Марксъ глубже изслѣдовалъ этотъ вопросъ. Онъ хотѣлъ открыть *тѣ условія*, при кото-

1) Эту мысль я постараюсь доказать при анализѣ теоріи цѣнности.

рыхъ такое доказательство возможно, можетъ сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ человѣчества и сдѣлать это блестяще, глубоко и правильно, обративъ все свое вниманіе на матеріальныя условія жизни общества и на борьбу интересовъ въ немъ. Сторонники естественнаго права начала вѣка и наивные социалисты могли думать, что единоголосное или мажоритарное рѣшеніе законодательныхъ палатъ можетъ сразу пересоздать общественную жизнь. Для этого идеалистическаго утопизма ученіе Маркса острый ножъ; оно разрушило утопическую иллюзію подъ девизомъ: „да будетъ во имя разума и справедливости.“ Каково бы ни было въ вѣчномъ потокѣ человѣческой исторіи значеніе религіозныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ — все же въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и его социальныхъ группъ, гласитъ самое существо ученія Маркса, громадное и первенствующее значеніе имѣетъ борьба за существованіе и приспособленіе человѣка къ природѣ и человѣческой средѣ, другими словами организація хозяйства и его требованія въ данную историческую эпоху.

Вплоть до той поры, пока человѣку придется бороться за матеріальное свое существованіе, экономическія влиянія всегда будутъ имѣть рѣшающее значеніе. Марксъ одинъ изъ первыхъ примѣнилъ къ изученію историческаго процесса не только идею процесса эволюціи, но блестяще показалъ, что въ основѣ этой эволюціи лежитъ борьба интересовъ и ихъ разнообразныхъ общественныхъ представителей, другими словами, „классовая борьба.“ Быть можетъ чрезвычайно простое подраздѣленіе общества на три главныхъ класса нуждается въ поправкахъ, но несомнѣнно, что принадлежность къ извѣстной общественной группѣ или классу всегда выражается въ двоякой формѣ¹⁾: а) въ стремленіи сохранить, защитить, обезпечить и улучшить свое общественное положеніе т. е. свой классовый интересъ союзной классовой борьбой и созданіемъ соответствующихъ политическихъ учреждений и б) въ выработкѣ „своеобразнаго міросозерцанія“ общественныхъ группъ, мысли, чувства, политическія убѣжденія, эстетика, даже религіозныя убѣжденія которыхъ вслѣдствіе одинаковыхъ внѣшнихъ условій пріобрѣтаютъ нѣкоторое сходство. Прослѣдить влияніе всей совокупности дѣйствующихъ на историческій процессъ причинъ, ихъ взаимодѣйствіе возможно только при ясномъ пониманіи „главнѣйшихъ“ дѣйствующихъ причинъ. Пусть марксизмъ даже иногда чрезмерно подчеркивалъ влияніе однѣхъ экономическихъ причинъ, но глубокое значеніе его

1) Прекрасныя замѣчанія по этому поводу см. у Зомбарта. Соціальное движеніе въ 19-мъ вѣкѣ (р. пер. 1905 и др. г.).

именно въ томъ, что онъ умѣло и опредѣленно указалъ на „главныя причины“ историческаго процесса.

Зомбартъ вполне правильно подчеркиваетъ социальнополитическій реализмъ Маркса. Послѣдній понялъ, что въ міровомъ процессѣ исторіи двигающей силой является вѣчная и непрерывающаяся борьба за организацію хозяйства и жизни, борьба интересовъ и міросозерцаній, что новыя формы жизни появляются не по изобрѣтенію счастливаго мыслителя, не въ силу неожиданнаго появленія великой и всемогущей любви, а лишь тогда, когда путемъ долгаго процесса жизни и борьбы разнообразныхъ силъ окончательно подготовятся матеріальныя условія, пригодныя для осуществленія этихъ новыхъ формъ жизни.

Наступить-ли когда нибудь то „царство свободы“, о которомъ говоритъ Энгельсъ, — этотъ вопросъ мы оставимъ безъ разсмотрѣнія. Каждый долженъ избрать себѣ самостоятельно ту телеологію, которая ему кажется наиболѣе справедливой и создать себѣ ясное представленіе о предшествовавшемъ ходѣ историческаго процесса. Достаточно только помнить, что новый строй жизни можетъ быть и долженъ быть подготовленъ только долгой и напряженной работой людей, что классовая борьба это только средство, а не цѣль. Процессъ исторіи движется и благо тому, кто съумѣетъ занять въ немъ благородную и самостоятельную позицію, зная о тѣхъ главныхъ причинахъ, которыя оказываютъ вліяніе на ходъ жизни, и имѣя въ виду тѣ высшія цѣли, безъ представленія о которыхъ не можетъ жить ни одно человѣческое существо, способное объективно обозрѣть все окружающее ее многообразіе взглядовъ.

г) Я отмѣтилъ выше, какъ сложны оказались тѣ „производственныя отношенія“, о которыхъ говорятъ Марксъ и Энгельсъ. Громадная заслуга этихъ писателей заключается въ томъ, что они попытались начертать исторію и законы этихъ производственныхъ отношеній, т. е. въ частности: а) законы процесса производства и обмѣна или яснѣе, законы явленій социальнаго хозяйства въ предѣлахъ той или иной исторически данной среды; б) исторію системъ владѣнія и собственности, т. е. „отношеній членовъ общества“ къ орудіямъ производства и продукту вообще и с) процессъ распределенія при наличности тѣхъ или иныхъ процессовъ производства (техническая и общественная организація промышленности) и системы цѣлей владѣнія и собственности, т. е. всего строя хозяйства (община, феодализмъ, частно-капиталистическое хозяйство). Историки всѣхъ странъ и теперь еще работаютъ, пользуясь сравнительно-историческимъ методомъ изслѣдованія, надъ пережитыми формами, системами и строями хозяйства въ предшество-

вавшія историческія эпохи, но не мало работы имѣется и осталось еще при анализѣ условій жизни современнаго капиталистическаго хозяйства. Марксъ построилъ для объясненія этого порядка свою знаменитую трудовую теорію цѣнности, которая должна была дать рѣшающее доказательство для самаго матеріалистическаго пониманія исторіи ¹⁾, а отчасти и предопредѣлить возможную экономическую политику для настоящаго времени. Необходимо, поэтому, изучить эту теорію, какъ въ ея первоначальномъ видѣ, такъ и въ той послѣдней формѣ, въ которой она изложена въ III-мъ томѣ Капитала.

Основная формула цѣнности Маркса гласитъ: „цѣнность прямо пропорціональна количеству общественно-необходимаго труда и обратно пропорціональна его производительной силѣ.“ Это положеніе онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего онъ указываетъ рядъ предпосылокъ, какія нужно имѣть въ виду при открытіи закона цѣнности, а именно, 1—5 :

1. Анализъ политической экономіи долженъ опредѣлить цѣнность товаровъ, т. е. внѣшнихъ вещей, которыя своими свойствами удовлетворяютъ человѣческія потребности и являются результатомъ разнокачественнаго труда даннаго капиталистическаго общества.

2. Всѣ товары на рынкѣ обмѣниваются въ извѣстныхъ пропорціяхъ другъ на друга; между ними существуетъ количественное отношеніе, которое „должно имѣть свой особый подлежащій открытію законъ.“ Чтобы открыть этотъ законъ необходимо взять явленія обмѣна въ ихъ наиболѣе чистомъ видѣ, а именно ²⁾ а) этотъ обмѣнъ не долженъ представлять чего либо случайнаго, а представлять обычное явленіе въ жизни даннаго общества; б) никакая естественная или искусственная монополія не должна давать возможности какой либо сторонѣ, участвующей въ обмѣнѣ, продавать дороже или дешевле; в) обмѣниваемые товары и той, и другой стороной должны производиться въ количествахъ, приблизительно соотвѣтствующихъ потребностямъ каждой стороны, къ чему каждая сторона приходитъ собственнымъ опытомъ и что, такимъ образомъ, является результатомъ продолжающагося обмѣна (т. е. яснѣе: обмѣна, который идетъ какъ разъ установившійся и непрерывающійся по общему правилу процессъ).

1) Въ частности и зависимость распредѣленія отъ производства, а отъ послѣдняго и самаго представленія о цѣнности и о мѣновыхъ отношеніяхъ.

2) См. т. III, р. пер. 1896 г., глава 10-я, стр. 131 и слѣд.

3. Полнаго равновѣсія въ этомъ не случайномъ и непрерывно идущемъ процессѣ обмѣна не бываетъ. Изъ опыта всякому извѣстно, что, кромѣ цѣнности, еще существуетъ рыночная цѣна, которая колеблется вверхъ и внизъ вокругъ цѣнности, какъ какого то пункта естественнаго равновѣсія. Обыкновенно говорятъ, что эти колебанія вызваны сложными условіями спроса и предложенія товаровъ. Если взять явленія въ теченіи продолжительнаго времени и разсматривать ихъ какъ нѣкоторое цѣлое, то мы найдемъ, что спросъ и предложеніе постоянно покрываютъ (т. е. удовлетворяютъ) другъ друга, но только какъ нѣкоторое „среднее“ уже миновавшихъ колебаній. Эта „средняя величина“ рыночной цѣны и представляетъ главное теоретическое значеніе. Чтобы открыть ея законъ, а слѣдовательно, и общій для всѣхъ товаровъ законъ цѣнности, необходимо изучить явленія внѣ зависимости отъ спроса и предложенія т. е. тогда, когда спросъ и предложеніе абсолютно равны, другими словами, когда съ научной стороны ихъ можно признать, какъ двѣ обратныя парализующія другъ друга силы или, что то-же, равныя по своему вліянію 0 (нулю).

4. При такихъ предположеніяхъ очевидно, что мы должны объяснить тѣ „причины“, опредѣляющія пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются товары, какъ законъ ихъ „эквивалентности“, т. е. равенства по цѣнности. Деньги такой же эквивалентъ по цѣнности всякаго другого товара, какъ и всякій товаръ эквивалентъ другого товара; поэтому по существу дѣла мы должны объяснить, почему товаръ идетъ какъ эквивалентъ денегъ за другой товаръ т. е. почему — т. (товаръ) = (равенъ) д (деньгамъ) и д (деньги) = (равны) т (товару): т—д—т.

5. Эта загадочная формула требуетъ анализа¹⁾: она какъ бы противорѣчива и бессмысленна. Если по какой либо необъяснимой причинѣ продавецъ продастъ товаръ на 10% выше ея цѣнности, то онъ будетъ очень доволенъ. Но послѣ того, какъ онъ былъ продавцемъ, онъ становится покупателемъ. Такъ какъ, согласно сдѣланному ранѣе предположенію, если такая привиллегія существуетъ, то она равна для всѣхъ, поэтому онъ долженъ будетъ и другому производителю заплатить за его товаръ на 10% дороже. Онъ, такимъ образомъ, ранѣе выигралъ только для того, чтобы проиграть. Очевидно при открытіи закона цѣнности мы должны не только открыть законъ эквивалентности товаровъ, но и объяснить, почему капиталисту „выгодно“ продавать, чтобы за товаръ получить деньги, т. е. такой

1) Т. I. пер. Струве, противорѣчія общей формулы, стр. 111.

Skopzen in Beziehung tritt, so dürfte Huene eben diese ungewöhnliche und für eine Frau aus der Aristokratie schwer herzustellende Beziehung damals vermittelt haben¹⁾. Daraus dürfte sich auch erklären, warum die Tatarinowa gerade zu der skopzischen Familie der Nenastjews in Beziehung trat. Denn diese besaßen damals, als Huene Seliwanow besuchte, in der Skopzengemeinde einen Vorrang dadurch, dass Seliwanow in ihrem Hause lebte, den sie längst an die Kostrows hatten abtreten müssen, von denen er an Solodownikow übergegangen war. — Im Jahre 1815 traf die Tatarinowa in Petersburg ein, nahm in dem Quartier ihrer Mutter im Michaelpalais Wohnung, wurde aber alsbald durch den Tod ihres (jetzt achtjährigen) Sohnes in tiefe Betrübnis versetzt²⁾.

In diese Zeit, da sie religiösen Trostes besonders bedürftig war, scheint ihre erste Beziehung zu den Skopzen zu fallen. Darüber berichtet ihr Anhänger P. Kúkolnik: ³⁾ „Als sie ihren letzten Trost mit dem

zumal wenn die Mutter, wie Dubrowin angibt, damals bei ihr weilte. — Wenn Melnikow gelegentlich (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 211) von dem Schiffe der Obistin Buxhöwden und deren Schwester Tatarinowa redet, so kann mit ersterer nicht Charlotte von Oettingen gemeint sein (sie war nicht Obistin, von einer Beteiligung an den Bestrebungen ihrer Schwester ist sonst nirgends die Rede), sondern entgegen allen seinen sonstigen Darbietungen hat Melnikow hier die Tatarinowa versehentlich verdoppelt (von einer andern Schwester ist weder bei ihm noch sonst irgendwo die Rede, noch bei den von Oettingens etwas bekannt).

1) Darauf, dass die Tatarinowa durch Baginski in Warschau auf Huene in Riga und durch diesen auf die Skopzen in Petersburg gewiesen wurde, ist die Behauptung des Moskauer Mitropoliten Philarét zu reduzieren, sie habe „sich in den westlichen Gouvernements mit den skopzischen Gesellschaft bekannt gemacht“ (Russ. Archiv 1888, S. 585), resp. Melnikows (Die weissen Tauben S. 253, 2. Anm. vergl. oben S. 154 f.), sie sei „in den westlichen Gouvernements aus dem Luthertum zur Chlüstowschtschina bekehrt worden.“ In meiner Negierung von Beziehungen der Tatarinowa zu Chlüsten (B. I. S. 153 Anm.) bin ich seitdem durch die Bemerkungen ihres Anhängers P. Kúkolnik bestärkt worden, die mir damals noch nicht bekannt waren (Russ. Altertum 1874, S. 668): „Warum ist die Gesellschaft Katerina Philippownas ein Chlüstenschiff genannt worden? Wer gab ihr diese Benennung? der ich sovieler Jahre der Katerina Philippowna nahegestanden habe, habe niemals diese Nennung gehört.“

2) Alles bisherige nach Ju. Tolstoi, Von dem geistlichen Bunde der Ie. Ph. Tatarinowa, Das Neunzehnte Jahrh. 1872 S. 220 ff.; Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 76, Anm. 58, S. 176 f.; Joánow, Ergänzende Nachrichten von der Tatarinowa etc., Russ. Archiv 1872, S. 2334—2336; P. Kúkolnik, Anti-Photi etc., Russ. Archiv 1874, S. 668; A. Gorski, Aus Erinnerungen an den Mitropoliten Philarét etc., Russ. Archiv 1888, S. 585 f.; N. Dubrowin, Unsere sektiererischen Mystiker. Ie. Tatarinowa etc., Das russische Altertum 1895 Okt. S. 39—42; letzteres die ausführlichste Darstellung, leider nicht ganz zuverlässig, aber wertvoll wegen reichlicher Darbietung von neuem Aktenmaterial.

3) Russ. Archiv 1874, S. 589 ff. „Antwort eines Augenzeugen auf den Artikel im Russ. Archiv von 1893 mit dem Titel „Aufzeichnungen des Jurjewschen Archimandriten Photi“, Wilna im Okt. 1873. Eingangs versichert der Autor: „Ich hatte Gelegenheit, die Tatarinowa während vier Jahre fast täglich zu sehen, und nachdem ich Petersburg verlassen hatte, hatte ich briefliche

Tode des Sohnes verlor, war Jekaterina Philippowna der Verzweiflung nahe. Eine ihr bekannte Frau einfachen Standes kam ihr zu Hülfe mit dem Trost des Glaubens und überredete sie, im Himmel Unterstützung und Tröstung zu suchen“ . . . Die Forscher sagen einstimmig, dass das Wera Nenastjewa, die Tochter des Skopzen Sidor Nenástjew, bei dem zuerst Seliwanow in Petersburg gelebt (1802—1811), gewesen sei. Dafür berufen sie sich auf die „Denkschrift über das Leben und die Zeit des Prälaten Philaret, Moskauer Mitropolit“ von N. Suschkow (1868), in der letzterer grossenteils die eigenen Erinnerungen dieses Zeitgenossen der Tatarinowa niedergelegt hat. Sie ist neben der „Antwort“ etc. Kukolniks die Hauptquelle über die Beziehungen der Tatarinowa zu den Skopzen und über die Anfänge ihres eigenen religiösen Kreises¹⁾.

Ihr diesbezüglicher Bericht lautet (S. 75 f.): „Die Tatarinowa, die soviel Lärm durch ihre schamanischen und derwischischen Versammlungen in Michail-Palais verursacht hat, wo ihr eine Wohnung auf Wunsch der Kaiserin Jelisawéta Alekséjewa angewiesen worden war . . . Die Gesellschaft der Tatarinowa entstand aus einer anderen, früher gegründeten irgend einer übrigens frommen Familie Nenastjew. In ihr suchten sowohl der Mann, als die Frau und besonders ihre Tochter Wera Sidorowna angestrengt geistliches Licht, Wiedergeburt, Errettung . . . Wera Sidorowna hatte zur Grundlage ihrer Sache die Verirrung und Religionsverspottung der Skopzen gemacht: Es ist wahr, diejenigen der Glieder, welche in die Gesellschaft der Nenastjewa nicht aus den Skopzen getreten waren, verstümmelten sich nicht; aber dem Geiste nach waren sie ihrer Urform (der skopzischen Häresie) treu. In ihren geheimen Versammlungen redeten sie laut, profezeiten, sangen Lieder, wie es sich gerade traf, unebenmässige und allzu volkstümliche, sowohl den Worten als den Weisen nach. Eine von den allerberedtesten Pythien war Wera Nenastjewa. Einer von den Vorhersagern war der Trommler Nikituschka (natürlich einer von den Skopzen). Die vermeintliche Begeisterung kam über sie nach dem Sprechen, Singen und den rasenden Drehungen der Menge. Es besuchten ihre abendlichen Zusammenrottungen unter anderen F. J. Prjánischnikow, P. D. Markélow, N. N. Bartónjew, A. G. Milorádwitsch und andere. Aus dem Briefe Kaiser Aleksands I. über den letzteren an seinen Vater vom 20. August 1818 ist ersichtlich, dass der Herrscher von der Existenz dieser Gesellschaft wusste und fand, dass dort nichts derartiges sei, was von der Religion abführte . . . Unterdessen trennte sich die Tatarinowa, möglicherweise die Kameradschaft der Skopzen aus der Silberreihe²⁾ unangenehm empfindend, von der demokratischen Versammlung und bildete ihre eigene, ebenfalls rasch-derwischische, nun aber aristokratische“ . . .

Diese Darstellung der Entstehung der Gesellschaft der Tatarinowa ist nicht ganz eindeutig. Der Brief Alexanders I. an den Vater Miloradowitsch (abgedruckt im Russ. Archiv 1864, S. 623) redet gar nicht von der Beteiligung des Sohnes an Skopzenversammlungen, sondern an Versammlungen bei der Tatarinowa, wie der Herausgeber, ein

Beziehungen zu ihr und den ihr nahestehenden Personen bis zu ihrem Tode. Aber dass meine Aussage leidenschaftslos und richtig ist, dafür bürgen mein Gewissen, meine 78 Jahre: wer sich bereitet, in kurzer Zeit vor dem Gerichte der ewigen Wahrheit zu stehen, der wird nicht mit listiger Rede die Hörer und Leser irreführen.“

1) Suschkow sagt speziell von seinen Mitteilungen über die Nenastjewa, die Tatarinowa und deren Hauptanhänger, dass er „sie nicht so sehr aus seinem eigenen Gedächtnis, als aus den Erzählungen des Mitropolitens, N. N. Bartónjews und anderer glaubwürdiger Personen gewonnen“ (S. 78).

2) d. h. der Reihe der Läden der Gold- und Silberhändler im Kaufhof.

Enkel des Adressaten auch ausdrücklich bemerkt¹⁾. Es scheinen aber doch diese erst nach jenem Briefe sich unter Ablösung von den Skopzen gebildet zu haben, obgleich von der Entstehung ihrer Gesellschaft aus der der Nenastjews gleich am Anfang die Rede ist. Es scheint ferner doch das Nächstliegende zu sein, die profetische Tätigkeit der Nenastjewa und die des Trommlers Nikituschka als im Hause der Nenastjews sich abspielend zu denken. Dann hätte also die Tatarinowa die genannten Personen aus der Petersburger gebildeten und vornehmen Gesellschaft bei den Nenastjews eingeführt, sie und dieser ihr Kreis hätte sich aber allmählich von den Skopzen zurückgezogen und in ihrer Wohnung eigene Versammlungen abgehalten. Weil der junge Miloradowitsch zu dem Kreise der Tatarinowa gehörte, der zunächst mit ihr die Versammlungen bei den Nenastjews besuchte, hätte Suschkow oder Philaret den Brief des Kaisers an den Vater Miloradowitsch so auffassen können, wie geschehen ist. — Freilich hatte 1818, als der Brief geschrieben wurde, die Tatarinowa längst ihre eigenen Versammlungen in ihrer Wohnung im Michaelpalais (bereits seit 1815²⁾), die Radenija und Profezeiungen wurden, wie die Forscher einstimmig angeben, hier von Wera und Nikita Fjodorow geleitet, von welchem letzteren erzählt wird (z. B. von Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 77, Anm. 59), er sei Profet im Schiffe der Nenastjews gewesen und die Tatarinowa habe ihn in ihr Schiff hinübergelockt. Auch erscheint die Wera Nenastjewa sonst nirgends als die Leiterin des Skopzenschiffes im Hause der Nenastjews, dieses wird sonst nirgends ihre Gesellschaft genannt, sondern stets die ihres Vaters oder der Nenastjews, indem damit neben ihrem -Vater Sidor dessen Bruder Iwan mitgemeint ist. Ersterer wird sonst überall als Leiter dieses Schiffes bezeichnet. Danach könnte man obige Darstellung auch so verstehen, dass die Tatarinowa infolge der Anregungen, die sie bei den Nenastjews erhalten, durch Wera Nenastjewa und den Skopzenprofeten Nikita Fjodorow gleiche Andachtsversammlungen, wie sie bei jenen stattfanden, auch in ihrer Wohnung abhalten liess, zu denen jene auch andere Skopzen mitnahmen, während sie ihre Bekannten dazu einlud, die von ihnen die Radenija und das Profezeien

1) Die betreffende Stelle lautet: „Ich habe mich bemüht, in seine Verbindungen einzudringen und habe nach glaubhaften Nachrichten gefunden, dass dort nichts derartiges ist, was von der Religion abwenden könnte; im Gegenteil, er ist noch anhänglicher an die Kirche geworden und pünktlicher in seinem Amt. — Danach schliesse ich, dass seine Verbindungen nicht schädlich sein können. Nach meinen Maximen würde ich, obgleich ich niemandes Gewissen beschwere, doch andererseits es nicht dulden, wenn irgend etwas gegen die Kirche und die bürgerliche Ordnung sich enthüllte. Ich hoffe, dass diese Zeilen Sie beruhigen werden“ (siehe dazu oben S. 177 Anm.). — In der Tat könnte der Kaiser nicht so über Beziehungen zu den Skopzen reden.

2) Dieses Jahr geben alle Forscher an, Melnikow nennt sogar einen bestimmten Tag, den 27. Juni, als Gründungstag ihres „geistlichen Bundes“ (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 17). Zu der Monatsangabe stimmt sowohl, dass die Tatarinowa im Anfange des Jahres in Petersburg eintraf, nicht lange hernach mit der Nenastjewa bekannt wurde, als auch, dass ihre Besuche bei den Skopzen nur während einiger Monate stattfanden (Angabe Kukolniks, vergl. unten S. 229).

lernten. Die Skopzen könnten darauf eingegangen sein, mit Nichtskopzen auf einem neutralen Boden gemeinsame Andachtsversammlungen abzuhalten, in der Hoffnung jene mit der Zeit ganz für ihren Glauben zu gewinnen. Sie mögen aber allmählich die Aussichtslosigkeit dessen erkannt haben, sodass sie sich von den Andachtsversammlungen bei ihr zurückzogen. Blieben aber Wera Nenastjewa und Nikita Fjodorow auf die Dauer ihnen treu, so wird die Tatarinowa sie zu ihrer Auffassung bekehrt haben.

Vielleicht ist die Darstellung der Anfänge des Kreises bei Kukolnik geeignet, eine jener beider möglichen Auslegungen wenigstens als die wahrscheinlichere hinzustellen. Sie lautet (S. 592 ff. Fortsetzung des oben S. 225 f. gebrachten Satzes): „aber um ihren Verstand und Herz mit geistlichen Übungen zu beschäftigen, führte sie sie in eine in jener Zeit in Petersburg existierende zahlreiche Versammlung ein, die aus einfachen Leuten bestand, meistens Skopzen, deren Tätigkeit sich damals im allerstärksten Aufblühen befand. Sie sah auf das XIV. Kapitel des I. Sendschreibens des H. Apostels Pawel an die Korinther gründend, in welchem er seinen Schülern befiehlt, „mit Eifer die geistlichen Gaben zu suchen, besonders aber diejenige, dass sie weissagen“, griffen die Glieder dieser Gesellschaft mit Anstrengung zu allen für den Menschen möglichen Mitteln: zu flammendem Gebete, strengstem Fasten, Ausmergelung des Fleisches, ununterbrochenem Denken an Gott, um den H. Geist herabzuführen und die Gabe der Prophetie zu gewinnen, und augenscheinlich erlangten einige von ihnen dieses Ziel. In ihren Versammlungen, nach dem Gesange geistlicher Lieder, mit welchen sie den heiligen Geist herbeiriefen, stellte sich der, wer Sein Eingehen fühlte, in den Kreis und nährte mit dem Wort der Reihe nach alle Anwesenden (ich gebrauche hier ihre eigenen Ausdrücke). Ich kann nicht gewiss sagen, ob tatsächlich oder (bloss) eingebildet dieser Besuch oder Begeisterung war; ich weiss nur das, dass alle Zuhörer gesättigt, beruhigt und getröstet waren, desto mehr, als viele Voraussagungen, die sich an den Lippen der Prediger losgerissen hatten, mit verwunderlicher Genauigkeit sich erfüllt hatten. Aber was mehr als alles Verwunderung sogar in dem mit dieser Sache nicht sympathisierenden Zuhörer erwecken konnte, war die ungewöhnliche physische Kraft der Vorhersager während der Begeisterung. Bei ihrer Vorbereitung dazu beobachteten sie gewöhnlich allerstrengstes Fasten, das nach dem natürlichen Laufe der Dinge ihre körperlichen Kräfte hätte schwächen müssen; statt dessen nährten sie mit dem Worte die Anwesenden während einiger Stunden, ohne aufzuhören. Es ereignete sich unter anderem ein Ereignis, das man kaum glauben könnte, wenn nicht dafür überzeugende Zeugnisse existierten. Einer von den dortigen Begeisterten nährte mit dem Worte der Reihe nach, ohne Halt zu machen, 200 Seelen, von denen die einen weggingen, die anderen an ihre Stelle hinkamen. Diese Feierlichkeit dauerte ununterbrochen 36 Stunden, während deren Verlauf sich der Prophet weder durch Speise, noch durch Trank, noch durch Schlaf stärkte¹⁾. Die Gesellschaft befand sich unter der Anleitung und Regierung eines alten Skopzen, der die tiefe Achtung und das unbegrenzte Vertrauen der Glieder genoss. . . . Während des Singens geistlicher Lieder, die eine fröhliche Melodie hatten, rissen sich einige von den Anwesenden, wie wenn sie durch ein besonderes Gefühl geistlicher Freude hinuntergestossen würden, gleich David, der vor Freude bei der Überführung der Lade tanzte, von ihren Plätzen los, liefen in den Kreis und drehten sich auf einer Stelle bis zur äussersten Erschöpfung. Aber das Hauptziel der Radenije bestand in der Beschäftigung und Verfeinerung des Fleisches, die den we-

1) Dubrowin hat (a. a. O. Okt. S. 64) diese doch deutlich als bei den Skopzen stadtgefunden gekennzeichnete „Feierlichkeit“ unberechtigter Weise in eine Versammlung bei der Tatarinowa im Michaelpalais verlegt.

sentlichen Vorzug der Glieder bildete. Das war eine Art (Glaubens-) Heldentums, zu dessen Erreichung das allerleichteste und -bequemste Mittel ausgewählt war und mit dem, nach ihrer Meinung, die Freude am heiligen Geist verbunden war, die die Seele stark kräftigte und tröstete. Katerina Philippowna nahm nicht Anteil an der Radenije; aber das Profezeien machte auf sie einen starken Eindruck. Seit der Zeit ihres Erscheinens in dieser Gesellschaft trat eine entschiedene Umwälzung in ihren Gefühlen und seelischen Strebungen ein. Sie gab sich vollständig Gott hin, wurde völlig gleichmütig gegenüber den Verlockungen der Welt und erwartete die Abberufung in die Ewigkeit wie das allerhöchste Gut. Während einiger Monate die Gesellschaft besuchend, entdeckte sie schliesslich auch deren Verirrungen, welche die Glieder der Gesellschaft, insonderheit ihr Leiter, sorgfältig vor ihr zu verbergen sich bemühten. Jeder, der in die Gesellschaft eintrat, war verpflichtet, das Gelöbnis abzulegen: nicht in die Ehe zu treten, nicht Fleisch zu essen, nicht Wein zu trinken, nicht Tabak zu rauchen und zu schnupfen. Wahrscheinlich weil sie sich freuten, dass zu ihnen eine Herrin gekommen war, verlangten sie von ihr die Erfüllung dieser Gelöbnisse nicht. Darauf bemerkte sie, dass das Verschnittenentum, welches sie immer für eine Verirrung hielt, in dieser Gesellschaft den Gegenstand der Propaganda bildete, und dass ihr Leiter eifrig sich um seine Verbreitung mühte. Endlich erfuhr sie, ungeachtet ihrer äussersten Vorsicht, dass ihr Leiter begonnen hatte, sich Erlöser zu nennen, aber einige der Glieder bis zu solcher Sinnlosigkeit fortgeschritten waren, dass sie angetanzen hatten, ihn den zweiten Gottessohn zu nennen. Da forderte sie öffentlich, in Anwesenheit aller Glieder, von ihm eine Antwort darauf, ob es Wahrheit sei, was sie gehört, oder nicht. Und als er zu Auslüchten seine Zuflucht zu nehmen begann, nicht wagend, bestimmt auf ihre Frage zu antworten, da trennte sie sich von ihm auf immer und erschien nicht mehr in der Gesellschaft. — Seit jener Zeit wehte sie sich vollständig der Einsamkeit, verbrachte die Tage mit Gedanken über Gott . . . Viele Personen, sowohl Männer als auch Frauen, welche mit ihr in der Gesellschaft gewesen waren und ihre grossen christlichen Eigenschaften erkannt hatten, sonderten sich gleich ihr von dem Lügnerlöser und begannen sich bei ihr zu versammeln, indem sie sie anflehten, sie möchte sie nicht verstossen und ihnen erlauben, ihre erbauliche Unterhaltung zu geniessen. Einige von den Frauen entschlossen sich sogar, sich unentgeltlich ihrem Dienste zu weihen. zur Belohnung als einzige Gnade die Erlaubnis erbittend, bei ihr unausgesetzt zu bleiben . . . Zu dieser Zeit begannen sie auch ihre früheren Bekannten zu besuchen, zu denen sie zuvor jegliche Beziehung abgebrochen hatte. Jede Zusammenkunft mit ihr übte einen tiefen und wohlthätigen Eindruck auf das Herz der Besucher aus. Sie gingen von ihr wie neugeboren . . . Die Zahl ihrer Freunde wuchs ununterbrochen und von Stunde zu Stunde wurden ihre Besuche häufiger . . . eine Menge ihr unbekannter Personen suchten mit grösster Anstrengung ihre Bekanntschaft zu erlangen, erbateten, erlehten die Fürsprache ihrer früheren Bekannten, damit ihnen gestattet würde, in ihr Haus zu kommen.“

Dieser Bericht ist zunächst insofern von Wert, als er eine lebendige Schilderung von Petersburger Skopzenversammlungen im Jahre 1815 gerade nach ihrer ekstatischen Seite bietet (wie sie sonst nicht vorhanden ist), die Kukolnik zweifelsohne aus dem Munde der Tatarinowa selber als Augenzeugin erhalten hat. War die Frau, welche die Tatarinowa dort einführte, Wera Nenastjewa, so ist immer das Nächstliegende, an Versammlungen bei den Nenastjews zu denken, an denen Seliwanow, der zweifelsohne mit dem „Leiter“ gemeint ist, demnach auch weiterhin teilgenommen hätte, obgleich er seit 1811 bei den Kostrows lebte ¹⁾.

1) Dubrowin (a. a. O. Okt. S. 43) scheint die Besuche der Tatarinowa bei den Nenastjews von denen bei Seliwanow zu unterscheiden, wenn er sagt:

Kukolniks Darstellung legt m. E. unsere an zweiter Stelle gebotene Auslegung des Berichtes Suschkows (resp. Philarets) mehr an die Hand ¹⁾, den sie dann zu einem in sich übereinstimmenden Bilde von der Entstehung des Kreises der Tatarinowa ergänzen würde. In der Tat wäre es ja auch an sich unwahrscheinlich, dass die Skopzen, die, wie Kukolnik zeigt, von so grosser Zurückhaltung gegen die ihnen doch gut empfohlene (vergl. oben S. 225) Tatarinowa gewesen sind, einer ganzen Reihe ihrer Bekannten ebenfalls Zutritt zu ihren geheimen Andachtsversammlungen gewährt. Demnach wäre es also zwischen Seliwanow und seiner Gemeinde und der Tatarinowa zum offenen Bruch gekommen wegen der Verscheidung und seines messianischen Anspruches, die Tatarinowa hätte aber bei diesem Bruche eine Reihe von Skopzen zu sich herübergezogen, was ja auch bei der sonst überall hervortretenden Stärke ihres persönlichen Einflusses keineswegs unwahrscheinlich wäre. Die Frauen, die sich hierbei freiwillig ihrem Dienste widmeten, sind ja schon dadurch als Frauen niederen Standes gekennzeichnet und Wera Nenastjewa wird zu ihnen gehört haben ²⁾. Demnach hätten in der Tat an den Versammlungen bei der Tatarinowa im Michaelpalais auch frühere Mitglieder der Gemeinde Seliwanows (sei es vollberechtigte, sei es Katechumenen) teilgenommen. Dabei wäre es ja möglich, dass nicht alle bloss aus Ergebenheit gegen die Tatarinowa sich ihr angeschlossen, sondern auch aus Hoffnung, sie schliesslich doch ganz für die Skopzensekte zu gewinnen. Die Zähigkeit der Skopzen in der Proselytenmacherei ist genugsam bezeugt. Wenn der frühere Kammerherr Staatsrat Jeljanski Skopze im Vollsinn des

„Selten besuchte sie die Familie der Nenastjews, pflegte auch bei Seliwanow zu sein“. Aber seine ganze Darstellung zeigt, dass er keine weitere Quelle, als die aufgeführten Zeugnisse, gehabt hat. Es bleibt natürlich möglich, dass die Tatarinowa auch bei den Kostrows gewesen ist.

1) Damit will ich nicht behauptet haben, dass diese Auslegung ganz dem Sinne entspricht, welchen Suschkow den ihm von Philaret und andern (vergl. oben S. 226, 1. Anm.) zugekommenen Mitteilungen gegeben hat. Denn er unterscheidet auch weiterhin zwischen der Gesellschaft der Nenastjewa und der der Tatarinowa (S. 77 f.): „Die Zerstreung der nächtlichen Besucher des Michailpalais, setzte auch die Gesellschaft der Nenastjewa in Angst. Sie verstummte damals und verbarg sich. Wenigstens ist seit jener Zeit von ihr nichts zu hören.“ Aber wie Suschkow fälschlicher Weise den Brief Alexanders I. an den Vater Miloradowitsch auf seines Sohnes Beteiligung an Skopzenversammlungen bezieht (vergl. oben S. 226), so ist er hier der Meinung, dass die Tatarinowa und einige ihrer Anhänger schon einige Jahre nach der Bildung der Gesellschaft in Klöster verschickt wurden und dass hierauf nur ihre Freunde ausserhalb der Stadt die Versammlungen fortsetzten, während tatsächlich 1825 die Tatarinowa selbst mit ihren Hauptanhängern sich dorthin zurückgezogen hatte und erst 1837 mit ihnen verschickt wurde. Unter der „Gesellschaft der Nenastjewa“ müssen demnach hier die Skopzen überhaupt verstanden werden, als die Gesellschaft, zu der die Tatarinowa ursprünglich gehört. Suschkow selbst hat zweifelsohne nur undeutliche Vorstellungen über die Geschichte des Kreises der Tatarinowa und der Skopzensekte.

2) Unbegreiflich ist es, wie Dubrowin (a. a. O. S. 49), zu ihnen auch die Piper und die Majorin Anna Franz rechnen kann (vergl. unten). Ihre deutschen Namen bürgen schon dafür, dass sie nicht aus der Gemeinde Seliwanows stammten.

Wortes geworden war, warum sollten sie nicht gehofft haben, auch die Obristin Tatarinowa schliesslich zum vollen Anschluss an die Sekte zu bringen? Wenn freilich später nur von Wera Nenastjewa und Nikita Fjodorow als Teilnehmern an den Versammlungen die Rede ist, ja schliesslich nur von letzterem, so wird man annehmen dürfen, dass, je mehr sich Leute aus der hohen Petersburger Aristokratie der Tatarinowa anschlossen, desto mehr jene einfachen Leute sich zurückgezogen haben werden. Andererseits mag die Tatarinowa auch ihrerseits (vergl. die Angabe Suschkows am Schluss) sich immer mehr davon überzeugt haben, dass jene die letzten Ziele ihrer Sekte aufzugeben doch nicht gewillt waren, und daher ihrerseits der Trennung Vorschub geleistet haben.

II.

Der Name, den die Tatarinowa selber für den sich bei ihr versammelnden Kreis gewählt hat, scheint „Bruderschaft in Christo“ gewesen zu sein (vergl. B. I. Anm. zu S. 153 auf S. 155). Dieser Name wird frühzeitig genannt und kommt noch als Adresse eines Briefes an ihre Anhänger vom Jahre 1850 vor (siehe unten). „Bund der Bruderschaft“, „Bund der Brüder und Schwestern“, „geistlicher Bund“, scheinen nur gleichgewertete Umschreibungen dieses Namens gewesen zu sein, oder wurden von Draussenstehenden angewandt, die den Kreis auch den „Nikita-Tatarinowaschen“ oder „Tatarinowa-Nikitaschen“ nannten¹⁾. Die Tatarinowa wie ihre Anhänger wollten schon mit dem Namen die Auffassung ihres Kreises als einer Sekte ablehnen, wie das oft auch von ihnen ausdrücklich geschehen ist.

Die älteste Schilderung des ekstatischen Treibens bei der Tatarinowa bietet eine Alleruntertänigste Denkschrift des Verwesers des Polizeiministeriums Wjaśmitinow an den Kaiser Alexander I. aus dem Jahre 1817²⁾. Sie lautet: „Im Michailpalais wohnt die Obristleutnantin Tatarinowa, die eine besondere Sekte unterhält und in sie andere aufnimmt. Sie schrieb einen Brief an die im Liténi-Stadtteil . . . wohnende Frau eines Majors in polnischem Dienste Anna Franz, von welchem zufällig eine Kopie

1) Der Name der „Adamisten“ wurde dem Kreise von der Verleumdung aus gegeben, dass ihre Mitglieder bei den Andachten nackt tranzten. (vergl. B. I. S. 562). Nach einer Bemerkung Liprandis (Von der Sekte der Tatarinowa S. 20 Anm.) war er 1817 und 1837 der Regierung noch nicht bekannt, sondern wird erst in einer Denunziation vom Jahre 1848 erwähnt, woraus Melnikow (1872, 3. B. S. 78) geschlossen hat, dass er erst in dieser Zeit gebräuchlich geworden ist. Dubrowin aber behauptet, dass man schon 1821 die Gesellschaft der Tatarinowa „Klubb der Adamisten“ genannt habe (Nov. S. 37).

2) Abgedruckt von P. Usow, Aus meinen Erinnerungen. L. Zum Prozess über die Sekte der Tatarinowa. Hist. Bote 1834 I. S. 577–579. Bereits 1850 hat N. Liprandi ohne Quellenangabe ein ausführliches Referat über sie geboten: Von der Sekte der Tatarinowa, Lesungen in der Moskauer Gesellschaft etc. 1868, 4. B. V. S. 22–24. Noch ausführlicher berichtete daraus Waradinow (Gesch. des Minist. der Innern Angeleg. 8. B. 1869, S. 86 f.), indem er als seine Quelle die Akte № 13 vom Jahre 1817 im Archiv des Dep. der Allgem. Angel. nennt. — Usow gibt das genauere Datum der Denkschrift nicht an, nur das der Antwort des Kaisers: 8. Oktober.

erhalten worden ist¹⁾ . . . Die angegebene Frau Franz wohnt ebenfalls im Michailpalais zusammen mit der Tatarinowa. Man sagt, dass die bei der Tatarinowa in Dienst befindliche und in ihre Sekte aufgenommene Soldatenfrau Warwara Osipowa²⁾ erzählt habe, dass sie bei ihrer Aufnahme in ein Bett gelegt wurde und, sie wisse nicht wodurch, in Bewusstlosigkeit geriet. Als sie aber zur Besinnung gekommen, so sei ihr ein Profet erschienen, der vorhersagte, dass zu ihr ein Schiff mit Geld kommen werde, aber der Frau Franz, welche ebenfalls in Besinnungslosigkeit gebracht worden, habe der erschienene Profet gesagt, dass in Bälde Engel erscheinen und sie aus diesem Leben nehmen würden, und deswegen habe er ihr geraten, zur Erlangung der Errettung wohltätig zu sein. — Die dieser Sekte Anhangenden versammeln sich jeden Sonntag am morgen um sechs Uhr im Michailpalais, im Quartier der Tatarinowa. Im Zimmer, wo sie sich versammeln, ist an der Wand ein grosses Heiligenbild aufgehängt, das Geheime Abendmahl. Wann sie sich versammelt haben, deren Zahl an vierzig Menschen ist, Leute jeglichen Berufes, zum grösseren Teil aber Leute niederen Standes, so setzen sie sich ringsum im Zimmer hin, stehen auf, beten laut „Vater unser“ u. s. f., darauf lesen sie aus dem Evangelium des H. Joann, aber darauf fallen sie auf die Kniee und singen alle gedehnt folgende Verse:

Gib uns den Herrn
 Gib uns Jesum Christum³⁾,
 Gib uns Deinen Sohn.
 Herr, erbarme Dich unsrer, der sündigen.
 Aus Deiner Fülle (polnotü)
 Gib, Schöpfer, Wärme (teplotü).
 Erwähle aus uns den Profeten,
 Um die Kraft zu stärken;
 Richtete mit himmlischem Gerichte,
 Und gestatte dem Feinde nicht, zu stören;
 Sende das lebendige Wort herab
 Allen hier bittenden Herzen;
 Du bist Christos, Du bist unser Heiland!
 Einen anderen Gott haben wir nicht.
 Durch Deine Kraft stärken wir uns.
 Deinen Fussstapfen folgen wir.
 Nimm die Tränen Deiner Geschöpfe an
 Und stelle alle auf den Weg⁴⁾.

1) Er ist der Akte beigelegt (Usow S. 579 f.): siehe über ihn unten. Liprandi bemerkt dazu (S. 22 Anm.), dass die Franz am 20. Sept. des Jahres bereits bei der Tatarinowa lebte.

2) Sie wird eine von den Frauen gewesen sein, die ausser der Wera Nenastjewa von den Skopzen zu der Tatarinowa übergegangen waren (vergl. oben S. 230 und 2. Anm. zur S.).

3) Liprandi und Waradinow bieten statt dessen:

Gib uns, Herr,
 Zu uns Jesum Christum.

Da das eine ältere Form des Liedanfanges ist (vergl. B. I S. 265 Anm.), so wird Usow sie in seiner Abschrift nur in eine grammatisch korrektere Form gebracht haben.

4) Vergl. zu dieser Variation des chlüstisch-skopzischen Introitus B. I. in der Anm. zu S. 265 den 3. Absatz auf S. 266. Dubrowin (Okt. S. 56) bietet eine längere Form, die sich 1837 in einem der der Tatarinowa weggenommenen Hefte befand (vergl. unten). Hier finden sich noch folgende Verse:

Wir wollen hier mit Glauben und Liebe
 Die Herzen darbringen;
 Mit Tränen bitten wir Dich,
 Den barmherzigen Vater:

Während dieses Gebets stellte einer der Anwesenden sich in der Mitte des Zimmers hin und drehte sich in die Runde nach Osten, geht an jeden heran und weissagt, meistens schmeichelhafte Vorhersagungen, worauf alle in (ihre) Häuser auseinandergehen. Es profezeien mehr die Frauen, als die Männer. Sie alle sind von dem Gedanken angesteckt, dass auf diese Profeten und Profetinnen Herabkunft des H. Geistes zu sein pflege. Sie profezeien gedehnt singend, in schnellem Sprechen, ohne jegliche Ordnung in den Reden, sodass es kaum möglich war, irgend etwas zu verstehen. Diese Profeten und Profetinnen versichern, dass wenn sie in solchen Zustände sind, sie ihrer nicht bewusst sind und nicht durch sich, sondern durch den H. Geist reden, und deswegen sie selbst nicht wissen, was und wem sie vorherverkündigten. — Die allerbekanntesten von den Besuchern der Tatarinowa sind folgende Personen: der verabschiedete Hofmusikant Nikita Iwanow Fjodorow; der verabschiedete Major, früher Sekretär der menschenliebenden Gesellschaft Pilezki; der Obristleutnant des Semjónowski-Regimentes der Leibgarde Aleksé Grigorjewitsch Miloradowitsch; der Kapitän des Probraščénski-Regiments der Leibgarde Brigen (Brüggen); drei Brüder Ratschinski, Offiziere des Semjónowski-Regiments der Leibgarde; der Leutnant des Ismailowski-Regiments der Leibgarde Miklaschewski; der Kapitän der Artillerie Buksgewden (Buxhöwden), ein Bruder der Tatarinowa; das Mädchen Nastasja Petrowna Piper . . . — Pilezki, Miloradowitsch und Fjodorow glauben mehr als die übrigen, dass ihr Dienst, Beten und Profezeien durch den h. Geist gewirkt werde. Pilezki und Miloradowitsch fuhren auf drei Monate in das Konewéski-Kloster bei Keksgolm (Kexholm; auf dem Ladogasee). — Frau Tatarinowa lebte, unter dem Vorwande, dass die Zimmer, die von ihr im Michailpalais eingenommen werden, renoviert würden, auf der Petersburger Seite nahe bei dem Hause, wo Miloradowitsch ein Quartier gemietet, aber als er im August wegfuhr, so begab sie sich nach Dörpt zu ihrer Mutter Buksgewden. Pilezki und Fjodorow . . . halten während der Versammlungen nach der Lesung des h. Evangeliums Predigten gemäss dem Sinne der Lesung.“

Diese Darstellung aufgrund polizeilicher Nachforschungen ist zunächst insofern wichtig, als sie zeigt, dass die gottesdienstlichen Versammlungen bei der Tatarinowa ganz nach dem Muster der skopzischen gestaltet waren. Ferner, weil sie das einzige gleichzeitige Dokument ist, welches besagt, dass in der Tat anfangs an den Versammlungen der Tatarinowa Leute niederen Standes teilnahmen. Das werden die Leute gewesen sein, welche nach Kukolnik früher an skopzischen Andachtsversammlungen teilgenommen, die demnach noch 1817 der Tatarinowa treugeblieben waren. Die Abreise der Tatarinowa und einiger hervorragender Glieder ihrer Versammlungen — war zweifelsohne eine Vorsichtsmassregel im Hinblick auf polizeiliche Nachforschungen. Das Einstellen der Versammlungen auf eine kurze Zeit — sie wurden alsbald wieder aufgenommen — bot wohl auch der Tatarinowa eine passende Gelegenheit, die Leute niederen Standes, die von den skopzischen Andachtsversammlungen zu ihr übergegangen, unauffällig von sich abzuschütteln. Sie hat ihnen von der Wiederaufnahme ihrer Andachtsversammlungen wohl nicht Mitteilung gemacht. Des weiteren erscheint der Profet Nikita Fjodorow in ihren Versammlungen

In unsrer Mitte, Tröster,
Zeige Du Dein Wort
Durch Deinen Knecht den Profeten
Vollende uns hier Dein Gericht.

Mit dem „Gericht“ des Profeten ist wohl sein „Schicksalsspruch“ gemeint (vergl. B. I. S. 285).

als die einzige Person niederen Standes, die zugleich allein an ihre früheren Beziehungen zu den Skopzen erinnerte.

Authentische, freilich überaus lakonische Mitteilungen über das ekstatische (und asketische) Treiben bei der Tatarinowa im Jahre 1819 bietet das Tagebuch eines ihrer Anhänger, des Malers W. Borowikowski (Aus dem Gedenkbüchlein des Künstlers W. A. Borowikowski, Das Neunzehnte Jahrhundert I. B. 1872, S. 212—219; nach einer Anm. des Herausgebers der Zeitschrift P. Barténjew aus den Papieren des † Geheimrats Michail Maksimowitsch Popow erhalten¹⁾). Hier heisst es: „Den 18. Mai. Sonntag. Nach dem Mittag sah ich mich im Michail mit allen ungezwungen. Beim Gesang von: „Reich Du, Reich“²⁾, geriet ich in Zerknirschung und die Tränen flossen. Ich fuhr fort, viel zu singen. Und Nikita Jwanowitsch begann im Gewande³⁾, und ich ahmte ihm bald anhaltend nach. Einmal haben wir uns anhaltend so ausgezeichnet! Es sagte Nikita Iwanowitsch viele Gnaden vorher. Ich fühlte mich in ruhigem Zustande. Den 21. Mittwoch. Um 2 Uhr begann es, endete um fünf. Wir assen darauf zu Mittag. Und Ie. Ph. weissagte vielen, auch mir . . . Den 25. Sonntag. Pfingsten. Ich kam in das Michail und traf sie schon längst (im Tanze) fortfahrend an. Ie. Ph. gab mir ein Hemd und ich trieb es eine Stunde . . . Den 27. Dienstag. Ich speiste zu Mittag mit dem Neugetauften Michail Martinowitsch, welcher nach der Taufe in die Bruderschaft aufgenommen worden; wie auch Pate M. S.⁴⁾ war . . . Den 8. (Juni) Sonntag. Nach dem Mittag ging ich zu Mart. S. . . Wir sangen anhaltend den Pachán (? des Herausgeb.). Es profezeite Lukerja, doch konnte sie nicht allen (profetzen); es begann Ie. Ph., aber hielt ebenfalls an. Hernach rief sie mich zu sich und fuhr fort, viele Verheissungen vorauszusagen und dass der Herr mein Leben im Palast gestalten werde. Ich fühlte herzliche Wärme; von allen nahm ich liebevoll Abschied; aber zu Hause trank ich immer (Thee) mit Rum . . . Den 6. (August). Nach dem Mittag sahen wir uns mit Mar. S., und er setzt einem sehr durch seine unliebenswürdige Behandlung zu. Lukerja sagte, ich möchte zu Nikita Iwanowitsch gehen. Dort sah ich auch Ie. Ph.; sie empfing (mich) wie eine Mutter. Nikita Iwanowitsch bewirtete mit Thee; aber die vierte Tasse giesst er sehr voll ein, und das nicht das erste Mal. Ich fühlte, dass er sich so lustig macht, dass ich zu Hause (ihn) mit Brantwein trinke. Darauf begleitete ich Ie. Ph., aber sie vermochte es kaum zu dulden, dass ich sie unter den Arm nahm⁵⁾. Und darauf⁶⁾ hörte ich die Weissagungen D. I.'s und dass ich nicht lange leben werde: es sei Zeit, vors Gericht gestellt zu werden! Ich ging in äusserster Verwirrung weg und gleichsam mir selber fremd, im Zweifel, dass ich Ie. Ph. zuwider sei. Zu Hause trank ich ein Tässchen mit Rum . . . Den 24. (Aug.). Sonntag. Im Michail traf ich sie singend an und wandte mich zum Gebete. Ich fühlte meine Verurteilung⁷⁾ und erwartete eine Erleichterung. Aber ein barmher-

1) Näheres über ihn findet sich in dem Artikel „Wladimir Lukitsch Borowikowski“ von W. Gorklenko, Russ. Archiv 1891, 2. B. S. 257—281. Er ist besonders durch seine Heiligenbilder bekannt, die Kirchen in Petersburg und an anderen Orten schmücken. Doch existieren von ihm auch eine Reihe Porträts von Mitgliedern der kaiserlichen Familie im Winterpalais und in der Eremitage u. a. m.

2) Vergl. B. I. S. 353 ff.

3) scil. zu tanzen; gemeint das Tanzhemd, nach einer Anm. des Herausgebers ein weisser „Balachón“ (sackähnliches Gewand).

4) Nach dem Herausg. Martin Stepanowitsch (Urbanowitsch-Pilezki).

5) Wegen seines Brantweintrinkens.

6) scil. im Quartier der Tatarinowa, in welches er sie aus dem Nikita Fjodorows geleitet.

7) Er hatte sich am 9. betrunken.

ziges Wort mahnte, dass ich bei der Radenije über meine Sünden zerknirscht sein möge, was ich nicht anders aufnahm als eine Mahnung an meinen Fall. Ich trieb es (den Tanz) eifrig und leicht. Ich speiste zu Mittag und Ie. Ph. bewies mir genug mütterliche Liebe. Den 31. Sonntag. Nach dem frühen Mittagsgottesdienst eilte ich und traf sie in voller Versammlung singend an, auch mir ward ein gnädiges Wort zuteil und irgend eine Birkhenne beunruhigt mich, dass ich nicht eine einzige Seele in die Bruderschaft einführe. Ich trieb es ungefähr drei Stunden lang ohne Ermüdung . . . Den 9. (Sept). Ich kam in den Neuen Sobor¹⁾, der Gesang hatte schon begonnen . . . Man fuhr fort zu singen. Nik. Iw. brachte Wasser, nahm in die Hände ein Kreuz: man sang: „Rette, Herr, im Jordan werde ich getauft“, aber zuvor betete er im Geiste und man küsste das Kreuz. Darauf erging er sich im Worte und ich ward Birkhahn²⁾ genannt und „ich werde dir eine Hütte geben“ . . .

Eine ausführliche Schilderung auch der Andachtsversammlungen bei der Tatarinowa bietet wiederum Kukolnik, freilich in apologetischer Tendenz, gegenüber der äusserste Feindseligkeit atmenden Darstellung ihres Zeitgenossen, des Archimandriten des Jurjewski-Klosters Photi³⁾.

1) Name des Versammlungssaales bei der Tatarinowa. Doch wurde gemäss dem Doppelsinn des Worts (einerseits Bezeichnung einer Kathedrale, andererseits = Versammlung) auch die Schar ihrer Anhänger so genannt. Nach B.s Notizen aus den vorhergehenden Tagen hatte er ein Bild angefertigt, das diesen Namen führte und auf dem die Mitglieder porträtähnlich dargestellt waren. Für den Versammlungssaal war er beauftragt, eine Taube zu malen.

2) Dass Borowikowski diesen Namen bei der Wiedertaufe im Kreise der Tatarinowa erhalten, erwähnt (nach Dubrowin a. a. O. Febr. S. 234 und 2. Anm.) auch sein Enkel D. Schapowalénko in seinem „Alleruntertänigsten Brief“ vom 21. Februar des Jahres 1826. Die „Birkhenne“ oben beweist, dass jedes Glied des Kreises bei dem Aufnahmeitus, der hiernach im Unterschiede von dem skopzischen in einer förmlichen Taufe bestand, einen Geheimnamen erhielt.

3) Abgedruckt von Melnikow „Aus den Denkwürdigkeiten des Jurjewschen Archimandriten Photi über die Skopzen, Chlüssen und andere geheime Gesellschaften in Petersburg im Jahre 1819“, Russ. Archiv 1873, S. 1410 f., 1443; nochmals in der (anonymen) Artikelserie „Die Autobiografie des Jurjewschen Archimandriten Photi“ im „Russischen Altertum“ (1894 Sept. S. 225 ff.). Nach einer Anm. Melnikows (zu S. 1434) hat Photi seine Biografie einige Jahre vor seinem Tode (1838), 1834 oder 1835 diktirt. Hier heisst es: „Der Feind, der Teufel was tut er nicht alles in manchen Tagen! Der Minister der Geistlichen Angelegenheiten, Fürst A. N. Golizin, war in allem ein Gönner der Tatarinowa. Ihr ward ein Aufenthaltsort im Michailpalais inmitten der Residenz gegeben: zu ihr versammelten sich geistliche und weltliche (Leute): durch ihre Ehrenstellung zog sie zu sich sogar Einsiedeleienmönche; in ihrer nahe der Hofeskirche und sogar fast über dem kirchlichen Orte, oder nahe bei demselben gelegenen Wohnung war der Heilige Geist gemalt, damit man sehe, dass Herabkunft des Heiligen Geistes über sie zu sein pflüge. In den Nächten und am Tage versammelten sich bei ihr Mädchen und andere und setzten wie ihre gewissermassen geheiligte Handlung die Gewohnheit des Sicherumdrehens ins Werk, drehten sich, fielen darauf aus Unvernunft auf die Erde, ein Dämon aber ging in sie ein, brachte Worte, Voraussagen hervor, und deswegen nannte sich diese Sekte die der „Profeten und Profetinnen“, aber die Tatarinowa war das Haupt aller. Gesungen wurden verschiedene lächerliche Lieder, ohne Sinn verfasste Verse, wo Geistliches mit Fleischlichem gemischt und mehr Fleischliches, Unzüchtiges vorhanden war, als sonstige überaus lächerliche Zusammenstellung und Ansicht. Vater Photi besass viele solcher sinnloser und abscheulicher Lieder — aus einfachen Liedern und weltlichen und unzüchtigen Gesängen sind sie alle genommen, und nur einiges Wenige war der Sekte angepasst. Photi hat sie alle deswegen vernichtet, weil es schämenswert ist, sie zu lesen und zu besitzen; so offensichtlich un-

Er sagt (S. 597 ff.): „Die Versammlungen fanden nicht in den Nächten statt, wie Vater Photi versichert, sondern zu jeder Zeit, wann wer die Möglichkeit hatte, die K. Ph. zu besuchen, da sie zu jeder Zeit bereit war, ihren Besuchern geistliche Hilfe mitzuteilen. In diesen gingen erbauliche Unterhaltungen vor sich, wurden seelsorgerische Bücher gelesen, und oft kam es dazu, dass die Glieder mit aller Aufrichtigkeit einander Rechenschaft über alle ihre Angelegenheiten, Bestrebungen und sogar Gedanken gaben. . . . Leider vereinigte sich damit noch ein Umstand, welcher, obgleich er im Wesen nichts Tadelnswertes hatte, dennoch der Welt Anlass zu Anstoss und Gerede gab. Diejenigen Personen, welche die Gesellschaft des Lügenerlösers verlassen und sich Kat. Phil. angeschlossen hatten, begannen sich nach der Radenije zu sehnen und begannen sie inständig zu bitten, ihnen zu erlauben, zuweilen die Radenije auszuüben. Lange widersetzte sie sich ihrem Wunsche; aber schliesslich gab sie infolge ihrer unablässigen Bitten, darin nichts Tadelnswertes sehend, dazu ihre Zustimmung. In kurzer Zeit setzte sich die Radenije in ihrer Gesellschaft so fest, dass viele von den neuen Besuchern, welche sie früher niemals gesehen hatten, daran eifrigen Anteil nahmen, und sie hat bis zum Ende des Existierens der Gesellschaft nicht mehr aufgehört“ . . . (Nach Zitierung der oben in der Anm. wiedergegebenen Worte Photis über die Lieder S. 601 f.): „Ausser dass alle diese Lieder oft von mir gehört worden sind, befanden sie sich (auch) lange Zeit in meinen Händen. Der grösste Teil von ihnen waren von einem ungebildeten Menschen, Nikita Iw. Fjodorow verfasst, der keinen Begriff von den Regeln der Verskunst hatte. Er verfasste sie mehr nach der Eingebung des Herzens, als des Verstandes, indem er sich nur an die von ihm gewählte Melodie hielt. Aber nirgends war eine Spur von irgend etwas Fleischlichem noch weniger Unzüchtigem . . .

„Segne unser Herrscher.“

„Es freuen sich die Himmel.“

„Für uns ist es betrüblich, mit der grimmen Welt zu leben.“

„Erneuere dich, erneuere dich, neue Stadt Jerusalem!“

„(Gegenstand des) Vertrauen (s), Vater“

Ich verbürge mich mit meinem Gewissen, dass wie in den angeführten Anfangsversen, genau so auch in den ganzen Liedern der allerstrengste Gegner des Verfassers keine Spur davon finden würde, wessen ihn V. Photi bezichtigt. Ausser diesen Liedern, welche wegen ihrer Einfachheit sehr den Personen niederen Standes gefelen, die sich in nicht geringer Anzahl in der Gesellschaft befanden, wurden oft nach den Regeln der Verskunst zusammengesetzte gedruckte Verse („Wie herrlich ist unser Herr in Zion“, das Lied von der Liebe aus dem H. Pawel von Wüscheslázzew) und von den Gliedern der Gesellschaft verfasste gesungen: „auf die Geburt Christi“, Hymnen auf „das Kreuz“ und die „schmerzensreiche Mutter“ etc.

Zumal da Kukolnik selber zugesteht, die Tatarinowa habe in der Radenije nichts Anstössiges gesehen, wird man bezweifeln müssen,

züchtig und von äusserster Unvernunft angefüllt sind sie; ihm hatte sie ein einfacher Mönch Kosma eingehändigt, welchen der Verführer Pilezki und Dubowizki“ (? vergl. B. I. S. 153 Anm.) „dem Konewézschen Kloster abspenstig gemacht und in die Sekte eingeführt hatten; dieser Kosma Semjónow war einige Jahre in der Sekte, kehrte aber darauf zurück, nachdem er die Verirrung verflucht, und unterschrieb eigenhändig eine Lossagung von der Sekte, und händigte hierbei ein Buch mit ungehörigen und unzüchtigen teuflischen Liedern und Abfassungen dieser ungebildeten Sekte ein . . . Wandernde Einsiedler und Büsser . . . offenbarten ihm ebenfalls verschiedene ihnen bekannte Umstände, von denen ein Gewisser ihm alles über die Sekte und ihre Handlungen unter der Gewalt der Tatarinowa im Michailpalais offenbarte, wo er, Vater Photi, nächtlicher Zeit war, selbst mit seinen Augen das Sichbesengebärden, das Sichdrehen sah, das Lügengerede und das dämonische Vorhersagen“ . . . (nach Anmerkung des Herausgebers [Russ. Altert. S. 229] von einem durch Bestechung der Dienstboten erlangten Verstecke aus.)

dass sie wirklich nur infolge des Drängens der früheren Mitglieder der skopzischen Andachtsversammlungen mit Widerstreben die Radenija in ihren Versammlungen zugelassen. Ich behaupte nicht, dass Kukolnik hier bewusstsmassen die Unwahrheit gesagt. Sondern als er mehr als fünfzig Jahre nach dem Entstehen des Kreises der Tatarinowa seine Verteidigung gegenüber den schweren Verleumdungen (siehe bes. unten) Photis schrieb, muss sich ihm beim Rückblick auf all' die Verdächtigungen und Verfolgungen, denen sie und ihr Kreis ausgesetzt gewesen, das Urteil geradezu aufgedrängt haben, dass der Hauptanstoß gerade die Radenija gewesen sind. Eine Verteidigung der Tatarinowa schien nur dann zum Ziele zu führen, wenn die Verantwortung für dieselben von ihr abgewälzt wurde. Nun wusste Kukolnik nicht nur, dass die Tatarinowa sie nicht selbst erfunden, vielmehr von den Skopzen entlehnt habe, sondern auch, dass in ihrem Kreise nicht sie selbst, sondern Wera Sidorowna und Nikita Fjodorow ihre eigentlichen Leiter waren, wie letzterer auch die dazu gehörenden Lieder beschaffte¹⁾. Kukolnik wird nicht unter denen genannt, die

1) Die oben zitierten Liederanfänge sind solche von bekannten Chlütstern. Man wird annehmen dürfen, dass Nikita sie zum grössten Teil einfach von den Skopzen entlehnt hat, was nicht ausschliesst, dass er als Profet gelegentlich auch Lieder improvisierte oder vorhandene variierte. — Die zwei Lieder, die Dubrowin (Okt. S. 55) mittelt, machen einen durchaus chlütstischen Eindruck. In dem einen heisst es u. a. (vergl. B. I. S. 297 und 275 f.):

„Unser Heiland, unser Heiland
Schreibt uns durch die Apostel:
„Versammelt euch, versammelt euch
Auf die geistliche Unterhaltung;
Den Geist Gottes, den Geist Gottes
Löschet nicht in den Herzen aus“ . . .
Die Seraphime, die Seraphime
Helfen Gott zu preisen.
Die Cherubime, die Cherubime
Bringen uns (prinósjat) Manna vom Himmel,
Zusammen mit uns, zusammen mit uns.
Bitten sie (prosjat) den Erlöser hierher.

In dem andern (vergl. B. I. S. 271):

Segne Du, unser Heiland (Spasitel),
Herrscher, Väterchen, Erzeuger (roditel)
Mit der ganzen Versammlung zu tanzen (poradétj)
Mit der Seele in den Himmel zu fliegen.
Wir werden die Glocke läuten (šwonítj),
Den Paradiesesvogel (herbei-) locken (manítj).

Fuks (Aus der Geschichte des Mystizismus, Russ. Bote 1892 I. S. 15 und Dubrowin S. 53 f.) teilen noch das Zeugnis Golowins über Nikita mit, dass er keinerlei Bildung erhalten und nichts habe aufschreiben können, da er kaum das Alphabet kannte, mit grosser Mühe die Buchstaben schrieb. — Aber Nikita wird den gebildeten Gliedern des Kreises Lieder diktirt haben. Nach Dubrowin (S. 51, Anm. 53) wurden bei seiner Aufhebung einige Heftchen genommen, in denen mehr als 90 Lieder geschrieben standen. Er hat selber unter den Gedichten des Kreises auch dasjenige über den Profeten gefunden, welches, wie Barsow, Melnikow u. a. behaupten, von Dubowizki herrühren soll (vergl. B. I. S. 153 Anm. Dubrowin bietet es S. 56 f. mit Varianten). Es wird wohl in dem Kreise der Tatarinowa entstanden sein, da es ganz ihre ekstatische Lehre enthält. Dubrowin meint, dass der Anfang von den Freimaurern,

sich von vornherein der Tatarinowa anschlossen; er sagt ja auch selbst, dass er nur vier Jahre ihrem Kreise angehört und dann bis zu ihrem Tode (1856) mit ihr in brieflicher Beziehung gestanden habe (vergl. oben S. 225, 3. Anm.). Da er nun ferner angibt (siehe unten), dass sie ihm 1819 eine Vorhersagung habe zuteil werden lassen, und 1825 als das Jahr, da er für immer Petersburg verliess, so hat er 1819 bis 1822 oder 1822 bis 1825 ihrem Kreise angehört (wahrscheinlich das erstere, da gerade im Jahre 1822 die Versammlungen im Michaelpalais aufhörten). In dieser Zeit konnten bereits die früheren Beziehungen der Tatarinowa zur Skopzensekte in nicht mehr ganz deutlicher Erinnerung sein, ebenso wie es zu den Radenija in ihrem Kreise gekommen. Kukolnik wird sich nur nach gelegentlichen Angaben der Tatarinowa selber und ihrer Anhänger die Sache so zurechtgelegt haben. Dass aber in Wirklichkeit sie selber die Radenija in ihrem Kreise eingeführt und sich der Wera Nenastjewa und des Nikita Fjodorow dazu nur als Werkzeuge bedient hat, da diese aus ihrer skopzischen Vergangenheit mit der Ausübung dieses Kultus genau vertraut waren, scheint mir daraus hervorzugehen, dass sie im übrigen ganz die skopzischen Ansichten über die Begeisterung gehabt hat. Darüber besitzen wir ausreichende Kunde, was des weitern nachgewiesen werden soll. Dafür spricht ja auch, dass die Tatarinowa zu allen Zeiten — wie Kukolnik selbst zugibt — an den Radenija festgehalten hat: trotz aller Verfolgung, die sie und ihren Kreis gerade um derentwillen betroffen hat. Dafür besitzen wir auch gleichzeitige Zeugnisse.

Als 1837 die Datschen (Villen) der Tatarinowa und ihrer Hauptanhänger bei dem Moskauer Schlagbaum (ausserhalb des Weichbildes St. Petersburgs) von den Spitzen der weltlichen und geistlichen Obrigkeit einer genauen Untersuchung und ihre Bewohner einem eingehenden Verhör unterzogen wurden, sagten nach Liprandi (Von der Sekte der Tatarinowa S. 27 f.) die Töchter des Geheimrats Popow, der eine der Datschen inne hatte, aus: „Die Versammelten kleideten sich gewöhnlich in weisse Kleidung, die Frauen in ein Kleid von gewöhnlichem Schnitt, die Männer in weisse Schlafröcke. Dann fing man verschiedene geistliche Lieder zu singen an; einer oder eine von den zu dem Bunde Gehörenden begann sich zu drehen, und eine solche Bewegung wurde bis zu der Zeit fortgesetzt, bis er in sich „Begeisterung“ fühlte, zuweilen wurde diese Bewegung von allen auf einmal ausgeführt.“ — Dass aber die Tatarinowa selber auf diesen Kult das grösste Gewicht legte, geht aus folgender weiterer Angabe hervor: „Die mittlere Tochter, Ljubow, zeigte fortgesetzt Widerwillen gegen diese Riten und zog dadurch den Zorn ihres Vaters, aber besonders den der Tatarinowa auf sich, welche unter Berufung auf ihre Begeisterung dem Popow befahl, seine Tochter körperlich zu bestrafen. Popow schlug sie im Laufe mehr als eines Jahres zweimal, zuweilen dreimal die Woche mit Stöcken, zuweilen bis aufs Blut, erlaubte ihr nicht, Verkehr mit den Schwestern zu haben,

das Ende von den Skopzen entlehnt sei (er habe viele Varianten dieses Liedes in seinen Händen gehabt). Auch andere Lieder seien von den Freimaurern entlehnt, manche aus fremden Sprachen übersetzt worden (S. 51). — Das (von Dubrowin S. 52 f. abgedruckte) Lied an die Gottesmutter könnte auch in einem rechtläubigen Gesangbuch stehen.

hielt sie in strenger Einsamkeit, schloss sie für die Nacht in eine Handkammer ein und nahm den Schlüssel an sich“ (siehe darüber nach unten).

Während der sich an diese Haussuchung anschliessenden gerichtlichen Untersuchung gab einer der eifrigsten Anhänger der Tatarinowa, der Staatsrat Martın Urbanowitsch-Pilezki an (nach seiner „Denkschrift“ beim Alleruntertänigsten Brief vom 6. Okt. 1837, befindlich im Archiv der Kanzlei des Oberprokureurs des h. Sinod unter № 54, bei Dubrowin S. 58): „Die Radenije eines Menschen war ähnlich einem Walzer, aber wenn viele die Radenije vollführten, so bildeten sie einen allgemeinen Kreis, welcher sich unter dem Takt des allgemeinen Singens bewegte, -- ruhig oder sehr schnell, je nach der Wirkung des H. Geistes“. — (S. 63:) „Die sogenannte Radenije benutzte auch ich in den Versammlungen, die bei der Tatarinowa waren.“

Scheint auch die Tatarinowa nicht selber die leitende Rolle bei der Radenije gespielt zu haben, so prätendierte und besass sie doch die Leitung ihres Kreises aufgrund ihrer profetischen Begabung und deren Betätigung, die z. T. im Anschluss an die Radenije ausgeübt zu werden pflegte. Ja ihr überaus starker persönlicher Einfluss auf die Glieder ihres Kreises spielte sich in dieser ekstatischen Form ab.

Diese profetische Begabung soll die Tatarinowa (Ju. Tolstoi S. 222 „nach ihrer (eigenen) Versicherung;“ Dubrowin Nov. S. 4 „nach den Worten ihrer Anhänger“) erstmalig bei ihrem Übertritt von der lutherischen zu der griechisch-orthodoxen Kirche am 8. Nov. 1817 gespürt haben, der ihr zweifelsohne erst den vollen Einfluss auf ihre Anhänger verschaffte, die fast alle zu letzterer gehörten¹⁾.

1) Dass aber die Erlangung dieses Einflusses der eigentliche Beweggrund ihres Übertrittes gewesen, diese Behauptung Photis gehört zweifelsohne zu seinen Verleumdungen (Russ. Archiv 1873, S. 1449, Russ. Altertum 1894, Okt. S. 190 f.): „Der Priester Malow aber salbte sie mit Myro zu wieder allen Verboten des Mitropoliten Michail und vereinigte sie mit der rechtgläubigen Kirche, damit sie bequemer in ihrem Netze die Rechtgläubigen fangen könne. Das Weiblein hatte zu dem lügenchristlichen Übelglauben, dem lutherischen Raskol gehört.“ — Diese Verleumdung hat Melnikow wiederholt (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 177), indem er nur Photi dahin missverstanden hat, als ob Michail deswegen solches verboten habe, weil er diese Absicht befürchtet. Photi schreibt diese Absicht nicht nur der Tatarinowa, sondern auch dem Priester Malow zu. In der Tat sagt der Herausgeber der „Autobiografie“ Photis (in Anm. 4 zu S. 190), dass Malow selbst an den Radenija der Tatarinowa teilgenommen und der Beichtvater ihres Kreises gewesen sei, was auch sonst berichtet wird. Aber die Tatarinowa, die ja im Smolna-Institute eine ganz russische Erziehung erhalten, ist zweifelsohne aus Überzeugung zur Orthodoxie übergetreten (über ihre Überzeugungstreue siehe unten). — Ju. Tolstoi (S. 222) und Dubrowin (Nov. S. 4) behaupten, dass sie im Michaelpalais zur Orthodoxie übergetreten sei, wofür ersterer sich darauf beruft, dass der 8. Nov. der Tag des Erzengels Michael sei, welchem die Kirche des Michaelpalais geweiht sei und der auch als Schutzpatron der Profeten gelte. Philaret hingegen sagt („Aus den Erinnerungen des Metropoliten Philaret“. Erzählungen des Mitr. Ph., aufgezeichnet von A. W. Górski, Russ. Arch. 1888, S. 585), dass ihre Vereinigung mit der rechtgläubigen Kirche — eine auffällige Sache — in der Kirche des Metropoliten vollzogen wurde“. Auf diesen Ort, nicht auf die Aufnahme in die Orthodoxie überhaupt, werden sich die Verbote des Mitropoliten Michail bezogen haben. Durch vornehme Freunde wird die Tatarinowa in dieser Hinsicht ihren Willen gegenüber dem Metropoliten durchgesetzt haben.

Die älteste bisher bekannt gewordene datierte Nachricht über die profetische Wirksamkeit der Tatarinowa findet sich in dem „Tagebuch“ des Mystikers K. Lochwizki, aus welchem Dubrowin (Nov. S. 30 mit Berufung auf den Jahrgang 1863 der „Arbeiten der Kijewer geistlichen Akademie“ von 1863 3. T. S. 175, der mir nicht zugänglich war) mitteilt, dass, als er am 19. Nov. 1818 die Tatarinowa besuchte, sie ihm „profezeite, dass Gott der Herr unser Erlöser in sein Herz das wahre und heilige Wort gelegt habe“).

Dass die Tatarinowa profezeite, erwähnt auch Borowikowski in seinem Tagebuch über das Jahr 1819 oft genug (in den oben S. 234 f. gebotenen Zitaten und sonst). Aus demselben Jahre teilt Kukulnik (a. a. O. S. 603 f.) folgende ihm von ihr zuteil gewordene Vorhersagung mit: „... sie sagte sogar mir selbst meine Heirat voraus und gab die Persönlichkeit an, der es bestimmt war, meine Lebensgefährtin zu werden. Es schien, dass keine Möglichkeit war, dass sich diese Vorhersagung bewahrte: meine Frau war damals 14 Jahre alt und nach einem Jahre nach der Vorhersagung fuhr sie zu ihrem Vater ins Wilnaer Gouvernement, und hatte durchaus nicht die Absicht, nach Petersburg zurückzukehren. Sechs Jahre nachher ward ich infolge von Umständen, die durchaus von mir unabhängig waren, und sogar gegen meinen Wunsch im Jahre 1825 unerwartet in eine Stellung nach Wilna übergeführt und in demselben Jahre erfüllte sich die Vorhersagung“.

Dass die Tatarinowa nicht nur selber profezeite, sondern Profeten für ihren Kreis (neben dem Hauptprofeten Nikita Fjodorow) bestellte, geht aus folgendem 1824 konfiszierten (undatierten) Brief des im selben Jahre verhafteten Kapitäns des Leibgarde-Jägerregiments L. M. Gágin hervor (folgendes Bruchstück bei Dubrowin Nov. S. 8): „Mein Kleinchen! Du schreibst mir gestern, ich möchte irgend ein Amt, welches es auch sei, auf dich legen, damit du nicht umsonst das Brod essest. Mein Täubchen! sei du unser Profet — da hast du eine Arbeit, mich und unsere Gläubigen zu trösten. Ich eile, dich im Geiste zu umarmen“).

Darauf antwortete Gágin (ebenda): „Mein Freund, mein Engel! Herz meines Herzens! Wofür ist es dem Herrn gefällig, mich so zu belohnen — gewiss, um ihn morgen aufzunehmen! O! Herr mein Heiland, Jisus Christos, nimm alles und erlaube, bei deinen Füßen zu weilen. Freund meines Herzens! schreibe mein Engel-Erklärer, was das bedeutet? — mein ganzes Herz brennt und ergiesst sich vor Freude. Ach! möchte doch aus unsern Herzen Jesu Christi Herz werden“.

Im Jahre 1824 gab auch der Stabsarzt des Leibgarde-Jägerregiments F. Kosówitsch über den starken religiösen (ekstatischen) Einfluss, den die Tatarinowa auf ihn ausgeübt, folgendes an (bei Dubrowin Nov. S. 31): „Im vergangenen Jahre 1823 am 3. April ward ich zum ersten Mal von Jekaterina Philippowna empfangen und zu derselben Zeit spürte ich in meinem Herzen ein lebendiges Gefühl, welches ich bis zu jener

1) „Am 21. November — schreibt Lochwizki weiter — am Tage des Gedächtnisses der Einführung der Allerreinsten Jungfrau Marija in den Tempel, als man sich in einmütiger brüderlicher Liebe versammelt hatte, profezeite der Profet Nikita (Fjodorow) von mir, dass mir der Herr der dreieinige Gott die Kraft der Liebe des Jlija geben werde, und ich mich zur Sonne der Wahrheit emporschwingen würde wie ein Adler und dass Der, der ist, seinen Geist in meine Feder legen werde.“

2) Ausser Gágin bezeichnet Dubrowin noch ihren Schwager W. Tatarinow als von ihr bestellte Profeten.

Zeit nicht verspürt und nicht geahnt hatte. Dieses lebendige herzliche Gefühl strengte sich an, sie Mutter zu nennen; aber die Vernunft hielt drei Tage zurück, während welcher ich sie durchaus nicht (so) nannte. Am dritten Tage sprach dasselbe lebendige herzliche Gefühl den Namen Mutter aus, welcher sehr angenehm für mein Herz war, das seit jener Zeit nicht imstande war, sie anders zu nennen. Gegen meinen Willen spricht der Geist aus meinem Herzen. Er bezeugt auch, dass die ganze heilige Schrift vom Geiste Gottes ist. Früher las ich die heilige Schrift wie toten Buchstaben, jetzt aber spüre ich vernehmlich und stark, dass sie mein Herz belebt. Ich fühle, dass durch denselben Geist die Leidenschaft meines Herzens zum Irdischen sich von Tag zu Tag verringert, die Liebe zum Herrn aber wächst. Durch Jekaterina Philippowna lernte ich, mit dem Herzen den Herrn zu ehren und zu lieben, die obrigkeitlichen Gewalten, die Nächsten und die Gesetze. Und diese Liebe in mir ist nicht mein — ich sehe die väterliche Vorsehung über mir; ihn nenne ich in ihr Mutter. Der Herr gab ihr Macht über mich: meine Schwachheiten trägt, nährt und mein Herz macht lebendig — in Wahrheit meine von Gott geschenkte Mutter.“

F. Kosowitsch war bei der Tatarinowa durch Gagin eingeführt worden, nachdem er von schwerer Krankheit genesen war, in welcher er Gott um einen Leiter auf dem geistlichen Wege gebeten (S. 32): „Der Herr erhörte mich und führte mich nach der Genesung durch den Kapitän Gagin zu Jekaterina Philippowna. Vom ersten Tage an konnte ich nicht mehr dem Zuge des Herzens widerstehen, und bat, sie möchte mich nicht verstoßen. Ich fühle, dass ich in das Vaterhaus gekommen bin wie ein Kind zur Mutter. Als einzige Gnade erbitte ich vom Herrn: er möge mich ja nicht jemals von ihr trennen, sondern in Christo auf ewig vereinigen.“¹⁾

Gagin und Kosowitsch haben 1823 auch den das Leibgarde-Jägerregiment kommandierenden General Je. A. Golowin für die Tatarinowa und ihren Kreis gewonnen, über dessen Beeinflussung durch sie wir am ausführlichsten orientiert sind.²⁾ Als Kosowitsch im Sommer an der Andacht bei der Tatarinowa teilnahm, wandte sich an ihn der Profet (Nikitä) mit den Worten: „Du wirst einen Magnaten zu Gott führen“. — „Wer ist es, nach deiner Annahme“? fragte die Tatarinowa. — „Ich denke, es ist der General Golowin“ — antwortete Kosowitsch. „Nimm dich seiner an“, bemerkte die Tatarinowa (Joannow S. 2342, Dubrowin S. 40.)

1) Graf Araktschéjew, der die Briefe und Aufzeichnungen der Tatarinowa an verschiedene Personen, welche im Besitze Kosowitsch gewesen waren, durchsah, gab in seinem alleruntertänigsten Bericht vom 25. Febr. 1824 als seinen Hauptindruck an (bei Dubrowin Febr. S. 235 f.): „Aus allen Briefen ist überhaupt folgendes ersichtlich: Katerina Philippowna, die Mütterchen genannt wird, erklärt den Brüdern die christliche Lehre nach ihren Begriffen und unterschreibt sich: Katerina, Schwester in Christo.“

2) Durch seine „Denkschrift über die Bekanntschaft mit der Tatarinowa“ („und der darauf folgenden Verbindung mit ihr“: so Fuks) Joannow (Ergänzende Nachrichten von der Tatarinowa etc., Russ. Archiv 1872, S. 2334 ff.), Fuks (Zur Geschichte des Mystizismus. Die Tatarinowa und Golowin, Russ. Bote 1892 I. S. 3 ff.) und Dubrowin teilen daraus Zitate mit. Letzterer nach einer im Archiv der Kanzlei des Oberprokureurs des Sinods in der Akte № 54 befindlichen Handschrift (Sept. S. 49, 2. Anm.). Dubrowin behauptet (ebenda), dass Fuks eine „andere, gegenüber der ursprünglichen Redaktion ein wenig veränderte Denkschrift“ benutzt habe, die Golowin später auf Verlangen des Fürsten Warschawski niedergeschrieben habe. Fuks hatte noch angenommen, dass das für den Fürsten Golizün geschehen sei. Sie habe nur die Aufschrift getragen: „Der diese eigenhändige Darlegung Vorstellende erküht sich, sie dem Wohlwollen Seiner Durchlaucht anzuvertrauen, als sein grösstes Geheimnis.“ Die Unterschiede in den Zitaten beziehen sich fast ausschliesslich auf den Ausdruck.

Nachdem Golowin wiederholt die Tatarinowa besucht, wandte sie am Weihnachtsfeste ganz unerwartet ihr profetisches Wort an ihn und setzte solches ungefähr eine Stunde fort (Fuks S. 7, 14 f., Dubrowin S. 40). „Mir ward viel Tröstliches gesagt und ich zerfloss in herzlicher Rührung in Tränen. Ich hörte es, wie dieses hernach immer zu sein pflegte, auf den Knien liegend und zuweilen sogar aufs Angesicht fallend. Mir ward Begnadigung verkündigt, Erlass der Sünden und ewiges Leben, mit solcher Gewalt, welche keinerlei Zweifel Raum liess. Die Ausdrucksweise ist derjenigen sehr ähnlich, welche wir in den profetischen Büchern des Alten Testaments sehen, z. B.: „Ich der Herr der Allerhalter spreche oder tue das und das.“ Der Stil der Rede ist zuweilen gewöhnlich, zuweilen hoch und wohlberedt, aber zum grössten Teil allegorisch und für die Vernunft unverständlich, was übrigens seine Wirkung aufs Herz mit grosser, unerklärlicher Kraft nicht hindert. Ich hörte das profetische Wort jedesmal, wann ich bei der Frau Tatarinowa war, und immer mit gleicher Gier!“.

Von der Krankheit, an der Golowin in dieser Zeit litt, hätte er trotz der Bemühungen der Ärzte (Fuks S. 8, Dubrowin S. 40), „kaum ganz genesen können, wenn nicht eine gewisse wunderhafte Einwirkung zu Hilfe gekommen wäre durch Vermittlung meiner neuen Bekanntschaft mit der Frau Tatarinowa“. Sie riet Anfang 1824 infolge innerer Eingebung die vom Arzte verschriebenen Arzneien zu verdoppeln, die so stark waren, dass kein Arzt sich dazu entschlossen hätte. Um dieselbe Zeit kam ihm der Gedanke, dass es gut wäre, ein Bild der Kreuzigung zu besitzen, das von Borowikowski gemalt wäre; und sein Wunsch wurde, ohne dass er ihn irgendjemand verlautbart hätte, erfüllt: das Heiligenbild wurde gemalt und die Tatarinowa segnete ihn damit in Gegenwart der andern (S. 9, S. 41:) „Ich nahm die Ikon auf den Knien liegend an, während zwei sie hielten und mir auf den Kopf stellten. Als ich hierauf von Frau Tatarinowa mich verabschiedete und aus der Stube ging, um nach Hause zu fahren, sagte sie, dass mir eine grosse Kraft folge. „Eine gewaltige Kraft ist von mir genommen und auf Sie entladen, aber ich weiss jetzt (noch) nicht, was das bedeutet.“ (Dieser Satz auch bei Joannow S. 2344). Golowin verstand diese Worte nicht, aber nach einigen Tagen trat bei ihm ein ungewöhnliches Aufgelegtsein zum Gebete auf, während welchem er vor dem Bilde der Kreuzigung stand, zuerst zu zwei, dann zu drei und sogar zu fünf Stunden hintereinander. Als er einst während des Gebetes auf den Knien lag, fühlte er, dass irgendeine Kraft ihn veranlasse, sich bis zur Erde zu beugen, und er begann, zuerst auf den Knien liegend solche Verbeugungen zu machen, was ziemlich leicht ist, aber darauf aufrecht stehend, was sehr schwer ist. Zuerst machte er einige zehn solcher Verbeugungen, dann schritt er zu hunderten und tausenden fort, ja einmal machte er ihrer während nur fünf Stunden an fünftausend²⁾, wozu man eine fast übernatürliche Stärke ha-

1) Wenn Dubrowin behauptet (S. 12), dass die Tatarinowa verhältnismässig selten und fast niemals in den grossen Versammlungen profezeite, sondern in dem begrenzten Kreise ihrer Allertreusten oder unter vier Augen, so wird solches durch dies Zeugnis Golowins widerlegt: auf das Tagebuch Borowikowkis beruft sich Dubrowin hierbei nur für den Satz, dass sie auch mitten am Tage und auch während des Mittagessens profezeite (vergl. oben S. 234 f.).

2) Indem er dabei jede Stunde die Wäsche wechselte (Joannow a. a. O. S. 2344).

ben müsste. — Dabei verdreifachte er gemäss dem Rate der inneren Stimme der Tatarinowa die Dosen an Brech- und Abführungsmitteln. Wenn sie diese Eingebungen von oben mitteilte, war sie selber wegen ihrer Gefährlichkeit erschreckt. Als Golowin in der Tat davon sehr schwach wurde, schrieb sie an seinen Arzt Kosowitsch (bei Dubrowin): „Mein Freund! Ich habe es auch so gemutmasst, dass er von dem Brechmittel schwach werden würde. Sei so gut, lass Ziegenmilch besorgen und gib sie ihm unter Gebet zu trinken . . . Sage ihm als von mir (S. 42:), dass er aus Liebe zu mir trinken soll, dass Gott mir befohlen habe. Ich drücke Euch beide an mein Herz . . . Verlass dich auf den Herrn, mein Freund, diese Krankheit ist für ihn Wiedergeburt.“

Über die Wirkung der Heilmethode der Tatarinowa schreibt Golowin selbst (Fuks S. 9 f., Dubrowin S. 41 f.): „Die starke Erschütterung des ganzen Körpers, bewirkt durch die fussfälligen Verbeugungen, von welchen der Schweiss von mir in Strömen floss, dies tägliche Einnehmen des Abführungsmittels, das strenge Fasten, das ich infolge eigenen Antriebes mir auferlegte, indem ich keinerlei Speise annahm, ausser einer Tasse des allerdünnsten Tees und einem kleinen Stückchen Weissbrod täglich, und endlich das häufige Zuaderlassen der Hand gemäss der innern Stimme der Tatarinowa — alles dieses zusammen erneuerte gleichsam meine körperliche Natur . . . Bemerkenswert ist, dass in dem Masse, als ich abnahm, und man kann sagen, zu Haut und Knochen wurde — meine Körperkräfte nicht nur nicht sanken, sondern spürbar wuchsen, und während alle, die mich sahen, auch der jetzt regierende Kaiser¹⁾, der mich damals besuchte, annahmen, dass ich schwindsüchtig sei, wurde mir die Kräftigkeit der ersten Jugend zuteil. Der mich behandelnde Doktor Grube geriet nicht selten in Verwunderung, wenn er an mir so wunderbare Wirkungen sah und sie seinen Arzeneien zuschrieb; denn alles andere war vor ihm verborgen²⁾.“

Veranlasste Golowin selber die von Tatarinowa ausgehende Kraft zu fussfälligen Verbeugungen, so trieb sie nach seinem Zeugnis den Direktor des Departements der Volksaufklärung Popow zu Radenija an (Fuks S. 20, Dubrowin S. 11): „Ich war einst Zeuge, wie der Geheimerat Wasili Michailowitsch Popow, während er das profetische Wort der Tatarinowa hörte, sich auf unwillkürliche Weise zu drehen begann, indem er selber über die so starke geistliche Erscheinung an ihm erschrack.“

Aber auch sittlich beeinflusste den General Golowin die Tatarinowa wohlthätig. Er schreibt darüber (bei Dubrowin S. 34 f.): „Zwei Jahre vor meiner Überführung in die Garde³⁾ geriet ich in eine verbrecherische Anhänglichkeit an das hörige Stubenmädchen. Diese Schwäche zerstörte vollständig meine seelische Ruhe, zerriss mein Inneres durch bohrende Gewissensvorwürfe und beraubte mich der Freude am Familienglücke“. — (S. 42 f.) „Gleichzeitig mit der Heilung meiner körperlichen Leiden wurden auch meine seelischen Leiden geheilt. Ich will wiederum meine Schwäche zum Stubenmädchen berühren, eine Schwäche, welche in ihrem ersten Anfange und die ganze Zeit durch eine gewisse unnatürliche Kraftlosigkeit angestiftet wurde, eine Schwäche, die ich mit eigenen Kräften auf keine Weise überwinden konnte und die unausweichlich alle meine Familienbeziehungen vergiften musste. Indem die Tatarinowa dieses Mädchen zu sich nahm, nahm sie gleichsam mein Unvermögen auf sich, indem sie dieses allmählich von mir nahm. Bemerkenswert ist, dass wenn sie mir in Herzenseinfall, soweit es der Anstand gestattete, von ihren Empfindungen gegenüber dem erwähnten Mädchen erzählte, ich in

1) Nikolai I.

2) In Kürze erzählt diese Krankheitsgeschichte auch Ju. Tolstoi, Abriss des Lebens und Dienstes Je. A. Golowins, Das neunzehnte Jahrhundert I B. 1872, S. 9—10.

3) Diese geschah 1821.

ihnen meine eigene Gefühle wiedererkannte und sogar mein äusseres willentliches Verhalten zu ihr¹⁾. In der Folgezeit wurde das Mädchen freigelassen und ist jetzt verheiratet.“

Nach solchen Erfahrungen ergab sich Golowin der Tatarinowa willenslos. Als er 1830 zum Orenburger Kriegsgouverneur ernannt wurde, lehnte er auf den Rat der Tatarinowa diese Ernennung ab, ja nahm überhaupt den Abschied aus dem Staatsdienst, obgleich ihm solches sehr schwer wurde und er auch dadurch, wie erwartet, den Zorn des Kaisers auf sich zog, der ihn dafür nach Narwa schickte. Aber die dortige Untätigkeit und Langeweile bekümmerte ihn nicht so, wie die Entfernung von der Tatarinowa (Dubrowin Febr. 1856, S. 239): „Ungeachtet der Langeweile, an der ich in dieser Verbannung — so zu sagen — nach einem tätigen Leben litt, in welchem ich mich an den Militärdienst gewöhnt hatte, söhnte ich mich mit meiner Lage aus und für die Zukunft nichts vor mir sehend, nahm ich an, dass die weltliche Laufbahn für mich geschlossen sei; aber schwerer als alles war für mich, dass ich des profetischen Worts, meines einzigen Trostes, beraubt war.“

Als nach zehnmonatiger Einsamkeit durch den Ausbruch des polnischen Aufstandes Golowin die Gelegenheit geboten wurde, um Wiedereinstellung in den Dienst zu bitten, tat er es nur auf die Zustimmung der Tatarinowa: „Diesem (meinem) Wunsche kam ein Brief der Tatarinowa fast zuvor, in welchem sie mir ebenfalls gemäss innerer Eingebung riet, mich in Dienst zu bitten und direkt an den Herrscher zu schreiben“²⁾ (Dubrowin S. 239, Anm. 4).

Im Rückblick auf all' seine Beziehungen zur Tatarinowa und ihrem Kreise schrieb Golowin (Dubrowin Febr. S. 262): „Im Kreise der Tatarinowa suchte man Zügelung der Leidenschaften und Macht über die eigenen Unvermögen, indem man die Dinge dieser Welt nicht erörterte. Aus der Zahl der Bekannten der Tatarinowa sind schon viele in die Ewigkeit übergegangen, und wir waren Zeugen des, man kann sagen, seligen Endes einiger von ihnen, z. B. Miloradowitschs und Grigori Popows. Überhaupt hat jeder von denen, die über die Grenze des zeitlichen Lebens gegangen sind, bei seinem Ende nicht nur nicht bereut, dass er zur Bekanntschaft mit ihr geführt worden ist, sondern im Gegenteil dessen angesichts der Pforten des Todes sich gefreut“. — (Fuks S. 13, Dubrowin S. 263:) „Ich habe nicht nur keine Ursache, meinen geistlichen Bund mit der Tatarinowa, der mehr als dreizehn Jahre sich fortsetzte, zu bedauern, sondern muss vor Gott bezeugen, dass sie für mich das wohlthätigste Werkzeug der göttlichen Vorsehung war. Meine Überzeugung ist in dieser Beziehung eine so starke, dass ich auch in dem Falle unerschütterlich bliebe, dass sie selber zu versichern begönne, dass sie mich in einer Verirrung festgehalten; auch dann würde ich nicht aufhören zu glauben, dass sie für meinen Anteil die Begeisterung der Göttlichen Gnade erhalten“. — „Wenn meine Bekanntschaft mit der Tatarina einerseits nicht ohne Kummer war, weil sie mich veranlasste, viele Vorteile des weltlichen Lebens aufzuopfern, mich in Trennung von meiner Familie hielt, und — was noch mehr bedeutet — auf mich den Stempel irgend einer Sektiererei aufdrückte und eben dadurch die Abneigung des Herrschers mir zuzog, — so

1) Fuks, der diese Episode, ohne dabei Golowins Namens zu nennen, referiert (S. 21), bemerkt, dass nach der Sprache des Kreises solches genannt wurde „die Sünden des andern auf sich nehmen“.

2) Golowin bekleidete nach Niederwerfung des Aufstandes in Polen verschiedene hohe Ämter (seit 1837 im Kaukasus) und war 1845—48 Generalgouverneur der Ostseeprovinzen. Aber seine Familie nahm er nicht nach Polen mit, sondern vertraute sie der Tatarinowa an, bei der sie bis zu deren Verschickung (1837) lebte.

begabte sie mich andererseits mit sittlicher Kraft, stärke mich im Kampfe mit dem Ungeheuer der Selbstliebe, lehrte mich, nicht übermässig die vergänglichen Güter wert zu halten und mit ruhigem Herzen meine irdische Laufbahn zu vollenden“. —

Über die Begeisterung der Tatarinowa und deren psychische Art und Einwirkung in der früheren Zeit ihrer Tätigkeit (1816—1822) gab Pilezki im Allgemeinen an (am 6. Okt. 1837 nach seiner Verhaftung; Dubrowin Nov. S. 9 f.): „Wir sahen sie in Kummer und in Tränen, oft in völliger Erschöpfung und gleich darauf fröhlich, mit strahlendem Gesicht, auf dem sich Ruhe, Freiheit, Kraft, Weisheit und die Einfalt heiliger Kindheit ausdrückten. In Anwesenheit der einen ist sie Erschöpfung unterworfen, sogar bis zu Krämpfen; in Anwesenheit der andern — wird ihr Kraft, Gesundheit, Freude und Freiheit des Geistes gegeben. Die Seelen, die nach dem Geiste Jesu Christi ihre Kinder werden, der ihnen durch ihre Vermittlung mitgeteilt wird, vermögen sich nicht von ihr zu trennen. Sie wachsen in ihrer Umgebung im Geiste und in der Liebe zu dem einigen Heiland, und wenn sie sich in dieser Liebe befestigt haben werden, dann benötigen sie bereits nicht mehr ihrer Führung, sondern folgen der Führung ihres inneren Geistes und verfahren so, wie sie im Herzen diese heilige Salbung lehrt. Es gibt, scheint es, kein Geheimnis, welches ihr der Herr nicht offenbarte für die Kinder Gottes, wenn sie sie mit Glauben bitten. Sie weiss unfehlbar, wie beschaffen sie in Beziehung zum Herrn sind. Darin besteht eigentlich ihre Berufung, die niemand erkennt, wenn der Herr es (ihm) nicht offenbart, mag er sie auch sehen, mag er auch mit ihr sprechen . . . ich habe nicht die Fähigkeit, die Vorzüge einer so begnadeten Persönlichkeit darzustellen, die gewürdigt worden ist, ein Tempel zu sein, der zur Wohnung für den H. Geist geweiht ist, aber für die weltlichen und stolzen Augen durch unscheinbare Demut und grösste Einfachheit verschlossen ist“. — „Die Profezeiungen der Tatarinowa waren so stark, dass sie bis in die Tiefe der Seele drangen und den Zuhörer vor dem Kopf bis zu Füßen erschütterten; dabei wurde ein andachtsvoller Schauer vor der Gegenwart Gottes und eine herzliche tiefe Zerknirschung und Rührung verspürt“).⁴

Ferner schreibt Kukolnik (S. 597) über den profetischen Geist der Tatarinowa, der ihr die Bildung ihrer Gesellschaft ermöglicht: „ . . . die Anwesenheit des H. Geistes äusserte sich in Kat. Ph. mit solcher Stärke, dass an ihn nur der Unglaube allein hätte zweifeln können. Um nicht mehr von der Kraft des Geistes zu sprechen, welche sie den Hörern mitteilte, so erfüllten sich ihre zahlreichen Vorhersagungen mit einer solchen Genauigkeit, dass sie die allerkaltblütigsten Skeptiker in Erstaunen setzten. Wer ihrem Rat bei den allerzweifelhaftesten Umständen gehorchte, der bedauerte es niemals. Im Gegenteil, welche sich nicht ihren Eingebungen unterwarfen, boreuten es in der Folge bitter“.

Schliesslich hat die Tatarinowa selbst bei ihrer Verhaftung (1837) erklärt (Liprandi, Von der Sekte der Tatarinowa S. 29): „Sie erreiche die geistliche Vollkommenheit bis zur höchsten Stufe durch die Ausführung ihrer Riten und noch auf folgende Weise: vor dem Beginne irgend eines Unternehmens fragt sie vermittels eines Briefes auf den Namen Christi des Heilandes, ihn: ob es nötig sei, das Vorherbezeichnete auszuführen oder ihrer Absicht zu entsagen? Diesen Brief lege sie am Abend an das Postament des Bildes des Erlösers, und am Morgen bereits verkünde sie immer in unwillkürlichen Liedern die von ihr erhaltene Antwort“. —

Auch von der bei den Skopzen mit der Ekstase eng zusammengehörenden Arkandisziplin lassen sich bei der Tatarinowa und ihrem

1) Im Einzelnen gab Pilezki z. B. an, dass sie 1825 den Tod Alexanders I. weissagt, indem sie den Fürsten Golizün angefleht, den Kaiser zu bitten, nicht nach Taganróg zu fahren, da (ihr) eine Profezelung geworden: „Ich werde den Zaren in die feuchte Erde legen“.

Kreise Spuren nachweisen. Kukolnik freilich hat gegenüber Photi es in Abrede gestellt (S. 597), dass die Gesellschaft der Tatarinowa von den in sie Eintretenden einen Schwur, das Geheimnis zu bewahren, gefordert hätte. Auch hätte jeder frei ohne jede Erklärung der Gründe seiner Entfernung die Tatarinowa verlassen und ebenso wieder zurückkehren können. Einige hätten zweimal die Gesellschaft verlassen und seien zweimal wiedergekehrt, ohne dass ihnen jemand einen Vorwurf gemacht hätte (S. 601). — Wenn 1826 (als die T. in einer Privatwohnung wohnte) eine Angeberin aussagte (Dubrowin Febr. S. 235 f.), dass für ihr nicht bekannte Personen die Pforten ihres Hauses sich nie öffneten, die Bekannten aber ihre Equipagen auf der Strasse liessen und zu ihr durch ein Pfortchen über den Hof zu Fuss gingen, so liesse sich solches an sich als Vorsichtsmassregel gegenüber dem beständig wachsenden Argwohn der Regierung gegenüber den Versammlungen bei ihr verstehen, erinnert aber freilich an skopzische Gepflogenheiten. Dass in der Tat nicht erst die polizeilichen Drangsalierungen die Tatarinowa veranlasst haben, ihre Andachten mit dem Schleier des Geheimnisses zu umgeben, beweist ihr im Jahre 1817 aufgegriffener Brief an Anna Franz (siehe oben S. 231 f.), der zuerst die obrigkeitliche Aufmerksamkeit auf sie lenkte. Hier heisst es (P. Usow, Aus m. Erinnerungen, Histor. Bote 1884 I. S. 579; Dubrowin Nov. S. 5 f.): „Ich bitte ergebenst, offenbaren Sie niemand unser Geheimnis, denn Sie wissen, dass der Herr verbietet, die Perlen vor die Unreinen zu werfen; und wir wissen (sonst) nicht, zu wem wir von Gott reden, wir können uns auch irren. Belieben Sie, das erste Sendschreiben an die Korinther zu lesen, Kapitel 14, Vers 1—5. In diesem Kapitel besteht unser Geheimnis . . .“ — Nicht nur findet sich die Berufung auf Matth. 7, v. 6 für die Arkandisziplin auch bei Skopzen (vergl. z. B. Jeljanski oben S. 157), sondern auch die Tatarinowa denkt, wenn sie vom Geheimnisse redet, gleich an den ekstatischen Geist, wie die andere Berufung auf 1. Kor. 14, 1—5 beweist. Zweifelsohne auf ihren Wunsch hin hat der General Golowin die der ärztlichen Behandlung seiner Krankheit parallel laufende sich auf Eingebungen des Geistes gründende vor dem Arzte verheimlichen müssen (vergl. oben S. 243). Er redet in seiner „Denkschrift“ ausdrücklich (Dubrowin Febr. S. 229) von der „Heimlichkeit, unter welcher sie sich gleichsam vor den Augen der Regierung verbarg“ (vergl. auch oben S. 241, 2. Anm.), und die Tatarinowa selbst erklärte 1843 in der Klosterhaft zu Káschin in einer Bittschrift an den Kaiser (vom 28. März, im Archiv des Oberprokureurs des h. Sinod unter № 54; Dubrowin S. 258 f.): „Mich zu meinen Ansichten wendend kann ich erwähnen, dass ich nicht nur nicht jemals sie zu verbreiten mich bemühte, sondern sie als mein Geheimnis verbarg“ . . .

Mag nun die Arkandisziplin im Kreise der Tatarinowa in Wirklichkeit entwickelter gewesen sein, als diese Spuren annehmen lassen, immerhin wird davon nicht die Rede sein können, dass sie die skopzische genau kopiert habe. Man wird annehmen dürfen, dass sie ebenso wenig wie Jeljanski (vergl. oben S. 164) sich ganz in die religiöse Anschauungsweise eingelebt hat, aus der sie abfolgt. —

Es versteht sich von selbst, dass die Tatarinowa und ihre Anhänger als Leute von Bildung das Bedürfnis gehabt haben, die von

ihnen gepflegte Ekstase und die Mittel ihrer Erlangung, insbesondere die Radenije, vor sich und andern theoretisch zu rechtfertigen. Sind bisher nicht diesbezügliche Meinungsäußerungen der Tatarinowa bekannt geworden, so doch solche ihrer Hauptanhänger — derselben, durch die wir über die ekstatischen Erscheinungen selbst orientiert sind —, die in religiöser Hinsicht viel zu abhängig von ihr waren, als dass sie sich mit ihnen in Widerspruch zu ihr gestellt hätten. Das älteste bezügliche Dokument, die 1819 herausgegebene Schrift des Staatsrats Urbanowitsch-Pilezki „Von den Skopzen“, hat z. B. durchaus ihre Sanktion erhalten (siehe das Nähere darüber unten). Dieses Büchlein ist für uns zunächst insofern von Interesse, als es nicht nur das erste im Druck erschienene Zeugnis von der Existenz der Skopzensekte ist (vergl. oben S. 1 Anm.), sondern auch Seliwanow, wenn auch nicht namentlich, so doch unmissverständlich zu einer Zeit erwähnt, da er im Hause Solodownikows auf der Höhe seiner Petersburger Propaganda stand (Anm. zu S. 9): „Diese Gesellschaft, zum Unglück sehr zahlreich, existiert unter dem Einfluss eines überaus alten Skopzen, der von lügenhafter Lehre geleitet wird. Die früheren Skopzen verehrten diesen Greis als zuvor bestimmt für die Verschneidung (skoplénije), ohne welche es angeblich unmöglich sei, die Reinheit zu bewahren; aber der Geist der Verirrung verstärkte sich bis dahin, dass die Anhänger dieses Lügenlehrers ihn für von Gott zur Erlösung (iskuplénije) gesandt ansehen. Verschneider und Erlöser (skopitel i Iskupitel)“ . . .

Ferner aber, so sehr es sich auch in Gegensatz zu der Verschneidung selbst stellt, deren Bekämpfung durch Stellen der h. Schrift sein eigentlicher Zweck ist, so verteidigt es doch die auch von den Skopzen abgehaltenen ekstatischen Andachtsversammlungen durch folgende Argumentationen (S. 4—9¹): . . . „Das Geheimnis, welches bei den alten Christen seit den Zeiten der Apostel vorhanden war . . . bestand in dem Vortrag des lebendigen Wortes Gottes für die Glaubenden in besonderen Versammlungen durch Vermittlung der Christen, die die Gabe der Profetie hatten. Der Leser wird sehen, dass in der Gesellschaft der Skopzen einige Spuren solcher christlicher Versammlungen nachgeblieben sind und dass sie die durch Häresie und lügenhafte Lehre verdorben haben“ (S. 4). — „ . . . das Reich Gottes wird inwendig in uns gefunden, d. i. im Herzen, welches einzig nur der Heilige Geist erneuern und erleuchten kann“ (S. 5). — „Ausser den Gebetstempeln, in welchen auf priesterlich-rituelle Weise das erlösende Opfer von der durch die sichtbare Gewalt bestellten Geistlichkeit vollzogen wird, setzten sich noch von den Zeiten der Apostel an besondere Versammlungen der Christen fort, in welchen sie sich unterhielten und freuten über ihren Herrn und Heiland, sich an Heiligem Geist erfüllend mittelst begeisterter göttlicher Lieder, und dabei erbauten sie sich, stärkten und trösteten sie sich durch das profetische Wort, welches vorausgesagt worden war für die Gläubigen bei der Erscheinung des Heiligen Geistes durch Christen, die die profetische Gabe erhalten hatten. Solche Versammlungen waren stets vorhanden, aber verbargen sich bloss vor jenen Leuten, die nicht an ihnen teilzunehmen vermochten. Diese christlichen Versammlungen wurden geleitet von von Gott erleuchteten begeisterten Vorstehern, welche in sich die wahrhafte Lehre und die Salbung vom H. Geiste hatten. Solange sich diese Lehre fort-

1) Ich zitiere nach dem Buche selbst, von dem sich eines der wenigen noch vorhandenen Exemplare in meinem Besitz befindet. Es ist bei Johannessohn in Petersburg 1819 gedruckt, auf äusserst grobem Papier in Duodezformat, umfasst nur 30 S., die Rückseite des Titelblattes enthält die Druckerlaubnis des Sensors vom 6. Oktober 1819.

setzte, solange waren auch die Gaben des Heiligen Geistes, wie z. B. die Profetie, die Zungen u. a. rein und auf die Ehre Gottes gewandt. Aber als in die Lehre des Heiligen Geistes sich menschliche mischte, da liess die Begeisterung nach und machte schulmässiger Gottesgelehrtheit und Überweisheit Platz, die von menschlichem Verstande zusammengewoben worden war. Als sich aber die lügnerische Lehre eingeschlichen hatte, da nahmen die Leute, die (doch) die Gaben des H. Geistes empfangen hatten, indem sie allmählich die Reinheit des Herzens verloren, in sich unreine und lügnerische Eingebungen auf; damals wurden auch diese Gaben durch solche Eingebungen verdunkelt, und verwandelten sich zu Gericht und Verirrungen für die, zu deren Nutzen sie gegeben waren . . . So entstanden immer Lügenlehrer und Lügenprofeten, welche früher auf dem Wege zur Wahrheit gewesen waren, aber darauf von den wahrhaftigen Lehrern und Profeten abfielen und andere in ihre Verirrungen fortzogen. Um diesen Verirrungen zu entgehen, ist es überaus nötig, den Herrn, den Geist der Wahrheit, „um jene Salbung zu bitten, welche alles lehrt“, und um die Unterscheidung der Geister, welche ebenfalls eine Gabe des Heiligen Geistes ist, wie die Gabe der Profetie, die Gabe der Heilung u. a. — Dieses Unglück, d. i. der Abfall von der wahrhaften Lehre, geschah, wahrscheinlich in späterer Zeit, mit der Gesellschaft der Skopzen, seitdem sie das Verschnittentum als Mittel der Errettung anerkannt“ (S. 6--9, hier folgt die oben gebotene Anmerkung; zum Weiteren siehe oben S. 1 Anm.).

Mögen auch die Tatarinowa und ihre Anhänger sich mit westeuropäischen mystischen Büchern beschäftigt haben¹⁾, — wie überhaupt ihre Religiosität nicht mystisch, sondern ekstatisch ist, so erinnert auch der kirchengeschichtliche Aufriss, der in der Schrift „Von den Skopzen“ geboten ist, trotz seiner Spitze gegen das Skopzenthum zu sehr an den Jeljanskis in seinem „Teil der Nachricht, worauf das Skopzenthum sich gründet“ (vergl. oben S. 156 ff.), als dass man annehmen könnte, er sei von diesem ganz unabhängig. Sind bisher auch persönliche Beziehungen zwischen Jeljanski und der Tatarinowa nicht nachgewiesen worden und auch wegen der zeitlichen Entfernung ihres Petersburger Aufenthalts von einander gar nicht anzunehmen (vergl. S. 155), so konnte doch leicht durch die Vermittlung der Skopzen Jeljanskis Schrift in ihre Hände gelangt sein, ja man kann vielleicht sagen, die Skopzen werden nicht verfehlt haben, einer gebildeten Dame, die in Beziehungen zu ihnen trat, die ihre Lehre verteidigende Schrift des skopzischen Kammerherrn und Staatsrats zu übergeben.

Dieselbe Ansicht von der kirchengeschichtlichen Entwicklung wurde gelegentlich von andern Anhängern der Tatarinowa vorgetragen. So sagte z. B. Kosowitsch (in seiner „Angabe vom 1. März 1824“): „In der Erklärung der Liturgie des Herr Dmitrowski, die unter Durchsicht des Heiligsten Regierenden Sinod herausgegeben worden ist, werden Kap. IV, § 13, 14 und 1° die alten christlichen Versammlungen erwähnt, in welchen die begeisterte Lehre, Gesang und Profezeien sich fortsetzte. Profetinnen haben nach der h. Schrift vom Heiligen Geiste gesprochen und gesungen.“

Über die Begeisterung, die im Kreise der Tatarinowa hervortrat und auch ihn ergriff, hat Kosowitsch folgende Ansichten geäussert: „Es ist möglich, die Fähigkeit zu besitzen, nicht infolge Überlegung zu reden, wie dieses nach der natürlichen Ordnung zu sein pflegt, wo der Gedanke dem Worte vorausgeht, sondern infolge der Begeisterung, bei welcher der Kopf keinerlei Teil hat und wobei die Zunge die Worte maschinenhaft wie ein passi-

1) Dubrowin teilt mit (Okt. S. 49, Anm. 1), dass bei der Verhaftung der Tatarinowa unter den ihr weggenommenen Büchern viele mystische waren, von der Madame Guyon, Dutoit u. a.

ves Werkzeug hervorbringt“ (1823 im Gespräch mit Golowin nach dessen „Denkschrift etc.“, bei Fuks S. 7, Dubrowin Nov. S. 39).

„Am gestrigen Abend verliess mich der Geist und ich sah, dass ich ohne ihn sei! Ich konnte kein Wort schreiben, aber im Herzen war ein unerklärliches Gefühl der Trockenheit. Ein solcher Zustand pflegt auch der schwerste dann zu sein, wenn ich mich mit dem Herzen vom Herrn abwende, was infolge seiner Güte selten vorkommt; denn ich wandle fast immer in Seiner Gegenwart. Mit ihm ist es leicht! Alle Angelegenheiten werden frei besorgt, nicht aus Zwang; Ermüdung von den Arbeiten fühle ich nicht, die Krankheiten des Leibes haben aufgehört, Wünsche habe ich fast gar keine — bin mit allem zufrieden. Ich tröste mich mit der Liebe des Herrn; im Herzen ist Freiheit, Liebe, Stille und Freude. In Wahrheit ist das Wort Gottes im menschlichen Herzen. Nur dem Geiste muss man Freiheit geben, in ihm zu wirken — er vollendet alles. Der Herr allein ist fest und stark. Er verbrennt auch alles Tote in den Herzen und setzt Liebe hinein. Ihm dem Einigen sei auch Preis, Ehre und Anbetung!“ (Angabe Kosowitschs am 27. Febr. 1834, bei Dubrowin S. 4 f.)

„Wir erklären niemals das profetische Wort, aber empfangen durch dasselbe Liebe und glauben, dass es sich sofort im Herzen erfüllt oder zu seiner Zeit erfüllen wird. Er sprach und es wurde; er befahl und es geschah.“ (Angabe am 29. Febr. 1824, bei Dubrowin S. 10).

Ausführlichere Kunde von den Ansichten des Kreises der Tatarinowa über die von ihm gepflegte Ekstase besitzen wir erst aus dem Jahre 1837, als sie und eine Reihe ihrer Anhänger verhaftet wurden. Und zwar ist es wiederum Urbanowitsch-Pilezki, der darüber am meisten Aufschluss bietet, neben ihm der Departementsdirektor des Ministeriums der Volksaufklärung Popow und der General Golowin.¹⁾

Pilezki sagte in seiner „Denkschrift“ (beigelegt dem alleruntertänigsten Bittgesuch vom 6. Okt. 1837, im Archiv des Oberprokureurs des Sinods unter № 54, Zitate bei Dubrowin): „Das Wort Gottes teilt der Seele das ewige Leben des H Geistes mit; sie freut sich und frohlockt.“ (Nov. S. 4). — „Es ist mir unmöglich, Gott und Frau Tatarinowa nicht dankbar zu sein, meiner wahrhaften Wohltäterin und Mutter, für die geistlichen Schätze, welche zwanzig Jahre lang meine Seele erhalten hat. Ich würde mich immerwährenden Klagen des Gewissens überliefern, wenn ich mich erfreuen würde, heuchlerisch irgendetwas gegen die sichtbare und durch lebendige Erfahrung erkannte Wahrheit zu sagen. Der Geist der Profetie und des Worts der Frau Tatarinowa hatte immer eine so lebendige, tiefe und wohltätige Wirkung auf mein Herz, dass es mir unmöglich war, mich nicht zu vergewissern, dass das der Geist der Wahrheit ist, der für das Blut Christi verheissen ist, und dass dieses dasselbe profetische Wort ist, mit welchem sich die ersten Christen trösteten und erbauten. Darin vergewisserte mich das eigene Herz durch ein unbeschreibliches und unerklärliches Gefühl, welches nur die Erfahrung mitteilen kann“ (S. 31 f.).

Ferner schrieb Pilezki an den Grafen Protasow am 20. August 1838 (Zitate bei Dubrowin, Febr. S. 271 f.): „Die allerverfeinertste und -giftigste Verleumdung wurde stets angewandt, um die Gottesleute (!) zu verderben und in ihnen die Wirkung des H. Geistes zu vernichten. Der demütige Einsiedler, der priesterliche Archimandrit Photi, die freiwilligen Ver-

1) Befand sich dieser damals in Warschau in hoher Stellung, so scheint von ihm eine schriftliche Rechtfertigung seiner Zugehörigkeit zum Kreise der Tatarinowa eingefordert worden zu sein, welche ja schon dadurch eklatant war, dass seine Frau und Kinder bei ihr lebten; sie wurden nach ihrer Verhaftung ihm zugeschickt. Seine Rechtfertigung liegt in seiner „Denkschrift über die Bekanntschaft mit der Tatarinowa“ vor (vergl. oben S. 241, 2. Anm.).

teidiger der Rechtgäubigkeit A. Sturdsá, Graf Araktschéjew, A. S. Schichschków, die Züsürewa und andere warfen auf die Tatarinowa und ihre Anhänger — der eine einen Schmutzklumpen, der andere giftigen Spott. Haben sie recht mit ihren Taten? Waren diese Leute sittlicher als die, welche sie verleumdeten; war ihr Herz reiner und wärmer, waren ihre Werke und Taten mehr menschenliebend? Der grösste Teil der Anhänger der Tatarinowa waren hochgebildete Leute, die viel durchdacht, viel durchfühlt hatten. Alle zeichneten sich durch Werke der Menschenliebe und durch Reinheit ihrer Ansichten aus. P. Swinjin schrieb in seiner Beschreibung seiner Reise in Nordamerika: „Die Quäkersekte ist völlig unserer Tatarinowa-Nikitaschen gleich. Bei aller Verirrung sind unsere Quäker ehrliche und wohlthätige Leute¹⁾.“ Sie strebten zu Gott, in seine obere Wohnung, wohin ein jeder von uns streben muss, zur (Erreichung der) gegenwärtigen und zukünftigen Vollkommenheit. Nach ihrer Überzeugung war niemals die Kirche, d. i. die Versammlung der innerlich an die Gnade des H Geistes Glaubenden, gegen ihre religiösen Interessen sein, aber ihre Bekämpfer können Leute nur aus ihren (eigenen) Werkeltagsinteressen sein. — Der Herr teilt seinen Geist durch sein profetisches Wort mit und die Leute, die diesen innern Schatz angenommen haben, werden nur bessere Erfüller ihrer Pflichten, sowohl der militärischen als auch der übrigen²⁾, ohne in etwas die Liebe und die Achtung gegen die Kirche Gottes³⁾ zu verlieren. Ausgerottet werden Trunksucht und Unzucht unter den

1) Auch von dem Enkel Miloradowitsch in seiner Anm. zu dem Briefe Alexanders I. an seinen Grossvater (vergl. oben S. 226 f.) zitiert.

2) Dass der profetische Geist die Erfüllung seiner staatlichen Pflichten nicht hindere, sondern fördere, hatte früher schon der General Golowin in seinem „Alleruntertänigsten Brief“ vom 2. Mai 1826 ausgesprochen (abgedruckt in Russ. Altertum 1885, Nov. S. 334—326): . . . „Da ich das Glück hatte, vor Ihrem Angesichte, Herrscher, offen von der lebendigen Erkenntnis Gottes durch das profetische Wort zu sprechen, von welchem so oft und deutlich in der H. Schrift gezeugt wird, freue ich mich, dass nachdem ich meine Pflicht erfüllt habe, ich es Gott anheimgebe, seine Sache zu bestätigen und zu erhöhen, welche die Welt weder verstehen, noch achten kann, weil sie ein Stein des Anstosses für die menschliche Vernunft ist. Wem ist mehr, als Ihnen, Herrscher, bekannt, wie wenig ich gesucht habe, den von mir gewonnenen Schatz zur Schau zu stellen, und wie wenig ich in der allgemeinen Meinung gewonnen habe, sobald meine Bekanntschaft und meine Verbindung, die allein auf Freundschaft und christlicher Einfalt gegründet sind, bekannt wurden? Obgleich ich in dieser letzteren Beziehung durch Ihren monarchischen Schutz beruhigt bin, so hört doch nicht auf mich der Gedanke zu erregen, dass unter den verschiedenen Schlussfolgerungen auf meine Rechnung auch eine derartige Meinung platzgreifen könnte, dass infolge meiner neuen Bekanntschaft, indem ich mich einzig an Andacht und Sorgen um die Seelenerrettung hefte, ich Beziehungen zu Menschen und meine amtlichen Beschäftigungen meide. Und so sei es mir denn gestattet, vor Ihnen, Herrscher, gegen eine solche Meinung zu sagen, dass seit der Zeit, da ich mich im Glauben an Christum den Heiland durch das begeisterte Wort gründe, ich durch dasselbe mich auch im treuen Dienst gegen den irdischen Zaren befestige und mich auf die eifrigste und uneigennützigste Erfüllung meiner Verpflichtungen in dem Berufe richte, in welchen ich gestellt bin; denn dieses selbe Wort leitet alle meine Überlegungen und rügt durch den Geist die geheimen Gefühle meines Herzens“ u. s. f . . . „bin ich dessen gewürdigt worden, vor Ihrer hohen Person Zeuge dessen zu sein . . . dass der Geist Gottes mit menschlichen Lippen redet . . . so wird der Herr selbst . . . ihn rechtfertigen . . . Dass aber Gott nicht selten für sein Werk Werkzeuge erwählt, die in den Augen der Menschen die allerundeutlichsten sind, bildet eines der Grunddogmen der christlichen Lehre und wenn jemand an dieses aufrichtig glaubt, so ist er noch kein Fana'tiker und Verführer“.

3) Hier wird nicht die äussere rechtgläubige Kirche gemeint sein, sondern die Versammlung der wahrhaft, d. h. an den Geist Glaubenden (vergl. oben), welche als deren Kern gedacht wird.

im Mönchstande lebenden, unter den priesterlich und kirchlich Dienenden und unter den übrigen Ständen; verstärkt wird die Arbeitsamkeit, vermehrt der Reichtum des Reiches, verschwinden werden Häresien und Andersgläubigkeit. Die Sachen bleiben unbewegt, nur die Persönlichkeiten werden gerechter, vollkommener und mehr in Übereinstimmung mit der Wahrheit und Allweisheit handeln.“

Über die profetische Begeisterung schrieb Golowin: „Unter den Worten Profezeiung oder Vorhersagung muss man übrigens nicht die Fähigkeit verstehen, das Zukünftige zu verkündigen, obgleich auch dieses nicht ausgeschlossen ist, sondern nur die Ausgiessung des Geistes vermittels der Laute des Wortes oder der Schrift. Sie erscheint grösstenteils im Gesang, aber zuweilen in einfacher Rede nach Art des Rezitativs, nur fast immer in Versen regelrechten Masses mit Rythmen. Solche Ausgiessung des Wortes kann ohne Anhalten andauern, einige Stunden der Reihe nach mit gleicher Kraft und sogar unter körperlicher Erschöpfung des Vorhersagenden, mit solchem Redeüberfluss und oft mit solcher Schnelligkeit, für welche jedes Gedächtnis und natürliche Fähigkeit unzureichend wäre. Der Sinn der Rede umfasst alle Gegenstände innerhalb der Grenzen strenger Keuschheit und Würde und sich an die menschliche Seele wendend dringt sie in ihre verborgensten Überlegungen ein, offenbart sie zuweilen in strengen Überführungen, grösstenteils aber in Ausdrücken, die von Liebe und Mitleiden erfüllt sind — giesst in das Herz des Hörenden Ruhe und Trost. Wenigstens war solches stets die Wirkung des profetischen Wortes auf mich und als solche sah ich sie an ändern“ . . . (bei Fuks S. 14, Dubrowin Okt. S. 58).

Die genannten Anhänger der Tatarinowa haben aber auch das Hauptmittel der Begeisterung, die Radenije, zu rechtfertigen gesucht. So schreibt Pilezki, indem er seine geschichtliche Betrachtungsweise (vergl. oben S. 247 f.) auch auf sie ausdehnt (a. a. O.): „Die Radenije oder — wie sie der Apostel Pawel nennt — die Zungen, ist ein sichtbares Jubeln des Geistes, welches zusammen mit dem Singen und den Profezeiungen gleichsam einen geistlichen Ball zustandebrachte, einen feierlichen und freudigen, auf welchem die Seelen und die Leiber sich über ihren Herrn freuen; denn lebendige Wirkung und Anwesenheit des H Geistes sind in dieser Zeit überaus spürbar. Diese Anwesenheit und Mitteilung der Liebe des Herrn war so erquickend, rein und heilig, dass das Herz gleichsam jenes Hochzeitsmahl vorausschmeckte, wo die jungfräulichen Seelen jauchzen, wann der himmlischer Bräutigam Jisus Christos sich im Bunde seiner Liebe mit seiner geliebten Braut vermählt — der Kirche. — Die Radenije (auf slawisch liki, likowánije¹⁾ — Lukas 15, 25 und Psalm 149 und 150) sich mit Gesang verbindend, wie Tanz mit Musik, bietet ein angenehmes Schauspiel.“ — „Tänze und überhaupt Körperbewegungen sehen wir auch bei den seligen Blöden²⁾“ (1. Sendschreiben an die Korinther 3, 18—20). Eben solche Absonderlichkeiten pflegten auch bei den ersten Christen zu sein. — Der Apostel Pawel gibt ihnen den Rat, dass sie die Gabe, welche er Zungen nennt (d. i. begeisterte Gefühle, durch den Geist ohne Worte ausgedrückt), vor den nicht glaubenden und diese Wirkung des H Geistes nicht kennenden verbergen möchten, weil — spricht er — sie sagen werden, dass ihr euch besessen gebärdet (1. Sendschreiben an die Korinther 14, 23)“ (bei Dubrowin Okt. S. 59). „Was mich anlangt, so erfuhr ich nicht starke Wirkungen des Geistes bei der Radenije, aber verspürte stets davon eine ungewöhnliche Ruhe, friedliches lautloses Gebet, Freiheit von Leidenschaften, und sogar meine Gesundheit wurde davon besser. Bei ändern, die Fähigkeit und Berufung zum Profezeien hatten, erfüllte sich das ganze Innere und der ganze Leib mit unausprechlichen Wirkungen des profetischen Geistes“ (S. 63).

1) = Jubel, in der slawonischen Bibelübersetzung aber in der Tat für χοροί gesetzt.

2) Siehe dazu B. I. S. 43 und 1. Anm.

Ähnlich — auch was den Schriftbeweis anlangt — hat Popow die Radenije zu rechtfertigen gesucht und mit überschwenglichen Worten gepriesen („Angabe vom 16. Nov. 1840“ im Archiv des Sinods unter № 23759, bei Dubrowin Okt. S. 62): „Die Radenije, das Jubeln oder das heilige Tanzen ist ebenso unschuldig, wie auch das profetische Wort. Jeder, sogar ein Kind, wird verstehen, dass diese Erscheinung der Freude eine völlig unschuldige, unschädliche Ausserlichkeit ist, die den Ritualismus der Kirche nicht berührt. Warum hält man denn nicht für schämenswert und schädlich die weltlichen Tänze und weswegen sind die göttlichen nicht zu dulden, wenn sie immer auch beim alten Gottesvolke vorhanden waren? . . . Wer die Wirkung des H. Geistes erfahren hat, der weiss, dass die Radenije innere Freude (rädostj'), Wirkung der masslosen Liebe zu Jesu Christo ist. Diese Seligkeit, welche die glaubenden Seelen in ein solches Entzücken versetzt, dass sie sich vergessen, spielen, singen, sich heiligem Hüpfen und Tanzen ergeben, in die Hände klatschen wie der König David, den Herrn lobend und segnend. Da ich dieses weiss, kann ich gegen das Augenscheinliche sprechen? Die Radenije wird in der slawischen Bibel likowánije genannt. In den ausländischen Bibeln wird das Wort likowánije deutlicher ausgedrückt, als es die wichtigtuenden, dünnelhaften Gerechten unsrer Zeit auslegen wollen, die selbst die Etymologie dieses Ausdrucks im Urtext verbergen, aus stolzer Furcht und lügenhafter Scham, um sich nicht vor der Welt als solche zu zeigen, die an das heilige Tanzen glauben. In der englischen Bibel ist likowánije nach dem Urtext mit dem Worte dance, d. i. Tanzen, übersetzt. — Ich erinnere mich, dass ich auf völlig unerwartete Weise zum Lesen des Vorworts eines französischen Gebetbuchs kam, wo gewisses überaus Bemerkenswertes über dieses göttliche Tanzen gesagt war.“

Schliesslich hat der General Golowin die geschichtliche Rechtfertigung der Radenije bei Pilezki zu einem religionsgeschichtlichen Überblick erweitert. Er sagt: „Gewiss kann nichts Sonderbarer und für die menschliche Vernunft unzugänglicher sein, als die Ansicht, dass man den Herrn durch Tanz preisen und (ihm damit) so zu sagen dienen kann. Der Gedanke daran ist (schon) genügend, um die Andacht eines frommen Menschen zu empören, und ihn mit Abscheu abzulehnen. Doch möge man mit ruhigem Geiste die unten folgenden Fragen prüfen: 1) woher sind die anfänglichen Tänze entsprungen und 2) worin bestand die Wirkung des H. Geistes bei seiner Herabkunft auf die Apostel, als die dort anwesenden Zeugen sie für trunken hielten?“ — Aus dem tiefen Altertum ist es bekannt, dass Tänze in den Ritus des Gottesdienstes aufgenommen werden: die Spuren davon finden sich sogar unter den Wilden, die in den Tänzen die Riten ihrer Opferdarbringungen bewahrt haben. Im ersten Buche der Königreiche (Kap. 10, V. 5) wird der Chor der Profeten erwähnt, die unter Musikinstrumenten weisagten. Der König David tanzte, besucht vom Heiligen Geiste, vor der Bundeslade, ungeachtet dessen, dass er der Verspottung verfiel (2. Buch der Königreiche, Kap. 6, V. 20—23³⁾). Bei den Mahomedanern haben die Derwische, die sich einst in grosser Achtung (ihrer) Heiligkeit befanden, bis jetzt sich das Sichdrehen bewahrt, aber es ist bekannt, dass die mahomedanische Religion aus hebräischer und christlicher Lehre und Riten gebildet worden ist, die durch einander gemischt und verstümmelt wurden. Im Konversationslexikon fand ich im Artikel „Tänze“ unter anderem Hinweise auf ein Buch mit dem Titel: Von christlichen Tänzen und feierlichen Tänzen der ersten Christen, verfasst von Brömel. Trotz aller Bemühung konnte ich dieses Buch bei keinem Buchhändler in Europa finden . . . — In den spätesten Zeiten haben die Quäker, die auch unter dem Namen der sich Schüttelnden bekannt sind, bei all' ihrer Sonderbarkeit sich

1) Siehe dazu B. I. S. 226, 2. Anm.

2) Vergl. dazu B. I. S. 267 und unten.

3) Vergl. dazu B. I. S. 266 f.

unter den aufgeklärtesten Nationen Achtung erworben . . . es existieren viele Gemeinden, unter denen in ihren mehr oder weniger geheimen Versammlungen, je nach der Duldsamkeit der Regierung, geistliche Wirkungen in starken körperlichen Bewegungen sich enthüllen. „Noch jetzt sehen wir an den Hebräern bei ihren Andachtsversammlungen Überreste eines gewissen Schaukels des ganzen Körpers. Schliesslich, was sind denn die Verbeugungen, die sich nur in unsrer Kirche allein erhalten haben?“ (Bei Dubrowin a. a. O., z. T. schon bei Fuks S. 16 f. 1).

Bei der wesentlichen Übereinstimmung der Ansichten Pilezkis, Popows und Golowins über die profetische Begeisterung und die Radenije wird man mit der Annahme nicht fehlgehen, dass diese Ansichten im Kreise der Tatarinowa überhaupt gang und gäbe waren 2). —

Wie von der Arkandisziplin (vergl. oben S. 245 f.), so lassen sich auch von der skopzischen Askese im Kreise der Tatarinowa nur geringe Spuren nachweisen. Dass Nikita Fjodorow und die Tatarinowa selbst die Glieder des Bundes zu Enthaltung von geistigen Getränken zu erziehen suchten, zeigt das Tagebuch Borowikowskis (siehe oben S. 234 f.). Sonst wird nur noch von Liprandi berichtet, bei der Verhaftung von 1837 habe sich ergeben, dass alle Beteiligten niemals Fleisch ässen (ohne aber ihre Bedienung dazu zu zwingen). Aber nach Kukolnik (S. 598) hätten die Radenija in diesem Kreise einzig und allein asketische Bedeutung gehabt („Besänftigung des Fleisches und Erfötung der Leidenschaften“). Doch kommt diese Behauptung mit auf Rechnung seines Bemühens, die Radenije als möglichst harmlos hinzustellen (vergl. oben), soweit sie nicht durch Kukolniks eigene relative Verständnislosigkeit gegenüber dem Wesen der in dem Kreise gepflegten Ekstase beruht, die übrigens vielleicht nur eine nachträgliche war: lagen doch seine Beobachtungen, als er sie beschrieb, fast fünfzig Jahre zurück; in der Zwischenzeit mag er nichts ähnliches gesehen haben. Aber ganz gefehlt wird die asketische Wertung der Radenija neben der ekstatischen nicht haben, und wie sie bei den Skopzen eine grössere Rolle spielt, als bei den Chlüssen (vergl. unten), so mag sie in der Tat auch im Kreise der Tatarinowa mitunter betont worden sein, ohne freilich die ekstatische irgend einzuschränken. Golowin hat an seine die ekstatische Bedeutung stark hervorkehrende Ausführung über die Radenija (siehe oben) auch eine sie als

1) Über seine eigenen Erfahrungen mit der Radenije sagt Golowin: „Indem ich mich dem Mittel, genannt Radenije, unterwarf, legte ich beiseite und trat unter die Füsse alle menschliche Weisheit mit ihren Anstandsregeln und wurde gleichsam ein Dummkopf und Blöder um Gottes willen . . . Dieses Mittel brach den natürlichen Stolz der Vernunft . . . Nach ihr fühlte ich mich jedesmal (körperlich) ungewöhnlich leicht und frisch. Übrigens die innere Süßigkeit, wie sie andere bei dieser Mühe verspürten, verspürte ich niemals“ (bei Fuks S. 20, Dubrowin S. 62 f.).

2) Die bei der Verhaftung und Haussuchung von 1837 gefundene Schrift „Über die Hinzuführung aller christlichen Kirchen zur ursprünglichen Einheit“ habe ich hier nicht herangezogen, nicht nur weil der Verfasser unbekannt ist, sondern weil es mir zweifelhaft erscheint, ob der hier ausgesprochene scharfe Gegensatz zur Grosskirche wirklich den Ansichten des Kreises entsprach. Freilich findet sich die Theorie von den geheimen begeisterten Genossenschaften, wie sie besonders deutlich Pilezki vorgetragen hat, hier wieder (Referat siehe unten).

asketisches Mittel wertende geknüpft, ohne freilich sich des Unterschiedes dieser beiden Gesichtspunkte recht bewusst geworden zu sein. Er schreibt: „Aus diesem allen muss geschlossen werden (?), dass die Tänze und Reigen, welche zu gottesdienstlichen Eiten wurden und in der Folge zu uns zusammen mit den heidnischen Gebräuchen als eine Vergnügung kamen, die die fleischlichen Begierden erhitzt, einst nichts anderes waren, als ein Hilfsmittel zur Mässigung und Tötung des Fleisches, um in kondensierten Bewegungen den Leib den geistlichen Bewegungen zu unterwerfen, oder besser gesagt — die kondensierte Wirkung des geistlichen Prinzips erleichtert die Bewegung des Leibes, welcher nach den Gesetzen der Schwerkraft der Materie zur Erde und zur Unbeweglichkeit gezogen wird. — Die Ausmergelung des Fleisches für die Freiheit des Geistes — war stets eine von den durch die Lehre der Kirche vorgeschlagenen Bedingungen . . . Im Mittelalter wurde von frommen Leuten . . . zur Ertötung des Fleisches das Geisseln gebraucht; bei uns in Russland trat dasselbe, wie mir scheint, in grösster Form unter dem Namen einer Raskolnikensekte — der Chlüstowschtschina auf.¹⁾ — Jetzt erscheint dieses in anderen Formen; denn wenn nach christlicher Lehre früher dieses Bedürfnis der Besänftigung des Leibes und seiner Begierden bestand, so ist sie auch jetzt unumgänglich“ . . . (Fuks S. 17, Dubrowin S. 60 f.).

Dass auch Pilezki die Auffassung der Radenije als eines asketischen Mittels neben der andern nicht fremd gewesen ist, beweist folgender gelegentlicher Satz (in der „Denkschrift“ vom 6. Okt. 1837, bei Dubrowin S. 63): „Wenn nichts Sonderbares an Verbeugungen, strengem Fasten, Busshemden, Ketten ist, so ist es nicht sonderbar, in Liebe zu Gott auch dieses unschuldige Mittel zu brauchen. Was in menschlichen Augen sonderbar ist, ist oft Gott angenehm“.

Was die sexuelle Moral anlangt, so behauptet Fuks (S. 17) mit Berufung auf Golowins, „Denkschrift“, die Tatarinowa habe den Ehegatten Abbruch der ehelichen Beziehungen vorgeschrieben. Dubrowin hat in der ihm vorliegenden Handschrift des Sinodalarchivs (vergl. oben S. 241, 2. Anm.) nichts derartiges finden können (Dez. S. 54, 1. Anm.). Sollte Fuks trotzdem recht haben, so wird es sich wohl nur um seelsorgerische Ratschläge in speziellen Fällen im Sinne von 1. Kor. 7, 5 gehandelt haben. Dass die Tatarinowa von der skopzischen auf die chlüstische sexuelle Moral zurückgegangen wäre, könnte man nur glauben, wenn sonst Beziehungen zu den Chlüsten nachzuweisen wären. Kukolnik sagt ausdrücklich (S. 603): „In ihrer Familie²⁾ befanden sich verheiratete Leute und Familienväter. Katerina verurteilte nicht nur niemals das eheliche Leben, sondern sagte sogar mir selbst meine Heirat voraus“ (es folgt das oben auf S. 240 Gebotene).

Was aber die Beschuldigung der Tatarinowa anlangt, sie hätte in ihrem Kreise auch die skopzische sexuelle Askese einschliesslich der Verschneidung geduldet, ja propagandiert, so sagt Dubrowin (Nov. S. 16, Anm. 4) mit Recht, dass schon die Existenz der Schrift Pilezkis „Von den Skopzen“ (vergl. oben S. 247) ein genügend deutlicher Protest dagegen sei. Hier wird nicht nur die Verschneidung mit vielen Schriftstellen bekämpft, sondern auch gesagt, die Skopzen seien von der

1) Dieser Satz beweist direkt, dass der Kreis der Tatarinowa keine Beziehung zu den Chlüsten gehabt (vergl. B. I Anm. zu S. 153), da er den landläufigen Irrtum ausspricht, sie sei ihrem Wesen nach eine Geisslersekte.

2) d. h. in ihrem familienhaften Kreise.

Wahrheit erst ¹⁾ seit der Zeit abgefallen, als „sie das Verschnittenentum als Mittel zur Errettung anerkannten“. Wenn Dubrowin gegen offizielle Angaben, dass im Kreise der Tatarinowa Verschneidungen vorgekommen, bemerkt (a. a. O.), sie seien ganz allgem. gehalten, aber führten kein Faktum, keinen einzelnen Fall an, so ist hierbei nicht einmal ersichtlich, ob er die betreffenden Dokumente selbst in Händen gehabt, oder ob er sich hierbei nur auf den Satz in Melnikows „Materialien etc.“ stützt (1872, 3. B. S. 176): „Im Schiffe der Tatarinowa „pfliegten auch Verschneidungen“ vorzukommen.“ Vielleicht ist diese Mitteilung auf die Tatsache zu reduzieren, dass unter den von Seliwanow zu der Tatarinowa Übergegangenen, die in den ersten Jahren des Bestehens ihres Kreises noch zu ihm gehörten (vergl. oben S. 233), auch einige Verschnittene waren. Wera Nenastjewna wird zu ihnen als die Tochter eines so fanatischen und in leitender Stellung befindlichen Skopzen gehört haben, wenn damals die Verstümmelung der Weiber in Petersburg bereits üblich war (siehe unten). Doch kann der gleichfalls von den Nenastjews zu ihr übergegangene Profet Nikita Fjodorow (entgegen der Angabe oben S. 226) nicht verschnitten gewesen sein, wenn Dubrowins Behauptung (a. a. O.), bei den angestellten Untersuchungen hätte sich unter den zahlreichen Anhängern der Tatarinowa nicht ein einiger Skopze befunden, richtig ist. Denn als diese nach der Verhaftung von 1837 statifanden, trafen sie Nikita in besonderer Masse (dass die Skopzen langen Aufschub der Kastrierung auch bei solchen dulden, die sonst völlig sich der Sekte angeschlossen haben, ja sich in leitender Stellung befinden, darüber siehe unten).

Dass die Tatarinowa selbst mit der Bekämpfung der skopzischen Verschneidung durch die Schrift Pilezkis einverstanden war, bezeugt Kukulnik ausdrücklich (S. 603): „Katerina Philippowna hat immer energisch diese Verirrung verurteilt. Wie oft habe ich von ihren Lippen diese Worte gehört: „Was für einen Nutzen hat es, wenn er²⁾ den Leib, aber nicht das Herz verschneiden wird? Dort ist der Sitz der Sünde. Das Herz muss der zügeln, der Gott dienen will; aber diese gottwidrige Handlung zügelt das Herz nicht. Die Möglichkeit wird weggenommen, aber der Wunsch bleibt. Im Jahre 1819 druckte einer ihrer eifrigsten Verehrer, Martün Stepanowitsch Pilezki, eine scharfe Broschüre gegen die Skopzen und ein Exemplar dieser Broschüre erhielt ich aus den Händen Katerina Philippownas, die hinsichtlich dieses Gegenstandes ihre Meinung niemals verändert hat“. — Die Verleumdung des Archimandriten Photi, die Tatarinowa habe nicht nur von den männlichen Gliedern ihres Kreises die Verschneidung gefordert, sondern selber erst die Verschneidung der Frauen erfunden und praktiziert, wie die andere, die mit dieser seltsam kontrastiert, sie habe von einem ihrer Anhänger ein Kind gehabt, hat Kukulnik für immer widerlegt³⁾. Auch ein Forscher wie Melnikow hatte sie noch ge-

1) Früher gehörten sie mit zu den kleinen Kreisen, die innerhalb der äusseren Kirche die ekstatische Begeisterung der apostolischen Zeit gepflegt (vergl. oben S. 248).

2) Der Mensch, der Gott dienen will.

3) Photi sagt (a. a. O. S. 190 f.): „Die Frau Tatarinowa zeigte dadurch, dass sie im Michailpalais eine Wohnung für sich hatte, und sagte es auch allen laut, dass sie dem Zaren selbst bekannt sei, unter dem Einfluss seiner Herr-

schermacht, Gnade, alles tue, lehre, versammele. Tatsächlich sah er, der noch nicht die Lüge, den Betrug der Arglistigen kannte und eingenommen wurde von der heuchlerischen Frömmigkeit der Häretiker, die auch seine höfischen Schmeichler in Verirrung führten, (bei sich) die neue Lehrerin der neuen lügenprofetischen und teuflischen Lehre. Schuld an allem war der Fürst Aleksandr Golizün, als einer der Anhänger der Tatarinow und Beschützer aller Raskols, der alten und neuen Verbreiter (derselben). Diese Frau von mittleren Jahren lehrte alle die Ihrigen, für eine gewisse angebliche Enthaltensamkeit sein Fleisch zu enthalten, zu töten und zu verschneiden, die geheimen Glieder den Männern auszuschneiden; der Teufel lehrte sie sogar die Kunst, das weibliche Geschlecht, die jungen Frauen und Mädchen zu verschneiden. Und dieses teuflische Werk wurde bei den Brüsten vollzogen, irgendwo; aber ich werde es nicht sagen, damit dieses teuflische Geheimnis nicht denen bekannt werde, welche es noch nicht wissen. Siehe die Frucht der Lehre des Teufels! Nicht so, wie sie als Lehrerin erschien, handelte die abscheuliche Tatarinowa selbst; es ist unbekannt, von wem die verfluchte Buhlerin schwanger wurde und ein — Kind gebar! Der Verwunderung würdig war die Blindheit vieler: ihre törichten Schüler sprangten das Gerücht aus, dass sie einen grossen und mit Geist erfüllten Mann gebären werde. Infolge der Arglist eines höfischen Grossen* (nach e. Anmerkung des Herausgebers ist der Fürst Golizün gemeint), „ihres Anhängers, ward die Tatarinowa, nachdem sie eine so ehrlose Tat vollbracht, des Besuches des Zaren Aleksandr in dieser Zeit gewürdigt und von ihm ward das Kind getauft“ (d. h. er war Taufvater), „so habe er gehört“ (es folgt zum Schluss das oben S. 139 Anm. Zitierte). — Darauf hat Kukolnik ausser dem bereits oben (S. 229) Gebotenen noch folgendes geantwortet: „Im Verlauf meiner lange Zeit währenden Bekanntschaft mit K. Ph. hätte ich doch wenigstens einer von solchen Frauen oder Mädchen begegnen müssen, denn sie zu erkennen ist schon nach den äussern Merkmalen auf ihrem Gesichte sehr leicht; aber das ist nie geschehen. Man hätte von irgend jemand über dem ähnliches hören müssen. Solche Umstände werden unter ihresgleichen nicht geheim gehalten, insonderheit wenn sie Gegenstand der Propaganda bilden. Aber auch nicht einmal eine Andeutung darüber ist vorgekommen. — . . . als ich noch ein Kind war und in den Jahren 1805—1808 in einem Petersburger Gymnasium lernte, hörte ich über Verschneidung von Frauen und Mädchen von meinen Kameraden, die mit den Händlern in den Möbelläden im Kaufhofs bekannt waren. Sie beschrieben sogar ausführlich den ganzen Prozess dieser Operation, genau so, wie er in der oben aufgeführten Bemerkung“ (Photis) „beschrieben ist. Es fragt sich: woher konnten sie diese Nachrichten erhalten, wenn solches in dieser Zeit (noch) nicht existierte? Sie zeigten mir sogar in den Wechselläden solche Frauen, die die sonderbare Hautfarbe und die blauen Flecke unter den Augen überführten. Im Schiffe des Lügenerlösers gab es nicht wenige solcher Frauen; ich selbst kannte eine solche, die in seiner Gesellschaft bedeutend früher verschnitten worden war, als sich die Gesellschaft der Katerina Philippowna bildete“ . . . — (S. 606 f. gegen die Beschuldigung, dass die Tatarinowa ein uneheliches Kind geboren); „Ich rede nicht davon, dass ein solcher offener Fall sie endgültig in der Meinung aller ihrer Verehrer erniedrigt hätte, welche sie augenblicklich verlassen hätten . . . Ich rede nicht davon, wie sehr eine solche Tat unvereinbar gewesen wäre mit den sichtbaren und unbestreitbaren Kennzeichen ihrer Frömmigkeit, Herzensreinheit und von der Sünde Abgewandtseins, die sie mit solchem Erfolge allen sie Umgebenden mitteilte . . . Könnte einer bejahrten Frau, die von schweren Leiden zerquält war, welche sie bis an ihr Ende nicht verliessen, die durch Fasten und ununterbrochene körperliche Leiden ausgemergelt war, eine ähnliche Verrücktheit in den Kopf kommen? Von der andern Seite betrachtet, welchen Mann konnte eine Frau in ihren Jahren, von durchaus nicht anziehendem Aussern, verführen, eine abgemagerte, entkräftete, die mehr einem Toten als einem lebendigen Wesen glich? . . . Wenn aber die Pflege Tochter der Katerina Philippowna zu Zweifel Anlass geben sollte, so soll es den Lesern . . . bekannt werden, dass ich solcher Pflögetöchter und Pflögesöhne in der Gesellschaft ein halbes Dutzend gesehen habe; aber ich

glaubt ¹⁾, ja die letztere durch die Behauptung der gottesdienstlichen Übung des „swalnü grech“ (vergl. B I. S. 434 ff.) und der Zeugung von „geistlichen“ Kindern in ihrem Kreise überboten (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 176 ff.).

Einer Persönlichkeit wie der Tatarinowa ist es nicht zuzutrauen, dass sie zur griechisch-orthodoxen Kirche übergetreten wäre, wenn sie kein irgendwie positives Verhältnis zu ihr besessen hätte. Freilich aber darf man nicht dieses nach den Ergebenheitserklärungen bemessen, die sie und ihre Anhänger nach der Verhaftung und später im Kloster abgegeben haben. Denn diese hatten zum Zweck, Freilassung zu erwirken, und werden daher mindestens das positive Verhältnis in den Vordergrund geschoben und von dem Gegensatze geschwiegen haben. Ein solcher liegt zweifelsohne in der Vorstellung, die sich der Kreis von der kirchengeschichtlichen Entwicklung gebildet hatte (vergl. oben S. 247 ff.). Dass er an ihr als einem kritischem Masstabe die in der griechischen Kirche und ihren Vertretern vorliegende Wirklichkeit gemessen hat, ist in der Tat bezeugt. Als der Priester Malow, der die Aufnahme der Tatarinowa vollzogen hatte (vergl. oben S. 239 Anm.), in der Folgezeit an ihren Versammlungen teilnahm und dem Mitropolit Michail von den hier vorkommenden Offenbarungen des Geistes Mitteilungen machte, soll dieser geantwortet haben: „Das sind wunderbare Dinge! Ich diene soviel Jahre dem Throne²⁾ des Herrn und wage nicht zu denken, dass alle meine Taten vom Geist des Herrn geleitet wären, und

habe auch gesehen, wie obdachlose Mütter, die für sich selber keine Unterkunft hatten, ihre kleinen Kinder zu Katerina Philippowna brachten, sie ihr zu Füßen legten und unter Tränen sie anflehten, ihnen Obdach zu gewähren und sie vor dem unausbleiblichen Verderben zu retten, mit dem ihnen die äusserste Armut der Mütter drohte. Und Katerina Philippowna wies in solchen Fällen niemand ab“. — Des weiteren nennt Kukulnik die von Photi gemainte Pflögetochter Anna Aleksandrowna (? Wasiljewna) und erwähnt ihre Verheiratung mit dem alten Pilezki. Er sieht von einer detaillierten Rechtfertigung der Tatarinowa hinsichtlich ihrer aus Rücksicht auf noch lebende Personen ab. Nach sonstigen Nachrichten (z. B. 3. Anm. zu S. 190 der „Autobiografie Photis“; Dubrowin Dez. S. 57, 1. Anm.) lebten ihre Eltern in Nowgorod und besuchten sie nicht selten. Sie lebte bei der Tatarinowa bis zu deren Ende.

Als Kukulnik die Tatarinowa beschrieb, mag sie ihm so vor seinem Geiste gestanden haben, wie sie aussah, als er Petersburg verliess (1825). Immerhin war sie damals nur 42 Jahre alt und als sie ihren Kreis zu sammeln begann, noch zehn Jahre jünger. Nach Dubrowin war Katharina nicht nur als Mädchen sehr hübsch (Okt. S. 40, ohne freilich der von ihm zitierte Schilderung Kukulniks zu widersprechen) — Melnikow (a. a. O. S. 177) sagt dasselbe von der zweiunddreissigjährigen —, sondern nach dem Zeugnis der Züsürewa (Dubrowin Febr. S. 336), ihrer Anklägerin, sah sie noch als Fünfzigerin nach der Meinung vieler gut aus. Dem sei nun, wie ihm wolle, — des weiteren verdächtigt sie die Tatarinowa zu intimer Beziehungen zu ihrem Schwager (Tatarinow) und sie muss solches wahrscheinlich machen — Tatsache ist, dass noch 1822 der Stabsarzt des Leibgarderegiments Kosowitsch ihr ein tieferes Gefühl eingestand. Die Art, wie sie dieses religiös umzuwandeln suchte (Dubrowin teilt Stellen aus ihrem Briefwechsel mit Dez. S. 55 f.), stellt sie hoch über jeden Verdacht.

1) Obgleich er eingestehen muss, dass die archivalischen Akten von der Geburt jenes Kindes nicht reden und über Photi sehr abfällig urteilt.

2) d. h. dem Altar.

die der allgemeinen Kirche sich entfremdenden Profeten verharren in einer besseren Hoffnung als ich.“ (Dubrowin Nov. S. 29 nach einem Brief des Fürsten Andronik an den Archimandriten Photi vom 28. April 1825). Die Tatarinowa soll, als sie diese Antwort hörte, Michail einen Kleingläubigen genannt und seinen baldigen Tod vorhergesagt haben. Ferner soll dem Maler Borowikowski (nach demselben Zeugnis, Dubrowin Febr. S. 232; Fürst Andronik war sein Freund) die „verächtliche Meinung“ der Glieder des Kreises über die Kirche missfallen haben, die sie eine äusserliche genannt und deren Riten sie für toten Buchstaben gehalten. — Man wird das Mitgeteilte für glaubwürdig halten müssen. Haben Konventikelchristen noch immer in einem offenen oder versteckten Gegensatz zur Grosskirche gestanden, so werden Kreise, in denen die ekstatische Begeisterung als das spezifisch Religiöse gilt und gepflegt wird, dadurch in einen Gegensatz zu ihr gestellt, mögen sie auch allen äusseren kirchlichen Pflichten genügen. Ist das von der Tatarinowa und ihren Anhängern ebenso wie von den Skopzen bezeugt, so wird der Gegensatz der ersteren zur Kirche immerhin ein desto milderer gewesen sein, je weniger sie sich die Vorstellung vom ekstatischen Geiste wirklich zueigen gemacht hatten, deren Ausdruck die Arkandisziplin ist (verg. oben S. 246 und B. I. S. 337 f.; über die sich freilich in scharfen Gegensatz zur Grosskirche stellende Schrift „Von der Hinzuführung aller christlichen Kirchen zur ursprünglichen Einheit“ siehe oben S. 253, 2. Anm. und unten S. 264 f.).

Zum Bilde der Religiosität der Tatarinowa und ihres Kreises gehört aber noch ein Zug, durch welchen sie sich sowohl von der skopzischen als der grosskirchlichen unterscheidet. Das ist die Wohltätigkeit, die die Tatarinowa selbst übte und zu der sie ihre Anhänger erzog (darüber besonders Tolstoi, Vom geistlichen Bunde der Tatarinowa S. 222; Kulkolnik S. 599 f., S. 606, vergl. oben S. 256 f., Anm.; Dubrowin, Okt. S. 43, Dez. S. 52 f., Febr. S. 240). Denn einerseits durfte das in die Sammelbüchse von den Mitgliedern des Kreises gelegte Geld nur zum Besten ausserhalb des Kreises stehender Notleidender verwandt werden, andererseits handelte es sich hierbei nicht um blosses Almosengeben, sondern um geordnete Armen- und Krankenpflege. Weist solches auf Einflüsse der lutherischen Kirche zurück, zu der die Tatarinowa bis zu ihrem 34. Jahre gehört hatte, so mag, dass in buchstäblicher Erfüllung des Bibelwortes Arme zu Tische geladen und von den Gliedern des Kreises bedient wurden, auf Einflüsse der neuen pietistischen Frömmigkeit zurückgehen, die vom Abendlande besonders durch die Frau von Krüdener nach Russland verpflanzt worden war, zu welcher auch die Tatarinowa in Beziehung getreten ist (Dubrowin S. 235 und sonst).

III.

Es erübrigt noch eine kurze Darstellung der äusseren Schicksale des Kreises, die helles Licht auf die religiöse (und politische) Toleranz der letzten Jahre Alexanders I. und der Regierungszeit Nikolais I. werfen, z. T. aber seinen Mitgliedern Gelegenheit gaben, die Stärke und Aufrichtigkeit ihrer Überzeugungen zu bewähren, welche erst durch

die Verfolgung ans Licht gekommen sind (nach Liprandi, Von der Sekte der Tatarinowa S. 21 ff.; N. Suschkow, Denkschrift über Leben und Zeit des Prälaten Philaret S. 77 ff.; Tolstoi, Vom geistlichen Bunde der Tatarinowa S. 211 ff.; Joannow, Ergänzende Nachrichten von der Tatarinowa S. 2337 ff.; Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 77 ff.; Ie. Karnowitsch, Fürst Aleksandr Nikolajewitsch Golizün und seine Zeit, Historischer Bote 8. B. 1882, S. 246 f.; Aus den Erinnerungen des Metropolitens Philaret, Russ. Archiv 1888, S. 585 Anm.; Die Tatarinowa im Kaschinschen Frauenkloster (nach archivalischen Akten des Twerschen geistlichen Konsistoriums), Twersche Ep.-Nachr. 1891, S. 284—300; Fuks, Aus der Geschichte des Mystizismus S. 3 ff.; Dubrowin, Unsere mystischen Sektierer, Jekaterina, Philippowna etc. 1895 Okt. S. 44 ff., Nov. S. 5 ff., Dez. S. 51 ff.; 1896 Febr. S. 225 ff.)

Im September 1817 wurde der oben z. T. wiedergegebene Brief der Tatarinowa an Anna Franz von der Polizei aufgegriffen, der im Übrigen nur eine Aufforderung erhält, zu ihr zu ziehen (der sie auch alsbald nachkam (vergl. oben S. 232 u. 1. Anm.), aber durch die Bitte, ihr Geheimnis nicht zu enthüllen (vergl. oben S. 246), Verdacht erregte. Die Nachforschungen der Polizei hatten die in der oben (S. 231 ff.) mitgeteilten alleruntertänigsten Denkschrift Wjašmitinows enthaltenen Nachrichten zum Ergebnis. Der Minister der Volksaufklärung und der Geistlichen Angelegenheiten Fürst Aleksandr Nikolajewitsch Golizün aber antwortete vom 8. Okt. (nach Liprandi aus Moskau unter № 4; doch nennt er als Datum den 15. Okt.; abgedruckt bei Usow, Aus meinen Erinnerungen S. 580) im Auftrage des Kaisers, der selber die Denkschrift durchgesehen, „man könne die Versammlungen bei der Tatarinowa unbeachtet lassen, da sie nichts Wichtiges in sich schlössen“; da aber die Zimmer im Michaelpalais der Buxhöwden und nicht der Tatarinowa angewiesen seien, so habe der Herrscher ihm befohlen, beiliegenden Brief an Baron Aldebil zu schreiben (vom selben Datum, a. a. O. abgedruckt). In diesem Briefe wurde befohlen, die Tatarinowa und die Franz aus dem Palais auszusiedeln, da nach der Palaisordnung ohne Allerhöchste Erlaubnis niemand von den hier Plazierten das Recht habe, andere — es sei denn die minderjährigen Kinder — bei sich aufzunehmen. — Verblieb die Tatarinowa trotzdem noch fünf Jahre im Michaelpalais, so soll sie der Kaiserin Jelisawéta Alekséjewna die Zurücknahme des kaiserlichen Befehls zu danken gehabt haben. Nach Dubrowin (Nov. S. 13) hat der Fürst Golizün die Beziehung zur Kaiserin vermittelt, die nach einigen Besuchen der Tatarinowa versprochen, ihre Beschützerin zu sein, — wie überhaupt die Glieder der kaiserlichen Familie mit ihrer Tätigkeit bekannt gemacht. In der Tat hat sich um diese Zeit Golizün selbst dem Kreise der Tatarinowa angeschlossen und besuchte zusammen mit dem Hofmeister R. Koscheljow oft ihre Andachten. Aber um mit dem Kaiser und den Gliedern seines Hauses bekannt zu sein, bedurfte sie nicht erst Golizüns (vergl. oben S. 223). Alexander I. schrieb an Koscheljow, dass sein Herz immer von Liebe zum Heilande entflamme, wann er in seinen Briefen von der Gesellschaft der Tatarinowa lese. Er liess die Tatarinowa wiederholt zu sich kommen und führte mit ihr religiöse Gespräche. Diese waren wohl auch

der Anlass, dass er ihren skopzischen Profeten Nikita Fjodorow zu sich kommen liess und über die profetische Begeisterung ausfragte. Fjodorow antwortete, er sei durch Gottes Vorsehung der Tatarinowa zugeführt worden, dass er, ohne sie zu kennen, sie in einem Gesichte gesehen habe. Mit der gleichzeitig empfangenen profetischen Gabe nähre er im Michaelpalais viele Seelen. Der Kaiser belohnte ihn mit Verleihung der vierzehnten Rangklasse und die Tatarinowa mit einer jährlichen Pension. Er schrieb an sie in dieser Angelegenheit: „Ich erhielt während des Gebetes die Geneigtheit, Ihnen 8000 Rbl. jährlich zu Ihrer Unterstützung anzubieten. Ich bitte Sie, sie durch den Fürsten A. Golizin anzunehmen“¹⁾.“ Darauf besuchte der Kaiser selber eine ihrer Andachtsversammlungen und soll (nach Pilezkis Denkschrift vom 7. Okt. 1837) geäußert haben: „Durch diese Gesellschaft hoffe ich die Häresieen der Skopzen und Freimaurer auszurotten“²⁾. — Über seinen Brief (vom 20 Aug. 1818) an den Vater des Leutnants Grafen Aleksé Miloradowitsch, in welchem er ihn über dessen Beziehungen zu der Tatarinowa beruhigte, haben wir bereits oben (S. 227, 1. Anm.) berichtet. — Pilezki überreichte ihm 1819 seine Schrift „Von den Skopzen“ (nach Melnikow 1872, 3. B. S. 80 sogar in seinem Auftrage verfasst). Der Kaiser las sie und verfügte ihre Drucklegung in 11000 Exemplaren und Verbreitung unter der Geistlichkeit³⁾ und im Heere.

Das Wohlwollen Alexanders I. gegenüber der Tatarinowa und ihrer religiösen Wirksamkeit, das mit seinen mystischen Neigungen zusammenhing (vergl. oben S. 175), verschaffte auch nach dem Jahre 1817 ihrem Kreise völlige Bewegungsfreiheit. Die ekstatischen Andachten gingen ganz ungestört im Michaelpalais vor sich, obgleich darüber die schlimmsten Gerüchte verbreitet waren. Auch die Aussiedlung der Tatarinowa aus dem Palais im Jahre 1822 ist noch nicht als Folge einer Gesinnungsänderung des Kaisers aufzufassen. Denn er entschuldigte sich ihr gegenüber, dass er habe die Bitte seines Bruders Nikolai erfüllen und das Palais für die Ingenieur-Schule abtreten müssen, und assignierte ihr aus seiner Schatulle Mietgeld für eine Wohnung mit allen Bequemlichkeiten. Die Tatarinowa siedelte nunmehr in den Bezirk über, der „Semjonowsches Regiment“ genannt wird (im Moskauschen Stadtteil), und bezog (in der „ersten Rotte“) mit ihrem Schwager Michail Tatarinow ein Haus, von dem er die

1) In ihren Gesuchen um Befreiung aus dem Kaschinschen Kloster hat die Tatarinowa die Höhe dieser von ihr zwanzig Jahre lang bezogenen Pension bald auf zehn- bald auf sechstausend Rbl. angegeben. Ich weiss nicht, ob diese drei verschiedenen Angaben sich auf den wechselnden Unterschied des Kurses der Assignationen (dass die 8000 Rbl. in Assignationen gemeint waren, wird ausdrücklich angegeben) und des Kurses des Silberrubels zurückführen lassen (vergl. oben S. 154, 1. Anm.), oder ob nicht immer die gleiche Pension gezahlt wurde.

2) Eine Folge dieser Absicht soll die Entsendung von Pilezki und Popow zu Seliwanow im Jahre 1819 gewesen sein (siehe darüber unten).

3) Freilich weigerten sich hohe Prälaten, wie Philaret, damals Jaroslawscher Erzbischof, diese zu vermitteln, da der Inhalt der Lehre der Kirche nicht entspreche (vergl. oben S. 247 f.).

obere, sie mit ihren Hausgenossen¹⁾ die untere Etage einnahm. Wenn aber hier die zahlreich besuchten Versammlungen des Michaelpalais nicht fortgesetzt wurden, so war der Anlass dessen nicht die Übersiedelung, sondern das kaiserliche Verbot aller geheimen Gesellschaften überhaupt vom 1. August 1822, auch solcher, die einen wohlthätigen Zweck hatten, da im Abendlande in solchen Gesellschaften gefährliche Meinungen entstanden seien. Damit wurde den Andachtsversammlungen der Tatarinowa (wie der Skopzen) die gesetzliche Basis entzogen; von ihr wurde noch das ausdrückliche schriftliche Versprechen abgefordert und gegeben, fortan derartige Versammlungen nicht mehr abzuhalten, dem sie auch bis zu einem gewissen Grade nachgekommen ist. Als Kosowitsch das Aufhören der früheren Versammlungen beklagte, schrieb sie ihm: „Dein Verwaistsein hat mich gerührt — das ist ein Zeichen der Treue und Anhänglichkeit mir gegenüber; denn deine Seele hat gefühlt, dass ich mich zurückziehen wünsche; aber sei überzeugt, dass ich selbst euch so sehr liebe, dass ich nicht von euch Abschied nehmen kann. Und so darf ich nicht mich von euch trennen, aber auch euch alle zusammen zu sehen verlangt — scheint es -- Gott nicht von mir, es sei denn vielleicht, wann ihr ein Wörtchen²⁾ wünscht. Ich werde mit Freuden während der Woche mich bald mit dem einen, bald mit dem andern von euch sehen, wie Gott es befehlen wird; mir ist es so leichter, als auf einmal mit vielen“.

Die hier angedeuteten ausnahmsweise stattfindenden allgemeinen Versammlungen wurden nicht in der Wohnung der Tatarinowa selbst, sondern oben in der Wohnung ihres Schwagers abgehalten, wo ein besonderes Zimmer dazu hergerichtet war, geschmückt mit Heiligenbildern, meistens von der Hand Borowikowskis. Sie schlossen bereits um 7 oder spätestens um $\frac{1}{8}$ Uhr abends (Angabe Kosowitschs vom 28. Febr. 1824, bei Dubrowin Dez. S. 58).

Nicht diese mit aller Vorsicht abgehaltenen Versammlungen, sondern persönliche Beziehungen von Gliedern ihres Kreises zu dem Gutsbesitzer A. Dubowizki (vergl. B. I. S. 153 Anm.), der 1824 um seiner religiösen Tätigkeit willen verhaftet wurde, zogen wiederum die Aufmerksamkeit der Regierung auf ihn und führten zur Verhaftung auch jener, obgleich sie mit Dubowizki in ihren religiösen Anschauungen ganz auseinandergingen, der von der Ekstase nichts wissen wollte. Zugleich mit Dubowizki wurde der mit ihm befreundete Gagin verhaftet³⁾ und in ein Kloster eingesperrt, der zusammen mit Kosowitsch seine Bekanntschaft mit der Tatarinowa vermittelt hatte. Dubowizki hatte einige Zeit im Quartier Kosowitschs gelebt und dieser übergab aus Furcht vor Verhaftung ein Paket mit Briefen und Niederschriften der Tatarinowa dem Bader des Leibjägerregiments zur Aufbewahrung, der sie aber dem Petersburger Oberpolizeimeister auslieferte (vergl. oben S. 241, 1. Anm. über den Eindruck, den Araktschéjew aus

1) Als solche werden zu der Zeit drei adlige Damen genannt (Dubrowin Dez. S. 52, 2. Anm.), die ihr bei der Führung des Hauswesens und Erziehung ihrer Pflegekinder, deren sie damals ausser der oben erwähnten Anna noch zwei hatte, zur Hand gingen; ferner drei Frauen bäuerlicher Herkunft.

2) Gemeint die begeisterte Rede.

3) Man fand bei ihm u. a. ein „Buch der Lieder zur Verherrlichung unseres Herrn Jesu Christi, zu geistlicher Erbauung von kindlichen Seelen und zur Sättigung der bekümmerten Herzen“.

ihnen gewann; er hatte sie von dem Generaladjunkten Uwárow erhalten, dem sie der Kaiser zur Durchsicht übergeben hatte). Der Kaiser befahl ihm unter der Hand und ohne Verlautbarung eine Untersuchung zu veranstalten und die Personen zu beobachten, die die Tatarinowa besuchten. Dieser beschlagnahmte einige Papiere und Bücher der Tatarinowa, doch hatte sein Bericht zur Folge, dass der Kaiser der Sache keinen weiteren Fortgang gab, obgleich die fanatischen Verteidiger der Rechtgläubigkeit Graf Araktschéjew, A. Schischków u. a. ihn deswegen bestürmten (beim Ausscheiden des Polizeimeisters aus dem Amte vernichteten sie jene Papiere der Tatarinowa und die auf sie bezüglichen Akten).

Durch alles dieses eingeschüchtert gab die Tatarinowa nunmehr ihre Stadtwohnung auf und siedelte sich ausserhalb des Weichbildes St. Petersburgs an, wohin der Arm der Stadtpolizei nicht reichte, die sich damals besonders mit Aufspürung der verbotenen geheimen Gesellschaften zu beschäftigen hatte. Beim „Moskauer Schlagbaum“ (in der Nähe des heutigen Jungfrauenklosters) wurden drei Datschen gekauft, die eine vom Fürsten Engalütschew, die andere auf den Namen Nikita Fjodorows, die dritte auf den Namen Kosowitschs, tatsächlich aber vom Generalen Golowin, der dort zuweilen mit seiner Gemahlin weilte, nach seinem Übergang nach Polen aber seine Familie dort ständig wohnen liess (vergl. oben S. 244, 2. Anm). Hier hielt nunmehr die Tatarinowa mit grösserer Zuversicht ihre Andachtsversammlungen ab. Zum Verhängnis wurde ihr fast der Tod des Malers Borowikowski, der gleich nach seiner Rückkehr von einer derselben gestorben war, auf welcher er noch an der Radenije teilgenommen hatte. Sein Freund Fürst Andrónik sah darin die Ursache seines Todes und schrieb darüber an Photi, der seinen Brief Araktschejew übermittelte. Aber auch diesmal kam die Sache nicht in Gang, sei es dass auch diesmal der Kaiser sich weigerte, gegen sie vorzugehen, sei es dass seine Reisen nach Warschau und nach Taganrog Araktschejew der Gelegenheiten beraubte, ihn gegen die Tatarinowa aufzureizen. Nach seinem Tode aber und dem Regierungsantritt Nikolais I wurde die vergessene Sache hinsichtlich des Todes Borowikowskis wieder hervorgezogen durch einen seiner Enkel, der deswegen direkt an den Kaiser schrieb (vom 21. Febr. 1826) und sich für seine Anklagen gegen die Tatarinowa und ihre Anhänger auf seines Grossvaters Tagebuch berief, aus dem wir die bedeutsamsten Stellen geboten haben (oben S. 234 f.). Er hatte es unter dem Reste seiner Papiere gefunden, von denen der grössere Teil gleich nach seinem Tode von Michail Tatarinow und M. Pilezki aus seinen Komoden weggenommen worden. Bald darauf sandte eine J. Züsürewa eine Denunziation (vom 27. März) gegen die Tatarinowa und ihre Anhänger¹⁾ an den General Benkendorf ein (vergl. oben S. 246). — Aber durch eine Audienz, die sich der General Golowin

1) Sie nannte als solche namentlich u. a. den Adjutanten Grafen Miloradowitsch, die Madame Krüdener und ihre Töchter, die Fürstin Golizün, die Generalin Chwostow; die Gräfinnen Dessage, Lavailles, Litta. — Zweifelsohne standen mehrere von ihnen (die zuletzt genannten!) nur in gesellschaftlichen

vom Kaiser erbat, und durch seinen alleruntertänigsten Brief (vom 2. Mai 1826, vergl. oben S. 250, 2. Anm.) wurde das drohende Ungewitter von der Tatarinowa und ihrem Kreise für diesmal noch abgelenkt, obgleich Nikolai I. gegen geheime Gesellschaften überaus misstrauisch war: Doch die Denunziationen wurden fortgesetzt; aber erst vier Jahre später hatte eine solche des Generalmajors Balábin (vom 11. Febr. 1830) Erfolg, in der er der Tatarinowa u. a. vorwarf, sie predige die „brüderliche Gleichheit“, veranlasse alle ihre Anhänger, ihre Leibeigenen freizulassen, ihre Diensthofen lasse sie mit zu Tische sitzen und gebe ihnen sogar die Ehrenplätze, um in ihnen die Idee der Gleichheit festzusetzen. Der General Benkendorf schickte ein Zirkularschreiben an eine Reihe von Anhängern der Tatarinowa, in dem er ihnen das Verbot geheimer Gesellschaften vom Jahre 1822 einschärfte, und antwortete der Tatarinowa (vom 23. April 1830) auf ihren vom Fürsten dem Kaiser eingereichten Brief in dessen Auftrag, dass sie nur unter der Bedingung an ihrem Wohnorte belassen werden könne, falls sie ihr Haus allen öffne und alle religiösen Versammlungen einstelle.

Die Tatarinowa leistete diesem Befehl in der Weise Folge, dass sie ihre Hauptanhänger veranlasste, zu ihr überzusiedeln, sodass Besuch aus der Stadt fast völlig aufhörte. Diese Massregel schützte sie in der Tat bis zum Jahre 1837 vor weiteren Drangsalierungen.

Zum Verderben wurde dem Kreise der im April des Jahres 1837 aufgedeckte Diebstahl eines Leibeigenen des frühern Departementsdirektors Popow, der mit seinen drei Töchtern eine der Datschen beim Moskauer Schlagbaum bewohnte. Von diesem der Polizei übergeben, gab er, um straflos zu bleiben, an, dass bei seinem Herrn geheime Versammlungen stattfänden und er eine seiner Töchter grausam quäle. In dieser Angelegenheit besuchte der Kaiser am 8. Mai 1837 persönlich den damals kranken Grafen Benkendorf und das Resultat ihres Gesprächs war der Befehl der sofortigen Verhaftung der Tatarinowa und ihrer bei ihr wohnenden Anhänger. Benkendorf beauftragte damit die Spitzen der geheimen und öffentlichen Polizei, aber auch den Oberprokureur des h. Sinods Graf Protásow. Diese umringten noch am Abend desselben Tages die drei Datschen am Moskauer Schlagbaum mit Polizisten, drangen in dieselben ein und verhafteten alle Bewohner. Zuerst weckten sie den Geheimrat Popow aus dem Schlafe. „Er zeigte ihnen die in dem von ihm bewohnten Hause extra zu dem Zwecke erbaute Betstube, welche aus zwei Gemächern bestand, deren Inneres das Aussehen einer Kirche hatte, mit Heiligenbildern und grossen Kirchenleuchtern, jedoch ohne Ikonostas und Altar. In einem von diesen Zimmern befand sich ein Tisch mit Schiebläden zur Aufbewahrung von Kirchenlichtern, das andere war mit Stühlen ausgestattet, unter denen sich ein Lehnstuhl befand, der für den Ältesten des Bundes bestimmt war¹⁾ . . . Die mittlere von den Töchtern

Beziehungen zur Tatarinowa. Überhaupt scheint die Z. nur z. Teil orientiert gewesen zu sein. Denn sie sagt selbst: „Andere, die zu dieser Sekte gehören, brauchen bis jetzt alle Mittel, um unbekannt zu bleiben, was — scheint es — ihnen auch gelungen ist“.

1) Liprandi S. 27 nach dem Protokoll vom 8. Mai; er bemerkt, dass aus ihm nicht ersichtlich sei, wer damals Ältester des Bundes war. Dubrowin nennt als solchen (das russ. Wort für „Ältester“ ist fem., kann auch eine Frau bezeichnen) die Tatarinowa selbst (Febr. S. 243), gewiss mit Recht.

des Geheimrats Popow¹⁾ wurde in einer zwischen Wohnzimmern gelegenen Handkammer eingeschlossen gefunden, die keine Fenster hatte, nur eine Tür, deren Schlüssel beim Vater war . . . Wie in der Akte gesagt ist, waren an ihr, so zu sagen, nur Haut und Knochen nachgeblieben, sodass der Anblick dieser Jungfrau unwillkürlich Mitleid einflösst²⁾. — „Darauf wurde das Haus, welches von der Tatarinowa eingenommen wurde, besichtigt. Bei ihr waren alle Empfangszimmer mit Heiligenbildern von gewaltiger Grösse geschmückt³⁾, mit ebensolchen Leuchtern vor jedem. In ihrem Schlafzimmer stand auf einem kleinen Tischchen ein Hostiengefäss, in welchem ein Stückchen weisses teigartiges Brod gefunden wurde. Die Tatarinowa nahm den ihr eröffneten Allerhöchsten Willen mit der gebührenden Ehrfurcht auf, lieferte unverzüglich ihre Papiere aus⁴⁾ und versuchte bei unbedingter Ergebenheit gegenüber der Rechtgläubigen Kirche dennoch die Richtigkeit ihrer Lehre zu beweisen“. — „Die Generalleutnantin Golowin, der Staatsrat Pilezki und der verabschiedete Ingenieur-Kapitän Buksgewden nahmen mit derselben Untertänigkeit die Eröffnung des Allerhöchsten Willens entgegen. Die beiden letzteren teilen und vertreten nach ihren Darlegungen völlig die religiöse Meinung der Tatarinowa“. — „Im Hause, das vom Titulärrat (Nikita) Fjodorow eingenommen wurde . . . waren zwei Betstuben, von denen die eine wie die allerbeste Kirche geschmückt war: Heiligenbilder, Kronleuchter, Decktuch, Kirchenfahnen, alles geschmackvoll; und ausserdem eine Reihe einzelner Zimmer, die ebenfalls mit verschiedenartigen geheiligten Gegenständen geschmückt und sogar mit einiger Pracht ausgestattet waren“.

Die Glieder des Kreises wurden alle in ihren Zimmern verhaftet. Als Hauptbeweismittel gegen sie diente das ihnen weggenommene Buch, welches ihnen zur Anleitung gedient haben soll: „Von der Hinzuführung aller christlichen Kirchen zur ursprünglichen Einheit.“ Die Schrift war anonym und der Verfasser wurde auch nicht infolge der Untersuchung bekannt. Nach ihrem Inhalte⁵⁾ aber wird man vielleicht (vergl. S. 253, 2. Anm.) annehmen können, dass er zum Kreise der Tatarinowa gehörte. Hier wird nicht nur die Unterscheidung zwischen der inneren, aus den geheimen Gesellschaften, die seit der Zeit der Apostel den Geist besessen, bestehenden Kirche von der äusseren, priesterlich rituellen vollzogen, wie wir sie besonders bei Pilezki, aber auch bei andern Gliedern des Kreises fanden (vergl. oben S. 247 ff.), sondern es wird ausdrücklich gesagt, dass die kirchlichen Hirten mit der Zeit dem H. Geiste

1) Vergl. oben S. 238 f.

2) a. a. O. S. 28. Dubrowin berichtet (S. 248) nach der Aussage eines Augenzeugen, Michail Popows, dass als fünf Tage später die Töchter dem Vater weggenommen wurden, um Erziehungsanstalten überwiesen zu werden, die älteste und die jüngste gleichmütig vom Vater Abschied nahmen. Die mittlere aber, vom Vater so hart misshandelte, zeigte — eine wahre Cordelia — „alle Anzeichen ausserordentlicher Rührung: sie weinte laut, warf sich dem Vater an die Brust, küsste seine Hände, fiel ihm zu Füssen und küsste diese. Mit einem Worte, sie verabschiedete sich von ihm, wie nur eine Tochter von ihrem geliebtesten Vater sich verabschieden kann; W. M. Popow stand in der grössten Bestürzung da: es war bemerkbar, dass in ihm Gefühl und Reue erwachten“ . . .

3) Liprandi zählt und kennzeichnet (Anm. 42) nach dem „Verzeichnis, das sich im 2. Bande der Akte über die Tatarinowa befindet, welche sich in der III. Eigenen Abteilung der Kanzlei Seiner Kaiserlichen Majestät befindet“, 13 solcher, von denen 10 als Originalgemälde Borowikowskis bezeichnet werden. Sie wurden der Kathedrale des Aleksandr-Newski-Klosters übergeben.

4) Sie befinden sich aber nach Liprandi (Anm. 43) nicht bei der Akte.

5) Referat bei Dubrowin Febr. S. 245 f.

untreu geworden seien, in Folge dessen der Zusammenhang zwischen der priesterlich rituellen Kirche und jenen Gesellschaften heiliger Männer, durch die sie erbaut wurde, aufhörte und der H. Geist die Kirche verliess und seiner Gaben beraubte. Daher könne auch die griechisch-russische Kirche, die allein bei dem äusserlichen Gottesdienst geblieben sei, nicht den Menschen erneuern und in lebendige Verbindung mit Gott bringen. Das kirchliche Sakrament der Kommunion bringe als eine rituelle Handlung keinen wesentlichen Nutzen, sondern für die Seele sei unumgänglich die wirkliche Aufnahme des H. Geistes in sich. „In Wahrheit weiss ich nicht, was das für ein Glaube sein soll, wenn man nicht der Herabkunft des H. Geistes in das Fleisch und seiner Offenbarung durch den Menschen glaubt.“ Das Evangelium ist (an sich) blosser Buchstabe, die priesterlichen Diener sind Menschen, welche bloss am Buchstaben kleben und wie die Pharisäer und Schriftgelehrten sich nur auf strenge Erfüllung der Riten stützen, aber Gott nicht in ihrem Innern suchen. Deswegen ist das Wort des Lebens in der Kirche nicht vorhanden, und es verblieb nur im Geheimen unter den Gläubigen. Überhaupt befindet sich jetzt die Kirche und das Christentum in Finsternis, Unordnung und in allerunglücklichstem Zustande. Der Abfall vom lebendigen Worte und Geiste Christi wurde allgemein, was u. a. durch das Fehlen von Leuten, die in Begeisterung reden, und der wunderbaren Erscheinungen, die in der Apostolischen Kirche waren, bewiesen wird. Diese Erscheinungen können nur in den geheimen Gesellschaften auftreten, unter Seelen, die mit Apostolischer Gewalt begabt sind; nur ihr Wort kann uns erneuern und reinigen, und Werkzeuge dieser Reinigung können in gleicher Weise wie Männer, so auch Frauen sein. Wann durch die Verbindung mit ihnen jeder Gläubige in sich den H. Geist vorfinden wird, dann erfolgt die Vereinigung der jetzt zertrennten Kirchen zu einem Leibe und zur Apostolischen Kirche. Dann bricht das Reich Jesu Christi an, dessen Annäherung schon der Kaiser Alexander I. fühlte, als er als Beschützer der geheimen religiösen Gesellschaften und Sekten auftrat. —

Das Geheime Raskolniken-Komitee, dem die Sache der Tatarinowa übergeben wurde, schlug vor, sie und ihre Anhänger in Klöstern zu internieren, welchen Vorschlag der Kaiser am 11. Mai bestätigte. Von dieser Internierung blieben ausser den Familien Golowins und Popows (vergl. oben S. 249 Anm. u. S. 264, 2. Anm.) nur die wenigen Personen verschont, die bis zuletzt aus der Stadt die Versammlungen der Tatarinowa besucht hatten: der Fürst Engalütschew und der Kollegienassessor Rodionow (sie wurden unter polizeiliche Aufsicht gestellt). Die Tatarinowa selbst wurde nebst ihrer Pflegetochter Anna Wasiljewa in das Kaschinsche Frauenkloster in der Twerschen Eparchie verwiesen und in „angemessener Equipage“ am 21. Mai 1837 dort eingeliefert¹⁾.

1) Das härteste Geschick traf Pilezki. Denn er wurde in der Arrestantenabteilung des Sußdaler Klosters in strengster Einzelhaft gehalten, wohin auch Seliwanow 17 Jahre zuvor — mit Infolge seiner Schrift „Von den Skopzen“ — gebracht worden war, um dort fünf Jahre vor Pilezkis Inhaftierung zu sterben (siehe unten). Nachdem im Laufe von vier Jahren seine

Im Kloster zu Kaschin befand sich die Tatarinowa anfangs in sehr schwieriger materieller Lage, da sie der Pension (vergl. oben S. 260 u. 1. Anm.) beraubt worden war, das Kloster aber zu arm war, um ihr auch nur eine besondere Zelle anzuweisen (diese waren nicht Besitz des Klosters, sondern eine jede gehörte mehreren Nonnen als deren Eigentum). Sie wurde zusammen mit ihrer Pflgetochter (vergl. oben S. 256 f.) in ein enges zur Zelle der Äbtissin gehörendes Zimmer placiert. Ihr Gesuch an den Oberprokureur des h. Sinod Grafen Protasow (vom 10. Sept. 1857) um Anweisung irgend welcher Mittel zum Unterhalt blieb unberücksichtigt, aber sie fand schliesslich Unterstützung durch ihren auf freiem Fusse belassenen Anhänger Fürst Engalutschew, der ihr unter dem Vorwande, durch Verkauf ihrer Möbel und sonstiger Habseligkeiten Geld erhalten zu haben, jährlich eine Summe zusandte, die kaum zum Leben reichte. Im Kloster machte sie alle kirchlichen und klösterlichen Andachten und Riten mit, ass die Klosterkost und beschäftigte sich mit Lektüre geistlicher Bücher.

Aber ausgesöhnt hat sie sich mit dem Leben im Kloster, das ihre Gesundheit zerrüttete, nicht, sondern bat 10 Jahre lang direkt und durch Anrufung der Fürsprache anderer, wie des Generals Golowin, ihres Schwagers M. Tatarinow, des Grossfürsten Nikolai Alexandrowitsch, immer aufs neue um ihre Freilassung. Diese scheiterte daran, dass sie sich zu dem geforderten Widerruf ihrer Lehre von den geheimen apostolischen Gesellschaften und dem profetischen Geiste nicht verstehen wollte, so sehr sie auch von Mal zu Mal ihre Ergebniserklärungen gegenüber der rechtgläubigen Kirche und ihr Versprechen, für ihre Ansichten nicht Propaganda zu machen, steigerte. So sagte sie in dem einen Gesuch (vom Nov. 1840, Referat in den Twerschen Ep-Nachr. 1891, S. 292 f. und bei Dubrowin Febr. S. 256 f.), dass in der Urkirche immer besondere Gesellschaften bestanden hätten, sie seien von den heiligen Vätern nur deswegen nicht öffentlich zu-

Gesundheit völlig zerrüttet war, liess er sich zu der schriftlichen Erklärung herbei, „dass er die allgemeine und apostolische Kirche für die einzige wahre Bewahrerin der wahrhaften Lehre Christi halte“ und versprach, die Riten der Sekte der Tatarinowa weder geheim noch offen nicht nur nicht zu verbreiten, sondern auch selber nicht auszuüben; doch fügte er hinzu: „Für mich werde ich in meinem Herzen das deutliche Zeugnis bewahren, dass das profetische Wort der Frau Staatsrätin Tatarinowa die wahrhafte Gabe des H. Geistes des Trösters sei“ (vom 19. Febr. 1842). Daraufhin wurde er freigelassen. — Ich vermute, dass Pilezki den ersten Satz nicht von der griechisch-orthodoxen Kirche verstanden hat, sondern von der „inneren“, die aus den „geheimen begeisterten Gesellschaften“ besteht (vergl. oben S. 247 f., 250, 265). — Auch die andern Verschieden — ausser Popow, der 1842 im Kloster starb — wurden nach Abgabe ähnlicher Erklärungen zu verschiedenen Zeiten freigelassen, zuerst Nikita Fjodorow nebst Familie. — Von weiterer religiöser Betätigung in der früheren Weise ist von ihnen nichts bekannt geworden — ausser von Pilezki und Buxhöwden (siehe unten). Letzterer, der nach seiner Freilassung im Jahre 1842 alsbald sich in Kaschin ansiedelte, erregte bereits dadurch, wie durch häufigen Besuch seiner Schwester, seitdem diese in Moskau lebte, und durch ausgebreitete Korrespondenz und Empfang vieler Briefe auf den Namen der Tatarinowa aus Petersburg, Kaschin und durch die Moskauer Stadtpost aufs neue Verdacht und zog sich verschärfte geheime Beaufsichtigung zu.

gelassen worden, weil nicht „alle es verstehen können“ und es vielen zum Anstoss gereicht hätte. Es sei ihr auch nicht einmal der Gedanke gekommen, dass die rechtgläubige Kirche bei blossem Ritualismus stehen geblieben sei; bei dem Übertritt aus dem Luthertum zur Rechtgläubigkeit habe sie bei der Myrosalbung eine ungewöhnliche göttliche Kraft verspürt, ebenso wie sonst bei der Kommunion. Die rechtgläubige Kirche könne auch ohne profetische Versammlungen Mittel zur Begabung der Gläubigen mit dem heiligen Geiste darbieten, und es sei zur Errettung nicht nötig, profetische Worte von begeisterten Leuten zu hören. Bei ihnen sei die profetische Gabe nicht durch das körperliche Sichdrehen oder die Radenije erweckt worden, sondern durch den Glauben an das Evangelium oder profetische Wort, wenn es mit Liebe zum Erlöser gelesen oder gehört würde. Die Radenije oder das körperliche Sichdrehen diene ihnen zur Ertötung der widerspenstigen Natur, welche sich der Gnadenwirkung auf den innern Menschen widersetzt. In ihren Versammlungen seien tatsächlich Erscheinungen des h. Geistes im Fleische vorgekommen, d. i. durch einen Menschen erschalle das Wort des Lebens für denjenigen, der mit reinem Herzen es zu hören wünschte, welches ebenso den Menschen erneuerte, wie die heiligen Sakramente, die vom Heilande selbst eingesetzt seien.

Der Twersche Erzbischof Grigori schrieb eine lange Entgegnung auf diese Darlegungen und übertrug dem Klostergeistlichen, der Tatarinowa beizubringen, dass es in der Urkirche niemals besondere und geheime Gesellschaften gegeben, die vorhandenen seien alle häretisch gewesen, wie das aus 1. Kor. 10, V. 20 u. 22, 14, V. 25 u. 35 ersichtlich sei, und dass das Weib in den Kirchen zu schweigen habe (V. 34) etc. Die Tatarinowa antwortete (vom 29. Dez. 1842), sie „würde den H. Geist lästern, wenn sie die Früchte, welche sie an ihren religiösen Betätigungen gesehen, für Verirrung erklären wollte“ (zitiert im Briefe des Grafen Protasow an den Grafen Benkendorf vom 4. August 1843, aus der Kanzlei des Oberprokureurs unter № 5550, abgedruckt bei Liprandi S. 36 f. — Der Kaiser schrieb an den Rand: „nach einer solchen Äusserung“ (ist die Freilassung) „nicht möglich“). Auf alle weiteren Versuche des Erzbischofs, sie zum Widerruf zu überreden, erwiderte sie: „Ich habe ganze zwanzig Jahre meine Gedanken genährt, jetzt vermag ich nicht meine Überzeugung zu ändern, zum (weiteren) Ueberdenken bin ich wegen der Schwäche meiner Gesundheit nicht fähig“. — Auf weitere Bittgesuche liess ihr der Kaiser (durch den Grafen Protasow vom 14. März 1845) erklären, dass ihre Befreiung nur dann erfolgen könne, „wenn sie ihre früheren Verirrungen, auf die ihre Sekte gegründet war, verwerfe“. Doch wurde ihr gestattet, ihren längst in Kaschin lebenden und darum bittenden Bruder zu sehen. Schliesslich, als der Gesundheitszustand der Tatarinowa immer schlechter wurde, erbot sich der frühere Chef der Gendarmerie Graf Orłów ihr die Erlaubnis zu erwirken, in der Stadt Kaschin zu leben, wenn sie die bedingungslose schriftliche Verpflichtung abgebe, der rechtgläubigen Kirche unveränderlichen Gehorsam zu erweisen, ihre früheren Ansichten weder offen noch heimlich zu verbreiten, keine besonderen

Riten zu vollziehn (Brief Orlows an den Grafen Protasow vom 27. Febr. 1847 unter № 302). Die Regierung betrat die hier gewiesene Rückzugslinie, obgleich die Tatarinowa ihrer Unterschrift (vom 19. April 1847) den Vorbehalt hinzufügte, dass sie ihre früheren religiösen Meinungen nicht als Verirrung anerkennen könne. Durch Allerhöchsten Befehl (vom 19. April) wurde ihr in der Stadt Kaschin ausserhalb des Klosters unter geheimer polizeilicher Aufsicht zu leben verstatet. Ein Jahr hernach erhielt sie die Erlaubnis, unter gleicher Beaufsichtigung in Moskau zusammen mit ihrem Bruder zu leben. In der Tat wurde hier ihr Verkehr, z. B. mit den Töchtern des Fürsten Engalütschew, argwöhnisch beaufsichtigt. Am 13. Juli 1856 ist sie im Alter von 73 Jahren gestorben, ihre Leiche wurde auf dem Pjárnizki-Kirchhofe beigesetzt und ihr Grab wurde noch lange hernach von ihren früheren Anhängern besucht. —

Der Kreis der Tatarinowa hat mit ihrer und der Hauptmitglieder Verhaftung zu existieren nicht aufgehört. Im Oktober 1848 erhielt der Minister der Innern Angelegenheiten Graf Perowski den anonymen Brief einer Denuntiantin, in welchem namentlich Anhänger der Tatarinowa aufgezählt wurden, die zu geheimen Versammlungen zusammenkamen. Graf Perowski übertrug (am 21. Okt.) auf Allerhöchsten Befehl die geheime Beobachtung derselben, welche in der Gegend am Moskauer Schlagbaum gerade entgegengesetzten an der Tschörnaja Rétschka ¹⁾ stattfanden, dem eifrigen Sektenverfolger Liprandi (Von der Sekte der Tatarinowa S. 20 f.). Hier besass der bei der Untersuchung von 1837 in Freiheit belassene Rodionow und seine zwei Brüder Datschen und wurde häufig von dem andern gleichfalls nicht internierten Anhänger, dem Fürsten Jelpidiphór Engalütschew besucht. Liprandi liess mehrere seiner Agenten in einer der Datschen Rodionows und in deren Nähe sich Wohnungen mieten und diese und andere mit dessen und seiner Besucher Dienstboten in Verkehr treten und erfuhr so in den Jahren 1850 bis Mitte 1852 folgendes (Von der Sekte der Tatarinowa S. 37—46): Rodionow machte seine Datsche, in welcher sich eine mit einem ziemlich grossen Heiligenbilde und sonst nur mit Stühlen ausgestattete Betstube befand, durch sechs Hunde für Fremde unzugänglich. Ihn besuchten ausser dem Fürsten Engalütschew u. a. die Generalin Buturliná aus Moskau, die bei ihm zu wohnen pflegte, ferner die in der Nähe eine Datsche besitzende Bolüschówa, eine Obristin Rándüschewa, die ihren Sohn veranlasst hatte, sich von seiner Frau zu scheiden, weil sie nicht auf ihre Weise beten wollte. In einer der Datschen Rodionows wohnte Urbanowitsch-Pilezki (der 1846 die Erlaubnis erhalten hatte, in Petersburg zu leben, vergl. oben S. 265 Anm.) und wurde ebenfalls oft vom Fürsten Engalütschew besucht. An gewissen Tagen, besonders an den Donnerstagen, wurden die Datschen um 9 Uhr abends verschlossen und niemand mehr hineingelassen: mit der Erklärung, dass niemand zu Hause sei.

1) = schwarzes Flüsschen; gleichfalls ausserhalb der Stadtgrenze befindlich.

Engalütschew wohnte in der Stadt und hatte in seinem Hause in der Sérgijewskaja neben seinem Schlafzimmer gleichfalls eine Betstube eingerichtet, deren Fenster zum Garten gingen. Hier versammelten sich die Rodionows, Pilezki, Buxhöwden, der sich im Hause des Fürsten eine Wohnung gemietet hatte, die Fürsten Nikolai und Stepán Kropótkin, der General Golowin nebst Frau, wenn sie in Petersburg weilten (vergl. oben S. 244, 2. Anm.) u. a. Letzterer erhielt von der Tatarinowa Briefe, welche ihm u. a. strenges Fasten auflegte, sodass er zuweilen während dreier Monate allein zu Mittag speiste und kein Fleisch ass. Auf seinem Gute im Smolenskischen richtete er sich gleichfalls eine Betstube ein. In Riga besuchte ihn zuweilen Buxhöwden, in Petersburg aber Tatarinow, der bei Pilezki Wohnung nahm und auch oft bei Engalütschew war. Am 25. September 1851 war nach der Ankunft Golowins eine allgemeine Versammlung beim Fürsten Engalütschew gewesen, wobei die Profeten geweissagt hatten. Am 30. erhielt Pilezki einen Brief von der Tatarinowa „an den Namen der ganzen Bruderschaft in Christo“. Er fuhr damit zu allen Gesinnungsgenossen und als er zu Golowin und seiner Frau kam, begannen sie, nachdem sie ihn gelesen, sich zu bekreuzen und mit Pilezki und den übrigen zu küssen, darauf den Brief zu bekreuzen und zu küssen (ein Kammerdiener unterschlug ihn und er wurde von Liprandi dem Ministerium vorgelegt: Golowin wird hier wiederholt „Väterchen in Christo“ genannt, die andern „Brüder und Schwestern“). — Seitdem aber Golowin von der Beaufsichtigung des Kreises durch die Regierung erfahren hatte, versammelten sich seine Mitglieder an einem Orte, an welchem sie sich sicher wähnten, im Hause der Tochter Golowins (ebenfalls in der Sérgijewskaja), die mit dem Wirklichen Staatsrat Chanüków verheiratet war, welcher selbst im Ministerium des Innern diente, seine Frau aber in ihrer religiösen Betätigung gewähren liess. Aber auch hier liess Liprandi sie überwachen. Er erfuhr, dass Pilezki auf das Gut Golowins verschiedene Gegenstände, die bei den Andachten gebraucht wurden, alle Sendschreiben der Tatarinowa etc. bringe, und plante, ihn unterwegs in seinem Wagen verhaften zu lassen. Aber gerade zu dieser Zeit verliess Graf Perowski den Posten des Ministers der Innern Angelegenheiten und sein Nachfolger Bibikow liess sofort (zum grossen Leidwesen Liprandis) die Nachforschungen einstellen.

So entging die Tatarinowa und ihre Anhänger dem ihnen abermals drohenden Ungewitter. Seitdem hat die Regierung zweifelsohne sie überhaupt nicht mehr zum Gegenstande ihrer Aufmerksamkeit gemacht. Denn weitere Nachrichten über den Kreis fehlen bisher gänzlich. Man wird annehmen dürfen, dass er zusammenblieb, solange die Tatarinowa lebte. Nach ihrem und ihrer eifrigsten Anhänger Tode wird er ganz wie von selbst sich aufgelöst haben, als die persönliche Nachwirkung der Tatarinowa gemäss dem natürlichen Laufe der Dinge immer schwächer wurde, die junge Generation aber sich als religiösen Einflüssen wenig zugänglich erwies. Erstaunlich bleibt die Zähigkeit, mit welcher er über vierzig Jahre lang trotz aller Drangsalierung und Verfolgung zusammengehalten hat.

c. Die zweite Verschickung des Stifters und die Zeit seiner Suśdaler Haft.

1. Die Petersburger Verfolgung und die Verschickung nach Suśdal (1818—1820).

Während überall im Reiche längst Skopzenprozesse geführt wurden, blieb infolge bisher nicht ganz aufgeklärter Verhältnisse das Zentrum der Sekte in Petersburg unangefochten, ja Solodownikow hatte (vergl. unten den Brief des Generalgouverneurs Grafen Miloradowitsch an den Minister N. Golizün) — durch wessen Vermittlung ist unbekannt — ein allerhöchstes Verbot für die Polizei erwirkt, sein Haus zu betreten (erstaunlich ist vor allem, wie jener Tod eines Skopzen infolge Verschneidung in diesem Hause, der doch der Regierung nicht verborgen geblieben war, keine Verfolgung veranlasste, vergl. oben S. 201).

„Im April 1818 entdeckte der Quartal-Leutnant Baradulin zufällig, als er eine Untersuchung nach falschen Assignationen anstellte, im Hause des Kaufmanns Wasiljew in einer versteckten Kammer einen vor nicht mehr als zwei Tagen verschnittenen Menschen und als er infolgedessen unverzüglich alle dort befindlichen Männer besichtigte, so fand er unter ihnen noch drei Verschnittene, darunter einen verabschiedeten Soldaten, in dessen Quartier verschiedene Arzneimittel sich vorfanden, die augenscheinlich zum Heilen von Wunden dienten. Er arretierte alle als verschnitten Überführten und gab darüber dem Oberpolizeimeister Rapport, aus dessen Munde er einen Dank und den Befehl erhielt, „diese wichtige Sache“ genauer zu erkunden; aber einige Tage darauf, als der eifrige Beamte, „nachdem er überaus erfolgreich den Auftrag erfüllt hatte, mit einer befriedigenden Meldung erschien“ (so heisst es in dem gleichzeitigen Original-Dokumente), erklärte der Oberpolizeimeister, „dass diese Sache bereits eingestellt sei und man darin nichts mehr unternehmen dürfe“ : gleichzeitig wurden auch die unter Arrest befindlichen Skopzen auf Bürgschaft freigelassen“ (Nadeśchdin S. 54 f.)

Nach Melnikow (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 81, auch Pelikan Übers. S. 10) reichte im Juni 1818 der Mitausche Bürger Skopze Raśskaśow, der in Riga lebte, aber oft nach Petersburg kam, dem Petersburger Mitropolit Michail ein schriftliches Bekenntnis ein, in welchem er den Wohnort Seliwanows angab und dass er sich „Christos und Gott und Kaiser Pjotr III.“ nenne. Aber auch dieses veranlasste die Regierung nicht zu einer Aktion gegen die Skopzen ¹⁾.

1) Dass infolge der Eingabe Raśskaśows der Kaiser Pilezki und

Diese wurde erst im April 1819 vom Petersburger Generalgouverneur Miloradowitsch in Gang gebracht (Nadeschdin S. 49 f., Melnikow a. a. O. S. 82, 211 f.), als er erfuhr, dass seine beiden Neffen, die Gardeoffiziere Dmitri und Aleksé Miloradowitsch, von dem skopzischen Hoflakaien Kobeljow in die Versammlungen bei Seliwanow eingeführt worden waren, was ihm der zweite selbst eingestanden hatte. Dieser (derselbe der zum Kreise der Tatarinowa gehörte, vergl. oben S. 226 f.) soll sogar seine Zustimmung zur Verschneidung gegeben haben ¹⁾. Eine Reihe von Untermilitärs aus den Garderegimentern und Matrosen hatten sich bereits verschneiden lassen. Der Generalgouverneur schrieb daher an den Minister der Geistlichen Angelegenheiten und der Volksaufklärung Grafen N. Golizün einen Brief (Referat bei Melnikow S. 82 und 211), dass zu „dem bekannten Greise“, dem Anführer der Skopzen, der im Hause Solodownikows wohne, sich viele Leute jeglichen Standes versammeln, darunter auch Untermilitärs, dass sogar junge Leute höheren Standes herangezogen würden, dass die Sekte sich vergrößere und oft Verschneidungen vollzogen würden, dass die Stadtpolizei den Handlungen des bekannten Greises nicht nachspüren könne, da ihr der Eintritt in das Haus, in dem er lebe, auf Allerhöchsten Befehl verboten sei. Er bitte daher den Fürsten, es zur Kenntnis des Herrscher Kaisers zu bringen, dass die böse Häresie mit jedem Tage wachse und der Schaden, der durch sie der Gesellschaft zugefügt werde, nicht länger geduldet werden könne. Dabei lenkte er die Aufmerksamkeit auf den Hoflakai Kobeljow und die Kleinbürger Isai Iljin und Kirill Grigorjew, die dem Greise naheständen, und schlug vor, diesen und jene Verbreiter des Skopzentums in einsame Klöster zu entfernen.

„Nach den über sie gesammelten Nachrichten“ (Nadeschdin

Popow befohlen, Seliwanow zu besuchen, ist eine unberechtigte Annahme Melnikows. Denn dieser Besuch erfolgte erst anderthalb Jahre hernach (siehe unten).

1) So Melnikow. Nadeschdin teilt nur aus der Akte (№ 12 des Archivs der St. Petersburger Stadtpolizei) mit, dass „der Lakai Kobeljow schon soweit seine Frechheit ausgedehnt hatte, dass er sich erküht hatte, zu dem von den Skopzen sogenannten Erlöser einen von den jungen Gardeoffizieren einzuladen, welcher selber persönlich solches dem Grafen erzählt hatte, der diesen jungen Menschen von der besten Seite kannte.“

S. 49 f. ¹⁾ „kam es an den Tag, dass Iljin in der Residenz das Amt eines „Verschneiders“ versah, indem er sich (dabei) unter unmittelbarer Leitung Kirila Grigorjew befand. Grigorjew stellte sich als der Hauptverbreiter der Verschneidung heraus, der dazu die Leute durch Versicherungen verlockte, dass „der Greis der wahre Erlöser sei“; dazu wurde noch die Bemerkung gefügt, dass „dieser Kirila so umfassende Beziehungen in der Skopzensekte hat, dass er nicht selten Befehle in die entferntesten Gebiete Russlands sende“, und dass er „von allen Skopzen überhaupt und von den neu in die Sekte aufgenommenen Gliedern insonderheit reiche Gaben erhalte“. . . . Der Hoflakai Kobeljew „versichert der ganzen Gesellschaft der Skopzen, dieser Greis sei Pjotr III., bringt ihm lügenhafter Weise Grüsse von der Person des Herrscher Kaisers und versetzt dadurch alle in Furcht und in falsches Vertrauen, wovon sich das Skopzenthum vermehrt ²⁾.“

Wie hatte sich Graf Miloradowitsch seine Kunde von den Skopzen verschafft? Nadeschdin berichtet (S. 55; nach Anm. 66 aufgrund von Akte № 12), dass er auf die Entdeckung Baradulins vom April 1818 zurückgegriffen (vergl. oben S. 270) und seinem eigenen Beamten zusammen mit Baradulin befohlen habe, aufs neue den hauptsächlichsten der damals überführten Skopzen zu verhören, den verabschiedeten Soldaten Petrow. Damals habe Baradulin in einer besondern Denkschrift (befindlich bei der Akte № 12) darauf hingewiesen, „dass von ihnen hier viele Häuser angefüllt sind, insonderheit die der Kaufleute Solodownikow und Wasiljew, die an einander grenzen ³⁾, von denen im letztern nach den von ihm gesammelten Nachrichten (ihren) verborgenen Wohnsitz

1) Es ist bei ihm nicht ganz deutlich, ob auch diese in dem Briefe Miloradowitschs an Golizün oder sonst in der Akte № 12 standen; doch ist ersteres wahrscheinlicher.

2) Melnikow berichtet noch im Abschnitt XVIII. des 3. Bandes seiner Materialien etc. „Nachrichten über den Skopzen Hoflakai Semjon Kobeljew“ (S. 211—213), dass er als junger Mensch während der Regierungszeit der Kaiserin Elisabeth am (sogenannten „Kleinen“) Hofe des damaligen Grossfürsten Pjotr Fedorowitsch, nachmaligen Kaisers Peters III., gedient. Er solle daher den Skopzen versichert haben, er erkenne ihn in Seliwanow wieder. — Diesen Kobeljew meint auch Iwan Andrejanow, wenn er in seiner „Meldung“ etc. von 1825 erzählt: „In St. Petersburg pflegte ich in den Versammlungen der Skopzen den pockennarbigen Hoflakai Semjón Iwanowitsch zu sehen, dessen Familiennamens ich mich nicht entsinne. Die skopzischen Matrosen, meine erwähnten Gefährten, sagten mir, dass dieser Semjon Iwanowitsch in der Folge die Stelle des „Gottes“ einnehmen werde“.

3) Nadeschdin bemerkt noch in Anm. 278 zu S. 199, in derselben Akte sei „angegeben, dass in jener Zeit im Moskauer (Stadt-) Teile die Häuser Dobrezóws, Krasilóws, Mirónows, Osókins zusammenlagen, ebenfalls mit Skopzen angefüllt“. Diese Aufzählung von Skop-

die Leiterin der Verschnittenen weiblichen Geschlechts habe, „ein Mädchen von seltener Schönheit“, die „Gottesmutter“ genannt werde, der die Skopzen „göttliche Ehren erweisen“, in dem ersteren aber finden die wöchentlichen skopzischen Versammlungen statt“¹⁾ . . .

zenhäusern erinnert an die frühere in der Akte von 1814 № 8 (vergl. oben S. 177), zumal „Krasakow“ und „Krasilow“ möglicher Weise identisch ist (hier oder dort verschrieben).

1) Die Forscher identifizieren dieses „Mädchen von seltener Schönheit“ in der Denkschrift Baradulins ausser mit jener Jelena Saweljewa nach der Meldung Iwan Andrejanows (vergl. oben S. 216 und 4. Anm.) auch noch mit der „Grossfürstin Anna Feodorowna“, von der Dosife in seiner „Aufdeckung etc.“ von 1834 als von einem Mädchen von vorteilhaftem Äusseren redet. Hier heisst es (bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 1. B. S. 155 f.): „Überaus interessant ist es, wie ein liederliches Mädchen, die irgendwie in das Geheimnis des Skopzentums eingedrungen war, mit Erfolg sich ihren Aberglauben zunutze machte. Zu der Zeit, als der Lügenchrist in St. Peterbürg lebte, erklärte diese Venuspriesterin, die in Moskwá (Moskau) zur skopzischen Vestalin geworden war, ihren Genossen als Geheimnis, dass sie die Grossfürstin Anna Feodorowna, die Gemahlin des Zesaréwitsch und Grossfürsten Konstantin Pawlowitsch gesegneten Angedenkens sei. Das geheime Gerücht verbreitete sich bald unter allen Skopzen: sie gerieten in Entzücken vor Freude über die Gewinnung einer solchen Persönlichkeit und unverzüglich übergaben sie ihr die Leitung und den Vorsitz in ihrer Versammlung, indem sie sie mit dem Titel „Mütterchen“ ehrten. Sogar der Lügenchrist Andrjuschka selbst wünschte ihren Besuch; jedoch hernach bereute er, sie als Gast empfangen zu haben. Das vorteilhafte Äussere und die Gewandtheit der neuen Halbgöttin wendete ihr alle Petersburger Skopzen in einem Masse zu, dass sie bereits ihr angestammtes Väterchen vergassen, der in seinem Obergemache eingeschlossen lebte. Sie kehrte nach Moskwá in der vollen Überzeugung zurück, dass ihr Betrug nicht entdeckt werden könne, und begann (noch) kühner als früher nach allen Richtungen hin zu handeln. An den Feiertagen fuhr sie zu ihrer Zerstreuung und Vergnügung mit ihren auserwählten Begleiterinnen auf den Strassen der Stadt umher, die sie durch einen Chorus von skopzischen Liedchen erheiterten, welche gewöhnlich den Liedern des einfachen Volkes ähneln. Der Reichtum strömte ihr von allen Seiten zu, und die Dummheit der Skopzen gewährte ihr die Gelegenheit, ihre gemeinschaftliche Summe zu verwalten; jedoch nach einiger Zeit, ohne irgend darüber Rechenschaft zu geben, verschwand — man weiss nicht wohin — ihr angestammtes Mütterchen und bestrafte sie durch ihre Hinterlist für ihren masslosen Aberglauben.“

Von dieser Pseudo-Grossfürstin redet, wie Nadeschdin (S. 109) mit Recht bemerkt, auch der Deserteur Budülin in seiner berühmten „Angabe über die Skopzen vom 8—11. Februar des Jahres 1829“, wenn er sagt (bei Melnikow, 1872, 4. B. S. 82): . . . „in Ranenbürg . . . versuchte ich auf die Bitte der Skopzen der Stadt Ranenbürg zu erfahren . . ., durch

Auf den Brief des Grafen Miloradowitsch antwortete der Minister Golizün (Referat und Zitate bei Nadeschdin S. 50 f. nach der Akte № 12; von Melnikow wiederholt: 3. B. S. 82 f., 212 f.), dass er „völlig mit der Meinung des Grafen über die Notwendigkeit, wirksame Massnahmen zur Besänftigung dieser schädlichen Sekte zu ergreifen, einverstanden sei;“ hinzu fügte er, dass noch während der Graf P. A. Tolstoi hiesiger Kriegsgouverneur war, sie beide „auf Befehl des Herrscher Kaisers das Bethaus der Skopzen ¹⁾ be-

welche Gelegenheit die vermeintliche skopzische Gottesmutter, die im dortigen Zuchthause gefangen gehalten wurde, zu retten sei.“ (S. 87 f.): „Die Moskauer Kleinbürgerstochter Jeléna Pawlowa, die Tochter Pawlows, war fälschlich in die Moskauer Kleinbürgerschaft von dem Kaufmann Kastraten Kotélnikow eingetragen worden und die Kastraten nennen sie Grossfürstin, des Zesarewitsch Konstantin Pawlowitsch erste Gemahlin. Alle Skopzen verehren sie als „Gottesmutter“, aber von mir wurde in Erfahrung gebracht, dass sie nicht eine Moskauerin ist, sondern eine Kleinbürgerfrau aus der Stadt Lebedjan im Gouvernement Tambow, welche, wie ich wirklich weiss, für liederliche Auf-führung von Gerichtswegen von ihrem Manne geschieden worden war.“ —

Aber Nadeschdin ist nicht geneigt, diese Kleinbürgerfrau aus Lebedjan mit dem „Mädchen von seltener Schönheit“ in der Denkschrift Baradulins zu identifizieren, sondern er sagt von der letzteren (Anm. 138 zu S. 109): „Die Skopzen, die sie hier in Peterburg gesehen haben erzählen mit Bestimmtheit, dass sie hierher im Dezember 1810 aus Simbirsk mit dem Kaufmann Semjon Michailow und seiner Schwester gekommen sei“ (daraufhin vermutet er — m. E. mit sehr zweifelhaftem Recht — dass sie die Schwester der Alaturer Skopzen Miljutins gewesen sei, die dort von den Skopzen als „Lebensbuch“ verehrt worden, vergl. unten). — Melnikow und Reutski aber haben nicht nur jene Identifizierung vollzogen (dass er und Nadeschdin sie mit der Gottesmutter Anna Safonowna Popowa identifiziere, hat Kutepow S. 206 Anm. mit völligem Unrecht behauptet), sondern meinen auch ihren wirklichen Namen angeben zu können: Irina (auch Arina) Katasonowa. Melnikow bietet (S. 112 ff.) eine ganze Reihe von Akten über zwei Skopzenprozesse im Serpuchowschen Kreise im Jahre 1831 und in Moskau 1832, in denen von ihr oft die Rede ist (das Nähere siehe unten). Weil hier zu lesen ist, dass sie den Namen „Jelena Pawlowa“ angenommen, ferner, dass in einer skopzischen Betstube sich ein Bild der „Zarin Jelena Pawlowna“ befunden, behaupten Melnikow (B. 3, S. 84) und Reutski (S. 160), dass sich „das Mädchen von seltener Schönheit“ im Hause Wasiljews zugleich (!?) Grossfürstin Anna Fedorowna und Zarin Jelena Pawlowna genannt habe. Reutski erzählt (S. 160—162) eine ganze zusammenhängende (sehr abenteuerliche) Geschichte dieser „Irina Nikolajewna Katasonowa“ von 1808—1831 (z. T. unter Berufung auf noch andere Akten), die nicht zu kontrollieren ist.

1) Über den Zusatz Melnikows vergl. oben S. 171 Anm.

suchten und ihnen den Allerhöchsten Willen erklärten, dass sie mit dem Verschneiden des einen durch den andern aufhören sollten, aber dem Greise, der Erlöser genannt wurde, nahmen sie damals das Versprechen ab, durchaus nicht diese Operation zu gestatten oder selber an jemand zu vollziehen, unter Befürchtung der Verschickung nach Sibirien“; aber da gegenwärtig ersichtlich sei, dass dieses Versprechen nicht gehalten worden, so erachte er vollkommen die vom Grafen vorgeschlagene für eine „vernünftige Massnahme, d. h. die Entfernung der Verbreiter des Skopzentrums in einsame Klöster“; nur meine er seinerseits, dass „da der Greis gemäss seiner Hinfälligkeit und schwachen Gesundheit, wie es scheine, von sich aus keinerlei Tätigkeit in der Verbreitung dieser schädlichen Verirrung entwickeln könne, sondern nur als Werkzeug anderer diene, die unter seinem Namen handeln“, es genug sei „nur diese handelnden Hauptpersonen zu entfernen, und zwar den Lakai Kobeljow und die Kleinbürger Iljin und Grigorjew“; darauf die Gesellschaft der Skopzen durch den es sich gehöre, zu versammeln und ihr in Anwesenheit des Greises zu erklären, dass diese drei Menschen einzig für die Verbreitung des Skopzentrums entfernt worden seien; hierauf aber „den Greis in Ruhe zu lassen; möge er beten und mögen sie sich bei ihm zum Gebete versammeln, aber dass sie ihn nur nicht Erlöser nennen und durchaus keine Soldaten in ihre Gesellschaft aufnehmen“.

Es wurde nun ein Dokument dem Kaiser zur Bestätigung vorgelegt, in welchem von den Versammlungen der Skopzen, ihren Ältesten, ihrer gemeinschaftlichen Kasse die Rede ist (nach Nadeschdin S. 53 in einem so ruhigen Ton, als ob das alles erlaubte Dinge seien), und jene Vorschläge gemacht werden. Aber der Name Peter III. kam hier garnicht vor, obgleich in den offiziellen Beilagen zur Akte (№ 12) er häufig erwähnt wird als von Kobeljow dem Greise beigelegt. Beigefügt war der Brief Golizüns und der Kaiser hiess seine Vorschläge gut. Infolgedessen wurden Kobeljow, Iljin und Grigorjew am 13. Juni um 4 Uhr nachts unter Beobachtung besonderer Vorsichtsmassregeln verhaftet und in das Solowezki-Kloster verschickt. Der Versammlung der Skopzen aber wurde unmittelbar darauf auf Anordnung des Grafen Miloradowitsch erklärt, dass diese Leute „einzig für Verbreitung des Skopzentrums entfernt worden seien“ (alles Mitgeteilte bei Nadeschdin S. 51 nach derselben Akte). Bei ihrer Verhaftung erwies sich als ihr ganzes Eigentum ungefähr hundert Rubel in Assignationen (S. 55).

Melnikow behauptet (a. a. O. S. 82), dass die ganze Untersuchung nicht von Polizeibeamten, sondern von Beamten des Ministeriums der Geistlichen Angelegenheiten geführt worden sei,

unter denen er auch den Departementsdirektor Popow vermutet; also unter Einfluss des Fürsten Golizün, der nicht den Wunsch gehabt, gegen Seliwanow und seine Anhänger etwas zu unternehmen. Überhaupt sind die Forscher der Meinung, dass die Milde gegenüber den Skopzen damit zusammenhänge, dass die die Untersuchung führenden Beamten z. T. Mitglieder des Kreises der Tatarinowa waren, der doch seinen Kultus von den Skopzen entlehnt hatte (vergl. oben S. 226 ff.). In der Tat erinnert die Gefissentlichkeit, mit welcher Golizün nur den Vollzug der Verschneidung bei den Skopzen als straffällig hinstellt, an die Opposition, welche im selben Jahr vom Kreise der Tatarinowa gegen die Skopzensekte gerichtet wurde (vergl. oben S. 247 f., 254 f.). Wenn aber die Forscher ferner behaupten, dass jene drei Verschieden von den Hauptanführern der Sekte neben Seliwanow, den reichen skopzischen Kaufleuten Solodownikow, Wasiljew u. a., nur vorgeschoben worden seien, um selber straflos zu bleiben, so scheint solches bloss auf dem Missverstehen eines ganz ohne Tendenz von Nadeschdin angestellten Vergleichs zwischen der Armut jener und dem Reichtum dieser (S. 55) zu beruhen. Denn Nadeschdin sagt von ihnen (Anm. 66 zu S. 55), dass sie als Seliwanows Diener zu seiner nächsten Umgebung gehörten und nach ihrer Verschickung durch Choroschkéjew ersetzt wurden, von dem er ebenso behauptet, dass er zum Nachfolger Seliwanows ausersehen war (S. 172 und Anm. 238 unter Berufung auf die „Vorschrift des Rigaer Generalgouverneurs anlässlich der Pskower Skopzen vom 22. Febr. d. J. 1829“; das Nähere s. unten), wie es die „Meldung“ Iwan Andrejanows von jenem Hoflakaien (Kobeljow) vor seiner Verschickung erzählt (vergl. oben S. 272, 1. Anm.). — Freilich würde ein derartiges Vorschieben unbedeutender Mitglieder der Sekte, damit sie die Bestrafung von den Anführern auf sich ablenken, der späteren geradezu systematisch ausgeübten Praxis der Skopzen entsprechen. In diesem Falle aber genügt wohl die Annahme, dass diese drei Männer aus der nächsten Umgebung Seliwanows, die als solche ihren Anteil an den reichen Darbringungen seiner Anhänger erhalten haben werden, es verstanden haben, vor ihrer Verhaftung ihren Besitz durch Übergabe an ihre Glaubensgenossen in Sicherheit zu bringen; im übrigen aber, dass die Informationen, die Miloradowitsch und Golizün durch ihre Beamten erhalten haben, ungenügende waren.

Nicht weitere Kunde über die Ausbreitung des Skopzentrums in Petersburg, sondern die Schrift Pilezkis „Von den Skopzen“

(Druckerlaubnis vom 6. Okt.!) scheint den Kaiser zu dem Befehl veranlasst zu haben (vergl. oben S. 260), von welchem der Fürst Golizün durch Brief vom 27. Okt. 1819 den Grafen Miloradowitsch in Kenntnis setzte, dass am 29. Oktober morgens der Direktor des Departements der Volksaufklärung Popow und ein anderer beim Fürsten dienender Beamter beim Anführer der Skopzensekte „zu einigem Gespräch mit ihm“ zu erscheinen hätten (Nadeschdin S. 56 nach Akte № 12; der Inhalt des Gesprächs war ihm noch unbekannt). Über dies Gespräch schrieb am 10. Juli 1820 Popow selbst an den Fürsten Golizün (das Zitat bei Dubrowin Nov. S. 20): „ . . . ich erzählte ihm ¹⁾ in Kürze, was ich selbst gehört und gesehen habe, als ich dort gemäss dem mir gewordenen Auftrage war. Er aber wusste nicht, dass ich unter den Beamten war, über welche er selbst Anordnung getroffen. Ich verfehlte nicht, ihn in Erwägung der überflüssigen Achtung, die von der früheren Polizeiverwaltung sowohl dem „Greise“ als auch seiner Sekte erwiesen worden war, zu warnen, erklärte, dass obgleich es der Wille des Kaisers nicht sei, für falschen Glauben zu bestrafen, doch ein so schrecklicher Missbrauch auf keine Weise zugelassen und geduldet werden könne, wann er einmal bekannt geworden sei, und dass es daher nötig wäre, den Hauptschuldigen an der Verbreitung einer solchen Verführung zu hindern. Infolgedessen waren wir bei ihm allein, stellten ihm die ganze Entsetzlichkeit seiner Sünde vor Augen und forderten von ihm unbedingt einen Wechsel seiner Taten; aber er, so sehr er auch durch diese offene Überführung in Verwirrung gesetzt war, zeigte keinerlei Hoffnung auf Besserung“.

Ferner hat Popow in dem ursprünglichen Entwurf der auf Befehl des Kaisers nach der Verschickung Seliwanows den Skopzen vorzulesenden Erklärung (siehe unten S. 282 Anm.; abgedruckt bei Dubrowin Nov. S. 23 Anm.) über diesen Besuch folgendes gesagt: „Zur grösseren Vergewisserung dessen, was für eine Person bei den Skopzen der darstellt, den sie als ihren Leiter im Glauben anerkennen, wurden auf allerhöchsten Befehl bevollmächtigte Beamte in dies Haus gesandt. Aber dieser selbe Mensch, der soviel Jahre seines Lebens den Rang eines Leiters vieler Menschen getragen, wagte nicht vor jenen Beamten geradezu die Regel seiner Lehre zu erklären. Er war nicht einmal imstande, irgend etwas zur Erklärung dessen zu sagen, was er lehrt. Die heiligen Wahrheiten des Evangeliums Christi, welche ihm damals von den Beamten vor Augen gestellt wurden, um zu prüfen, ob er sich mit ihnen einverstanden erklären würde, brachten ihn in Verwirrung und banden ihm die Zunge. Er wusste überhaupt nicht, was er antworten solle, schwieg, verwirrte sich in den Worten und beeilte sich, die Rede auf etwas anderes zu bringen, um auf die Fragen nicht antworten zu müssen. Wo ist denn da seine Heiligkeit?

1) Dem Grafen Miloradowitsch.

Wo die Festigkeit in der Lehre? Er war nur imstande zu bitten, dass die Meldung der Gesandten über ihn günstig sein möge . . . Mit Erstaunen vergewisserten sich damals die entsandten Beamten durch alles von ihnen Gesehene und von den Personen, die sich um den früheren hiesigen Leiter befanden, Gehörte, dass er tatsächlich von seinen Anhängern Erlöser, Sohn Gottes, geboren von der Allerreinsten Jungfrau, genannt werde, der sie von den Sünden reinige, — mit einem Worte, diese Leichtgläubigen schrieben diesem schwachen Greise alle Gnadeneigenschaften und Gaben zu, die unserem Göttlichen Heiland gehören“.

Die Forscher sagen einstimmig ¹⁾, dass Begleiter Popows bei dem Besuche Seliwanows eben der Verfasser der Schrift „Von den Skopzen“ Urbanowitsch-Pilezki gewesen sei ²⁾.

1) Nur in den „Weissen Tauben“ S. 273 nennt Melnikow den Fürsten Golizün selbst (siehe über den andern Irrtum hieselbst oben S. 172, 1. Anm.).

2) Dubrowin bietet (Nov. S. 14; die Jahreszahl 1818 hierbei ist wohl nur Druckfehler statt 1819) folgende Schilderung jenes Besuches: „In Gegenwart einer zahlreichen Skopzenversammlung suchte Pilezki zwei Stunden lang Kondrati Seliwanow von der Schädlichkeit des Verschnittenentums für Reich und Gesellschaft zu überzeugen. Die Skopzen hörten schweigend die Rede an, antworteten nicht, widersprachen nicht, aber liessen sich von den Beweisen des Redenden nicht überzeugen. Dafür wurde W. M. Popow vom Redner in volles Entzücken versetzt und sagte hernach, dass er den Geist Gottes gehört, der durch M. S. Pilezki geredet. Das war der erste Anstoss, der Popow zur Annäherung an die Tatarinowa brachte“. . . — Dubrowin führt für diese Darstellung keine Belege an. Sie widerspricht der Darstellung Popows insofern, als hier ausdrücklich gesagt ist, dass sie Seliwanow „allein“ (russ. = najediné, oft = unter vier Augen), also in seinem Wohnzimmer in der oberen Etage des Hauses Solodownikows gesprochen. Von seiner Darstellung aus hat aber Dubrowin als erster (S. 14, Anm. 2) der Erzählung des Skopzen Choroschkejew (vergl. oben S. 276) widersprochen, die Nadeschdin zuerst mitgeteilt hat und die ihm alle Forscher geglaubt hatten (S. 54, nach der schriftlichen Angabe Ch.'s, am 4. April 1844 in der Kommission über die Skopzen abgegeben): „Der zu ihm (Seliwanow) auf Allerhöchsten Befehl vom Minister der Geistlichen Angelegenheiten und der Volksaufklärung gesandte Departementsdirektor Popow und ein anderer Beamter schritten, als sie nach dem Gespräch mit ihm weggingen, rückwärts, klatschten in die Hände und riefen aus: „O Herr! wenn nicht das Verschnittenentum wäre, so würde man solchem Menschen scharenweise folgen“. — Diese Erzählung wird durch die Darstellung Popows demnach als skopzische Prahlerei erwiesen. Anders steht es mit der bei Iwan Andrejanow ((vergl. oben S. 221), wenn sie sich auf denselben Besuch bezieht. Denn hier betrifft das anerkennende Wort des Beamten nur die Radenije. Ich vermute, dass eher Pilezki (vergl. oben S. 251 und die Notiz am Schlusse des obigen Zitates aus Dubrowin) es gesprochen, als

Der direkte Anlass der Verschickung Seliwanows ist bisher unbekannt geblieben. Nadeschdin (S. 56 nach Akte № 6 im Archiv der St. Petersb. Stadtpolizei) weiss nur die Tatsache zu berichten, dass „auf Allerhöchsten Befehl vom 17. Februar 1820 sich ein besonderes Sekretes Komitee aus dem Nowgoroder und St. Petersburger Mitropoliten Michail, dem Twerschen Erzbischof . . . Philaret, dem Fürsten A. N. Golizün, dem Grafen Miloradowitsch und dem Grafen Kotschubé (der damals das Ministerium der Innern Angelegenheiten verwaltete) konstituierte.“ Er bemerkt des weiteren, dass die Beratungen in diesem Komitee, dessen schliessliches Resultat der Allerhöchste Befehl der Verschickung Seliwanows in das Suśdaler Spáso-Jewfími-Kloster am 7. Juli war, unbekannt geblieben seien. Dubrowin teilt wenigstens eine Stelle aus einem in diese Zeit fallenden Briefe des Fürsten Golizün mit (Nov. S. 19 f.). Am 24. Juni schrieb er an den Grafen D. Gúrjew: „Auf allerhöchsten Befehl bitte ich untertänigst Eure Erlaucht, zu befehlen, dass mir tausendsiebenhundert Rubel zu der Seiner Majestät bekannten Verwendung ausgezahlt werden, indem Sie dieses Geld unverzüglich ablassen, da man jetzt seiner bedarf.“ Auffällig ist hier die vorsichtige Ausdrucksweise, obgleich, wie Dubrowin behauptet, es sich nur um die Summe zum Ankauf des Wagens handelte, in welchem Seliwanow nach Suśdal gebracht werden sollte. — Nadeschdin selbst teilt (S. 56 nach Akte № 11 in der St. Petersb. Stadtpolizei) noch aus einer Relation des Grafen Kotschube an den Grafen Miloradowitsch, die um dieselbe Zeit geschrieben sein wird, mit, der Herrscher Kaiser wünsche, „dass dieser Mensch während der Reise alle Vorteile haben solle, welcher er bedürftig sein könnte, um seines überaus hohen Alters willen und aus Achtung vor der Menschheit, wie verbrecherisch auch die Regeln der Häresie seien, welche er so lange aussäte“.

Die Verschickung Seliwanows geschah am 7. Juli 1820 (Nadeschdin S. 56 u. 95 ¹⁾). Nadeschdin, auf den alle anderen zurück-

Popow (vergl. oben S. 221, 1. Anm.). — Übrigens hat Melnikow erstere Erzählung (3. B. S. 88, Anm. 7) irrtümlicherweise auf die Zeit kurz vor der Verschickung Seliwanows datiert (Juli 1820), indem er sie mit der andern und mit einer dritten in welcher der Polizeimeister Gorgóli eine Rolle spielt (vergl. unten S. 281 ff.), vermengt hat. Kutepow hat infolge dessen den Besuch Popows und Pilezkis verdoppelt (S. 205: im Okt. 1819; S. 208: im Juni 1820).

1) Dubrowin gibt (S. 21) den 13. Juli an. Er beruft sich dafür nur auf Kutepow S. 207 f. Aber hier ist der 7. Juni angegeben, was wohl Druckfehler ist. Das von Dubrowin mitgeteilte Zitat (siehe unten) aus dem Briefe Golizüns an den Grafen Miloradowitsch vom 9. Juli 1820 beweist, dass an diesem Datum Seliwanow bereits verschickt war. Denn hier ist davon die Rede, dass „seinen Anhängern über seine Verschickung von hier eine Erklärung abgegeben“ werden solle.

gehen, schildert sie folgendermassen (S. 95): „Die Entsendung ... wurde mit besonderen Vorsichtsmassregeln und ungewöhnlichem Bedachte vollzogen. Der damalige Oberpolizeimeister selbst kam zu ihm ins Quartier gefahren, nahm ihn zu sich in den Wagen ¹⁾ und brachte ihn, ohne den eigentlichen Zweck anzugeben, in das Polizeiamt des Moskowischen Stadtteils, von wo er in der zweiten Stunde nach Mitternacht auf die weitere Reise in einem im Hause des Ministers der Geistlichen Angelegenheiten und der Volksaufklärung bereit gemachten Wagen ²⁾ abgefertigt wurde, vom Oberpolizeimeister bis zum städtischen Schlagbaum begleitet (Anm. 121: Akte № 11 des Jahres 1820 im Archiv der Stadtpolizei). Aus dem Rapport des mit ihm bis zum Bestimmungs-orte mitreisenden Untersuchungs-Pristaws Putwinski ist ersichtlich, dass hinter dem Verschickten drein sofort die Kaufleute Solodownikow und Kušnezów nachjagten und ihn auf der Station Tósna erreichten, wo sie sich an den Pristaw mit dringenden Bitten wandten, ihnen zu gestatten, von dem Verbannten Abschied zu nehmen. „Da ich befürchtete“ — wie sich der Pristaw im Rapporte ausdrückte — „die Abfahrt durch das Murren im Falle des Nichtzustimmens zu ihrer Bitte offenkundig zu machen“, so gestattete er ihnen ein Wiedersehn mit Seliwanow in seiner Gegenwart ³⁾ und diese Fanatiker warfen sich

1) Ausführlicheres bietet folgendes nicht viel spätere skopzische Zeugnis. Am 30. Nov. 1822 sagte der Skopze Konstantin Borisow im 1. Departement des Moskauer Hofgerichts aus (Fortsetzung des oben S. 204 f. Mitgeteilten): . . . „wovon die Obrigkeit erfuhr, und im Jahre 1820, im Frühling, um die Zeit des Petritages“ (29. Juni) „kam zu dem Ort, wo ihr sogenanntes Bethaus war, der dortige Herr Kriegs-Generalgouverneur Graf Miloradowitsch und der Oberpolizeimeister Gorgoli mit einem Kommando angefahren und zu der Zeit verhörten sie sie an demselben Orte und sie liessen sie alle dort eingeschlossen, aber ihren erwähnten „Lehrer“ nahmen sie, aber was mit ihm geschah, sei ihm, Borisow, unbekannt; hernach wurden sie alle, die dort waren, an ihre Orte freigelassen und niemals irgendwohin eingefordert“ . . . — Mitgeteilt sei hier noch folgende bezüglichliche Notiz in der „Angabe des Feldwebels Nikolai Iwanow“ von 1846 (bei Melnikow Materialien etc. 3. B., S. 209): „Der verabschiedete Fähnrich P a n k ó w erzählte mir als von ihm von Z a r é n k o gehört, dass diesen „Gott“ in Petersburg der frühere Oberpolizeimeister Gorgoli festnahm, und dass, als dieser letztere zum „Gotte“ hineinging, er Thee trank, vor Schreck die Tasse fallen liess, die zu Scherben zerschlug, aber die gläubigen Gerechten sammelten diese Stücke und verwahren sie wie ein Heiligtum“.

2) Das hat Reutski (S. 145) dahin missverstanden, als ob Seliwanow aus dem Polizeiamt ins Haus des Ministeriums der Volksaufklärung gebracht und von hier nach Sušdal abgefahren sei.

3) Melnikow, der im Übrigen den Bericht Nadešhdins wiederholt (a. a. O. S. 85), vermutet als eigentliche Ursache dieser Nachgiebigkeit Bestechung. Doch vergl. unten S. 286.

mit Andacht auf die Kniee, bedeckten seine Hände mit Küssen und benetzten sie mit brennenden Tränen, während jener „sie segnete und ihnen die letzten Anweisungen und Ermutigungen gab.“

In den nächsten Tagen nach der Verschickung Seliwanows fanden unter den Mitgliedern des „Sekreten Komitees“ noch Verhandlungen statt wegen einer den Skopzen darüber zu verlesenden Erklärung. Dubrowin (Nov. S. 19 f.) teilt einen betreffenden Passus aus einem „sekreten“ Briefe des Fürsten Golizün an den Grafen Miloradowitsch vom 9. Juli mit: „Der Herrscher Kaiser geruhte mir zu sagen, dass er Ihnen bereits den Befehl gegeben habe, auf welche Weise Sie den Anhängern des bekannten Greises seine Verschickung von hier erklären sollen; aber mich geruhte Seine Majestät anzuweisen, das Papier einzusenden, welches ihnen vorzulesen nötig sein wird. Ich gab Auftrag, diesen Brief zusammen mit dem Papier meinem Direktor des Departements der Aufklärung, Herrn Popow, vorzustellen, weil diese Sache durch ihn geführt wurde, aber da er zu diesem Greise auf allerhöchsten Befehl gesandt wurde, so wird er, wenn es Euer Erlaucht nötig sein wird, irgendwelche Nachrichten einzufordern, bereit sein, sie Ihnen zu geben.“

Dubrowin berichtet ferner (S. 20), dass am 10. Juli Popow beim Grafen Miloradowitsch erschien und ihm das Paket des Fürsten Golizün übergab. Der Graf habe gesagt, dass er bereits Befehl vom Herrscher erhalten, das Papier erwartet habe und wisse, dass es vom Kaiser selbst bedeutend verkürzt worden sei (es folgt das Zitat aus dem Briefe Popows an Golizün vom 10. Juli, siehe oben S. 277).

Das erwähnte Papier wurde alsbald ¹⁾ vom Grafen Miloradowitsch zu den auf seinen Befehl im Hause Solodownikows versammelten Skopzen mitgenommen, um dort von ihm verlesen zu werden (Nadeschdin S. 56). Nach der Denkschrift Popows an den Fürsten Golizün vom 16. Juli 1820 fuhr er mit jenem und dem Oberpolizeimeister dorthin (Zitat bei Dubrowin S. 21): „Im Wagen verabredete der Graf, was er sagen solle, und fragte mich unter anderem, wer das Papier geschrieben, welches er vorzulesen habe — ob nicht ich? Ich sagte, dass es, wie er sehe, von Eurer

1) Nadeschdin nennt kein Datum. Melnikow gibt als Datum des Kaiserlichen Befehls über die Verlesung den 13. Juli an (S. 85 f; hier nennt er fälschlicher Weise den Oberpolizeimeister Gorgoli als den das Papier Verlesenden), was in Widerspruch steht zu Dubrowins Behauptung, dass bereits am 10. Juli Miloradowitsch im Besitz des Befehls war. Wenn Dubrowin den 15. Juli als den Tag der Verlesung nennt, so ist dieses Datum vielleicht nur aus dem der Denkschrift Popows (siehe im Text) erschlossen.

Durchlaucht geschrieben sei, und nach den genauen Worten und Wunsch des Herrschers ¹⁾“.

1) Trotzdem behauptet Dubrowin, dass der ursprüngliche Text ganz von der Hand Popows geschrieben worden, nur eigenhändig vom Fürsten A. N. Golizün unter Anbringung einiger Korrekturen abgeschrieben und vom Kaiser Alexander verkürzt worden sei. Dieser verkürzte Text befindet sich¹ nach Nadeschdin in der Akte № 6 im Archiv der Stadtpolizei und wird von ihm (S. 57—58) abgedruckt. Dubrowin druckt auch den ursprünglichen Text ab (S. 23 Anm.). Ich übersetze diesen, weil er für die Geschichte Seliwanows, des Skopzentrums seiner Zeit und des Verhaltens der Regierung zu ihm ergiebiger ist, als die Verkürzung (das Eingeklammerte [] fehlt in dieser vollständig): „Ihr seid von mir hier versammelt zur (Entgegennahme einer) Erklärung darüber, was auf Allerhöchsten Befehl mit eurem Leiter geschehen ist, der euch lehrte, die Errettung der Seele auf besonderen Wegen gegenüber den von der rechtgläubigen christlichen Kirche gewiesenen zu suchen. Statt dessen erhofft ihr Errettung durch Selbstverschneidung und durch Anerkennung eures Leiters als Erlöser. Diese überaus schädliche Lehre, die Gott verhasst, dem Geiste des Evangeliums und dem Christentum zuwider, für den Wohlbestand der Familien zerstörend, für das Reich verderblich, der Regierung bekannt ist, wurde von ihr seit langer Zeit und niemals geduldet. Als die Eiterbeule dieser Lehre, die die Göttlichen und menschlichen Gesetze zerstört, viele Leute von schwachem Verstande ansteckte, wurde dieser Greis als Verbreiter einer solchen Lehre in früheren Zeiten aus dieser Ursache nach Sibirien verschickt. Einige Zeit nach seiner Rückkehr und während der Regierung des jetzigen Herrscher Kaisers wurde eurem Leiter befohlen, niemanden mehr zu verschneiden und sogar sich zu bemühen, mit allen Mitteln davon abzuhalten. Dem damaligen Kriegs-Generalgouverneur Grafen Tolstoi gab er das Wort und brach es hernach. Es wurde bekannt, dass er fortfuhr, diese verderbliche Verirrung unter denen überhand nehmen zu lassen, welche zu ihm völliges Vertrauen hatten. [Statt (ihnen) die Wahrheit zu weisen, die sie bei ihm zur Errettung der Seele suchten, machte er sich ihre Schwäche zunutze, hielt sie in einer solchen Verblendung fest, welche klärlich zu ihrem zeitlichen und ewigen Verderben führt, und nahm von ihnen Benennungen und Ehren entgegen, welche niemandem gehören, als der allerheiligsten Person Jesu Christi, des Gottessohnes. — Dieser sterbliche und hilflose Greis aber, der Krankheiten, Schwächeständen und Gebrechen unterworfen ist, der sogar fast der Möglichkeit, sich zu bewegen, beraubt ist und infolge des Schwachgewordenseins der Glieder seines Leibes ununterbrochen liegt, erfachte sich nicht nur, die Leute von dem wahren Glauben Christi abzubringen, sondern sich auch das zuzueignen, woran ohne Erben nicht gedacht werden kann . . . — Unterdessen sah die Regierung mit Mitgefühl, dass entgegen dem vom Greise gegebenen Versprechen die schädliche skopzische Häresie viele in diese Verderbnis zieht . . . Dieses Übel

Auffällig ist, worauf Nadeschdín (S. 58) aufmerksam macht, dass auch in diesem langen Schriftstück (vergl. oben S. 282 Anm.) nirgends von der Prätension Seliwanows, Kaiser Peter III. zu sein, die Rede ist. Unbekannt war sie den Beamten keineswegs,

begann sich so zu vermehren, dass in verschiedenen Gouvernements und sogar in dieser Residenz selbst eine nicht geringe Zahl . . . sich verführen liessen und sich dem beweinenwerten Geschick unterwarfen, an ihrem Leibe für ihr ganzes Leben verstümmelt zu sein.] — Der Herrscher Kaiser, der Gesalbte Gottes konnte im Eifer um das Wohl der Leute, die seiner Fürsorge vom Allerhöchsten König aller als Könige Regierenden anvertraut sind, nicht gleichmütig auf ein solches Verderben seiner geliebten Untertanen blicken“. . . (es folgt das oben S. 377 f. Mitgeteilte). [„Eine solche gottwidrige Lehre, so gotteslästerliche Meinungen und Taten verdienen einerseits natürlich Mitleid mit den armen, bis zu solchem Grade verirrt Leuten, andererseits aber können sie auf keine Weise länger zugelassen und geduldet werden. Am wenigsten aber jener, welcher mit seinen lügenhaften Lehren sie in solcher Blindheit hielt und sie auf diese Weise von Verirrung zu Verirrung führte, bis zum tiefsten Abgrund des ewigen Verderbens.] — Seine Kaiserliche Majestät beschloss nach solcher Vergewisserung der Verderblichkeit der Regeln der skopzischen Lehre, ihrer Verbreitung Einhalt zu tun. Der Leiter der Skopzenhäresie ist als der Hauptschuldige an ihrem Überhandnehmen jetzt aus der Mitte derer entfernt, welche Unkenntnis der Religion gemäss der angeborenen Blindheit solcher in die verderbliche Anhänglichkeit an diese Denomination gestürzt hat. Dieser Greis wird in klösterlicher Einsamkeit, der Mittel, andere zu verführen, beraubt, noch Zeit haben, die letzten Lebensstage zur Reue über die Sünde der Verlockung und Verführung zu benützen, durch welche viele durch ihn“ . . . (es fehlt ein Wort) „wurden und ins Verderben stürzten, und zur Errettung seiner Seele. — [Die Entscheidung dieses seines Schicksals würde unverzüglich nach dem Empfang der Angabe über den verderblichen Lügenglauben, der innerhalb dieser Wohnung nistet, seitens der von ihm entsandten Beamten erfolgt sein; aber die dem christlichen Herzen unseres Monarchen eigene Barmherzigkeit hat die Ausführung dessen in der Zeit des Winters zurückgehalten, bis zu der jetzigen, mehr für die Wegbringung des Greises an den ihm bestimmten Ort geeigneten Zeit . . . Es ist der wohlthätige Wunsch des Herrscher Kaisers, dass ihr euch von jetzt unserer allgemeinen rechtgläubigen Kirche zuwendet . . .] Übrigens erkläre ich euch, dass von jetzt an sich niemand erkühnen soll, wen auch immer zu verschneiden. Die andere zum Eintritt in das Skopzentum und zur Selbstverstümmelung auf diese das menschliche Aussehn zerstörende Weise verführen, werden strenger Ahndung seitens der Zivilobrigkeit verfallen, als Störer der allgemeinen Ruhe und in der Gesellschaft schädliche Leute. Darauf strenge Obacht zu haben, wird von mir befohlen werden“. —

wie die Beilagen zur Akte № 12 des Jahres 1819 beweisen (vergl. oben S. 275). Ja Melnikow teilt bereits aus einer Akte des Jahres 1817 (№ 1; Materialien etc. 1872, 2. B. S. 65) mit, dass der Graf Miloradowitsch dem Chef des Hauptstabes Seiner Majestät mitgeteilt habe, dass „der Hauptgesetzgeber der Skopzen in Petersburg sich Kaiser Peter III. nenne, über welchen die Skopzen eine Beschreibung seines Lebens oder „Errettung“ besitzen“. — Die Beamten werden die Skopzen nicht haben politisch verdächtigen wollen, was zum Verbot ihrer gottesdienstlichen Versammlungen geführt hätte, welches ihnen als Teilnehmern an den so ähnlichen der Tatarinowa nicht erwünscht sein konnte. — Wenn er nicht mit Namen genannt wird, sondern immer nur „dieser Greis“, so mochte unterdessen die Authentizität des Namens „Kondrati Seliwanow“ der Regierung zweifelhaft geworden sein.

Nach einigen einleitenden Worten las Graf Miloradowitsch den Skopzen das Schriftstück vor, in welchem ihnen eröffnet wird (vergl. die Anm. zu S. 282), warum ihr Leiter auf Allerhöchsten Befehl verschickt worden sei, und ihnen strengstens verboten wird, in der Folge noch jemand zu verschneiden, und schärfte ihnen solches noch mit eigenen Worten ein. Von einem Verbote ihrer gottesdienstlichen Versammlungen aber war nicht die Rede ¹⁾.

Über das Verhalten der Skopzen gegenüber dieser „Eröffnung“ berichtet Nadešhdin (S. 58, unter Berufung auf die Akte № 12) nur, dass „der Skopze Aleksé Petrow, verabschiedeter Hof-Maitre d'hotel, der in der 9. Rangklasse stand, öffentlich den entfernten Lügenerlöser zu verteidigen und zu rechtfertigen wagte, sodass er vor dem Angesicht der Beamten, die den Willen des Monarchen eröffneten, „auf die Kniee fiel und laut nach seiner Zurückbringung jammerte“ ²⁾.

1) So haben denn die Skopzen einen direkten Nutzen davon gehabt, dass ihr Kultus durch die Tatarinowa in die hohe Beamtenaristokratie eingeführt worden ist. Popow und Golizün, deren Vorschläge gegenüber Seliwanow und seiner Gemeinde vom Kaiser sanktioniert wurden (Miloradowitsch hatte nur die Ausführung), konnten nicht das Verbot der skopzischen Andachtsverhandlungen in sie aufnehmen, da sie sich selber an ganz ähnlichen beteiligten. Man kann sagen, dass die Verfolgung der Skopzen 1819—20 durchaus in Gemässheit der Stellungnahme der Tatarinowa und ihres Kreises zu ihnen sich gestaltet hat. Zu einem Verbote der Andachtssammlungen im Hause Solodownikows kam es erst, als auch die der Tatarinowa untersagt wurden (vergl. oben S. 261 und unten).

2) Ohne Petrows und dieses seines Verhaltens Erwähnung zu tun, bietet Dubrowin (S. 21—28) eine farbenreiche Schilderung des Besuches des skopzischen Bethauses durch den Grafen Miloradowitsch,

Bittgesuche um Freilassung Seliwanows wurden (nach Nadeschdin S. 58—60) von einzelnen Skopzen bald nach seiner Verschickung und im Laufe der nächsten Jahre bis an den Kaiser gebracht. Besonders hartnäckig war darin der frühere Hofbedienstete Semjon Kononow, der schliesslich dafür in das Solowezki-Kloster verbannt wurde. Weil er seine letzte Bittschrift im Namen der ganzen „Skopzengesellschaft“ eingereicht hatte, musste der Oberpolizeimeister nochmals die Skopzen versammeln und ernstlich verwarnen (im Sommer 1822). Trotzdem reichte der Kaufmann Solodownikow, in dessen Hause Seliwanow zuletzt gelebt, noch 1823 ein Bittgesuch auf den höchsten Namen ein, in welchem er um Befreiung und Zurückführung des „guten Hirten“ bat, „der auch sein eigenes Leben für seine Auserwählten darbierte, des Vaters und Lehrers, der ihn durch seine Frohbotschaftsverkündigung gezeugt“ (nach Akte № 11 im Archiv der St. Petersburger Stadtpolizei).

2. Die Zeit der Suśdaler Haft (1820—1832).

„Während der Reise nach Moskwá nahm Seliwanow in den ersten Tagen keinerlei Speise an und war überaus vorsichtig und misstrauisch gegenüber seinem Geleitsmanne. Aber hernach näherte er sich ihm und unterredete sich (mit ihm), wobei er solche Gefühle äusserte, dass

des Verhaltens der Skopzen, ihrer Entgegnungen etc. Da meistens nicht ersichtlich ist, was Dubrowin seinen Quellen entnommen hat und was bloss phantasievolle Ausmalung ist, so habe ich sie als unkontrollierbar nicht herangezogen. Nur folgende Belege bietet er aus der Denkschrift Popows an den Fürsten Golizün: „Wieviel ihnen auch der Graf auf seine Weise über die Tugend auseinandersetzte, von dem allgemeinen Nutzen der Vermehrung des menschlichen Geschlechts, sie Unmensen nannte, die des vollkommenen Aussehens und Bestandes beraubt seien, aber damit zugleich auch der vollen Arbeitskraft — alles war vergeblich“. — Ferner über den Schluss des Besuches, als die Skopzen den Grafen Miloradowitsch aufgefordert, bei ihnen Thee zu trinken: „Er war schon dazu bereit, sodass ich ihn nur mit grosser Mühe und mit genauer Not davon abhalten konnte, indem ich ihm auf französisch sagte, dass er sie dadurch noch mehr ermutigen werde, folglich unsere Kommission nicht dergestalt ausgeführt würde, wie es sich gehöre. Aber sie ergriffen ihn und den Oberpolizeimeister an den Händen und baten so dringend, dass sie nicht wussten, wie sie sich losmachen sollten. Unterdessen hörte ich nicht auf, meine Meinung zu wiederholen, und so vermochten wir uns kaum loszureissen. Unterwegs sagte mir der Graf: „Es scheint (mir), das ist gut, dass wir nicht zum Theetrinken dablieben“.

er nach dem Beispiele der Apostel, welche ebenfalls Skopzen waren und Verfolgungen erlitten, bereit sei, sein Geschick zu tragen, dass keinerlei Einschliessung für ihn schrecklich sei, dass er (aber) wünschen würde, zuweilen seine Mitbrüder zu sehen, nur zu dem Zwecke, um ihnen einzufliessen, dass sie „dem Willen der Regierung gehorsam sein und nach den Überlieferungen der Heiligen Väter leben möchten!“ Nach der Ankunft in Moskwa überredet er aus Ursachen der Schwäche seiner Gesundheit den Pristaw, mit ihm zum Nachtlager im Trakteur zu bleiben, aber am andern Tage bat er ihn dringend, in Moskwa noch etwa drei Tage zu bleiben, oder wenigstens ihm zu gestatten, sich mit dem dortigen Skopzen, der unter dem Namen Onuphri Jephimow Pórochow bekannt sei, zu sehen, indem er ihm dafür wie von Porochow, so auch von seinen übrigen Mitbrüdern in Moskwa und St. Peterbürg „eine solche Belohnung versprach, die für ihn überaus bedeutend sein könne,“ wozu sich übrigens jener auf keine Weise verstand“ (Nadeschdin S. 95 f. nach [Anm. 122] einer „Kopie vom Rapporte Putwinskis“, befindlich „bei den Akten der Kommission über die Skopzen“). — Zehn Tage nach seiner Verhaftung traf Seliwanow in Suśdal ein. Die Fahrt von Moskau ging über die Gouvernmentstadt Wladimir, wo er zunächst dem zeitweiligen Verweser des Gouvernements Śúsin von Putwinski abgeliefert wurde, der diesem einen Wladimirschen Stadtteilspristaw beordnete. Die beiden Beamten brachten nun Seliwanow nach Suśdal und lieferten ihn gegen einen Empfangsschein dem Abte des dortigen Spaso-Jewfimi-Klosters Parfėni ab, dem zugleich die Administration der Arrestantenabteilung oblag. Er internierte den Sträfling in dem Kloster-Wachturme ¹⁾.

Vorausgegangen waren alledem umständliche schriftliche Relationen zwischen den obrigkeitlichen Personen (am ausführlichsten orientiert darüber W. Mainow in seinem Artikel „Der skopzische Häresiarch Kondrati Seliwanow etc.“ nach von Sacharow 1869 gemachten Auszügen aus der Akte № 108 im Archiv

1) So Mainow S. 766. Melnikow, der das Kloster besucht hat (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 87, Anm. 67), beschreibt den Ort der Haft Seliwanows folgendermassen (2. B. S. 60, Anm 13): „Innerhalb des umfangreichen Spaso-Jewfimi-Klosters, das mit Mauern nach Art der des Kremls und mit Türmen umgeben ist, befindet sich nördlich von der Kathedrale . . . eine besondere Kasematte, umgeben von einer steinernen Mauer. Die Fenster der einetägigen Kasematte sind hinter dieser Mauer“ (von aussen) „nicht sichtbar. Es gibt nur einen Eingang in die Kasematte, neben ihm steht ein militärischer Wachtposten.“ — Näheres über das Suśdaler Klostergefängnis bei Prugawin, Die Klostergefängnisse, deutsche Übersetzung von M. von Reussner S. 2—12 und sonst.

des Susdaler Spaso-Jewfimijew-Klosters, die die Aufschrift trägt „Vom Greise, dem Anführer der Sekte der Skopzen, dem Namen nach unbekannt, hergeschickt unter Relation des Grafen Kotschube“¹⁾.

Bereits am 6. Juli — noch vor der Verhaftung Seliwanows — war an Susin von dem Verweser des Ministeriums der Innern Angelegenheiten Grafen Kotschube folgende Vorschrift (unter № 136, bei Mainow S. 763) gesandt worden: „Gleichzeitig mit diesem geht unter strenger Aufsicht ins Spaso-Jewfimi-Kloster der Anführer der Skopzensekte ab, der sich (selber) Erlöser und Heiland nennt und von seinen Gesinnungsgenossen (so) benannt wird. — Dem Archimandriten dieses Klosters sind Vorschriften gegeben über Zurverfügungstellung an ihn eines entsprechenden Placements; da aber dieser im allergrößten und -schädlichsten Raskol verhärtete Mensch eine besondere Aufsicht erfordert, so beliebte es seiner Kaiserlichen Majestät, mir zu befehlen, Sie, mein gnädiger Herr, mit den für diesen Fall nötigen Vorschriften zu versehen. Infolge dessen trage ich Ihnen auf, nach Relation mit dem Vater Archimandriten anzuordnen: — Erstens, dass dieser Anführer der Skopzen zu niemandem irgendwelche Beziehungen habe, ausser den Personen, welche der Archimandrit aus den Mönchen zu seiner Ermahnung und seelsorgerischem Gespräch mit ihm bestimmen wird. — Zweitens, dass ihm weder Briefe, noch Sendungen, noch Almosen zugestellt werden; er muss von jeglichen Beziehungen zu anderweitigen Personen entfernt werden. — Drittens, dass mit allen Mitteln sein Aufenthalt im Kloster verborgen werde. — Bei der Unbildung und der blinden Anhänglichkeit der Leute dieser unverständigen Sekte an ihren Anführer, kann es leicht sein, dass sie sich bemühen werden, bis zu ihm zu gelangen, und zum Orte seines Aufenthaltes zu strömen anfangen werden. Unterlassen Sie in solchem Falle nicht, durch polizeiliche Massnahmen alle solche wegzuschicken, streng aufpassend, dass sie dort nicht leben. Sollte es von Ihnen als nötig anerkannt werden nach Relation mit dem Archimandriten, beim Kloster einen besonderen Wachtposten einzusetzen, so unterlassen Sie nicht, sich darüber mit dem Kommandeur des Bataillons der inneren Wache in Relation zu setzen, welchem über die Befriedigung Ihrer Forderung gleichzeitig mit diesem Vorschrift gegeben worden ist“ . . . — Des weiteren wird Susin aufgetragen, allmonatlich über alles auf den Arrestanten Bezügliche dem Ministerium der Innern Angelegenheiten Bericht zu erstatten und alle ihm gemachten Vorschriften geheim zu halten.

1) S. 776 Anm. Prugawin, der selber das Kloster besucht hat, gibt die Aufschrift folgendermassen an (a. a. O. S. 40): „Das Geheimaktenstück vom Greise, dem Anführer der Sekte der Skopzen, der mit dem Schreiben des Grafen Kotschube am 17. Juli 1820 hier eingetroffen war. Name unbekannt.“ — „1828“ in der Übersetzung ist Druckfehler.

Sušin schickte gleichzeitig mit Seliwanow eine Kopie dieser Vorschrift an den Archimandriten und fügte eine eigene Relation hinzu (unter № 251, bei Mainow S. 764 f.), in der es heisst: „Ich erachte es als nötig, dass zur Vermeidung auch der allergeringsten Versuche der Gesinnungsgenossen des Arrestanten, in Verbindung mit ihm zu treten, der Ort, an welchem er gefangen gehalten wird, verwahrt werde durch einen Wachtposten der inneren Wache, aus wenigstens vier Mann bestehend. Über die genaue und stetige Erfüllung aller Ihrer Forderungen in diesem Falle ist gleichzeitig dem Anführer des Suśdaler Invalidenkommandos strenge Vorschrift gegeben worden.“ . . . Des weiteren spricht Suśin die Bitte aus, der Archimandrit möge ihn am Ende jeden Monats benachrichtigen, „in welchem Gesundheitszustande er sich befinde, in welcher Gedanken- und Lebensweise, auch ob nicht von Ihnen seitens seiner Glaubensgenossen irgendwelche Ränke und Anschläge auf Entdeckung des Aufenthaltsortes oder Verkehr mit ihm bemerkt worden sind“, ferner wann Sendungen von Geld oder Gegenständen an ihn mit der Post oder auf eine andere Weise ankommen, sich zu vergewissern, von wo oder auf welche Weise sie geschickt worden sind, und ihm mitzuteilen. „Dem Suśdaler Polizeimeister Mákow ist ebenfalls zur Pflicht gemacht worden, auf allersekreteste Weise die Bewegung der Gesinnungsgenossen des erwähnten Arrestanten zu beobachten, ihre Ankunft und sonstiges, und über alles sich persönlich mit dem Archimandriten in Relation zu setzen, im Falle des Bedarfes seine Forderungen zu erfüllen und über alles dem Gouverneur am Ende des Monats Meldung zu tun“.

Am selben Tage erhielt auch Parfeni eine sekrete Relation vom Grafen Kotschube vom 7. Juli (unter № 140, bei Mainow S. 763) über die Entsendung „des Greises, des Anführers der Skopzen“ unter seine Aufsicht und beiliegend eine „Instruktion“, wie mit ihm umzugehen sei.

Diese Instruktion war vom Mitropoliten Michail verfasst und wurde von Parfeni am 17. Juli erhalten und unterschrieben (und in die Akte eingefügt; zuerst von Nadeschdin abgedruckt S. 96 f., von dem sie Melnikow u. a. entlehnt haben, dann nach Sacharows Abschrift von Mainow S. 765 f.): „Anleitung an den Archimandriten des Spaso-Jewfimi-Klosters Parfeni. — Sekret. — „1) Auf Allerhöchsten Befehl wird zum Wohnen in das Ihrer Leitung anvertraute Kloster unter Aufsicht der Greis, der Anführer der Skopzensekte geleitet, der sich (selbst) Erlöser und Heiland nennt und von seinen Gesinnungsgenossen (so) benannt wird. — 2) Auf Allerhöchsten Befehl auch wird zu Ihrer Anleitung folgendes mitgeteilt: ihn ins Kloster mit menschenfreundlicher Höflichkeit aufzunehmen, mit christlicher Geneigtheit des Herzens aus Mitleid mit seinem Alter und aus Bedauern seiner Verirrung, ihn in einer

Къ ученію
о
механизмѣ родовъ.

С. Д. Михнова
профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Выпускъ I.
О механизмѣ внутренняго поворота головки.

О механизмѣ внутренняго поворота головки.

(Сообщено въ засѣданіи Юрьевскаго Медицинскаго Общества имени Н. И. Пирогова 3 декабря 1908 года.)

I.

Разборъ существующихъ теорій внутренняго поворота головки.

Ученіе о механизмѣ родовъ представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ главъ въ теоретическомъ курсѣ акушерства; только при точномъ знаніи и пониманіи этого механизма можно установить надлежащія соотношенія между многочисленными фізіологическими и патологическими фактами, принадлежащими этой области; вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что и многія практическія предписанія, требуемая ученіемъ объ акушерскихъ операціяхъ, должны быть строго обоснованы на ясномъ представленіи о механизмѣ прохожденія плода чрезъ родовой каналъ.

Казалось бы, поэтому, что глава о механизмѣ родовъ должна являться въ руководствахъ по акушерству въ особотщательной разработкѣ. Совершенно обратное мы видимъ на дѣлѣ и, притомъ, не только въ прежнихъ, но и въ современныхъ учебникахъ и руководствахъ. Особенною неясностью, туманностью и сбивчивостью изложенія грѣшитъ вопросъ о внутреннемъ поворотѣ головки.

Читая описанія авторовъ о причинахъ этого наиболѣе характернаго и важнаго движенія головки, легко убѣдиться, что неясность изложенія зависитъ не отъ чего либо другого, какъ отъ того, что сами авторы не могутъ составить себѣ вполне опредѣленнаго и точнаго представленія о механи-

ческой причинѣ, лежащей въ основѣ этого движенія головки плода.

Такъ, напр., въ „Оперативномъ Акушерствѣ“ А. Я. Крассовскаго (1) на стр. 24 мы читаемъ :

„Причины этого момента, согласно мнѣнію Naegele старшаго, подтвержденному опытами P. Dubois на трупахъ, зависятъ отъ многихъ условій, преимущественно же отъ противодѣйствія со стороны упругости промежности, ёмкости таза, соотвѣтственнаго объема головки и отъ большей или меньшей удобоподвижности копчика. Это мнѣніе подтверждается ежедневными наблюденіями. — Такъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ величина головки соразмѣрна съ ёмкостью таза, гдѣ она достаточно упруга, гдѣ головка встрѣчаетъ необходимое противодѣйствіе, тамъ, приложивъ указательный палецъ къ малому родничку и удерживая его въ теченіи нѣкотораго времени, легко можно прослѣдить, какъ совершается этотъ моментъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ условій какъ напр. при обширномъ тазѣ, при относительно малой головкѣ, при преждевременныхъ родахъ, при родахъ мертвымъ младенцемъ или двойнями, если второй плодъ идетъ головкою, также при застарѣлыхъ разрывахъ промежности, моментъ этотъ бываетъ не вполне выраженъ, или даже его вовсе не бываетъ.

И такъ условія правильнаго совершенія третьяго момента механизма родовъ суть слѣдующія : достаточно сильная дѣятельность матки, увлажненіе мягкихъ дѣтородныхъ частей, упругость головки и соразмѣрная величина къ проходимымъ ею частямъ, далѣе надлежащее сопротивленіе со стороны наклонныхъ плоскостей таза, промежности, копчиковой кости и наружныхъ дѣтородныхъ частей.“

Изъ этой длинной цитаты видно, что А. Я. Крассовскій, собираясь указать на причину внутренняго поворота головки, въ сущности, совершенно обошелъ ее молчаніемъ. И, дѣйствительно, если выразить вкратцѣ все то, что такъ пространно изложено въ приведенной выпискѣ изъ руководства А. Я. Крассовскаго, то заключеніе этого автора резюмируется такъ : при нормальныхъ условіяхъ со стороны головки плода и родовыхъ путей поворотъ головки совершается, при другихъ условіяхъ этотъ поворотъ бываетъ не вполне выраженъ, или даже совсѣмъ не совер-

шается. Вѣрность клиническихъ фактовъ, съ такою обстоятельностью указываемыхъ А. Я. Крассовскимъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что основная причина интересующаго насъ движенія головки, тотъ механическій принципъ, которымъ должно объясняться это движеніе головки, остались въ руководствѣ А. Я. Крассовскаго безъ всякаго указанія, перечислены же лишь нѣкоторыя условія, при которыхъ обнаруживается дѣйствіе этой причины.

Чтобы пояснить только что сказанное какимъ нибудь нагляднымъ примѣромъ, можно привести слѣдующее аналогичное сопоставленіе: на нашъ вопросъ, почему движется локомотивъ? — мы, вмѣсто указанія на движущую силу и на механизмъ ея приложенія, получаемъ въ отвѣтъ лишь перечисленіе нѣкоторыхъ условій, которыя необходимы для движенія локомотива: необходимость рельсоваго пути, извѣстнаго количества топлива и т. д.

Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которыя перечислены А. Я. Крассовскимъ, можно было бы привести еще цѣлый рядъ другихъ физиологическихъ явленій и анатомическихъ фактовъ, которые могутъ играть роль при совершеніи головкою внутренняго поворота. Отрицать или умалять ихъ значеніе никто не станетъ. Но не въ этомъ заключается суть дѣла. Внутренній поворотъ головки — столь обычное, съ такою правильностью повторяющееся и столь простое, съ механической точки зрѣнія, движеніе, что оно, очевидно, должно и основываться на какомъ либо совершенно простомъ, элементарномъ механическомъ принципѣ, который долженъ ясно и точно опредѣляться законами физики или механики.

Многіе авторы старались, — на основаніи изученія пространственныхъ соотношеній и движущихъ силъ, — опредѣлить этотъ механическій принципъ и мы въ настоящее время уже имѣемъ цѣлый рядъ предложенныхъ объясненій или теорій внутренняго поворота головки.

Такихъ теорій имѣется довольно много и авторы пытались освѣтить вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, но, насколько удачными оказались эти попытки и насколько приемлемы предложенныя объясненія, — это иной вопросъ и этотъ вопросъ легко выяснится, если подвергнуть толко-

ванія авторовъ критическому разбору съ надлежащей, т. е. съ механической точки зрѣнія.

Обычно стараются объяснить происхождение внутренняго поворота анатомическими особенностями тазоваго канала и сопротивленіемъ тазоваго дна. Вотъ, напр., объясненіе Schroeder'a (2), которое мы находимъ въ его учебникѣ на стр. 149:

„Второе измѣненіе въ позиціи головки, обусловленное сопротивленіемъ тазоваго дна, состоитъ въ поворотѣ головки около своей вертикальной оси, такъ что малый родничекъ отгѣсняется впередъ. Когда головка достигаетъ до тазоваго дна, то малый родничекъ стоитъ низко и обыкновенно уже нѣсколько направленъ впередъ; въ это время, какъ мы сейчасъ видѣли, вся головка направляется впередъ. Понятно, что это направленіе впередъ должна принять прежде всего та часть, которая лежитъ всего ниже, т. е. малый родничекъ.“

Совершенно понятно, что, вслѣдствіе изогнутости родоваго канала и вслѣдствіе сопротивленія тазоваго дна, головка не можетъ двигаться въ прямолинейномъ направленіи, а принуждена совершать путь по кривой линіи, но, почему въ то же время и отъ дѣйствія тѣхъ же факторовъ совершается и вращеніе головки, — этотъ пунктъ въ изложеніи Schroeder'a освѣщается чрезвычайно туманно и, даже, болѣе того, — совершенно неправильно: здѣсь просто на просто смѣшивается представленіе объ общемъ движеніи всей головки по кривой линіи впереди съ представленіемъ о вращеніи затылка впередъ. Хотя, для большей убѣдительности, Schroeder ссылается на механической принципъ въ видѣ необходимости для нижележащей точки головки, идущей по изогнутому каналу, двигаться „прежде“ другихъ частей головки, но это, очевидно, совершенно невѣрно; очевидно, что при этомъ движеніи по искривленному каналу затылокъ, лежащій болѣе кзади, долженъ двигаться лишь бы стрѣе, но не прежде другихъ точекъ головки.

Коротко говоря, искривленіе родоваго канала само по себѣ должно вести лишь къ искривленію длинника движущагося по каналу плода, но никакъ не къ повороту его вокругъ продольной оси. Поэтому, головка плода, обращенная затылкомъ, напр., влѣво, вслѣдствіе кривизны родо-

ваго канала должна лишь отогнуться къ переднему плечу, но поворачиваться затылкомъ кпереди вслѣдствіе дѣйствія одного этого фактора нѣтъ никакихъ основаній.

Не входя въ дальнѣйшія разсужденія, мы должны признать объясненіе Schroeder'a совершенно неудовлетворительнымъ, такъ какъ оно не основано на законахъ физики или механики, а скорѣе представляетъ собою, если можно такъ выразиться, лишь игру словъ въ туманномъ изложеніи, гдѣ слово „впередъ“ имѣетъ двусмысленное значеніе: движеніе головки впередъ, т. е. поступательное движеніе ея по длиннику родового канала, изогнутаго кпереди, смѣшивается съ движеніемъ затылка впередъ, т. е. съ вращательнымъ движеніемъ по направленію перпендикулярному къ длиннику родового канала.

Приблизительно такое же объясненіе, какъ и у Schroeder'a, мы можемъ встрѣтить и въ другихъ учебникахъ акушерства; напр., у Spiegelberg'a (3) на стр. 161 напечатано слѣдующее: „ . . . главнѣйшимъ же образомъ вращеніе это обуславливается, съ одной стороны, направленіемъ задняго отрѣзка *plana inclin. oss. ischii* и въ особенности противодѣйствіемъ выдающихся сѣдалищныхъ остей, которыя заставляютъ часть, лежащую кпереди отъ нихъ, поворачиваться впередъ, часть же, лежащую кзади отъ нихъ, — по направленію къ крестцовой выемкѣ; съ другой стороны — сопротивленіемъ тазоваго дна, которое отклоняя направленіе головки кпереди, прежде всего дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, конечно, на ту часть ея, что лежитъ всего глубже.“

Другіе авторы, совершенно правильно полагая, что форма тазоваго канала и сопротивленіе тазоваго дна сами по себѣ не могутъ объяснить вращательнаго движенія головки, стараются подойти къ рѣшенію вопроса иными путями.

Такъ, напр., Н. Ф. Толочинъ (4) на стр. 162 своего учебника выражается слѣдующимъ образомъ :

„Не отвергая вполнѣ нѣкотораго второстепеннаго значенія за вышеприведенными причинами, мы полагаемъ, что ближайшая причина вращательнаго движенія головки затылкомъ напередъ заключается въ направленіи изгоняющихъ силъ. Равнодѣйствующая линія этихъ силъ должна проходить чрезъ длинникъ плода, конецъ котораго при силь-

номъ сгибаніи головки упирается въ затылокъ. Такимъ образомъ послѣдній является главнымъ объектомъ приложения изгоняющихъ силъ и, потому, въ силу необходимости, долженъ подвигаться впереди другихъ частей головки, представляющей овоидное тѣло, выполняющее родовую каналъ. Такъ какъ задняя преимущественно костная, часть таза поката, а передняя стѣнка, ниже лоннаго соединенія, представляетъ меньшее сопротивленіе, то затылокъ поворачивается именно въ этомъ направленіи.“

Можно ли согласиться съ толкованіемъ Н. Ф. Толочинова? Я полагаю, что никакъ нельзя. Совершенно понятно, что, если равнодѣйствующая всѣхъ изгоняющихъ силъ приложена къ одному концу головки, имѣющей форму овоида, то этотъ пунктъ головки, т. е. затылокъ, при одинаковыхъ сопротивленіяхъ на обоихъ концахъ головки, долженъ опуститься ниже, или „подвигаться впереди другихъ частей головки“, но, вѣдь, этимъ объясняется лишь флексія головки, т. е. пригибаніе ея къ груди, но никакъ не поворотъ вокругъ продольной оси; предполагать же, что и этотъ послѣдній зависитъ таже отъ направленія изгоняющихъ силъ, никакъ нельзя на томъ основаніи, что, благодаря соотвѣтствующему направленію и точкѣ приложения этихъ силъ, головка придавливается затылкомъ къ задней стѣнкѣ родоваго канала или къ тазовому дну и, такъ какъ направленіе изгоняющихъ силъ остается однимъ и тѣмъ же, то затылокъ долженъ былъ бы упорно оставаться у задней стѣнки родоваго канала; поворотъ затылка кпереди, т. е. къ лонному соединенію, мы только въ такомъ случаѣ могли бы приписать направленію изгоняющихъ силъ, если бы эти силы, надавливавшія первоначально головку на заднюю стѣнку родовыхъ путей, потомъ перемѣнили свое направленіе и стали надавливать головку сзади напередъ къ лонному соединенію. Но, такъ какъ матка и брюшной прессъ постоянно развиваютъ свои силы въ одномъ и томъ же направленіи, то поворотъ головки, очевидно, не зависитъ отъ этого фактора и, слѣдовательно, толкованіе, предлагаемое Н. Ф. Толочиновымъ, не можетъ бы признано удовлетворительнымъ.

Повидимому, нѣкоторые авторы совершенно потеряли всякую надежду отыскать въ анатомическихъ особенностяхъ

головки и родового канала причину внутреннего поворота. Только этою безнадежностью я могу объяснить себѣ стремленія нѣкоторыхъ акушеровъ искать разгадку интересующаго вопроса не въ соотношеніяхъ между головкою и родовымъ каналомъ, а въ дѣйствіи другихъ постороннихъ факторовъ.

Одно изъ подобныхъ объясненій давно уже было предложено В. В. Сутугинымъ (5). Онъ высказалъ мысль, „что не потому туловище плода повертывается вокругъ продольной оси, что повертывается головка, а, наоборотъ, что головка поворачивается затылкомъ кпереди, потому что все туловище плода скручивается по его длиннику“.

Несмотря на очевидную несостоятельность подобнаго воззрѣнія, находятся защитники его и въ новѣйшее время.

Вотъ, напр., какъ представляетъ себѣ дѣло Витт (6), который на стр. 206 пишетъ слѣдующее:

„Для этого важнаго факта механизма родовъ, по моему мнѣнію, вѣрное объясненіе далъ Ols h a u s e n, который приписываетъ поворотъ затылка впередъ вращенію туловища плода. Плотное прилеганіе подбородка къ груди дѣлаетъ головку и туловище однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ. Уже во время беременности положеніе головки зависитъ отъ положенія туловища: если спинка стоитъ болѣе кпереди, то мы встрѣчаемъ обыкновенно и затылокъ болѣе кпереди; если спинка находится болѣе кзади, то и головка обыкновенно вступаетъ въ тазъ съ обращеннымъ кзади затылкомъ. Такъ какъ, далѣе, матка въ періодѣ изгнанія уплощается и при этомъ спинка обыкновенно сдвигается кпереди и это движеніе сообщается дальше головкѣ, то затылокъ съ самаго начала имѣетъ стремленіе поворачиваться впередъ. Это обнаруживается тотчасъ же, когда мышечное дѣйствіе тазоваго дна стремится поставить головку прямо, поворотъ затылка кзади наталкивается на сопротивленіе туловища, поворотъ же кпереди поддерживается туловищемъ, а поэтому, обыкновенно и совершается. Даже тогда, когда туловище и затылокъ первоначально обращены кзади, именно туловище начинаетъ поворотъ и даетъ толчокъ затылку къ повороту въ томъ же направленіи. Сильно выступающая впередъ поясничная часть позвоночника и мысь препятствуютъ туловищу повернуться спинкой совершенно кзади, эта послѣдняя

отклоняется подъ вліяніемъ маточныхъ сокращеній какъ разъ именно въ сторону и потомъ впередъ и при этомъ вращеніи тянетъ за собою затылокъ“.

Не смотря на то, что подобные взгляды высказывались и защищались такими видными представителями акушерства, какъ Суругинъ, Olshausen, Fehling, Bumm, я полагаю, что при самой снисходительной критикѣ несостоятельность теоріи должна сейчасъ же обнаружиться.

И, дѣйствительно, — остановимся на оцѣнкѣ тѣхъ аргументовъ, которые въ защиту теоріи приводятся, напр., Bumm'омъ. Исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ разсужденій и заключеній здѣсь служить слѣдующее положеніе: „плотное прилеганіе подбородка къ груди дѣлаетъ головку и туловище однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ“. Хотя, для большей убѣдительности, прилеганіе подбородка къ груди характеризуется эпитетомъ „плотное“, но, по существу, выставленное положеніе, всетаки, остается совершенно невѣрнымъ. Въ анатомическомъ и механическомъ отношеніи голова и туловище вовсе не представляются „однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ“, а, наоборотъ, благодаря значительной подвижности въ шейныхъ сочлененіяхъ, голова можетъ совершать обширныя движенія, совершенно самостоятельныя и независимыя отъ туловища. „Плотное прилеганіе подбородка къ груди“ и „нераздѣльность“ головки съ туловищемъ остаются лишь до тѣхъ поръ, пока тѣло плода удерживается въ такомъ положеніи общимъ внѣшнимъ давленіемъ, оказывающимъ свое вліяніе одновременно и на туловище, и на головку; но, какъ только начинаютъ дѣйствовать иныя силы и иныя сопротивленія, сейчасъ же эта „нераздѣльность“ должна или можетъ нарушиться.

Предположимъ, что, благодаря соотвѣтствующимъ условіямъ, во время родовъ можетъ обнаружиться дѣйствіе силы, направленной на туловище плода и вызывающей его скручиваніе по продольной оси. Такъ какъ головка, находящаяся въ полости таза, не подчинена непосредственно дѣйствію этой силы, а, съ другой стороны, для всякихъ своихъ передвиженій встрѣчаетъ препятствіе со стороны стѣнокъ таза, то очевидно, что скручиваніе туловища плода должно сопровождаться до нѣкотораго времени лишь ротаціоннымъ движеніемъ шейныхъ позвонковъ, головка же, удерживаемая

стѣнками таза, будетъ пока оставаться *in statu quo* и только тогда начнетъ свое вращательное движеніе вслѣдъ за поворотомъ туловища, когда ротационное движеніе шеи достигнетъ своего максимальнаго предѣла, когда начнется натяженіе связочнаго аппарата шеи.

Вѣроятно, при такомъ вращеніи туловищемъ головки, фиксированной въ тазу, довольно часто происходили бы разрывы въ шейной части позвоночника, между атлантомъ и вторымъ шейнымъ позвонкомъ. Если подобныя поврежденія плода, — какъ, напр., въ случаѣ Нёпниг'а, на который указываетъ Н. Н. Феноменовъ (7), — наблюдались при поворачиваніи головки щипцами оператора и происходили, очевидно, вслѣдствіе того, что туловище не могло слѣдовать за движеніемъ головки, то очевидно, что, если бы внутренній поворотъ головки происходилъ, дѣйствительно, тѣмъ способомъ, о которомъ толкуетъ разсматриваемая теорія, разрывы должны были бы гораздо чаще наблюдаться, такъ какъ головкѣ, фиксированной въ полости таза, гораздо труднѣе слѣдовать за движеніемъ туловища, нежели стоящему надъ тазомъ туловищу слѣдовать за вращеніемъ головки.

Во всякомъ случаѣ, если бы вращеніе головки производилось туловищемъ, то этому передвиженію головки всегда должно было бы предшествовать вращеніе туловища на гораздо большее число градусовъ круга; если головка совершаетъ поворотъ иной разъ почти на половину круга, то для такихъ случаевъ предшествовавшій поворотъ туловища долженъ былъ бы выразаться почти цѣлою окружностью. Съ другой стороны, при вѣрности разсматриваемой теоріи, скручиваніе плода по длиннику всегда сопровождалось бы отставаніемъ головки отъ туловища и ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть обратнаго, т. е. отставанія туловища отъ головки. Никто, конечно, не станетъ доказывать, что такая зависимость въ движеніяхъ головки и туловища можетъ быть установлена клиническими фактами.

Наконецъ, тѣмъ авторамъ, которые защищаютъ разбираемую теорію, можно предложить такой вопросъ: если поворотъ головки происходитъ вслѣдствіе вращенія ея туловищемъ, то почему же онъ совершается и въ тѣхъ случаяхъ, когда туловища уже нѣтъ въ полости матки, т. е. при прохожденіи послѣдующей головки? Очевидно, что для такихъ

случаевъ нужно уже создавать новую теорію на помощь теоріи скручиванія.

Кажется, нѣтъ надобности приводить дальнѣйшія доказательства для того, чтобы признать, что разбираемая теорія, какъ не соотвѣтствующая ни анатомическимъ отношеніямъ, ни клиническимъ фактамъ, не можетъ быть принята.

Рядомъ съ только что разсмотрѣнною теоріею можно указать еще на одно объясненіе, недавно предложенное и равною стно защищаемое въ позднѣйшее время. Въ этой новѣйшей теоріи точно также взаимныя отношенія между головкою и родовымъ каналомъ почти совершенно игнорируются и центръ тяжести вопроса перенесенъ на физическія свойства тѣла плода.

Kaltenbach (8) первый разработалъ вопросъ о значеніи неодинаковой въ различныхъ направленіяхъ сгибаемости позвоночника и выяснилъ роль этого момента для механизма родовъ и, именно, главнымъ образомъ для механизма прорѣзыванія.

Вслѣдъ за тѣмъ Ostermann (9 и 10) расширилъ значеніе этого фактора для родового акта и связалъ съ нимъ механизмъ внутренняго поворота.

Особенно ревностнымъ защитникомъ этого воззрѣнія является Sellheim (11, 12 и 13), который въ рядѣ статей, на основаніи соотвѣтствующихъ изслѣдованій, измѣреній и опытовъ на плодахъ и на моделяхъ, старается найти подтвержденіе для защищаемой теоріи.

Sellheim исходитъ изъ совершенно вѣрнаго положенія; онъ говоритъ, что ни изгоняющая сила, — какого бы рода она ни была, — ни видъ родового канала, ни сами по себѣ, ни въ совокупности, еще не могутъ объяснить поворотовъ тѣла вокругъ его длинной оси; необходимо еще участіе какого то главнаго фактора, котораго нужно искать въ особенностяхъ тѣла плода.

По мнѣнію Sellheim'a, этимъ факторомъ является неодинаковая для различныхъ направленій сгибаемость разныхъ отдѣловъ тѣла плода. Въ шейной части позвоночника направленіе легчайшей сгибаемости, или „Biegungsfacillimum“, — кзади, труднѣйшая сгибаемость, или „Biegungsdifficillimum“ наблюдается по направленію клереди, сгибаемость въ стороны занимаетъ среднее мѣсто.

Когда головка въ родовомъ каналѣ по необходимости лежитъ въ положеніи сильнаго сгибанія, къ существующей уже легчайшей возможности разгнуться („Biegungsfacillimum“) присоединяется еще и стремленіе головки совершать это движеніе, т. е. появляется „Deflexionstendenz“. Это стремленіе зависитъ, очевидно, отъ натяженія эластическихъ тканей, появляющагося при форсированномъ сгибаніи.

Механическій принципъ внутренняго поворота и состоитъ въ томъ, что тѣло плода, принужденное изгибаться соотвѣтственно изгибу родового канала, должно вращаться вокругъ своей продольной оси до тѣхъ поръ, пока „Biegungsfacillimum“ извѣстнаго отдѣла плода не совпадаетъ съ плоскостью, въ которой искривленъ родовой каналъ; при затылочныхъ положеніяхъ къ этому стремленію вращаться для принятія согнутой формы въ удобнѣйшемъ положеніи присоединяется еще и сила въ видѣ „Deflexionstendenz“.

Вотъ объясненіе Sellheim'a, изложенное имъ въ первой изъ указанныхъ здѣсь его работъ. Изложеніе Sellheim'a является, — если можно такъ выразиться, — чрезвычайно громоздкимъ и тяжеловѣснымъ; по моему мнѣнію, оно можетъ быть представлено въ гораздо болѣе простомъ и удобопонятномъ видѣ.

Трудная сгибаемость въ извѣстномъ направленіи и болѣе легкая сгибаемость въ другомъ направленіи, это явленіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ факторъ, дающій движущую силу; въ качествѣ этого послѣдняго элемента значеніе можетъ имѣть то натяженіе тканей, которое является результатомъ извѣстнаго положенія плода и которое можетъ дать плоду стремленіе измѣнить позу въ другую съ меньшимъ натяженіемъ тканей; но, вѣдь, это свойство можно гораздо проще опредѣлить словомъ упругость.

Сжатое упругое тѣло, дѣйствительно, стремится выйти изъ своего вынужденнаго положенія и, поѣтому, упругость плода непременно должна приниматься во вниманіе при изученіи тѣхъ движеній, которыя совершаются тѣломъ плода при прохожденіи по родовому каналу; несомнѣнно, что поворотъ туловища въ моментъ прохожденія чрезъ изгибъ родовыхъ путей совершается сообразно съ направленіемъ легчайшей сгибаемости плода, т. е. здѣсь играетъ роль упругость туловища.

Но это свойство тѣла плода отнюдь не можетъ объяснить всѣхъ движеній плода и для пониманія механизма внутренняго поворота головки является совершенно недостаточнымъ. Ошибка Sellheim'а и состоитъ въ томъ, что одному частному, хотя и важному, признаку онъ приписываетъ общее значеніе, причемъ другія, также весьма важныя обстоятельства, совершенно не берутся во вниманіе. Объясняя внутренній поворотъ головки съ своей точки зрѣнія, Sellheim постоянно сравниваетъ тѣло плода съ цилиндромъ („Fruchtzyylinder“), имѣющимъ въ различныхъ отдѣлахъ различную сгибаемость. При такомъ представленіи головка и туловище плода, очевидно, считаются однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ и, слѣдовательно, совершенно игнорируется тотъ весьма важный фактъ, что эти двѣ отдѣльныя части плода соединены одна съ другой чрезвычайно подвижными сочлененіями, дающими каждой части возможность производить совершенно самостоятельныя и независимыя движенія.

Переоцѣнивши значеніе одного признака и игнорируя значеніе другихъ обстоятельствъ, Sellheim врядъ ли въ состояніи отразить всѣ удары, которые могутъ быть направлены на защищаемую имъ теорію. И, дѣйствительно, если ротация головки зависитъ исключительно отъ условій, въ которыхъ находится проходящій черезъ тазъ позвоночникъ плода, то почему же она происходитъ и при прохожденіи послѣдующей головки? Если вся суть заключается въ свойствахъ позвоночника, то слѣдуетъ признать, что головка, отдѣленная отъ позвоночника, напр., декапитированная, должна одинаково легко проходить черезъ тазъ при условіяхъ какъ совершившейся, такъ и не совершившейся ротации, т. е. при положеніи затылка какъ спереди, такъ и сзади. Но, вѣдь, это совершенно невѣрно. Очевидно, что, кромѣ свойствъ позвоночника, при прохожденіи головки играютъ роль и другія обстоятельства.

Какого рода эти обстоятельства, — объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, теперь же мы, какъ мнѣ кажется, пока имѣемъ право лишь сказать, что теорія защищаемая Sellheim'омъ и нѣкоторыми другими авторами, не можетъ насъ удовлетворить.

Считаю излишнимъ загромождать свою статью много-

численными цитатами изъ сочиненій другихъ авторовъ, такъ или иначе толкующихъ о механизмѣ внутренняго поворота головки. Не буду дѣлать этого на томъ основаніи, что удовлетворительнаго объясненія для этого замѣчательнаго и весьма важнаго факта въ механикѣ родоваго акта до сихъ поръ, можно сказать, не существуетъ.

Въ заключеніе обзора существующихъ мнѣній по данному вопросу достаточно указать на то, что и въ новѣйшемъ обширномъ руководствѣ акушерства, изданномъ подъ общою редакціею Wip s k e l'я, авторъ отдѣла о механизмѣ родовъ M. St u m p f (14), кромѣ ссылокъ на мнѣнія другихъ авторовъ, съ своей стороны, ограничивается лишь весьма поверхностнымъ и ничего не говорящимъ объясненіемъ: по его словамъ, внутренній поворотъ происходитъ исключительно отъ дѣйствія мышечныхъ элементовъ тазоваго дна.

Непониманіе механическихъ основъ внутренняго поворота головки является въ высшей степени крупнымъ дофактомъ въ теоретическомъ ученіи о родовомъ актѣ; благодаря этому непониманію не только остается безъ удовлетворительнаго объясненія весьма важное явленіе родоваго акта, но и всѣ важнѣйшіе моменты этого механизма (флексія, ротация, экстензія) должны разсматриваться какъ отдѣльные факты, не связанные однимъ общимъ принципомъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого дефекта въ теоріи родоваго акта служить и то, что многія патологическія формы процесса родовъ, а также и соотвѣтствующіе техническіе приемы нашей оперативной терапіи изучаются какъ отдѣльные отрывочные факты, лишенные общаго руководящаго начала, а, вслѣдствіе этого, и многіе отдѣлы акушерства не имѣютъ еще надлежащей стройности и простоты.

II.

Изученіе формы головки плода, какъ необходимое условіе для правильнаго пониманія механизма родовъ.

Въ предыдущихъ строкахъ я указалъ на громадный дефектъ въ современномъ теоретическомъ ученіи о родовомъ актѣ, являющійся слѣдствіемъ непониманія механическихъ основъ внутренняго поворота головки. Въ дальнѣйшихъ

строкахъ я постараюсь сообщить нѣкоторыя данныя, которыя, можетъ быть, окажутся пригодными для пополненія этого дефекта; иначе говоря, постараюсь дать такое объясненіе для механизма внутренняго поворота, которое, можетъ быть, окажется болѣе пріемлемымъ, нежели вышеприведенныя толкованія другихъ авторовъ.

Степень удовлетворительности толкованія механизма родовъ опредѣляется, конечно, прежде всего степенью согласуемости его съ ясно понимаемыми законами физики и механики.

Съ механической точки зрѣнія изученіе способа прохожденія какого-либо тѣла по какому-либо каналу должно основываться на изученіи размѣровъ и формы какъ даннаго тѣла, такъ и даннаго канала.

Размѣры и форма родовыхъ путей въ ученіи о родовомъ актѣ принимаются во вниманіе съ достаточною полнотою; размѣры головки плода опредѣляются съ такимъ же вниманіемъ, а какова же форма головки?

Основная причина всѣхъ ошибокъ и затрудненій авторовъ, старавшихся объяснить механизмъ внутренняго поворота головки, и состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что они относились безъ должнаго вниманія къ изученію головки, какъ объекта родоваго акта; поэтому, форма головки, какъ физическаго тѣла, долженствующаго проходить по каналу съ извѣстною формою, изучалась до сихъ поръ, съ механической точки зрѣнія, и недостаточно, и неправильно.

Обыкновенно головка плода разсматривается, какъ овоидное или эллипсоидное тѣло. Sellheim (13), напр., на стр. 670 выражается такъ: „Хорошо сформированная головка плода похожа на сжатый эллипсоидъ вращенія или на двухосевой эллипсоидъ“; но и такое опредѣленіе формы головки дается лишь мимоходомъ, а, въ сущности, на форму головки не обращается никакого вниманія; поэтому, Sellheim, говоря исключительно о значеніи сгибаемости плода, постоянно сравниваетъ тѣло его съ цилиндромъ или валомъ („Fruchtzylinder“, „Fruchtwalze“).

Или совершенно умалчивая о формѣ головки, или ограничиваясь сравненіемъ ея съ овоидомъ или эллипсоидомъ, имѣющимъ извѣстные размѣры и плоскости сѣченія, авторы и пытались объяснять всѣ явленія механизма родовъ. Въ

этомъ и заключается коренная ошибка, послужившая причиною всѣхъ неудачъ.

Представляя себѣ головку, какъ овоидное или эллипсоидное тѣло, по моему мнѣнію, и нельзя объяснить механизма внутренняго поворота. Считаю возможнымъ выразиться еще болѣе категорически, именно, я полагаю, что, если бы головка была, дѣйствительно, овоиднымъ тѣломъ, то внутренній поворотъ ея совсѣмъ не имѣлъ бы мѣста, или происходилъ бы лишь иногда, а далеко не съ такою правильностью и частотою.

Итакъ, прежде всего намъ нужно установить, каковы же общія очертанія головки?

Нужно сказать, что этотъ вопросъ, очевидно, обращалъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ наблюдателей и иногда, какъ, напр., у В. М. Флоринскаго, мы встрѣчаемъ указанія на то, что головка въ различныхъ своихъ отдѣлахъ имѣетъ неодинаковыя очертанія и, вслѣдствіе этого, она можетъ помѣщаться въ родовомъ каналѣ то болѣе удобно, то съ меньшимъ удобствомъ. Но подобныя указанія авторовъ имѣютъ характеръ случайныхъ, отдѣльныхъ замѣчаній, изъ которыхъ не дѣлается никакихъ обобщеній.

Попробуемъ же теперь опредѣлить болѣе точно форму головки.

Если разсматривать силуэтъ головы младенца въ профиль, то легко замѣтить, что головка, удлинненная въ передне-заднемъ направленіи, на своей верхней периферіи отъ подбородка до затылка, соотвѣтственно лицу, лбу и темени, представляется рѣзко выпуклою, нижняя же периферія головки, тоже по направленію отъ подбородка къ затылку, этой выпуклости не имѣетъ, здѣсь, наоборотъ, скорѣе имѣется вогнутость.

Эта разница обѣихъ периферій головки, бросающаяся въ глаза при разсматриваніи скелета, выступаетъ еще рѣзче, если разсматривать головку въ ея соединеніи съ шейкою.

Будетъ ли головка въ соединеніи съ туловищемъ находиться въ положеніи флексіи или экстензіи, въ обоихъ случаяхъ периферія головки въ профиль представитъ одинъ и тотъ же характеръ.

При разсматриваніи флектированной головки мы видимъ опять, что одна, а именно, верхняя часть контура головки

отъ подбородка къ затылку идетъ выпуклою линією, другая же часть контура, образуемая затылкомъ и шеєю, представляетъ очевидную вогнутость, или выемку. (См. рис. № 1. Линія abc—выпуклая, линія def—вогнутая).

Тоже получается при разсматриваніи головки, находящейся въ состояніи экстензіи, какъ это бываетъ при лицевыхъ предлеженіяхъ. Выпуклость контура головки соотвѣтствуетъ тѣмъ же границамъ ея, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, другой же край головки, идущій отъ подбородка къ гортани и шеѣ, представляетъ вогнутую линію. (См. рис. № 2. Линія abc—выпуклая, линія def—вогнутая).

Такимъ образомъ, головка плода въ качествѣ объекта родового акта, отнюдь не можетъ считаться тѣломъ, имѣющимъ овоидную или эллипсоидную форму, какъ это обычно принимается авторами. По моему мнѣнію, мы лучше всего можемъ выразить форму головки, если совмѣстимъ слѣдующія главнѣйшія особенности ея контуровъ: округлость очертаній, удлиненность въ одномъ направленіи и изогнутость соотвѣтственно этому длиннику, благодаря которой одинъ длинный край является выпуклымъ, а противоположный — вогнутымъ.

Совмѣщая эти признаки, мы легко отыщемъ другое тѣло, въ которомъ эти признаки выражены особенно рѣзко, это — почка.

И головка плода, по моему мнѣнію, непременно должна разсматриваться, въ качествѣ объекта родового акта, какъ тѣло почкообразной формы.

Сравнивая головку плода, по ея очертаніямъ, съ почкою, мы уже не можемъ ограничиваться знаніемъ тѣхъ диаметровъ ея и плоскостей сѣченія, которыми ограничивается въ настоящее время описаніе ея при изложеніи теоріи родового акта. Я считаю совершенно необходимымъ ввести въ теорію механизма родовъ еще одно новое представленіе, а именно, представленіе о почкообразной изогнутости головки и, соотвѣтственно этому новому представленію, — ввести и новый элементъ, выражающій это представленіе.

Этотъ новый, добавочный элементъ есть кривая линія, проходящая по срединѣ между выпуклою и вогнутою стороною почкообразно изогнутаго тѣла соотвѣтственно длиннику этого тѣла и соединяющая наиболѣе удаленныя точки,

или полюсы его. (См. рис. № 3. Линія abc). Для удобства изложенія необходимо опредѣлить эту линію какимъ либо особымъ терминомъ и въ качествѣ такового я предложилъ бы названіе „линія головной кривизны“.

Введеніе этого новаго элемента, т. е. представленія о линіи головной кривизны въ такой же мѣрѣ необходимо для ученія о родовомъ актѣ, въ какой мѣрѣ необходимо представленіе объ изогнутости родового канала. Подобно тому, какъ безъ представленія о т. наз. проводной оси таза мы, съ помощью однихъ лишь діаметровъ и плоскостей сѣченія его, не можемъ имѣть опредѣленнаго представленія о формѣ родовыхъ путей, подобно этому и безъ представленія о линіи головной кривизны, а лишь съ одними діаметрами и плоскостями сѣченій, трудно оріентироваться въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ нужно имѣть простое и въ тоже время точное представленіе объ общей формѣ головки. Представленія же о формѣ родового канала и о формѣ головки должны быть совершенно точными и вполнѣ отчетливыми, именно, какъ разъ для пониманія механизма родовъ, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіями, совершающимися не по направленію и не въ плоскости, а въ пространствѣ съ тремя измѣреніями.

Кстати здѣсь является умѣстнымъ сдѣлать одно небольшое замѣчаніе относительно т. наз. проводной оси таза. Эта линія служитъ выраженіемъ направленія тазоваго канала; но, вѣдь, плодъ совершаетъ путь не только черезъ каналъ таза, но еще и черезъ добавочный каналъ, образуемый мягкими частями въ ихъ растянутомъ состояніи; благодаря главнымъ образомъ, именно, этимъ мягкимъ частямъ, родовой каналъ образуетъ изгибъ или колѣно, которымъ особенно характеризуется направленіе родового пути. Поэтому, весь проходимый плодомъ путь выражается не только проводною осью таза, но еще и нѣкоторымъ дополненіемъ къ ней въ видѣ воображаемой оси канала, образуемаго растянутыми и раздвинутыми мягкими частями; на этомъ основаніи для выраженія линіи всего пути, совершаемаго плодомъ было бы, пожалуй, болѣе пригоднымъ другой терминъ, а не названіе „проводная ось таза“; пожалуй, было бы удобнѣе говорить о проводной оси родового канала или о линіи кривизны родового канала.

Предлагаемая мною линия головной кривизны является, по моему мнѣнію, необходимѣйшимъ добавленіемъ къ тѣмъ элементамъ, которыми опредѣлялась до сихъ головка плода, какъ объектъ родового акта.

Эта линия головной кривизны есть, конечно, воображаемая линия дугообразной формы, проходящая отъ подбородка къ затылку и обращенная своею выпуклостью къ области большаго родничка.

Само собою разумѣется, что относительно какихъ нибудь точныхъ математическихъ опредѣленій этой кривой здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Достаточно лишь сказать, что эта кривая проходитъ въ плоскости сагиттального сѣченія головки и можетъ быть принята за часть окружности, длина радіуса которой для насъ особеннаго значенія не имѣетъ и точному опредѣленію не подлежитъ; для насъ совершенно достаточно удовольствоваться тѣмъ фактомъ, что интересующая насъ линия, соединяющая подбородокъ съ затылкомъ, есть не прямая, а, именно, кривая линия и что характеръ этой линіи достаточно ясно выраженъ. Для насъ нѣтъ даже необходимости настаивать на томъ, что эта линія есть непремѣнно часть окружности, и не какая нибудь другая кривая; вѣдь, если въ другой области знанія, а, именно, въ космографіи, гдѣ требуются гораздо болѣе точныя опредѣленія, считается возможнымъ принимать земные меридіаны за окружности, хотя это, — вслѣдствіе сплюснутости земнаго шара у полюсовъ, — и не совсѣмъ вѣрно, то тѣмъ болѣе намъ теперь нѣтъ надобности добиваться математической точности въ тѣхъ элементахъ, которыми мы желаемъ пользоваться лишь для болѣе легкаго пониманія нѣкоторыхъ явленій.

Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ, конечно, думать, что эта линия головной кривизны представляется какою то фикціею, тѣмъ то такимъ неуловимымъ, что совершенно не поддается численному опредѣленію.

Такъ какъ эта линія должна служить выраженіемъ формы головки, то очевидно, что опредѣленіе характера этой линіи должно находиться въ связи съ такими численными данными, которыя, мѣняясь съ измѣненіями формы головки, могли бы характеризовать собою конфигурацію послѣдней.

Къ сожалѣнію, тѣ способы измѣренія головки, которые

практикуются въ настоящее время, т. е. измѣренія окружностей головки лентою и измѣренія діаметровъ ея циркулемъ, для этой цѣли, т. е. для характеристики формы головки, представляются мало пригодными.

Производя предварительныя изслѣдованія въ этомъ направленіи, я пока намѣтилъ слѣдующій планъ: если оба противоположные полюса почкообразно-изогнутаго тѣла соединить прямою линіею и затѣмъ изъ мѣстъ, соотвѣтствующихъ серединамъ выпуклой и вогнутой сторонъ опустить на эту линію перпендикуляры, то очевидно, что перпендикуляръ, опущенный съ выпуклой поверхности, долженъ быть длиннѣе, нежели перпендикуляръ, опущенный съ вогнутой поверхности.

На этихъ основаніяхъ измѣреніе головки можно производить слѣдующимъ образомъ: къ головкѣ младенца, родившагося въ затылочномъ положеніи, приставляется ребромъ тонкая линейка по направленію отъ подбородка къ малому родничку. (См. рис. № 4. Линейка изображена линіею ab). Удерживая линейку въ такомъ положеніи, мы, при помощи штифта съ дѣленіями, измѣряемъ длину линіи, идущей въ перпендикулярномъ къ линейкѣ направленіи отъ области большаго родничка, и длину линіи, идущей такимъ же путемъ къ линейкѣ отъ мѣста соединенія затылка съ шеею.

Производя неоднократно такія измѣренія, я находилъ, что первая линія длиннѣе второй приблизительно на три сантиметра при конфигураціи головки, соотвѣтствующей затылочному предлежанію.

Это есть уже нѣкоторое численное выраженіе, дающее возможность получать представленіе о формѣ головки, а именно, о размѣрахъ выпуклости ея верхней периферіи. Очень возможно думать, что, сдѣлавши систематическія изслѣдованія въ указанномъ направленіи и получивши соотвѣтствующія числа, мы будемъ въ состояніи въ получаемыхъ сочетаніяхъ чиселъ находить выраженіе той или иной конфигураціи головки, подобно тому, какъ въ извѣстныхъ соотношеніяхъ между числами, выражающими разстоянія между гребешками и остями подвздошныхъ костей, мы находимъ указанія на форму таза.

Разработку вопроса о такомъ способѣ измѣренія головки, который давалъ бы болѣе опредѣленныя указанія для суж-

денія о формѣ головки принялъ на себя, по моему предложенію, одинъ изъ ассистентовъ завѣдываемой мною клиники В. И. Ильинскій и объ этомъ рѣчь, слѣдовательно, будетъ еще впослѣдствіи, теперь же я заговорилъ объ этомъ лишь потому, что и тѣ предварительныя измѣренія, которыя были до сихъ поръ уже сдѣланы мною, ясно указываютъ на то, что головка не есть овоидное или эллипсоидное тѣло, — какъ это обычно принимается авторами, — а представляется почкообразно-изогнутою, причемъ эта изогнутость поддается нѣкоторому численному опредѣленію, а, слѣдовательно, и линія головной кривизны и по своему характеру, и по своему положенію доступна ясному представленію.

Въ дополненіе къ характеристикѣ предлагаемой мною линіи головной кривизны можно указать еще на то, что прямая линія, соединяющая концы этой кривой на головкѣ, или соединяющая оба ея полюса (подбородочный и затылочный), представляетъ собою самый большой діаметръ головки; если же провести рядъ сѣченій головки, перпендикулярныхъ къ линіи головной кривизны, то получается рядъ плоскостей, нѣсколько наклоненныхъ другъ къ другу подобно ребрамъ распушеннаго вѣера. (См. рис. № 3.) Этотъ рядъ плоскостей отличается однимъ весьма важнымъ свойствомъ: всѣ площади сѣченій головки, а также и всѣ діаметры въ плоскостяхъ этихъ площадей, представляютъ собою лишь малыя сѣченія головки и лишь малыя діаметры ея.

Благодаря этому, опредѣленіе положенія линіи головной кривизны въ извѣстномъ пространствѣ, напр., въ пространствѣ родового канала, тотчасъ же даетъ возможность судить объ отношеніяхъ всѣхъ діаметровъ и сѣченій головки къ данному пространству.

Можно было бы въ заключеніе къ характеристикѣ формы головки еще прибавить, что два полюса ея (подбородочный и затылочный) нѣсколько отличаются другъ отъ друга, вслѣдствіе чего является нѣкоторая разница въ прохожденіи головки при затылочномъ и лицевомъ предлежаніи; но это различіе обоихъ полюсовъ пока для насъ интереса не представляетъ и мы будемъ о немъ говорить болѣе подробно лишь впослѣдствіи.

Охарактеризовавши такимъ образомъ линію головной кривизны въ качествѣ элемента, дающаго опредѣленное пред-

ставленіе о дѣйствительной формѣ головки, мы можемъ теперь приступить къ объясненію механизма внутренняго поворота, такъ какъ намъ теперь извѣстны всѣ основные элементы, необходимые для сужденія о способѣ прохожденія тѣла по каналу, т. е. извѣстны размѣры и форма какъ канала, такъ и тѣла, проходящаго чрезъ этотъ каналъ.

III.

Объясненіе механизма внутренняго поворота головки.

Для болѣе легкаго рѣшенія предстоящей теперь задачи изъ области простѣйшихъ механическихъ соотношеній мы должны предварительно сдѣлать нѣкоторыя упрощенія, не мѣняющія сути дѣла, но, въ то же время, облегчающія рѣшенія задачи путемъ исключенія нѣкоторыхъ побочныхъ, второстепенныхъ условій.

Головка плода обладаетъ извѣстною степенью упругости; съ другой стороны, ей присуща и пластичность, позволяющая ей мѣнять свою форму; соединеніе головки съ туловищемъ при помощи позвоночника также должно быть учитываемо извѣстнымъ образомъ; стѣнки родоваго канала, въ свою очередь, также имѣютъ измѣняющіяся свойства. На всѣ эти физическія особенности головки и родоваго канала мы можемъ, пока, не обращать вниманія и, такимъ образомъ, привести нашу задачу къ простѣйшему виду, а именно, къ изученію вопроса о движеніи твердаго тѣла опредѣленной формы по каналу опредѣленной формы съ твердыми стѣнками.

Если бы я былъ знакомъ съ высшею математикою и механикою въ частности, то, вѣроятно, сумѣлъ бы найти соотвѣтствующія формулы, которыми опредѣлялось бы движеніе тѣла при данныхъ условіяхъ. Но, такъ какъ свѣдѣніями изъ области высшей математики я не обладаю, а, съ другой стороны, механизмъ родоваго акта изучается лицами, которыя обычно также не имѣютъ знакомства съ высшею математикою, то въ дальнѣйшемъ наше изложеніе будетъ имѣть чисто популярный характеръ и это, я думаю, нисколько не должно смущать насъ, такъ какъ математическія истины въ видѣ

общихъ положеній нерѣдко бываютъ совершенно понятными и людямъ, не имѣющимъ компетенціи въ математикѣ.

Механизмъ внутренняго поворота очень удобно можетъ быть разсмотрѣнъ на модели, изображающей собою изогнутый каналъ, по которому должно двигаться изогнутое твердое тѣло.

Представимъ себѣ каналъ въ видѣ трубки широкой, короткой и крутоизогнутой, такъ что ось канала выражается приблизительно четвертью окружности круга съ радиусомъ небольшой длины; на поперечныхъ разрѣзахъ этого изогнутого канала повсюду площадь сѣченія его имѣетъ видъ круга; тѣло, которое предназначено для движеній по этому каналу, имѣетъ продолговатую форму и искривлено такимъ же образомъ, какъ и каналъ трубки; продолговатое тѣло искривлено по длиннику, на поперечныхъ разрѣзахъ имѣетъ форму круга, концы тѣла представляются округлыми, толщина его замѣтно меньше діаметра канала. (См. рис. № 5, 6 и 7. А—трубка, В—изогнутое тѣло).

На данной модели изогнутая трубка, конечно, соотвѣтствуетъ родовому каналу, а искривленное тѣло — головкѣ плода; сообразно ихъ физическимъ свойствамъ и части нашей модели отмѣчены указанными выше признаками; здѣсь остается лишь пояснить, почему діаметръ тѣла на поперечныхъ разрѣзахъ показанъ замѣтно меньшимъ, нежели діаметръ канала; этимъ признакомъ отмѣчается тотъ фактъ, что головка плода и стѣнки родоваго канала обладаютъ нѣкоторою уступчивостью, головка не выполняетъ, такъ сказать, полностью всего просвѣта канала и имѣетъ, поэтому, достаточную свободу движеній.

Возвращаясь къ нашей модели и разсматривая способы прохожденія изогнутого тѣла по изогнутому каналу, мы безъ труда замѣчаемъ нѣкоторые опредѣленные факты.

1. Если мы будемъ вдвигать тѣло въ трубку при гармоническомъ (см. рис. № 5.) соотношеніи ихъ кривизнъ, т. е. когда линія кривизны тѣла и линія кривизны канала лежатъ въ одной плоскости и обѣ линіи обращены своими выпуклостями въ одну и ту же сторону, то очевидно, что движеніе тѣла по каналу не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій, если не говорить о побочныхъ обстоятельствахъ, напр. о силѣ тренія, о неблагоприятномъ направленіи движущей тѣло силы и т. д.

При такомъ взаимномъ положеніи тѣла и канала, послѣднія образуютъ собою до нѣкоторой степени приборъ, извѣстный въ механикѣ подъ названіемъ „кинематической пары“, т. е. такого аппарата, въ которомъ одно тѣло движется по другому совершенно свободно лишь по одному опредѣленному ходу, свобода же движеній по другимъ направлениемъ вполнѣ затруднена; таково, напр., движеніе винта въ гайкѣ. Въ нашемъ случаѣ всѣхъ условій, необходимыхъ для признанія „кинематической пары“, правда, не соблюдено, такъ какъ мы приняли для нашей модели, что діаметръ тѣла замѣтно меньше діаметра канала, слѣдовательно, тѣло можетъ, кромѣ поступательнаго по длинѣ канала, имѣть еще и другія движенія; „кинематическая пара“ въ строгомъ смыслѣ слова была бы представлена нашею моделью въ томъ случаѣ, если бы толщина тѣла точно соотвѣтствовала просвѣту канала; однако, хотя и не совсѣмъ точно, выраженіе „кинематическая пара“ взято мною изъ терминовъ механики и, именно, лишь для того, чтобы подчеркнуть тотъ фактъ, что при гармоническомъ сочетаніи кривизны тѣла и кривизны канала поступательное движеніе должно совершаться вполнѣ свободно.

2. Если на нашей модели вдвигать изогнутое тѣло въ негармоническомъ соотношеніи съ изогнутостью канала, т. е. если оси тѣла и канала, или линіи ихъ кривизнъ, лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ, то тѣло, прошедши нѣкоторое разстояніе, встрѣтитъ для дальнѣйшаго поступательнаго движенія препятствіе вслѣдствіе несовпаденія формы тѣла съ формою канала; если тѣло будетъ удерживаться въ томъ же несоотвѣтственномъ положеніи и если ему будетъ предложена возможность только одного поступательнаго движенія, то возникшее препятствіе окажется непреодолимымъ и движеніе тѣла совершенно прекратится, такъ какъ при дальнѣйшемъ движеніи тѣла оказалось бы, что поверхность канала является не касательною для нѣкоторыхъ точекъ поверхности тѣла, а сѣкущею, между тѣмъ какъ для движенія тѣла требуется, чтобы поверхность канала не пересѣкала нигдѣ поверхности тѣла въ данномъ положеніи.

3. Можно тѣлу, находящемуся въ несоотвѣтственномъ къ кривизнѣ канала положеніи, дать поступательное движеніе и въ то же время не удерживать его силою въ данномъ несоотвѣтственномъ положеніи; этого можно достигнуть,

напр., тѣмъ, что тѣло не удерживается непосредственно рукою, а подвѣшено на двухъ приблизительно параллельныхъ ниткахъ; если опускать это тѣло, висящее на ниткахъ, въ каналъ, то сила тяжести тѣла является силою, дающею ему поступательное движеніе по каналу; въ то же время, благодаря подвижности нитей, тѣло имѣетъ свободу движеній и въ другихъ направленіяхъ.

Такъ какъ тѣло движется по каналу въ несоотвѣтственномъ положеніи, то, согласно съ вышесказаннымъ, оно, совершивши нѣкоторый путь, встрѣтитъ препятствіе; дальнѣйшее поступательное движеніе тѣла, какъ это ясно видно на модели, происходитъ лишь при томъ условіи, если, одновременно съ тѣмъ, происходитъ и вращательное движеніе, вслѣдствіе котораго тѣло принимаетъ все болѣе и болѣе соотвѣтственное положеніе; такъ какъ поступательное и вращательное движенія совершаются одновременно, то тѣло движется по винтовой линіи.

Эти явленія, совершенно отчетливо видимыя на нашей модели, объясняются весьма просто. Возникшее на пути движенія тѣла препятствіе вызываетъ разложеніе движущей силы, причемъ въ результатъ часть движущей силы по прежнему стремится давать тѣлу поступательное движеніе, другая же часть силы сообщаетъ тѣлу вращательное движеніе, благодаря которому тѣло переходитъ въ соотвѣтственное положеніе, безъ котораго поступательное движеніе невозможно. Такимъ образомъ, поступательное и вращательное движенія тѣсно связаны другъ съ другомъ, они происходятъ одновременно и, въ концѣ концовъ, тѣло описываетъ промежуточное движеніе, если такъ можно выразиться, т. е. движется по винтовой линіи. (См. рис. № 6.)

Очевидно, что такое же разложеніе силъ имѣло мѣсто и въ предыдущемъ случаѣ, когда мы, давая тѣлу поступательное движеніе, въ тоже время намѣренно удерживали его въ несоотвѣтственномъ положеніи; очевидно, что въ этомъ случаѣ стремленіе тѣла имѣть одновременно съ поступательнымъ движеніемъ также и вращательное нейтрализовалось нашимъ противудѣйствіемъ; а, такъ какъ поступательное движеніе безъ одновременнаго вращательнаго невозможно, то тѣло не могло производить никакого движенія и должно было оставаться неподвижнымъ.

Въ заключеніе нужно еще разъ отмѣтить то важное обстоятельство, что сила, дающая тѣлу вращательное движеніе, не представляетъ собою какой-либо новой силы, это есть лишь часть первоначальной движущей силы, получившаяся послѣ разложенія послѣдней при возникшемъ препятствіи.

4. Относительно движеній тѣла на нашей модели я хотѣлъ бы остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, а именно, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о величинѣ той силы, которая даетъ тѣлу вращательное движеніе, когда тѣло вдвигается въ каналъ въ несоотвѣтственномъ положеніи. Но здѣсь я не считаю себя въ правѣ высказываться сколько нибудь увѣренно, а могу говорить лишь въ видѣ предположеній. Мнѣ кажется, что наибольшая величина вращающей силы *caeteris paribus* должна быть въ томъ случаѣ, когда плоскость кривой оси канала и плоскость линіи кривизны изогнутаго тѣла пересѣкаютъ одна другую подъ прямымъ угломъ; по мѣрѣ же того, какъ обѣ эти плоскости все болѣе и болѣе наклоняются одна къ другой и приближаются, такимъ образомъ, къ взаимному совпаденію, величина вращающей силы должна постепенно убывать, доходя въ концѣ концовъ до нуля.

Сила вращенія, слѣдовательно, равняется нулю, если совпадаютъ плоскости обѣихъ кривыхъ линій, выражающихъ собою кривизну тѣла и кривизну канала.

При этомъ сліяніи плоскостей возможны, конечно, два случая. Случай первый — это тотъ, когда обѣ кривыя линіи находятся во взаимномъ соотвѣтствіи, т. е. обращены своими выпуклостями въ одну и ту же сторону; при такомъ положеніи тѣла въ каналѣ поступательное движеніе совершенно свободно и никакого вращенія тѣла въ каналѣ, дѣйствительно, не происходитъ и, слѣдовательно, величина вращающей силы равна нулю. Во второмъ случаѣ, т. е. при полномъ несоотвѣтствіи обоихъ кривыхъ линій, хотя и лежащихъ въ одной плоскости, но обращенныхъ своими выпуклостями въ діаметрально противоположныя стороны, величина вращающей силы, какъ я сказалъ выше, должна, по моему предположенію, равняться также нулю; но, такъ какъ при несоотвѣтствіи кривизнъ движеніе изогнутаго тѣла по изогнутому каналу возможно только тогда, когда поступательное движе-

ніе сопровождается одновременнымъ вращеніемъ, то отсюда вытекаетъ тотъ результатъ, что при отсутствіи вращенія въ разсматриваемомъ случаѣ не должно быть и поступательнаго движенія. Иначе говоря, — при вдвиганіи изогнутаго тѣла въ каналъ въ указанномъ положеніи, т. е. при полномъ несоотвѣтствіи линій, выражающихъ искривленія тѣла и канала, послѣднее должно остановиться на извѣстномъ пунктѣ въ каналѣ и далѣе не двигаться. (См. рис. № 7.)

Нѣчто аналогичное мы наблюдаемъ при движенія мотыля съ шатуномъ въ паровыхъ машинахъ; если мотыль и шатунъ становятся въ одну прямую линію, то образуются т. наз. мертвыя точки, изъ которыхъ мотуль не могъ бы выводиться шатуномъ, если бы къ движенію этихъ частей машины не присоединялась сила инерціи, выводящая мотыль изъ мертвыхъ точекъ.

Мнѣ кажется, аналогичныя отношенія встрѣчаются и при движеніи тѣла по каналу на нашей модели, а именно: при вдвиганіи тѣла въ каналъ, въ случаѣ полного несоотвѣтствія обоихъ кривыхъ линій, срединная линія, идущая продольно по задней вогнутой стѣнкѣ канала и таковая же линія передней выпуклой стѣнки канала, являются, такъ сказать, мертвыми линіями, изъ которыхъ изогнутое тѣло, стоящее въ указанномъ выше положеніи, само по себѣ не выводится.

Я съ умысломъ вошелъ въ нѣкоторыя детали по поводу возможности признанія такихъ мертвыхъ линій, такъ какъ высказанныя соображенія могли бы оказаться полезными для оцѣнки нѣкоторыхъ явленій, наблюдаемыхъ въ клиникѣ родоваго акта, напр., для оцѣнки того случая, когда затылокъ упорно остается обращеннымъ кзади. Къ этому факту мы вернемся еще впослѣдствіи.

Разсмотрѣвши механическія соотношенія, наблюдавшіяся нами при изученія движенія тѣла по каналу на нашей модели, намъ остается лишь перенести наши наблюденія на другіе объекты; если, вмѣсто твердаго изогнутаго тѣла и изогнутой трубки, намъ нужно будетъ разсуждать о головкѣ плода и родовомъ каналѣ, то въ отношеніи кинематическомъ, т. е. въ отношеніи явленій движеній, мы можемъ думать о тѣхъ же факторахъ.

Намъ нѣтъ надобности, въ избѣжаніе повтореній, всту-

пать въ большія подробности для анализа явленій, связанныхъ съ процессомъ внутренняго поворота головки во время родового акта, такъ какъ, послѣ изученія нашей модели, этотъ механизмъ обрисовывается уже совершенно ясно.

Такъ какъ головка вступаетъ въ тазъ такимъ образомъ, что затылокъ обращенъ болѣе или менѣе въ сторону, то очевидно, что при такомъ положеніи кривизна головки не соотвѣтствуетъ кривизнѣ родового канала; но это несоотвѣтствіе обѣихъ кривыхъ линій не имѣетъ значенія, пока головка проходитъ верхній отдѣлъ родового пути, имѣющій болѣе или менѣе прямолинейное направленіе; это несоотвѣтствіе обнаруживается лишь тогда, когда головка доходитъ до тазоваго дна, гдѣ родовой каналъ обнаруживаетъ рѣзко-выраженный изгибъ, или колѣно и, такимъ образомъ, вмѣсто болѣе или менѣе прямолинейнаго становится искривленнымъ.

Выступившее на сцену препятствіе для движенія головки въ видѣ искривленія канала уже само по себѣ, независимо отъ формы движущагося тѣла, ведетъ къ разложенію изгоняющихъ силъ, благодаря которому головка не останавливается у встрѣтившагося препятствія, а продолжаетъ свой путь дальне, но уже не по прямой, а по кривой линіи. Результатомъ этого разложенія силъ является, однако, лишь пригибаніе головки къ переднему плечу.

Но встрѣтившееся на пути движенія головки препятствіе въ видѣ искривленія родового канала не только является помѣхою для прежняго прямолинейнаго движенія головки по направленію дѣйствія изгоняющихъ силъ, но сказывается и въ другомъ смыслѣ: дальнѣйшему движенію головки начинаетъ мѣшать теперь еще и несоотвѣтствіе ея формы съ формою канала, несоотвѣтствіе линіи головной кривизны съ линіею кривизны родового канала.

Это — втораго рода препятствіе, встрѣченное головкою на мѣстѣ изгиба родовыхъ путей; этимъ препятствіемъ вызывается новое разложеніе изгоняющей силы, одна часть которой даетъ головкѣ по прежнему поступательное движеніе, другая же часть идетъ на производство вращательнаго движенія, благодаря которому головка становится въ соотвѣтственное съ каналомъ положеніе, т. е. линія головной кривизны совпадаетъ съ линіею кривизны родового канала. (См. рис. № 8. Сплошная кривая линія—проводная ось родо-

ваго канала, пунктирная линия — линия головной кривизны).

Само собою разумѣется, что это разложеніе силъ, перемѣна направленій ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣна положенія головки сравнительно легко совершаются въ родовомъ каналѣ вслѣдствіе того, что какъ головка, такъ и каналъ обладаютъ цѣлымъ рядомъ надлежащихъ физическихъ качествъ; выпуклая, равномерно-округлая поверхность головки, наклонныя плоскости родового канала, увлажненіе родовыхъ путей и т. д. — всѣ эти условія являются весьма благоприятными для свободы скользящихъ движеній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, конечно, не станемъ отрицать и того обстоятельства, что въ такомъ сложномъ физиологическомъ процессѣ, какъ родовой актъ, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ физиологическихъ явленій, играющихъ большую роль при прохожденіи плода чрезъ родовой каналъ.

Все это совершенно понятно; всякій механизмъ, выполняющій какую либо задачу, имѣетъ и соотвѣтственное устройство и сообразное съ общою задачею дѣйствіе отдѣльныхъ составныхъ частей машины. Но, вѣдь, дѣйствіе какой либо отдѣльной части механизма мы не можемъ отождествлять съ общимъ механическимъ принципомъ, служащимъ основою для работы даннаго механизма.

Точно также и при изученіи механизма родового акта мы не имѣемъ права въ одномъ какомъ-либо анатомическомъ фактѣ или въ какомъ-либо физиологическомъ явленіи находить объясненіе механическаго принципа въ изучаемомъ нами процессѣ.

Несомнѣнно, напр., что при прохожденіи головки громадную роль играетъ мышечная дѣятельность и сопротивленіе тазоваго дна. Но какова роль мышцъ таза? Можемъ ли мы сказать, — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, — что внутренній поворотъ головки объясняется дѣйствіемъ мышцъ тазоваго дна?

Конечно, дѣятельность мышцъ тазоваго дна имѣетъ не малое значеніе въ механизмѣ внутренняго поворота, но дѣйствіе этого фактора мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ.

Предположимъ, что головка, обращенная затылкомъ въ сторону, напр., влѣво, надавливаетъ на мышцы тазоваго дна.

Такъ какъ мы утверждаемъ, что головка имѣетъ не эллипсоидную, а почкообразную форму, то очевидно, что при такомъ стояніи головки обѣ половины ея, расположенныя по сторонамъ отъ срединной сагиттальной плоскости таза роженницы, представляются несимметричными; болѣе выдающійся обращенный влѣво затылокъ сильнѣе давитъ на мышцы тазоваго дна лѣвой стороны, нежели менѣе выдающійся лобъ — на симметричныя мышцы правой стороны.

Испытывающія болѣе сильное давленіе мышечныя ткани лѣвой стороны должны представлять и большее сопротивленіе, вслѣдствіе чего наиболѣе выдающаяся часть головки, или затылокъ, должна смѣщаться въ сторону меньшаго сопротивленія до тѣхъ поръ, пока обѣ симметричныя мышечныя области не придутъ въ состояніе равновѣсія, т. е. пока затылокъ не займетъ срединной линіи таза.

Мышечныя пучки тазоваго дна, такимъ образомъ, выполнили свою задачу. Но что же заставило ихъ дѣйствовать въ указанномъ направленіи? Смѣло утверждаю, что главнѣйшая роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала формѣ головки. Если бы она имѣла форму овоида или эллипсоида, то при указанномъ положеніи ея въ родовомъ каналѣ обѣ стороны ея, стоящія въ правой и лѣвой половинѣ таза роженницы, были бы совершенно одинаковыми и въ такомъ случаѣ дѣятельность мышцъ тазоваго дна, — въ смыслѣ вращательнаго движенія, — никакого эффекта не производила бы.

Ясно, стало быть, что дѣятельность мышцъ тазоваго дна въ механизмѣ внутренняго поворота ограничивается чисто вспомогательною ролью.

Вдобавокъ надо сказать, что и эта чисто вспомогательная роль мышечныхъ группъ тазоваго дна, по моему мнѣнію, вовсе не заключается въ томъ, что эти мышцы обнаруживаютъ активную дѣятельность, т. е. проявляютъ силу, которая, хотя бы и вспомогательно, сообщала головкѣ вращательное движеніе.

Мы уже видѣли на нашей модели, что вращеніе изогнутаго тѣла, подобнаго головкѣ плода, происходитъ при поступательномъ движеніи его въ изогнутомъ каналѣ съ твердыми стѣнками. Въ этомъ каналѣ никакихъ мышцъ нѣтъ, а имѣется лишь особая, специфическая форма.

Согласно съ этимъ же фактомъ мы уже выше утвер-

ждали, что сила, сообщающая головкѣ вращеніе вокругъ ея продольной оси, есть часть общей изгоняющей силы (сокращенія матки и брюшнаго пресса), получившаяся при разложеніи послѣдней.

Сообразно съ этимъ и теперь, опредѣляя значеніе дѣятельности мышцъ тазоваго дна, мы можемъ сказать, что эта дѣятельность чисто пассивная, а не активная; участіе мышцъ тазоваго дна въ производствѣ внутренняго поворота выражается не тѣмъ, что эти мышцы представляютъ собою источникъ двигательной силы, а тѣмъ, что онѣ оказываютъ сопротивленіе, благодаря которому форма родовыхъ путей сохраняетъ свою особенность, или специфичность.

Поэтому я полагаю, что, если при обширныхъ старыхъ разрывахъ промежности иной разъ не наблюдается внутренняго поворота головки, то это происходитъ не потому, что при такихъ условіяхъ отсутствуетъ активная дѣятельность мышцъ тазоваго дна, а потому, что при этомъ утратилась специфическая форма родоваго канала.

По той же причинѣ, мнѣ кажется, разстраивается внутренній поворотъ головки и при симфизеотоміи; поэтому я никакъ не могу согласиться съ М. Stumpf'омъ (14), который полагаетъ, что въ такомъ случаѣ дѣло заключается въ разстройствѣ функций мышцъ вслѣдствіе расхожденія разъединенныхъ концовъ лонныхъ костей.

Въ виду всего изложеннаго, я думаю, никакъ нельзя говорить, что внутренній поворотъ объясняется дѣйствіемъ мышцъ тазоваго дна. Это выраженіе въ такой же мѣрѣ неправильно, какъ неправильно объясненіе, напр., звуковъ нашего голоса дѣйствіемъ мышцъ гортани. Механическая основа голоса — колебаніе упругихъ пластинокъ, называемыхъ голосовыми связками, мышцы гортани имѣютъ при этомъ очень большое, но, всетаки, чисто служебное значеніе. Механическая основа внутренняго поворота — несоотвѣтствіе кривизны головки съ кривизною родоваго канала, ведущее къ необходимому для исправленія этого несоотвѣтствія разложенію изгоняющей силы, мышцы тазоваго дна при этомъ процессѣ точно также имѣютъ только служебное значеніе.

Когда совершился внутренній поворотъ головки, т. е.

когда затылок повернулся къ лонному соединенію, а стрѣловидный шовъ сталъ въ прямой размѣръ таза, произошло возможно болѣе полное сліяніе линіи головной кривизны съ линіею кривизны родового канала, или, иначе говоря, головка своими очертаніями вполнѣ приспособилась къ очертаніямъ родового канала.

Благодаря этому приспособленію, просвѣтъ родового канала можетъ быть теперь использованъ наиболѣе выгоднымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ было уже выше указано, всѣ плоскости сѣченій головки, перпендикулярныя къ линіи головной кривизны, безъ исключенія представляются малыми площадями съ малыми діаметрами. Путь головки по родовому каналу въ своей просторности, т. е. въ поперечныхъ направленіяхъ, опредѣляется рядомъ площадей, перпендикулярныхъ къ линіи кривизны родового канала. Отсюда понятно, что при сліяніи линіи головной кривизны съ линіею кривизны родового канала всѣ площади поперечныхъ сѣченій послѣдняго будутъ заняты безъ исключенія только малыми площадями головки.

Время и мѣсто играютъ въ родовомъ актѣ громадную роль, — этого не нужно упускать изъ виду; не нужно, поэтому, забывать, что мы толкуемъ объ удобнѣйшемъ положеніи головки для даннаго момента родового акта. Для момента, когда совершается внутренній поворотъ, мы можемъ оцѣнить теперь всю важность сліянія линіи головной кривизны съ линіею кривизны родового канала, которое ведетъ къ легчайшему прохожденію головки по искривленности родовыхъ путей.

Повторяя уже приведенное разъ выше выраженіе, я сказалъ бы, что при совпаденіи обѣихъ кривыхъ линій головки и родовой каналъ могутъ считаться до нѣкоторой степени „кинематическою парою“. При этомъ опять таки повторяю, что на точность выраженія съ математической точки зрѣнія я никакихъ претензій не имѣю, а желаю лишь отмѣтить тотъ важный фактъ, что для удобнѣйшаго прохожденія головки чрезъ искривленность родового канала требуется возможно большее совпаденіе линіи головной кривизны съ проводною осью родовыхъ путей.

IV.

Объясненіе механическаго значенія ненормальнаго поворота затылка кзади.

Выставленное въ концѣ предыдущей главы заключеніе объ условіи, необходимомъ для легчайшаго прохожденія головки чрезъ искривленный отдѣлъ родоваго канала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательства въ пользу правильности нашего объясненія механизма внутренняго поворота получены нами изъ анализа тѣхъ механическихъ соотношеній, которыя имѣютъ мѣсто при совершеніи внутренняго поворота. Вѣрность нашихъ заключеній можетъ сдѣлаться еще болѣе прочною, если мы расширимъ кругъ доказательствъ и присоединимъ къ прямымъ выводамъ еще доказательства, такъ сказать, отъ обратнаго.

Съ этою цѣлью сдѣлаемъ теперь анализъ механическихъ соотношеній при той аномаліи родоваго механизма, которая выражается ненормальною ротаціею затылка кзади.

Обращаясь, прежде всего, къ литературнымъ даннымъ, мы напередъ могли бы сказать, что врядъ ли эта аномалія механизма родовъ описывается авторами въ достаточной степени удовлетворительно; вѣдь, и нормальный механизмъ внутренняго поворота, какъ мы уже видѣли выше, не получилъ общепринятаго рациональнаго толкованія.

На этомъ основаніи я не стану утомлять вниманія читателей обильными литературными справками, а ограничусь, лишь 2-3 цитатами, чтобы демонстрировать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ оцѣнивается авторами механическое и клиническое значеніе этой аномаліи родоваго акта.

Въ руководствѣ А. Я. Крассовскаго (1) на стр. 28 мы читаемъ слѣдующее:

„Почему роды при этомъ продолжаются долѣе, объяснить нелегко. Вѣроятно же всего, что затылокъ, при затылочно-лонномъ положеніи, проходя по внутренней поверхности лонныхъ костей, совершаетъ путь короче, чѣмъ при затылочно-крестцовомъ. Чтобы прорѣзаться у задней спайки большихъ губъ, онъ долженъ пройти по крестцовой впадинѣ, — путь длиннѣйшій, и кромѣ того, преодолѣть еще упругость промежности.“

Остановимся пока на этой аргументаціи. Какъ видите, А. Я. Крассовскій самъ начинаетъ съ того, что клиническое значеніе разсматриваемой аномаліи поддается объясненію нелегко; пробуя затѣмъ дать объясненіе трудному теченію родовъ въ случаяхъ такого рода, авторъ высказываетъ соображеніе, съ которымъ, по моему мнѣнію, никакъ нельзя согласиться.

Разсужденія автора о длиннѣйшемъ (по крестцовой впадинѣ) и о кратчайшемъ (по внутренней поверхности лонныхъ костей) пути, который проходится затылкомъ, ничего не могутъ выяснить, такъ какъ по родовому пути движется не затылокъ, а вся головка цѣликомъ; такъ какъ родовой каналъ искривленъ, то одинъ отдѣлъ головки, а именно, задній всегда совершаетъ болѣе длинный путь въ сравненіи съ переднимъ отдѣломъ; слѣдовательно, не въ этомъ дѣло; о реальности длиннѣйшаго и кратчайшаго пути можно было бы толковать лишь тогда, если бы головка плода имѣла ничтожную величину, напр., съ орѣхъ или мандаринъ и проч., — однимъ словомъ, если бы она не выполняла собою всего просвѣта родового канала. Только въ такомъ случаѣ можно было бы говорить о томъ, что она, проходя по задней стѣнкѣ родового канала, совершаетъ болѣе длинный путь, нежели головка, проходящая по передней стѣнкѣ. А, такъ какъ головка выполняетъ собою весь просвѣтъ родового канала, то путь, проходимый ею, по своей длинѣ всегда бываетъ однимъ и тѣмъ.

Продолжая далѣе свое объясненіе, А. Я. Крассовскій пишетъ слѣдующее:

„Нужно прибавить также весьма важное условіе, что затылокъ, проходя по внутренней поверхности лонныхъ костей, находится съ шею, а равно и съ туловищемъ въ прямой линіи, т. е. въ такомъ направленіи, въ которомъ онъ находится при 2-мъ моментѣ, и не имѣетъ надобности измѣнять этого положенія; между тѣмъ какъ, проходя по внутренней вогнутой поверхности крестцовой впадины, затылокъ съ шею и позвоночнымъ столбомъ принимаютъ видъ дугообразный. Теперь ясно, что подлежащая часть, т. е. головка, для своего приспособленія къ крестцовой впадинѣ, при затылочно-крестцовомъ положеніи, требуетъ болѣе времени, чѣмъ при затылочно-лонномъ. Это приспособленіе можно объяснить та-

кимъ образомъ: по причинѣ значительнаго прижатія подбородка къ груди, головка, напираемая изгоняющею силою матки, не можетъ болѣе сгибаться и ищетъ выхода затылкомъ; вся сила матки въ этомъ случаѣ устремляется на шею, вслѣдствіе чего шея съ затылкомъ и принимаютъ дугообразную форму“.

Изъ этой длинной цитаты видно, что авторъ, развивая свое объясненіе, пробуетъ подойти къ рѣшенію вопроса съ надлежащей точки зрѣнія, а именно, онъ касается значенія формы подлежащей части плода для удобства прохожденія чрезъ родовой каналъ, но, насколько данное объясненіе понятно и съ механической точки зрѣнія точно, предоставляю судить объ этомъ самому читателю.

По словамъ Н. Ф. Толочина (4), затруднительность прохожденія головки съ обращеннымъ къзади затылкомъ зависитъ отъ того, что „она двигается чрезъ нижнюю часть родоваго канала своими большими плоскостями и въ значительной степени утрачиваетъ свою подвижность, слѣдовательно, при условіяхъ менѣе выгодныхъ. Кромѣ того лобикъ младенца образуя болѣе широкую часть, не прилегаетъ такъ плотно, какъ затылокъ къ верхушкѣ лонной дуги.“

Читая такое объясненіе, изучающій теорію акушерства, мнѣ кажется, долженъ лишь запоминать сообщаемые факты; но, можетъ ли онъ составить себѣ ясное представленіе о механической основѣ разбираемой аномаліи, это — другой вопросъ.

Въ объясненіи Н. Ф. Толочина еще имѣется намекъ на значеніе формы головки для прохожденія въ томъ или иномъ положеніи, хотя эта сторона дѣла представлена, по моему мнѣнію, очень неудачно; у другихъ же авторовъ изложеніе еще болѣе поверхностно и о механическихъ соотношеніяхъ при этой весьма важной и интересной съ механической точки зрѣнія аномаліи родоваго акта предоставляется читателю думать, какъ угодно. Таково, напр., объясненіе Витм'а (6), который ограничивается слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ: „Дабы затылокъ могъ выступить чрезъ половую щель, головка должна совершить еще дальнѣйшее и самое сильное сгибаніе, что, въ виду противоавленія промежности, удастся лишь послѣ болѣе продолжительной потужной дѣятельности“.

Если такая поверхностность изложения допустима въ краткомъ учебникѣ, то въ такомъ обширномъ руководствѣ, какъ *Handbuch der Geburtshülfe Winckel'я*, слѣдовало бы ожидать болѣе или менѣе обстоятельнаго толкованія. Между тѣмъ здѣсь (14) авторъ отдѣла о механизмѣ родовъ *M. Stumpf* (т. I, стр. 1077 и слѣд.) такъ описываетъ значеніе разсматриваемой ненормальности, что читатель, по моему мнѣнію, долженъ получить о ней совершенно превратное представленіе.

Говоря о ненормальной ротации затылка кзади, авторъ различаетъ двѣ возможности: въ случаяхъ одного рода головка, какъ и при обыкновенномъ механизмѣ, сильнѣйшимъ образомъ согнута, въ случаяхъ втораго рода она проходитъ и выходитъ въ положеніи легкаго отгибанія, вслѣдствіе чего проходящія периферіи черепа представляются неодинаковыми: въ первомъ случаѣ такую периферію является подзатылочно-темянная въ 31-32 сант., во второмъ — лобнозатылочная въ 34 сант. Поэтому случаи 1-ой категоріи авторомъ относятся къ болѣе благопріятному роду, а случаи 2-ой категоріи — къ менѣе благопріятнымъ.

Затѣмъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Но и въ случаяхъ болѣе благопріятнаго рода механизмъ выхожденія не такъ легокъ, какъ при правильной ротации. Головка при прорѣзываніи подъ лонною дугою должна была бы еще болѣе пригнуться. Но, такъ какъ на тазовомъ днѣ она уже совершенно пригнулась, то она не обладаетъ уже болѣе способностью къ экскурсіи по отношенію къ позвоночнику и поэтому, при опущеніи широкаго діаметра плечиковъ въ то время, когда головка стоитъ еще въ тазу, выхожденіе ея совершается очень медленно; при малыхъ плодахъ, — а съ такими чаще всего и приходится здѣсь имѣть дѣло, — незначительная способность къ экскурсіи до нѣкоторой степени компенсируется наличностью менѣе плотныхъ связокъ и болѣе подвижныхъ сочлененій. Съ другой стороны, въ случаяхъ менѣе благопріятнаго рода выхожденіе головки опять таки въ незначительной степени облегчается тѣмъ, что головка стоитъ на тазовомъ днѣ въ слегка отогнутомъ видѣ и, поэтому, по отношенію къ необходимому для выхожденія сгибанію, обладаетъ еще способностью къ экскурсіи въ 35-40 градусовъ (*Kaltenbach*)“.

Изъ этого описанія, несомнѣнно, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что, по мнѣнію Stumpf'a, затруднительность родового акта при обращенной затылкомъ къзади и въ тоже время согнутой головкѣ зависитъ только отъ того, что головка не можетъ совершить необходимаго для прорѣзыванія еще болѣе сильнаго сгибанія.

Значенія указаннаго момента я, конечно, отрицать не стану, тѣмъ не менѣе я нахожу, что объясненіе Stumpf'a грѣшитъ крайнею односторонностью и неполнотою, такъ какъ онъ совершенно обходитъ молчаніемъ значеніе формы головки при различныхъ установкахъ ея въ тазу.

А въ этомъ послѣднемъ факторѣ, по моему мнѣнію, заключается главная суть дѣла.

Съ механической точки зрѣнія значеніе ненормальной ротации затылка къзади можетъ быть представлено очень легко и очень просто и мнѣ нѣтъ надобности входить въ особыя подробности по этому предмету, такъ какъ механическая основа нормальнаго внутренняго поворота уже обрисована выше достаточно полно.

При изученіи нашей модели мы уже видѣли, что изогнутое тѣло, стоящее своею кривизною несоотвѣтственно кривизнѣ канала, пройти чрезъ послѣдній не можетъ, если это несоотвѣтствіе не устранится вращеніемъ тѣла.

Переходя къ родовому акту, мы, при ненормальной ротации затылка къзади, имѣемъ какъ разъ именно тотъ случай, гдѣ кривизна головки совершенно не соотвѣтствуетъ кривизнѣ родового канала: линія головной кривизны обращена здѣсь своею выпуклостью къпереди, а линія кривизны родового канала — въ противоположную сторону. (См. рис. № 9. Сплошная кривая линія — проводная ось родового канала, пунктирная линія — линія головной кривизны. Размѣры и форма какъ родового канала, такъ и головки на этомъ рисункѣ совершенно такіе же, какъ и на рисункѣ № 8, гдѣ имѣется нормальная ротация головки, но на рис. № 9 головка лишь поставлена въ несоотвѣтственное положеніе; не помѣщающаяся въ родовомъ каналѣ часть черепа изображена пунктиромъ.)

Отсюда вытекаетъ неизбѣжный логическій выводъ: головка, обращенная затылкомъ къзади, не должна проходить чрезъ родовой каналъ.

И я утверждаю, что такъ оно и было бы въ дѣйствительности, если бы всѣ прочія условія со стороны родового канала и головки плода при ротациі затылка кзади оставались точно такими же, какъ и при нормальномъ поворотѣ; если головка, несмотря на такое несоотвѣтствіе ея кривизны съ кривизною родового канала, всетаки, *de facto* можетъ совершать свой путь, то, именно, только потому, что эти условія въ рѣзкой степени мѣняются.

И, дѣйствительно, клиника въ такихъ случаяхъ обнаруживаетъ цѣлый рядъ анатомическихъ и фізіологическихъ особенностей; значительное повышеніе потужной дѣятельности, большее растяженіе тазоваго дна, большее раскрытіе половой щели, измѣненіе формы головки особою конфигураціею и проч.

Я не буду входить въ детали относительно этихъ клиническихъ особенностей, а скажу нѣсколько словъ о значеніи ихъ лишь съ механической точки зрѣнія.

Неблагопріятныя послѣдствія поворота затылка кзади выражаются тѣмъ, что выпуклый затылокъ не обращенъ теперь въ просвѣтъ родового канала, куда онъ долженъ былъ бы двигаться при нормальной ротациі, а упирается въ задній отдѣлъ родового канала; малыя площади сѣченій головки, перпендикулярныя къ линіи головной кривизны и обычно проходящія чрезъ поперечныя сѣченія родового канала, теперь становятся къ нимъ подъ угломъ и чрезъ просвѣтъ канала теперь, должны проходить площади головки съ большими діаметрами.

Какъ же компенсируются эти неблагопріятныя стороны дѣла?

Какъ извѣстно, въ случаяхъ родовъ съ разсматриваемою аномалиею наблюдается болѣе сильное отдавливаніе тазоваго дна, болѣе сильное выпячиваніе промежности, болѣе значительное зіяніе половой щели. О чемъ же говорятъ, съ механической точки зрѣнія, эти фізіологическія особенности?

Онѣ говорятъ о томъ, что родовой каналъ, искривленный въ своемъ нижнемъ отдѣлѣ по направленію кпереди, теперь сильнѣе растягивается по направленію кзади; иначе говоря, — линія кривизны родового канала, загнутаая нижнимъ концомъ кпереди, теперь отходитъ имъ нѣсколько кзади.

Съ другой стороны, головка, стоящая затылкомъ къзади, подвергается особой конфигураціи, при которой выпуклый затылокъ, надавливающій на заднюю стѣнку родового канала, нѣсколько уплощается; вмѣсто этого начинаетъ выпячиваться та область головки, которая обращена въ свободный просвѣтъ родового канала.

Къ чему направлена эта своеобразная конфигурація головки?

Она направлена къ тому, чтобы измѣнить неблагоприятную для даннаго положенія форму головки; при этомъ измѣненіи нижній конецъ линіи головной кривизны, упирившійся первоначально въ заднюю стѣнку родового канала, теперь, съ измѣненіемъ кривизны, отходитъ нѣсколько кпереди, приближаясь къ проводной оси канала.

Такимъ образомъ мы видимъ, что обѣ кривыя линіи, т. е. линіи кривизны головки и кривизны родового канала, вначалѣ расходились своими направленіями въ разныя стороны, теперь измѣняютъ свои направленія: нижній конецъ линіи кривизны родового канала отходитъ нѣсколько къзади, а нижній конецъ линіи головной кривизны отходитъ кпереди на встрѣчу къ первому, т. е. обѣ линіи стремятся къ сліянію.

Говоря кратко, мы можемъ сказать, что вредное несоотвѣтствіе формъ головки и родового канала постепенно выравнивается, благодаря надлежащему измѣненію очертаній какъ головки, такъ и родовыхъ путей.

Само собою разумѣется, что всѣ происходящія фізіологическія явленія требуютъ и времени, и затраты силы; слѣдовательно, потужная дѣятельность при такихъ родахъ должна быть болѣе энергичною и теченіе родового акта — болѣе длительнымъ.

Предлагаемая мною теорія для объясненія механическихъ основъ внутренняго поворота головки, такимъ образомъ, даетъ, какъ мнѣ кажется, довольно простое объясненіе и для затрудненій родового акта, возникающихъ на почвѣ одной изъ аномалій разсматриваемаго механизма.

Покончивши съ вопросомъ о клиническомъ значеніи этой аномаліи, я хотѣлъ бы сказать, въ заключеніе, еще нѣсколько словъ объ этиологіи ея.

Среди другихъ этиологическихъ моментовъ авторы болѣе

всего указываютъ на малый объемъ головки, какъ на причину этой аномаліи.

Но даже и для такихъ, съ механической точки зрѣнія чрезвычайно просто объясняющихся, случаевъ авторы предлагаютъ весьма мало вразумительныя толкованія. Для примѣра укажу лишь на Stumpf'a (14); на стр. 1081 онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Если головка приходитъ къ тазовому дну въ согнутомъ состояніи и обладаетъ среднею величиною, то тазовое дно принуждаетъ ее постоянно къ правильному повороту, хотя бы затылокъ былъ уже обращенъ нѣсколько къзади“. „Если же головка мала, если она, несмотря на плотность мягкихъ частей, имѣетъ много пространства въ тазу, то мускулатура тазоваго дна такую головку съ обращеннымъ и безъ того уже нѣсколько къзади затылкомъ поворачиваетъ окончательно къзади. Если же, далѣе, приходитъ къ тазовому дну головка съ опущеннымъ теменемъ (Vorderhaupt), то мускулатура дна дѣйствуетъ на глубже стоящую часть такимъ образомъ, что темя поворачивается впередъ безразлично, мала ли головка или велика.“

Не правда ли, такое дѣйствіе мускулатуры нельзя не признать загадочнымъ? Почему же мускулатура тазоваго дна въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ такъ, въ другомъ — иначе?

Что головка малой величины иной разъ не совершаетъ правильнаго поворота, это такъ просто объясняется съ механической точки зрѣнія, что достаточно сказать два слова. Очевидно, въ такихъ случаяхъ механизмъ поворота не приводится въ дѣйствіе по той простой причинѣ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности; выше уже было подробно доказано, что вращеніе головки является результатомъ дѣйствія того препятствія, которое возникло вслѣдствіе несоотвѣтствія формы головки съ формою родоваго канала; если головка мала, то и несоотвѣтствіе сглаживается, исчезаетъ препятствіе и головка можетъ двигаться въ какомъ угодно положеніи.

Такіе случаи, гдѣ головка обладаетъ малыми размѣрами, объясняются, такимъ образомъ, очень просто, но, вѣдь, именно, при достаточно большой головкѣ эта аномалія родоваго акта и пріобрѣтаетъ клиническое значеніе; именно,

при достаточно большой головкѣ и наблюдается затяжное теченіе родовъ, тутъ чаще требуются оперативныя пособія и. т. д.

Какъ же объяснить отсутствіе внутренняго поворота при достаточно большой головкѣ?

Рѣшать этотъ вопросъ на основаніи клиническихъ матеріаловъ я въ настоящее время не имѣю намѣренія, а хочу лишь высказать нѣсколько чисто теоретическихъ предположеній относительно механическихъ условій въ случаяхъ такого рода.

Мнѣ кажется, именно, что, защищая предлагаемую мною теорію внутренняго поворота, я могу дать, хотя бы, нѣкоторое разъясненіе механическихъ условій, которыя могутъ играть здѣсь роль.

Обращаясь вновь къ нашей модели, мы должны теперь припомнить все то, что было сказано относительно величины вращательной силы; эта величина, какъ выше сказано, для различныхъ положеній изогнутаго тѣла представляется различною и можетъ спуститься до нуля, именно, въ томъ случаѣ, когда линія кривизны тѣла и линія кривизны канала совершенно совпадаютъ своими плоскостями.

По аналогіи съ этимъ, мы можемъ думать, что, если затылокъ, при вступленіи головки въ тазъ, былъ обращенъ рѣзко къзади, то величина вращательной силы не должна быть значительною; а, если затылокъ своею серединою попадаетъ какъ разъ на продольную срединную линію задней стѣнки родоваго канала, то для такого положенія вращательная сила можетъ оказаться равною нулю, затылокъ будетъ находиться, такъ сказать, на мертвой линіи, съ которой смѣститься ему будетъ очень трудно.

Такимъ образомъ и случаи упорнаго стоянія затылка къзади по своей этиологіи могутъ быть включены въ тотъ кругъ явленій, которыя удовлетворительно объясняются съ точки зрѣнія защищаемой мною теоріи механизма внутренняго поворота.

Если же этотъ пунктъ сдѣлать пробнымъ камнемъ для какой либо другой теоріи, врядъ ли испытаніе дало бы удовлетворительные результаты.

Возьмемъ, напр., теорію, такъ настойчиво защищаемую Sellheim'омъ.

Когда затылок упорно остается обращеннымъ кзади, наблюдается особенно сильное пригибаніе головки къ груди; именно, въ этихъ случаяхъ должно быть особенно сильное натяженіе упругихъ тканей связочнаго аппарата и, слѣдовательно, именно, въ этихъ случаяхъ должно было бы особенно проявляться то стремленіе тѣла плода измѣнить неудобное вынужденное положеніе, то стремленіе къ разгибанію („Deflectionstendenz“), которое Sellheim склоненъ считать главнѣйшимъ факторомъ, заставляющимъ головку ротироваться.

Поэтому, слѣдовало бы признать, держась взглядовъ Sellheim'а, что, чѣмъ болѣе затылокъ обращенъ кзади, тѣмъ энергичнѣе онъ долженъ стремиться выйти изъ неудобнаго положенія; вступленіе головки въ тазъ въ заднемъ видѣ затылочнаго положенія не только не должно было бы играть роли этиологическаго момента въ происхожденіи рассматриваемой аномаліи, а, скорѣе, наоборотъ, — нормальный поворотъ головки долженъ былъ бы совершаться при заднемъ видѣ съ особенною стремительностью.

Очевидно, что упругость тканей плода, та или иная степень сгибаемости позвоночника не можетъ считаться единственнымъ факторомъ, имѣющимъ значеніе въ механизмѣ внутренняго поворота головки.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ еще разъ подтвердить, что я вовсе не думаю отрицать значеніе упругости тѣла плода; наоборотъ, — впослѣдствіи я буду болѣе подробно выяснять ея роль, но для механизма внутренняго поворота головки, я думаю, форма головки имѣетъ больше значенія.

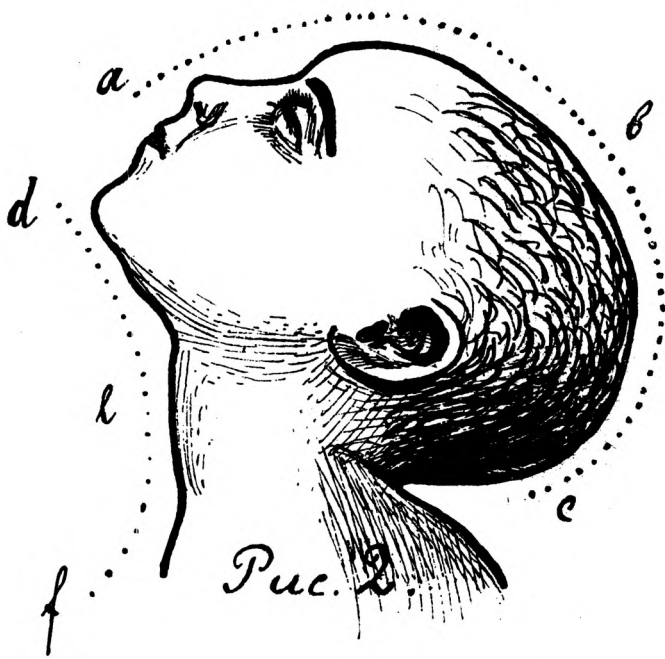
На основаніи всего изложеннаго мы можемъ теперь высказать слѣдующее общее положеніе: головка плода проходитъ легко чрезъ выходъ таза въ томъ случаѣ, если линія ея кривизны соотвѣтствуетъ кривизнѣ родоваго канала, въ противномъ случаѣ — прохожденіе головки затруднительно.

Этотъ принципъ можно считать доказаннымъ для затылочнаго положенія.

Распространеніе этого принципа на прочія категоріи установокъ головки будетъ предметомъ содержанія дальнѣйшихъ главъ моей работы.

Литературные источники.

1. А. Я. Крассовскій. Оперативное акушерство со включеніемъ ученія о неправильностяхъ женскаго таза. — СПБ., 1885. Изданіе 3-е.
2. Schroeder. Учебникъ акушерства. — Русское изданіе третье. СПБ., 1881.
3. Spiegelberg. Учебникъ акушерства. — 3-е русское изданіе. СПБ., 1887.
4. Н. Ф. Толочинъ. Учебникъ акушерства. — Изданіе книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ. Москва, 1898.
5. В. В. Сутугинъ. Необходимыя измѣненія въ ученіи о механизмѣ родовъ при предложеніяхъ затылкомъ. — Врачъ, 1886, № 2.
6. Вumm. Grundriss zum Studium der Geburtshülfe. — Wiesbaden, 1902. Руководство къ изученію акушерства. — Русское изданіе второе. СПБ., 1907.
7. Н. Н. Феноменовъ. Оперативное акушерство. — Изданіе 5-ое, стр. 255. СПБ., 1907.
8. Kaltenbach. Ueber die Bedeutung der fötalen Wirbelsäule für den Austrittsmechanismus. — Zeitschrift für Geburtshülfe und Gyn., Band XXI, S. 263.
9. Ostermann. Die Kardinalbewegung des Geburtsmechanismus. — Zeitschrift für Geburtshülfe und Gyn., Band XXIX, S. 199.
10. Ostermann. Zur mechanischen Begründung des Rotationsvorganges der Geburt. — Zentralblatt für Gyn., 1905, № 17. (Einige Bemerkungen zu dem Artikel: Die mechanische Begründung der Handlungsveränderungen und Stellungs Drehungen des Kindes unter der Geburt von Hugo Sellheim.)
11. Sellheim. Die mechanische Begründung der Handlungsveränderungen und Stellungs Drehungen des Kindes unter der Geburt. — Zentralblatt für Gyn., 1904, № 43.
12. Sellheim. Die Bedeutung der physikalischen Eigenschaften des Kindes für die Geburtsmechanik. — Zentralblatt für Gyn., 1905, № 23. (Antwort auf den Artikel von H. Ostermann, „Zur Begründung des Rotationsvorganges der Geburt“ in Nr. 17 d. Bl.)
13. Sellheim. Die Mechanik der Geburt. — Sammlung klinischer Vorträge. Neue Folge, № 421 (Gynäkologie № 156).
14. Stumpf. Der Mechanismus der Geburt. — Handbuch der Geburtshülfe von Winckel, Band I, S. 1028.

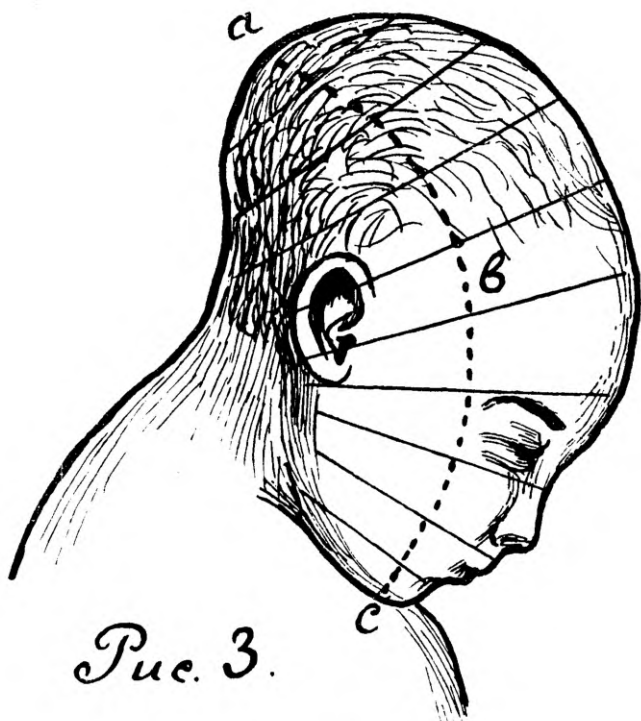

Рис. 3.

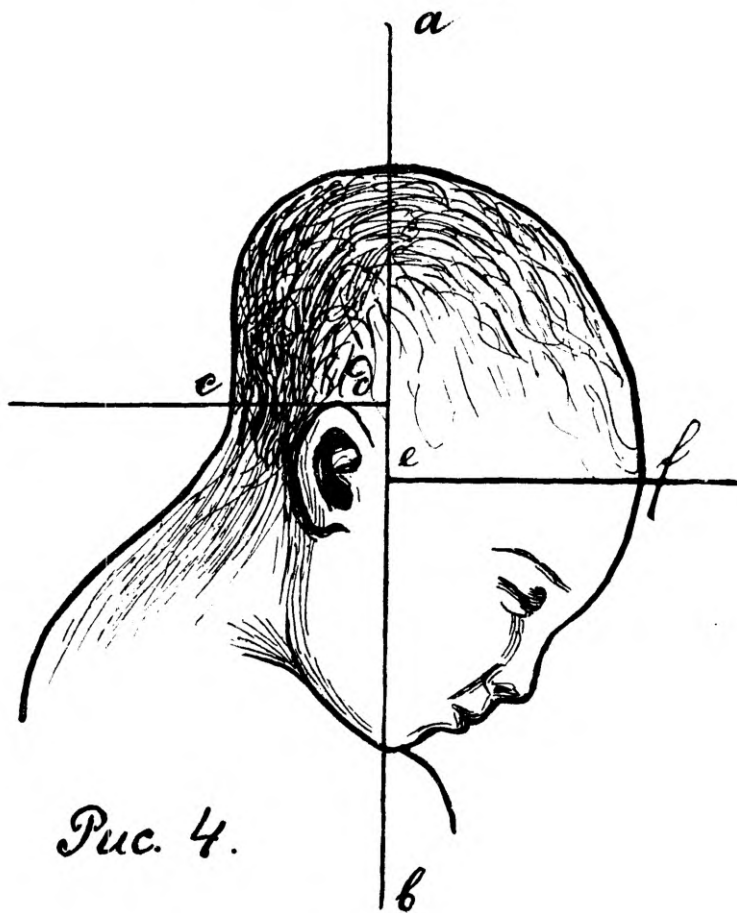
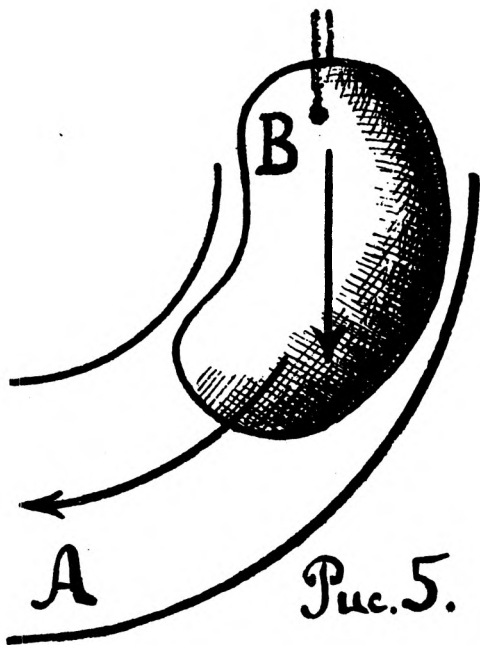
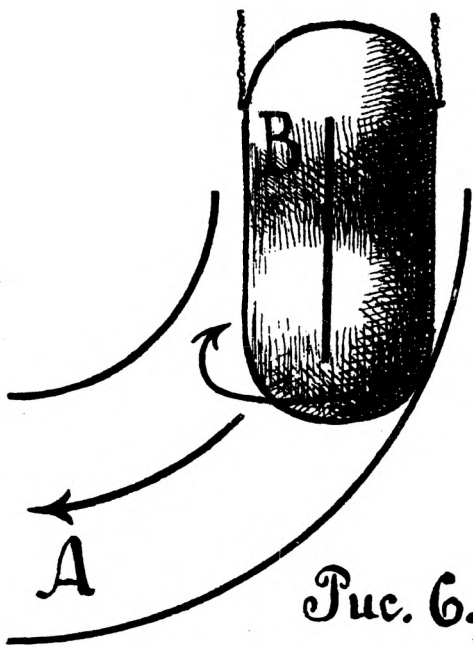

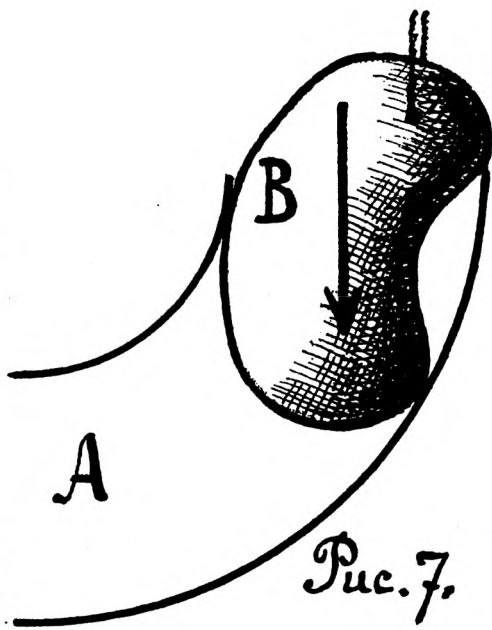
Рис. 4.

Puc. 5.

Puc. 6.

Puc. 7.

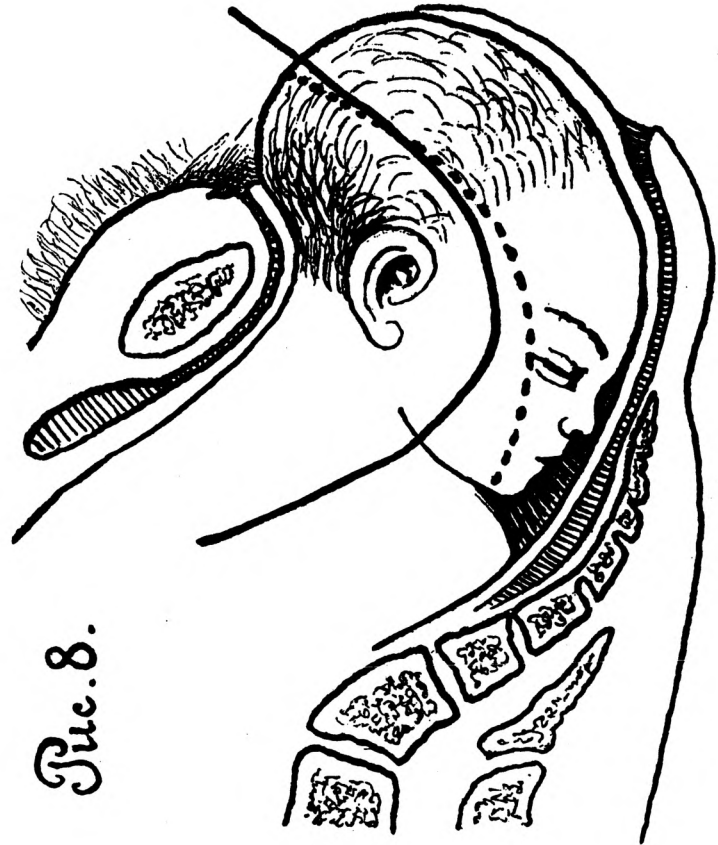

Fig. 8.

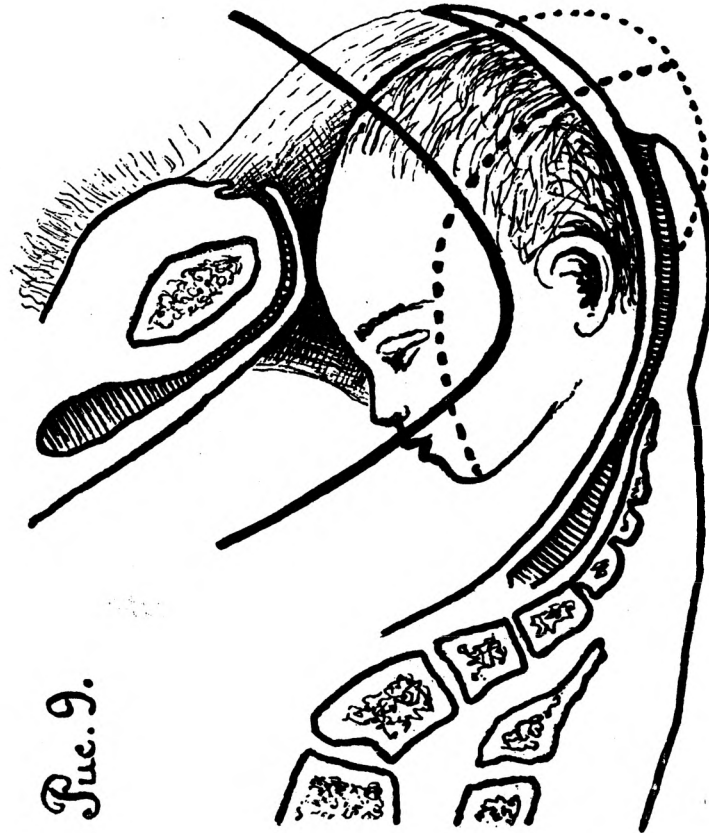

Fig. 9.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалію.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
